

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

**4
2017**

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Елишев С.О.
Субъекты процесса манипулятивного воздействия на современную российскую молодежь 3
- Кравченко А.И.
Построение категориального аппарата в социологии труда 15
- Миронова Ю.Г., Тырнова Н.А.
Интернет-знакомства как форма брачного выбора современной молодежи: социологический анализ 32
- Офицерова Д.А.
Социальная структура современного российского общества в работах Т.И. Заславской 36
- ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**
- Гадиева А.Н., Дзучев Х.В.
Общественное мнение населения Республики Северная Осетия-Алания о психологической помощи после теракта в Беслане 1-3 сентября 2004 года 43
- Сушко В.А.
Социальное сиротство в современной России 55
- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ**
- Акулич Е.М.
Социальные аспекты превращения хобби граждан в постоянный вид работы как фактор самодостаточности 64
- Гизатуллин А.А.
Управление конфликтами в контексте обеспечения устойчивого организационного развития 67
- Грачева О.Е.
Уровень жизни жителей Москвы в фокусе устойчивого развития 71
- Дроздов Д.И.
Цифровая экономика: будут ли удовлетворены интересы покупателей, производителей и продавцов? 76
- Жемерикин А.Б.
Социальные аспекты стратегического развития мегаполисов 80
- Комарова С.А.
Исследование состояния социальной мобильности и возможностей карьерного роста выпускников вузов и молодых специалистов г. Москвы 85
- Лейганович С.С.
Социальные аспекты устойчивого развития как фактор современного социального управления 91
- Сагитов С.Т.
Роль общественного мнения в процессе управления сферой культуры 100
- Поскачина Е.Н., Зудаева В.В.
К проблеме синонимического моделирования политического дискурса 106
- Хугаев Г.О.
Потребительское поведение в условиях экономического кризиса 111
- СОЦИОЛОГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ**
- Васягина Т.Н., Осипова Н.В.
Студенты как субъект гуманитарной оставляющей образования 115
- Иванова О.А., Сакович С.М., Казюлина Н.Н.
Противоречия между традициями и инновациями в системе высшего образования: социально-управленческий аспект 121
- Коузова Е.А., Солодкова М.И., Данельченко Т.А., Борченко И.Д.
Особенности формирования публичного доклада регионального органа управления образованием на примере Челябинской области 125

Макарова Р.П.

Социолингвистический аспект билингвизма в Республике Саха (Якутия): хронология развития 132

Муратова И.А.

Тестологическая грамотность, или что должен знать о тестировании каждый преподаватель иностранного языка 135

Синяговская М.Б., Аринушкина А.А.

Транспарентность образовательных систем и качество профессионального образования (на примере развития специальности «Автомехатроник») 139

Сокол Л.Н.

Ценностные ориентиры, формирующие привлекательность получения военной специальности в гражданском вузе (на примере вузов Дальнего Востока) 142

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Диннисламова С.С.

Образ Ленинграда в повести «На берегах Малой Юконды» М.П. Вахрушевой 147

Ернихова О.Д.

Вклад А.М. Обатина в хантыйскую филологию и фольклористику 152

Заморщикова Л.И., Дьяконова Е.С.

Информативно-концептуальная функция эпиграфа в романе «The House in Norham Gardens»

П. Лайви

..... 158

Николаева Е.А.

«Своё» пространство Н. Абгарян: к вопросу о специфике воплощения архетипа матери в современной литературе

..... 162

Дядюн С.Д.

Вербализация концепта «пространство» мифологических персонажей Тэрэм и Хинь (на материале хантыйской сказки)

..... 166

Каксина Е.Д.

Образ ветра в фольклоре казымских ханты

..... 173

Пригорина Н.К.

Риторическая аргументация как дискурсивная практика рекламной коммуникации

..... 180

Сат Н.Д.

Этика классической йоги в орбите

Л.Н. Толстого

..... 185

Шалыгина Н.В.

Проблемы нарушения границ телесности в родах

..... 190

Бажутова О.А.

Специфика социальной адаптации пожилых людей

..... 195

Путиловская Т.С.

Роль стратегической составляющей коммуникативной компетенции в обучении

академическому письму

..... 200

Измайлова Е.В.

Кибербуллинг как фактор риска суицидальных

тенденций в школьной среде

..... 211

Старикова Е.А.

В поисках истоков формирования социального сопровождения как социальной практики

..... 215

Судоргин О.А.

Функционирование Центра Российской ассоциации содействия ООН в МАДИ в контексте отечественной государственной информационной политики

..... 221

Абзалимов Р.Р., Козлов О.А.

Методологический потенциал андрагогического подхода в системе повышении квалификации

педагогических кадров

..... 226

Михайлов И.А.

Начала немецкой философской социологии: вклад В. Дильтея

..... 231

Харченко Н.Л.

Проблемы формирования готовности преподавателей иностранного языка к работе

в условиях инклюзивного обучения студентов

вузов

..... 241

Сизинцев П.В.

Формирование взглядов профессора психологи И.П. Четверикова на понятие «личность» и на понятие «абсолютная Личность»

..... 245

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Субъекты процесса манипулятивного воздействия на современную российскую молодёжь

Елишев С.О.

Изучение целенаправленного воздействия на молодёжь различных, не однозначных субъектов общественной жизнедеятельности, использующих её как объект манипуляций, а также одобрений на её политических, социально-психологических технологий и экспериментов является в настоящее время актуальным и перспективным направлением современных социологических исследований. В данной статье автором анализируется деятельность и описываются различные субъекты-акторы, оказывающие подобного рода деструктивное воздействие на современную российскую молодёжь. Это: отдельные личности; различные олигархические группы, «мировая закулиса», тайные структуры и общества; политические партии и движения, а также иные некоммерческие общественные объединения или организации; различные экстремистские и террористические организации; религиозные секты и деструктивные культуры; средства массовой информации и коммуникаций; иностранные государства (в лице своих спецслужб) и связанных с ними структур – международных организаций, НКО, СМИ и т.д.).

Ключевые слова: молодёжь, манипуляции, религиозные секты, средства массовой информации и коммуникаций, иностранные государства.

Elishov S.O.

Subjects of manipulative impact on modern Russian youth process
Study of purposeful impact on youth of various, not unambiguous subjects of public activity using its as subject to manipulations and also approbations on its political, social and psychological technologies and experiments, is the relevant and perspective direction of modern sociological researches. Activity is analyzed and various subjects actors are described, that making destructive impact of this sort on modern Russian youth That is: individuals; various oligarchical groups, «global backstage», secret structures and societies; political parties and movements and also other noncommercial public associations or organizations; various extremist and terrorist organizations; religious sects and destructive cults; mass media and communications; the foreign states (represented by the intelligence agencies and the related structures – the international organizations, NPO, media, etc.).

Keywords: youth, manipulations, religious sects, mass media and communications, foreign states.

Одним из важных и перспективных направлений в развитии современной российской социологии являются фундаментальные исследования молодёжной проблематики, и в первую очередь – особенностей процесса социализации российской молодёжи, его позитивные и негативные стороны.

Актуальность данной проблематики обусловлена как ролью молодёжи в жизнедеятельности современных обществ, различных социально-политических, экономических и духовных процессах, так и местом молодёжи в структуре современного социума. Молодёжь – это социально-демографическая группа (поколение людей в возрастном диапазоне от 14 до 30 лет), находящаяся в своём развитии на стадии становления и обретения социальной зрелости, а именно – процессе усвоения основных социальных ролей и функций, выбора жизненного пути, самоопределения, самоидентификации и осознания своих ценностей и интересов, своего места в мире. В силу этого положение молодёжи в обществе всегда было и будет нестабильным, переходным, обусловленным специфическими возрастными, социальными и психологическими характеристиками, а также историческими, социально-экономическими, политическими и ситуационными факторами.

Молодёжь является одной из самых слабо защищённых и уязвимых категорий населения, в силу отсутствия у значимой её части соответствующих знаний, опыта и экономической не-

зависимости. В данной связи она является привлекательным объектом для манипулятивного воздействия со стороны различных субъектов общественной жизнедеятельности.

По нашему мнению, весьма перспективным направлением социологических исследований в настоящее время могут также стать фундаментальные исследования молодёжной проблематики, и в первую очередь – особенностей процесса социализации современной российской молодёжи. В частности, изучения целенаправленного воздействия на молодёжь различных, не однозначных субъектов общественной жизнедеятельности, использующих её как объект манипуляций, а также апробаций на ней политических, социально-психологических технологий и экспериментов¹. Иными словами, речь идёт о часто встречающемся на практике использовании молодёжи в качестве привлекательного, малозатратного средства для достижения определённых своекорыстных целей. Например, для осуществления так называемых «цветных революций» на постсоветском пространстве, для экстремистских выступлений, для участия в деятельности деструктивных политических сил, религиозных сект и культов на территории Российской Федерации.

Изучение подобного рода негативной практики в жизнедеятельности современного российского общества является, на наш взгляд, весьма актуальным и перспективным направлением социологических исследований, проводимых с целью минимизировать влияние, выработать эффективные механизмы противодействия, пресекать подобного рода деструктивное воздействие на процесс социализации, воспитания и социальное развитие современной российской молодёжи.

Приступая к анализу процесса и многочисленных фактов манипулятивного воздействия на современную российскую молодёжь, по нашему мнению, прежде всего, следует четко обозначить круг субъектов-участников, оказывающих подобного рода воздействие на неё, чтобы затем охарактеризовать и исследовать их деструктивную деятельность.

В целом, можно выделить семь субъектов-акторов данных социально-политических процессов и действий, оказывающих негативное воздействие на процесс социализации современной российской молодёжи. Это могут быть:

1) отдельные личности; 2) различные олигархические группы, «мировая закулиса», тайные структуры и общества; 3) политические партии и движения, а также иные некоммерческие общественные объединения или организации; 4) различные экстремистские и террористические организации; 5) религиозные секты и деструктивные культуры; 6) средства массовой информации и коммуникаций; 7) иностранные государства (в лице своих спецслужб и связанных с ними структур – международных организаций, НКО, СМИ и т.д.).

Дадим краткую характеристику деятельности этих субъектов.

Отдельные личности. Личность государственного, религиозного, общественно-политического лидера и деятеля традиционно играет значимую роль в любом социально-политическом процессе, в том числе в процессе осуществления манипулятивного воздействия на российскую молодёжь, например, при попытках реализации очередного «цветного» революционного сценария или государственного переворота. Именно по призывам того или иного лидера или деятеля, молодёжь может выйти на улицы, протестуя, например, против «фальсификации» выборов или коррупции. И стать своеобразным «пушечным мясом» в независящем от них, рутинном социально-политическом, «революционном» процессе.

Различные олигархические группы, «мировая закулиса», тайные структуры и общества. Как показывает история, различные бюрократические, финансовые, партийные олигархии, олигархии тайных обществ и др., активно используют имеющиеся у них ресурсы (богатство, финансовые потоки, подконтрольные им средства массовой информации и коммуникаций, партийные структуры и общественные организации, влияние на государственных и политических деятелей, на различные структуры власти, сами государственные структуры и ресурсы), в том числе и для манипулятивного воздействия на молодёжь с целью достижения каких-то своих эгоистических целей и интересов. Например, для установления полного контроля над молодёжью (молодёжной средой) или же, для негативного восприятия молодёжью, в целом, позитивных процессов и явлений, дискредитации государственных, религиозных, общественно-политических лидеров,

деятелей и институтов (в частности, В.В. Путина, Русской Православной Церкви и Святейшего Патриарха Кирилла).

Политические партии и движения, а также иные некоммерческие общественные объединения или организации (или по другому – неправительственные организации). В условиях утверждения в настоящее время во многих странах мира системы олигархического капитализма (через систему парламентской демократии, в которой всё продаётся и покупается), политические партии и движения, фактически превращаются в своеобразные бизнес-проекты их функционеров (партийных олигархий) и спонсоров. Партийные же олигархии, для достижения своих целей не брезгуют прибегать ко всему спектру различных манипулятивных политтехнологий в отношении самых различных слоёв населения, в том числе и молодёжи. Это хорошо заметно во время избирательных кампаний. Пока идёт агитационный период избирательной кампании партийные функционеры, часто действуют в продвижении своих идей молодёжь, популистски обещают избирателям «манну небесную», а по закрытии избирательных участков, – забывают о них, занимаясь дележом мандатов и должностей. И так, от выборов до выборов.

Аналогичная ситуация возникает и с общественными объединениями и организациями. Как и политические партии и движения, общественные объединения и организации для осуществления своей жизнедеятельности и функций остро нуждаются в привлечении необходимых для этого денежных и иных материальных средств; а потому, неизбежно также превращаются в своеобразные бизнес-проекты их функционеров и спонсоров. В российских реалиях – зарубежных спонсоров, преследующих свои собственные интересы, отличные от национальных российских интересов. Различные же слои населения, в том числе молодёжь, для этих функционеров и спонсоров превращается в мобилизационный ресурс и средство для достижения поставленных целей, как и объект манипулятивного воздействия.

О.Н. Яницкий, например, анализируя специфику развития отечественных экологических общественных объединений и организаций, отмечает, что в 90-е годы XX века все они, чтобы выжить и продолжать далее функционировать

«за редким исключением, вынуждены были искать ресурсы и защиту на богатом и тогда стабильном Западе»². В результате чего основой благополучия этих общественных объединений и организаций стал «постоянный приток западных ресурсов в виде денег, оборудования и социальных технологий», сопряжённый с утратой независимости, духовного, творческого общества и перспективы, «а может быть, и смысла своего существования как специфического общества»³. Грантовзависимые экологические общественные объединения и организации, полностью подконтрольные международным финансовым организациям, как сетевые бизнес-проекты, часто используются и не по своему прямому назначению, провоцируя конфликтную ситуацию в обществе. Например, движение в защиту Химкинского леса от экологического лозунга «Отстоим Химкинский лес!» вскоре обратилось к политическим реалиям: «Мы все сегодня живём в Химкинском лесу!». И таких примеров множество.

Особую опасность в этом смысле часто представляют многочисленные НКО, выполняющие функции иностранных агентов⁴, часть из которых после всесторонней оценки их деятельности, с точки зрения угроз национальной безопасности, были признаны «нежелательными»⁵. Например, «Национальный фонд в поддержку демократии» (The National Endowment for Democracy), Институт Открытое Общество Фонд Содействия (OSI Assistance Foundation), Фонд Открытое общество (Open Society Foundation), «Американо-российский фонд по экономическому и правовому развитию» (U.S.-Russia Foundation for Economic Advancement and Rule of Law), «Национальный Демократический Институт Международных Отношений» (National Democratic Institute for International Affairs), Корпорация «Международный Республиканский Институт» (International Republican Institute), «Media development investment fund, Inc», «Open Russia Civic Movement», «Open Russia» (Общественное сетевое движение «Открытая Россия») (Великобритания) и др.⁶.

Как показали события на Украине, а также в целом ряде других государств, в которых англосаксонские спецслужбы и институты с успехом осуществили «цветные» революции, НКО являлись одним из значимых субъектов осуществления этих «революционных» процессов.

Финансируя деятельность различного рода НКО в этих странах, используя различные международные организации и фонды, англосаксы целинаправленно и методично осуществляли подготовку государственных переворотов (создавая базы, занимаясь обучением кадров, отрабатывая взаимодействие их между собой и репетируя их действия при запуске проекта осуществления государственного переворота).

Различные экстремистские и террористические организации. Следует отметить, что возникновение и функционирование таких организаций является, как правило, результатом целенаправленной деятельности наших геополитических недругов, т.е. воздействия внешних сил, стремящихся максимально дестабилизировать ситуацию в нашей стране для более успешной попытки осуществления «цветной революции» или государственного переворота в России.

Как верно подметил глава Следственного Комитета РФ А.И. Бастрыкин, указывая на очевидную взаимосвязь «экспорта демократий» с распространением экстремистских проявлений и терроризма:

«Вне всякого сомнения, информационно-идеологическое «оружие» будет применяться и дальше. Об этом свидетельствует увеличение расходов государственного бюджета США на программы так называемого развития институтов демократии в граничащих с Россией странах, а также в государствах Средней Азии. Истинный же смысл этих средств становится очевиден из названия самой статьи расхода, именуемой «противодействие российской агрессии через общественную дипломатию и программы внешней помощи, а также создание устойчивого правительства в Европе. Всего по этой статье на расходы в 2017 году выделено около \$4,3 млрд, из них около миллиарда пойдет на программы так называемой борьбы с коррупцией и поддержания демократического общества в соседних с Россией странах. Полученные же ранее в рамках этой программы деньги уже освоены различными общественными организациями под видом содействия образованию, развитию гражданского общества и другим внешне благим целям. Результатом этого стало разжигание антироссийских настроений в прилегающих к нашей стране государствах, формирование в России проамериканской и прозапад-

ной так называемой несистемной оппозиции, распространение межконфессионального и политического экстремизма внутри нашей страны»⁷.

Особую озабоченность в этом контексте вызывает проблема молодёжного экстремизма в современном российском обществе. А.И. Бастрыкин справедливо акцентирует внимание на том, «что именно молодежь рассматривается террористическими группировками в качестве естественного резерва»⁸. Хотя, на наш взгляд, здесь более уместно оперировать категорией «средство», «ресурс» или «пушечное мясо».

Молодёжный экстремизм, организационно наиболее зримо и резонансно получает своё воплощение в деятельности различных радикальных политических и религиозных организаций (политических партий, движений, религиозных организаций, общественных объединений, организаций), а также молодёжных сообществ и групп. К такого рода организациям относятся как «левые» (анархистские, коммуно-социалистические) и взаимодействующие с ними «либерально-демократические» (например, «Оборона»), так и «правые» (этнические и нацистские) политические структуры, а также религиозные организации.

В Российской Федерации наиболее одиозными «левыми» экстремистскими политическими структурами, деятельность которых запрещена или приостановлена, являлись: Национал-большевистская партия (НБП) и Общественное Объединение «Левый фронт». Определённую репутацию на этом поприще снискал также, не запрещенный леворадикальный «Авангард Красной молодёжи». К структурам «правого» политического спектра, деятельность которых опять же, запрещена или приостановлена, относились: Межрегиональное общественное движение «Славянский Союз», Международное общественное объединение «Национал-социалистическое общество» (НСО), Региональное общественное объединение «Национал-социалистическая рабочая партия России» (НСРПР), Межрегиональное объединение «Русский общенациональный союз» (РОНС), Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ), ряд отделений незарегистрированного Общероссийского общественно-патриотического движения «Русское национальное единство» (РНЕ) и другие. К религиозным экстремистским организациям, деятель-

ность которых запрещена или приостановлена, как уже было нами упомянуто, относились, например: религиозная группа «Благородный Орден Дьявола», Местная религиозная организация Свидетелей Иеговы «Таганрог», Местная религиозная организация Свидетелей Иеговы «Орел», Международное религиозное объединение «Таблиги Джамаат», Международная религиозная организация «Нурджулар», религиозная организация «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» с входящими в её структуру 395 местными религиозными организациями, и другие.

Среди большого количества официально незарегистрированных, неформальных молодёжных организаций, сетевых сообществ, групп экстремистской направленности, большую роль играет субкультурное движение скинхедов (бритоголовых). Внутри этого движения нет организационного, политического и идейного единства: оно разделено на множество группировок, находящихся друг с другом либо внейтральном состоянии, либо в состоянии открытой вражды. Речь здесь, идёт, прежде всего, о «наци-скинхедах» (неонацистах), скинхедах-«антифа» («антифашистах», поддерживаемых либерально-демократическими силами), «спортивных скинах» (футбольных фанатах) и других группировках.

Следует отметить, что исследуя молодёжные экстремистские организации, группы и соподобщества, различные исследователи в основном акцентируют внимание на деятельности нацистских группировок, спортивных фанатов, этнических экстремистских групп, религиозных сект и культов, забывая или сознательно игнорируя деятельность группировок и сообществ «антифа». Как справедливо отмечает С.В. Беликов в своей книге «Антифа. Молодёжный экстремизм в России»: «Можно отметить, что движение «антифа» не изучается и практически не упоминается в российских диссертационных исследованиях, хотя в последние годы оно стало встречаться в ряде студенческих авторефератов и дипломных работ, посвящённых молодёжным субкультурам и межнациональным отношениям»⁹.

Между тем, как показала имевшая место попытка осуществления в Российской Федерации очередного «цветного» революционного сценария, многие представители движения «ан-

тифа» активно участвовали в этих событиях. Представители данного движения часто используют в своей деятельности радикально-экстремистские методы, связанные с применением физического насилия и вандализма, а их идеология напрямую направлена на «дискредитацию действующей системы государственной власти, общественных норм и традиций»¹⁰. В частности «антифа» ратуют за легализацию наркотиков, половых извращений, бескомпромиссную борьбу с различными государственными и общественными институтами.

«С движением «Антифа» тесно связаны ряд деструктивных, радикальных групп, в той или иной степени разделяющих идеологию движения, но не являющихся «антифа» в полном смысле этого слова... Из числа этих групп можно назвать участников группы «Война» (как московскую, так и петербургскую группы), «Бомбили», участников группы «Пуси райт», а также ряд отдельных личностей, например известного российского «антифа» Артёма Лоскутова»¹¹.

Можно полностью согласится с выводом С.В. Беликова о том, что «понятие «антифашизма» всё чаще используется определённой группой лиц для оправдания своих противоправных, агрессивных деятельности практик и действий по распространению антиобщественной идеологии с элементами экстремизма»¹². Так что, недооценивать или игнорировать факт деятельности движения и субкультуры «антифа», конечно же, нельзя.

Для обретения и сохранения Российской Федерацией всей полноты государственного суверенитета, государственным органам необходимо взять под жесткий контроль деятельность всех НКО на территории РФ, на корню пресекая, как финансирование, так и деятельность НКО, задействованных в подготовке государственного переворота или дестабилизации обстановки в стране, пресекая финансирование экстремистских организаций, сообществ и групп. Лишившись материальной ресурсной базы они будут окончательно маргинализированы и обречены. От того, насколько эффективно это будет осуществляться, зависит в значительной степени благополучие нашего общества и государства.

Религиозные секты и деструктивные культуры. После падения тоталитарного режима на постсоветском пространстве и, в частности,

в Российской Федерации появилось большое количество неизвестных ранее в России религиозных сект, а также различных религиозных новообразований местного пошиба. Стремясь заполнить возникший духовный вакуум, все эти нетрадиционные для России религиозные организации (секты и культуры), часто политкорректно именуемые «новыми религиозными движениями», развернули активную деятельность, осуществляя пропаганду своих взглядов, прежде всего, среди молодёжи, как самой перспективной, активной, но в то же время неопытной, внушенной и уязвимой части общества.

Особую опасность среди различных сект и культов для современного российского общества и государства представляют тоталитарные секты и деструктивные культуры. К тоталитарным сектам относят «особые авторитарные организации, лидеры которых, стремясь к власти над своими последователями и к их эксплуатации, скрывают свои намерения под религиозными, политико-религиозными, психотерапевтическими, оздоровительными, образовательными, научно-познавательными, культурологическими и иными масками»¹³.

Деструктивный культ определяется как: «разновидность культа, разрушительного по отношению к естественному гармоническому состоянию личности: духовному, психическому и физическому (внутренняя деструктивность), а также разрушительного к созидающим традициям и нормам, сложившимся социальным структурам, культуре, порядку и обществу в целом (внешняя деструктивность)»¹⁴.

Среди российских религиоведов в настоящее время нет единого мнения по поводу численности приверженцев религиозных сект и новообразований в РФ, в том числе членов тоталитарных сект и деструктивных культов. Однако, все исследователи сходятся в том мнении, что значительный процент от общей численности членов данных религиозных организаций составляет молодёжь, которая является основным объектом миссионерской и пропагандистской деятельности со стороны подобного рода типов религиозных организаций.

Секты и новообразования занимаются энергичной вербовкой новых членов своих организаций с активным вовлечением их в жизнедеятельность этих религиозных общин. При этом используемые методики вербовки и привлече-

ния новых членов, отличаются большим разнообразием с учётом интересов и потребностей различных категорий людей.

Вербовка может осуществляться как на улице, в общественном транспорте или у вас дома, с раздачей соответствующей литературы и материалов, с последующим приглашением пройти психологические тестирования, посетить сектантские центры, выставки, семинары, тренинги, поучаствовать в организуемых сектой благотворительных и иных акциях (например, сборе подписей против распространения наркотиков), так и в обычных государственных и общественных учреждениях (например, в школах, ВУЗах, спортивных клубах и организациях), местах досугового времяпрепровождения молодёжи.

Часто, чтобы завлечь в свои ряды новых членов, секты и новообразования используют как приманку обещание трудоустройства в России на сектантских предприятиях, или заграницей на престижной и высокооплачиваемой работе, организуют бесплатные поездки за границу, бесплатные курсы иностранных языков и воскресные семинары для студентов. Кому-то обещают обретение духовного мира и спасения души, нормализацию отношений в семье и обретение друзей; кому-то — выздоровление и излечение от болезней, успех в бизнесе и материальное благополучие; других привлекают возможностью получения сверхспособностей и тайных знаний, бесплатного образования, повышением интеллектуального уровня, поступлением в престижные ВУЗы. В процессе вербовки сектанты осуществляют активное применение различных манипулятивных психо-социальных технологий, а также методов воздействия на сознание с акцентом на вербовку наиболее «подходящих» для сект и новообразований представителей молодёжи.

Тоталитарные секты и деструктивные культуры при осуществлении вербовки новых членов часто используют обман, скрывая от новичков информацию об организации и её доктрине, а также различные манипулятивные социальные и психологические технологии для осуществления полного контроля сознания «новообращённых» и «промывки мозгов».

Контроль над сознанием «новообращённых» подразумевает установление тотального контроля за их поведением, поступающей информацией, мышлением и эмоциями.

Адепты тоталитарных сект и деструктивных культов, в совокупности, используют все возможные способы контроля сознания и «промывки мозгов» своих членов, прежде всего, молодёжи; стремятся изолировать новых членов от общества и привычного окружения, создать у них чувство вины перед организацией и негативную оценку прошлой жизни и окружения, заставить их отказаться от своего прошлого, поэтапно формируя у них негативное мировосприятие и миросозерцание, создавая «образ врага» и соответствующую парадигму мышления. На «новообращённых» членов сект для принятия желаемого за действительное, оказывается групповое давление, с использованием различных методик, технологий и приёмов, тормозящих процессы мышления (монотонное скандирование, повторение мантр, гипноз и самогипноз, ограничения сна и питания, медитации, физические нагрузки и упражнения), приводящих к уходу от реальности и возникновению у «новичков» различных фобий, усталости и апатии. Параллельно с установлением контроля за языком, эмоциональным состоянием, процессом мышления и сознанием, регламентацией всех сфер жизнедеятельности новых членов, идёт активная пропаганда и внедрение в их сознание основных положений сектантской «вероучительной» доктрины. Целью и результатом подобного воздействия является подавление и трансформация личности члена тоталитарной секты в безвольный объект манипулятивного воздействия и фактического её раба, лишённого сил, финансовых, общественных ресурсов, неспособного самостоятельно принять решение о выходе из данной группы и организации.

Для современных тоталитарных сект и деструктивных культов также характерна разрешённость и праведность лжи, «двойная мораль» и «двойные стандарты». Их адепты полностью уверены, что цель оправдывает средства. Обращает на себя внимание и откровенно антисистемный, антипатриотичный, антиобщественный и антигосударственный характер воспитания молодёжи в значительном количестве сект и новообразований. Любовь к России, культурной традиции, вере своих предков, своей семье, активная и патриотичная гражданская позиция – являются неприемлемыми для целого ряда сект и новообразований, в особенности имеющих иностранные корни и финансирование.

Например, для признанной экстремистской организацией в РФ - религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России». Вступление в ту или иную секту или новообразование, в особенности в тоталитарную секту или деструктивный культ, часто закономерно приводит к разрыву и распаду семейных отношений, контактов с друзьями и «внешним» миром. «Человек, вступающий в ряды какой-либо секты или культа, более не ассоциирует себя со своей национальной общностью. Секта заменяет ему не только семью, но и народ, нацию, Родину. Происходит полное изменение человеческой личности, а в масштабе социальной группы или социума в целом – коренная цивилизационная трансформация»¹⁵.

Стремясь укорениться на российской почве секты и новообразования занимаются активной финансово-хозяйственной деятельностью, приобретая различные объекты недвижимости, предприятия, широко используя в своих целях СМИ, вербую сторонников и лоббируя свои интересы в государственных и общественных органах различного уровня. При этом деятельность сектантских религиозных объединений и организаций, иностранного происхождения, как и многих других НКО, не может осуществляться без масштабных финансовых влияний от каких-либо спонсоров, прежде всего, без активных финансовых вливаний «извне». Как показывает опыт, «Без поддержки «извне» секта никогда не выйдет на всероссийский уровень, не сможет охватить десятки тысяч адептов»¹⁶.

Большую обеспокоенность среди экспертов вызывает активное проникновение сект и новообразований в школы и ВУЗы страны, систему здравоохранения и социальной защиты, реабилитационные центры, закрытые режимные объекты, предприятия, НИИ. Ведь нет никакой гарантии, что занимаясь вербовкой новых членов и сбором информации о своих членах и их деятельности, данные организации не занимаются параллельно осуществлением разведывательной деятельности в интересах других держав – geopolитических противников России, а также подготовкой очередной «цветной» революции или кадров для экстремистских и террористических организаций. Ведь не секрет, что религиозные секты и культуры часто являются своеобразными проектами спецслужб, используют методики работы спецслужб, возглавляются

бывшими и как бы «бывшими» сотрудниками спецслужб. Они активно используются спецслужбами иностранных государств для сбора разведывательной информации, операций по дестабилизации обстановки в стране, осуществлению различных рукотворных «революционных» сценариев и государственных переворотов. Например, директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков В.П. Иванов в декабре 2014 года в одном из своих интервью фактически напрямую говорил о значимой роли тоталитарных сект в осуществлении государственного переворота на Украине в 2014 году¹⁷.

Как справедливо отмечает И. Полонский «практически все секты иностранного происхождения представляют собой «агентов иностранного влияния» на территории России, с дисциплинированной и готовой на выполнение любых поручений своего руководства паствой. Известно, что во время Евромайдана на Украине достаточно внушительная часть собравшихся на площади демонстрантов была представлена, в том числе, и сектантами. Секты американского происхождения по приказу своего центрально-го руководства за океаном вывели на улицы украинской столицы своих сторонников. Да, это не были боевики, подобные «Правому сектору», но большое количество женщин и молодых людей, имитировавших «мирный характер протеста», было представлено как раз сектантами»¹⁸.

Деятельность ряда религиозных сект и новообразований носит откровенно экстремистский и террористический характер, и они оказывают явно негативное влияние на молодёжь. Иными словами, тоталитарные секты, деструктивные культуры, западно-ориентированные религиозные организации представляют в настоящее время одну из реальных угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Средства массовой информации и коммуникаций. В современном мире средства массовой информации и коммуникаций кардинальным образом влияют фактически на все сферы жизнедеятельности общества. Именно СМИ осуществляют интенсивную обработку общественного мнения, занимаются его формированием, распространяют, популяризируют образцы, стили, нормы поведения, моделируют и внедряют в массовое сознание образ ре-

альности, к которому необходимо стремиться.

«Деятельность СМИ оказывает исключительно большое влияние на жизнь общества в целом, на социально-психологический и нравственный облик каждого из членов этого общества, потому что всякая новая информация, поступающая по каналам СМИ, соответствующим образом стереотипизирована и несет в себе многократно повторяемые политические ориентации и ценностные установки, которые закрепляются в сознании людей»¹⁹.

Особое воздействие СМИ и коммуникаций оказывают на молодёжь. Усвоение информации, полученной посредством СМИ, у детей и молодёжи в настоящее время происходит подчас лучше и быстрее, чем усвоение информации, полученной в семье, школе и других институтах социализации. Семейное и религиозное воспитание, школьное и вузовское образование и воспитание носят в большей степени индивидуальный характер, а их эффективность является отсроченной во времени.

Роль СМИ в процессе социализации и формирования ценностных ориентаций молодёжи бывает различной, нося как позитивный, так и негативный характер. По мнению большинства авторов, оценивающих воздействие СМИ на современную российскую молодёжь, в деятельности СМИ по социализации и формированию традиционных позитивных ценностных ориентаций молодёжи пока преобладают в большей степени негативные моменты, связанные с фактическим самоустраниением государства из сферы регулирования деятельности СМИ.

В настоящее время государство перестало заниматься корректирующей пропагандой посредством СМИ традиционных духовно-нравственных ценностей нашего общества, а значит и формированием традиционных духовно-нравственных систем ценностных ориентаций у молодёжи. В отсутствии цензуры и четко проводимой политики, направленной на передачу молодому поколению традиционных ценностей и образа жизни нашего общества, российские СМИ в большей степени осуществляют непрерывную пропаганду западного образа жизни, стандартов массовой культуры и потребления, разврата и насилия. И с этим надо что-то делать.

Как показывает опыт, средства массовой информации и коммуникаций осуществляют

эффективное воздействие на общественное, индивидуальное и групповое сознание. Они являются собой один из самых важных инструментов социально-политических процессов, а также являются эффективным средством формирования общественного мнения и манипулятивного воздействия на массовое сознание. Состоя на службе у различных политических сил (ведь тот, кто финансирует СМИ, тот и определяет их «политику») СМИ могут одновременно оказывать как позитивное, так и негативное воздействие на общество. Они могут просвещать, а могут и дезинформировать; могут способствовать формированию полноценной личности гражданина, а могут сформировать из него эгоиста-«потребителя», чужого интересам нации, общества, государства.

В условиях активно ведущейся против России санкционной и информационной войны, роль средств массовой информации и коммуникаций приобретает особое значение. Как показал опыт «холодной войны» (которую некоторые исследователи именуют войной информационной), как раз советская молодёжь и являлась основным объектом информационно-психологического воздействия, жертвой западной пропаганды. И в осуществлении пропагандистского воздействия на неё, продвижения ценностей американского образа жизни, наш противник по ходу её достиг значимых успехов. Цель информационных кампаний, организуемых как зарубежными, так и рядом отечественных СМИ и коммуникаций, в настоящее время состоит в том, чтобы не допустить только начавшегося возрождения России, возвращения её к своим традиционным духовным корням и истокам. Стремясь сформировать у представителей молодого поколения антисистемное, негативное мировосприятие и отношение к собственной национальной истории, религии, своим обычаям и традициям, они занимаются активным манипулятивным воздействием на сознание современной российской молодёжи, стараясь сделать из них русофобов, профессиональных деструкторов и разрушителей России.

Огромную роль СМИ и коммуникации играют в процессе осуществления «цветных» революций, выступая не только как средство пропаганды и манипулятивного воздействия на различные слои населения, в том числе и на молодёжь, но и как средство оповещения и мобили-

зации её для создания «революционных толп» и запуска уличного сценария государственного переворота. Ярким примером успешной деятельности в этом направлении является Украина, в которой ещё до начала реализации «цветных» революционных сценариев 2004 и 2013-2014 годов, почти вся система центральных, региональных и местных СМИ, оказалась под контролем как ангlosаксонским державам, так и их ставленникам. При начале реализации этих «революционных» сценариев, эти СМИ дружно оказывали активную информационную поддержку осуществлению государственного переворота, ведя информационные кампании по дискредитации правительства, манипулируя сознанием населения, мобилизуя «массы» на борьбу с режимом, создавая преграды контрдействиям проправительственных СМИ.

Подобного рода деятельность активно велась (и до сих пор ведётся) на территории Российской Федерации, через различные международные фонды, организации и НКО, из которых только небольшая часть к настоящему времени занесена в реестр НКО, выполняющих функции иностранных агентов. Надо понимать, что подобного рода деятельность направлена на подрыв государственного суверенитета РФ в информационной сфере, а потому недооценивать подобного рода угрозы не стоит.

Иностранные государства (в лице спецслужб и связанных с ними структур – международных организаций, НКО, СМИ и т.д.). Иностранные государства, как показывает мировая история, является одним из самых важных субъектов процесса манипулятивного воздействия на молодёжь в той или иной стране, в том числе и в России. Обладая значимыми ресурсами и возможностями, оно стремится дестабилизировать ситуацию в стране-конкуренте посредством поддержки и финансирования оппозиционных, экстремистских, террористических, сепаратистских движений и организаций, религиозных сект и культов, СМИ и коммуникаций, различных субъектов «революционных» процессов и государственных переворотов. Руками своих спецслужб и связанных с ними структур, иностранные государства создают хорошо законспирированную разветвлённую агентурную сеть, вербя агентов и агентов влияния, организует осуществление государственных переворотов и революций; ведёт

информационную войну против свергаемого режима, активно поддерживает в информационном поле и финансирует деятельность различных деструктивных субъектов общественной жизнедеятельности. Для достижения поставленных целей оно может действовать самые разные структуры и институты. Например, спецслужбы, банки и финансовые учреждения, собственные, международные НКО, религиозные организации, СМИ и коммуникации, различные международные структуры и научно-исследовательские центры и институты.

Посредством пропаганды и иного рода воздействия иностранное государство стремится превратить молодёжь страны – своего геополитического конкурента в движущую и деструктивную силу по дестабилизации обстановки в ней. Именно на волне молодёжного протesta, при активной поддержке извне, как правило, и играются «цветные» революционные спектакли.

Невежество, тщеславие, самоуверенность молодёжи, часто воплощаемые в категоричных суждениях и «чёрно-белом» видении мира, на полную катушку используются социоинженерами и политтехнологами для осуществления манипулятивных действий в её отношении. Задействовав лесть и играя на этих свойствах, манипуляторы (как внешние, так и внутренние) добиваются от молодёжи нужных им действий, восприятия и мышления. Различные молодёжные субкультуры, контркультуры, формальные или неформальные объединения, группы или отдельные личности, при определённом воздействии на них СМИ и коммуникаций, а также применении самых простых технологий (вроде флэшмобов, концертов и подобного рода акций), становятся полностью подконтрольными организаторам различных социальных и политических проектов. В том числе и «революционных», с целью привода к власти своих ставленников. Яркий пример этому – события во Франции в 1968 году.

В 1968 году англосаксонские спецслужбы провели во Франции операцию по организации очередной «современной» революции с целью свержения неподконтрольного англосаксонским элитам французского президента Шарль де Голля. Причины этого были вполне прозрачны. Шарль де Голль, как истинный национальный лидер и герой Франции, последовательно проводил политику, направленную на обретение

Францией всей полноты государственного суверенитета. Он наладил дружеские отношения с Советским Союзом, добился выхода Франции из блока НАТО, т.е. способствовал осуществлению Францией курса независимой внешней политики и обретения дипломатического суверенитета. В 1967 году, чуть было не обрушил всю англосаксонскую систему мировой экономической гегемонии, заставив англосаксов поменять имеющиеся у Франции долларовые запасы на золото, что явно было направлено на обретение Францией всей полноты экономического суверенитета. Естественно, англосаксы, этого ему простить не могли и запустили реализацию очередного революционного спектакля, движущей силой которого явились французские студенты.

Многих французских и иностранных журналистов и наблюдателей, не имеющих представления о технологиях осуществления англосаксами экспорта революций, в буквальном смысле этого слова, поражали те лозунги, под которыми французские студенты вышли свергать Шарля де Голя. Да и студенты сами не понимали и не могли связно объяснить чего они хотят. Они скандировали лозунги и несли транспаранты: «Запрещается запрещать!», «Забудь всё, чему тебя учили - начни мечтать!», «Анархия - это я», «Распахните окна ваших сердец!», «Нет экзаменам!», «Всё хорошо: дважды два уже не четыре», «Оргазм - здесь и сейчас!», «Всё - и немедленно!», «Границы - это репрессии», «Освобождение человека должно быть тотальным, либо его не будет совсем», «Вы устарели, профессора!», «Революцию не делают в галстуках», «Старый крот истории наконец вылез - в Сорbonne (телеграмма от доктора Маркса)», «Университеты - студентам, заводы - рабочим, радио - журналистам, власть - всем!» и другие.

Студентам доставляло удовольствие участвовать в различного рода многолюдных, уличных «действиях». Несанкционированные акции быстро выродились в массовые и хорошо организованные беспорядки, а молодые французы приложили все силы, не понимая, что творят и кто ими руководит, к свержению и отставке своего национального героя и лидера. Ситуация во Франции оказалась полностью дестабилизована, что сказалось на результатах апрельского референдума 1969 года после которого де Голль ушёл в отставку. Как только Шарль де

Гольь ушёл в отставку, молодежный бунт завершился. Французская молодёжь осталась ни с чем.

Привыкнув принимать участие в «тусовке», безобидных флэш-мобах, различных молодёжных акциях, молодой человек не осознает, не замечает и, уж, конечно же, будет отрицать, что его фактически уже давно используют их организаторы, часто только в им понятных целях. Поэтому, получив соответствующие СМС-сообщения или сообщения в социальных сетях, многие из них пойдут, не задумываясь и не осознавая сути происходящего, принимать участие в новых акциях, которые могут принять характер мероприятий, вроде «акций» на «Чистых прудах» и «Болотной площади». Именно такого рода технологии часто и используются для организации «цветных» и «твиттерных» революций. Как видно, ничего принципиально нового, со времён операции по свержению Шарля де Голля в результате студенческих волнений 1968 года, за исключением технических средств и методов, социоинженерами и спецслужбами изобретено не было.

При помощи различных политтехнологий, молодёжь, как необходимый мобилизационный ресурс для создания революционной массы, часто организуется в форме сетевых сообществ и неформальных молодёжных движений, по команде-призыву, выглаживающимися на улицы. Главная задача здесь для политтехнологов и организаторов революционных спектаклей – вовремя парализовать государственные и правительственные структуры и, не допустить поддержки свергаемого правительства со стороны потенциально поддерживающих его слоёв населения (ведь революционная толпа в процентном соотношении к населению страны представляет собой подавляющее меньшинство). В случае, если же что-то пойдёт не по сценарию, молодёжь используют, как «пушечное мясо» и «жертву кровавого режима», откладывая само свержение режима «до следующего раза».

Иными словами, в современных революционных процессах, являющимися в подавляющем большинстве своём не «классическими» революциями, а операциями спецслужб и различных структур по смене власти в той или иной стране, молодёжь является объектом и жертвой манипулятивного воздействия и политтехнологий со стороны организаторов подобных рево-

люционных спектаклей. И не о каком процессе политической социализации речь здесь, конечно же, не идёт. Если кому-то нужны великие потрясения, то для российской молодёжи более актуальным является вопрос возрождения российской государственности и основ существования гражданского общества, а вместе с этим и преодоление кризиса, который переживают в настоящее время большинство институтов социализации молодёжи. Лимит на революционные потрясения мы исчерпали в XX веке, а потому использованию молодёжи в различных революционных сценариях надо всячески противодействовать и на корню пресекать какие-либо действия в этом направлении.

Исследование же манипулятивного воздействия на современную российскую молодёжь обозначенных нами субъектов-акторов этого деструктивного процесса должно быть продолжено и стать знаковым и перспективным направлением социологических исследований молодёжной проблематики.

Ссылки:

1 См.: Елишев С.О. Молодёжь как объект социализации и манипуляций (2-е издание с изменениями и дополнениями). М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2015.

2 Яницкий О.Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый хронограф, 2013. С. 84

3 Там же. С. 85-86.

4 Федеральный Закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 N 7-ФЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/. (Дата обращения 27.10.2017 г.).

5 Федеральный Закон от 28 декабря 2012 года N 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139994/a2a2c3de18de17987c273111214cd45393805c36/. (Дата обращения 27.10.2017 г.).

6 Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. Официальный

сайт Министерства Юстиции РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minjust.ru/activity/nko/unwanted>. (Дата обращения 27.10.2017 г.).

7 *Бастрыкин А.И.* Пора поставить действенный заслон информационной войне// Официальный сайт Следственного Комитета РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sledcom.ru/press/interview/item/1030737>. (дата обращения 28.08.2016 г.).

8 Там же. Официальный сайт Следственного Комитета РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sledcom.ru/press/interview/item/1030737>. (дата обращения 28.08.2016 г.).

9 *Беликов С.В.* Антифа. Молодёжный экстремизм в России. М.: Алгоритм, 2012. С. 137.

10 Там же. С. 225.

11 Там же. С. 161.

12 Там же. С. 225.

13 *Дворкин А.Л.* Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород: Издательство Христианская библиотека, 2012. С. 44.

14 *Хвыля-Олинтер. А.И., Лукьянов С.А.* Опасные тоталитарные формы религиозных сект. М., 1996. С. 4.

15 *Полонский И.* Секты как угроза национальной безопасности России. Военное обозре-

ние. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://topwar.ru/82297-sekty-kak-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii.html>. (дата обращения 29.10.2017 г.).

16 *Полонский И.* Секты как угроза национальной безопасности России. Военное обозрение. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://topwar.ru/82297-sekty-kak-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii.html>. (дата обращения 29.10.2017 г.).

17 См.: ФСКН: сектанты активизировались на Украине на фоне наркомании. РИА Новости. Россия Сегодня. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20141212/1037880379.html>. (дата обращения 29.10.2017 г.).

18 *Полонский И.* Секты как угроза национальной безопасности России. Военное обозрение. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://topwar.ru/82297-sekty-kak-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii.html>. (дата обращения 29.10.2017 г.).

19 *Каграмян Н.* Место и роль СМИ в общественной жизни государства // Экономические стратегии. 2006. №8. С. 176.

Построение категориального аппарата в социологии труда

Кравченко А.И.

В статье дан анализ исходных категорий социологии труда: труд вообще, абстрактный и конкретный труд, характер и содержание труда, средства труда и др. Выделены пять относительно автономных категориальных подмножества абстрактно-всебоющей категории «труд вообще». Рассматривается аутентичность метода восхождения для построения теоретического аппарата социологии труда. Автор приходит к выводу, что категориального строя в социологии труда должен строиться не через дедуктивно-логическое выведение, а методом «внутреннего роста».

Ключевые слова: категориальное знание, социология труда, абстрактный и конкретный труд, метод восхождения.

Kravchenko A.I.

Creation of the categorial device in work sociology
In article the analysis of initial categories of sociology of work is given: work in general, abstract and concrete work, character and content of work, means of labor, etc. Five rather autonomous categorial subsets of abstract and general category "work in general" are allocated. The authenticity of a method of ascension for creation of the theoretical device of sociology of work is considered. The author comes to a conclusion that categorial system in sociology of work has to be under construction not through deductive and logical removal, and by method of "the internal growth".

Keywords: categorial knowledge, work sociology, abstract and concrete work, ascension method.

Категории как предельные абстракции существуют во всех областях знания, включая естественные, технические, социальные и гуманистические дисциплины. Пространство и время, человек и общество, труд и потребление, воспитание и социализация... Составляя своего рода прародительскую основу научного знания, категории за тысячи лет своего существования в человеческой культуре постоянно обогащались новыми смыслами, содержанием и ассоциациями. Но мы знаем, что в научном познании, где требуется строгость, точность и узкая специализация, такого рода универсальные и сверхинформационные элементы языка не всегда могут сослужить добрую службу. Дело в том, что процесс операционализации понятий – сведение их к системе конкретных признаков, индикаторов и эмпирических референтов – представляет собой обратную процедуру «раздевания», освобождения категорий от излишних культурных наслойений. Ученому приходится проделывать дополнительный труд, чтобы категории превратить в понятия, а затем в технические термины. Собственно в такой роли когда-то, скажем в античности, категории и возникали.

Особенно полюбила категориальный уровень мышления марксистская философия. Причины понятны. Сегодня мы стараемся освободиться от идеологического груза прошлого, считая, что с марксизмом мы навсегда покончили и возвращаться к нему не собираемся. Думается, что чрезмерный оптимизм и поспешность еще никогда

не приносили пользы. В то время как на второй родине Маркса – таковой я считаю СССР – поспешно расстаются с его идеологическим наследием, в других странах мира наблюдается заметное оживление интереса к нему. Уже можно слышать о начале очередного, четвертого по счету, ренессанса Маркса. Может быть, мы и вправду рановато расстаемся с его теоретико-методологическим наследием, если учесть, что в годы советской власти его полноценно изучали единицы, а подавляющее большинство ограничивалось весьма ущербной, истматовской, версией.

Итак, чем может быть полезен и поучителен метод познания Маркса в наши дни? Что ценного мы упустили или не разглядели в нем? Я постараюсь дать ответ, хотя он будет весьма неполным и лишь на конкретном примере – построении политэкономического категориального аппарата, который использовался также в социологии труда.

Диалектический метод и философские категории выступали краеугольным камнем марксистской философии, ее теоретическим и методологическим. «Будучи отражены в общественном сознании, – полагает Э.В. Ильенков, – в духовной культуре человечества, они (категории - А.К.) выступают в роли активных логических форм работы мышления, а логика представляет собой систематически-теоретическое изображение универсальных схем, форм и законов развития природы, и общества, и самого мышления» [5, с. 202]. В марксизме не существовало логики в отрыве от диалектики, а диалектики – в отрыве от теории познания.

Обратим внимание на то, что позитивистски понятый идеал роста научного знания предполагает последовательное, логически обоснованное выведение частных понятий из общих и только в конце этого движения – опытную проверку. Напротив, марксистская социологическая теория требовала, чтобы на каждом уровне знания происходило соотнесение с действительностью. Процедура соотнесения предполагала поиск эмпирической референции, специфической для каждого уровня познания. На уровне всеобщего правильность общественных законов проверяется всей исторической практикой человечества. А на уровне единичного достоверность наших знаний верифицируется отдельными примерами, локальным опытом. Проверить закон перерастания социалистического

труда в коммунистической, по правилам такой референции, нельзя на опыте одной страны. Тем более к нему невозможно подобрать систему эмпирических референтов, уместных для конкретного социологического исследования на предприятии или в регионе.

Категории, как элементы базисного знания, выступают в роли своеобразных методологических принципов по отношению к частно-теоретическому уровню знания, включающему понятия и термины. Это вполне правдоподобно, поскольку категории, во-первых, являются знанием существенным и всеобщим, т.е. воплощают в себе богатство особенного, индивидуального и отдельного, во-вторых, родовым понятием, а родовое понятие, согласно принципам диалектики, есть закон [3, с. 480].

Абстрактный и конкретный труд, характер и содержание труда, являясь, прежде всего, философскими понятиями, приобретают в соответствующих науках политэкономическую и социологическую интерпретацию. В политической экономии категория абстрактного труда конкретизируется через совокупность специфических частно-теоретических понятий: субстанция стоимости, рабочее время, общественно необходимый труд. В социологии же данная категория конкретизируется через совокупность иных понятий, например, обединение содержания работы, степень ее монотонности и однобразия, одностороннее развитие личности в условиях узкоспециализированного труда и т.д. То же самое справедливо и для других категорий труда. Так, например, категория труд вообще, или простой процесс труда, которая присуща всем общественно-экономическим формациям, раскрывается через систему таких понятий, как организация и условия труда, предмет, средства, методы и субъект труда [3, с. 480].

Свою роль объяснительного принципа социологическая категория выполняет таким образом, что через соотнесение с ней частно-теоретические понятия приобретают новые определения, раскрывают неизвестные стороны. Так, «частичный труд» раскрывается через обращение не только к таким же по уровню обобщения понятиям «механизация и автоматизация труда», но и к более высоким категориям (абстрактный труд, разделение труда, его содержание). Присущая категории многозначность смысла, – благодаря тому, что она отражает единство

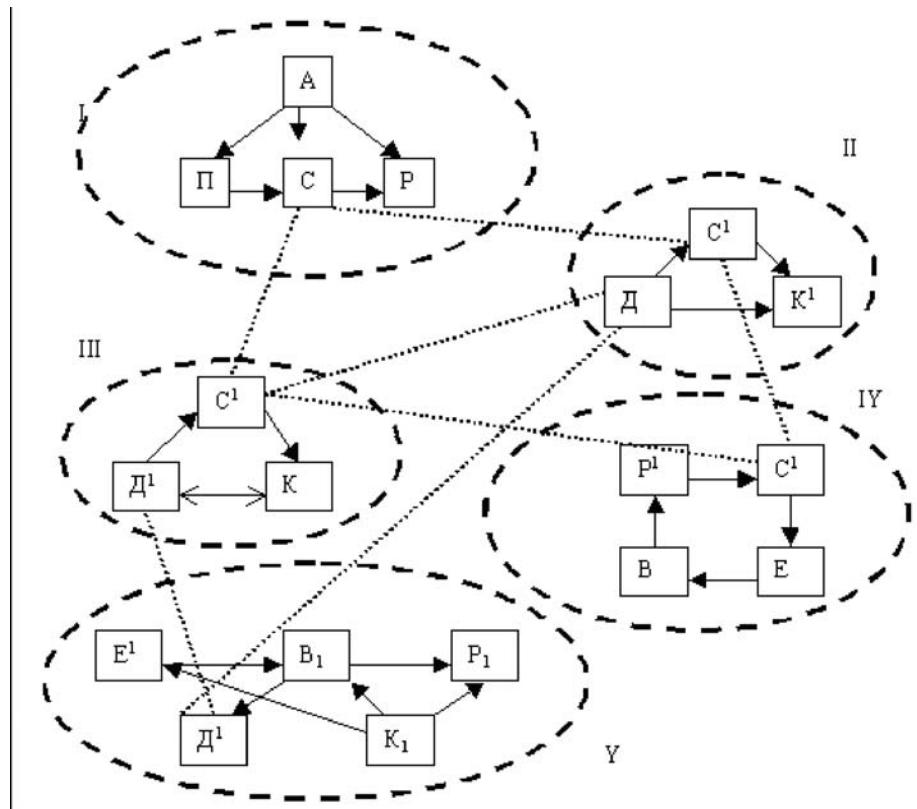

Рис. 1. Схема категориального построения предмета социологической теории труда.

субъективной и объективной диалектики, – позволяет обнаружить новые тенденции, по-новому понять тот же частичный труд, наделив его некоторыми из признаков, входящих в определение категории «абстрактный труд». В результате такого восхождения частичный труд понимается как од посторонний, незавершенный, абстрактный труд [3, с. 481].

В одном ряду с вопросом логического обоснования системы категорий находится проблема построения ее структуры. Стоит вспомнить, что, например, В.И. Ленин [9, с. 165] и И. Кант [6, с. 680] сравнивали диалектический метод с развитием живого организма. Вряд ли это можно посчитать простой аллегорией или научной метафорой. Речь идет о том, чтобы как можно более точно определить суть дела. Создание системы познания методом «внутреннего роста» (как у организма а) предполагает, по Канту, что в иерархии понятий и категорий (например,

в системе категорий рассудка), низшая ступень не подразумевает высшую, исходная категория не включает в себя содержание последующей категории и ничего о ней на говорит, но зато связано ной и с другими частями системы через единство целого, понимание системы как синтеза подразумевает, что в новом, более высоком его акте «предыдущая ступень приобретает новую специфику, становится частью нового целого и с необходимостью подразумевает его» [14, с. 83]. Синтетическое восхождение к тому, что прежде было дано аналитически, предполагает, что построение системы категорий происходит за счет внутренних резервов, т.е. но присоединения новых элементов, а за счет того, что каждый из них «без изменения пропорции становится более сильным и более приспособленным к своим целям» [14, с. 85].

Что дает для понимания категориального аппарата, – а, стало быть, и для построения

теоретической модели ее предмета, — социологии труда такое понимание научного метода? Архитектоника категориального строя социологическо-философского знания раскрывается не через простое дедуктивно-логическое выведение менее общего из более общего. В этом случае невольно подразумевается, что в более конкретной системе категорий не должны присутствовать понятия более высокого уровня обобщения. Иными словами, каждая система категорий в общей иерархии считается внутренне гомогенной, однопорядковой. Но диалектический метод Канта (и в этом он сходен с основными принципами марксистской диалектики) говорит совсем о другом: каждая ступень познания (по мере движения и углубления в сущность явления), или система категорий различного уровня обобщения, во-первых, относительно автономна, т.е. аналитически содержательна, и, во-вторых, внутренне гетерогенна. Наглядно эту ситуацию можно изобразить следующим образом (см. рис. 1).

Дадим необходимые пояснения к представленной на рис. 1 условной схеме принципа организации и связи категорий в социологии труда. Исходная категориальная система I представляет абстрактно-всеобщую категорию «труд вообще», т.е. своеобразную «клеточку» всей схемы. При логическом анализе (полностью он будет представлен в дальнейшем) этой «клеточки» (на рис. 1 изображена символом A) она распадается на «простые» (аналитически простые) элементы: предмет (Π), средства (C) и продукт (P) труда. Все теоретические связи, которые существуют между этими, в данном случае, абстрактными объектами, образуют относительно замкнутое целое — категориальное подмножество 1.

Если мы предпримем дальнейший анализ исходной категориальной систем, то обнаружится, что, например категория «средства труда» способна образовать два новых категориальных подмножества (II и III). Система II представляет новую категорию «способ соединения работника со средствами производства». Вряд ли можно однозначно заключить, является ли она менее или более общим подмножеством, чем система I. В одном отношении она, несомненно, более общая, так как способ производства различает одну социально-экономическую формуацию от другой, т.е. играет в историчес-

ком процессе сквозную, всеобщую роль. Да и сама категория «средства производства» богаче по содержанию, чем категория «средства труда». С другой стороны, новая система II менее общая, так как в целом «труд вообще» присущ любой общественной формации и поэтому в качественном отношении их не дифференцирует. Такой как бы двойственный статус выражен тем, что C' (C с надстрочным знаком) выражает более общее понятие, чем C без штриха, но графически система II расположена на рис. 1 чуть ниже системы I.

Категориальная система III также образована на основе понятия «средства труда», которое в данном случае является теоретически менее общим понятием и поэтому выражено через C_1 (C с подстрочным знаком). Новое подмножество «простой процесс труда» включает новые элементы: «рабочник» (K) и «деятельность» (D). «Дочернее» подмножество является полным логическим следствием из системы I и на рис. 1 оно размещено ниже последнего. Дело в том, что в систему III входят, но в «снятом» виде, все простые моменты «труда вообще» и в то же время включенные сюда новые элементы (пока еще логически незавернутые). Логико-теоретическое разворачивание (выведение) этих новых элементов («деятельность» и «рабочник») приводит к образованию нового и более конкретного подмножества Y, которое отражает трудовой процесс в единстве живого и овеществленного труда (чего не было в исходной системе III). Иными словами, речь идет не только о простых моментах труда (предмет, средства, продукт), но и о «простых» моментах деятельности (рабочник-субъект, мотивация, цель).

Отметим одно важное обстоятельство: помимо пяти относительно автономных (поэтому на рис. 1 они очерчены прерывистой линией) категориальных подмножеств между и в них самих вырастает (вот он внутренний рост системы-организма за счет внутренних, аналитически-содержательных ресурсов) новая категориальная система $C-C'-C$ (обозначена на рис. 1 пунктирной связкой). Точно таким же образом «вырастают» и другие системы на основе своих «корней» — категории D , P , K и т.д. Кроме того, внутри себя пять исходных систем образуют непохожие друг на друга типы теоретических связей между основными абстрактными объектами. Думается, что к ним вполне применима

характеристика систем, высказанная В.Г. Афанасьевым: «Каждой конкретной целостной системе присуща своя специфическая структура. Причем с усложнением целостной системы, с увеличением числа, а также дифференцирования ее компонентов усложняется и ее структура» [1, с. 86].

Принятая К. Марксом и Ф. Энгельсом методологияialectического разворачивания исходных посылок при построении теории материалистического понимания истории предполагает, что, переходя от одной стороны определения исходной категории к другой, происходит последовательное наращивание новых определений (которые, приобретая самостоятельный понятийный статус, становятся новыми категориями той же или иной степени обнестости). При этом «каждое доследующее вбирает предыдущие как свое основание и вместе с тем само в свернутом виде содержит в себе возможность быть развернутым в последующие определения» [15, с. 53].

Но в таком случае переход от одного категориального ряда или подмножества к другому представляет собой построение новой теоретической модели (или теории, под которой понимается, методологическая форма выражения содержания совокупности абстрактно-идеализированных конструктов любой степени обобщения). В литературе уже высказывалась точка зрения на категориальный ряд как своеобразную теоретическую систему, а на метод восхождения – как развертывание теоретических систем [7, с. 168]. Это вполне соответствует разрабатываемым в данном случае представлениям о категориальной системе социологии труда.

Определить необходимые и достаточные методологические требования к построению категориальной системы марксистской социологии труда – задача, прямо скажем, непростая, но вполне осуществимая. Значительную помощь здесь могут оказать теоретико-методологические наработки, которые имеются в современном историческом материализме и методологии социального познания. Гораздо сложнее раскрыть содержание философско-социологических категорий или, выражаясь иначе, перейти от того, как надо делать, к изложению того, что есть содержание категориального знания.

Итак, перед нами встает принципиальный вопрос: каким образом следует раскрывать ос-

новные категории марксистской социологии труда, чтобы при этом не нарушился принцип целостности предмета исследования? А ведь это требование вытекает из центрального методологического принципа единства научной системы и научного метода в марксизме. Неправильно было бы забывать и о других не менее важных предпосылках методологической системы: восхождения от абстрактного к конкретному, например, принципе единства исторического и логического.

Разумеется, для исследователя, стремящегося реконструировать теоретическое здание социологии труда, есть прекрасный образец, как это сделать – «Капитал» К. Маркса. Но основатель материалистической dialectики дал исчерпывающий политэкономический анализ исторический смены и внутреннего строения форм общественного труда, где социальные и социально-философские аспекты играли второстепенную роль. Конечно, их можно как-то систематизировать, свести воедино и попытаться выстроить на этом фундаменте социологическую систему знаний о категориях общественно-го труда. В дальнейшем из нее уже легче логически вывести частно-теоретические понятия, составляющие предмет исследования. Но в таком случае возникает проблема аутентичности социологического прочтения «Капитала», степень которой обосновать весьма непросто, так как литературы по данному вопросу фактически нет.

Дело в том, что в отличие от категорий и понятий научные термины, входящие в состав социологического знания, не являются объяснительными принципами. Хотя они привлекаются для объяснения реальных явлений, но в ином качестве – в роли социальных показателей и индикаторов. Так, термин «текущесть кадров» может привлекаться к объяснению нестабильности коллектива (термин) в значении рядоположенного с другими социальными факторами, например, состоянием психологического климата [3, с. 481].

Кроме того возникают и другие проблемы. Дело в том, что Маркс в основном представил анализ капиталистической формы организации общественного труда и в меньшей степени затронул другие исторические типы и формы. Социология труда в советское время брала за основу социалистическую общественную форму

труда, о которой Маркс, как известно, высказал лишь самые общие, хотя и принципиальные соображения. Как поступить в этом случае? На наш взгляд, возможны два пути. В первом случае исследователь оперирует всем накопленным в советской социологической теории и практике конкретно-научным знанием о труде и стремится подвести под него некий «фундамент» из высказываний классиков марксизма-ленинизма, по ходу дела систематизируя и логически выстраивая свои размышления. Такой путь не нов. Более того, он был общепринятым в своем худшем варианте как сведение доказательств и аргументации к разрозненному цитированию. Более привлекательным и, пожалуй, правильным с точки зрения марксистской методологии является второй путь. Суть его состоит в том, чтобы современные социологические наработки «пронизать» диалектическим методом, а, стало быть, и самой теорией, разработанными в «Капитале». В таком случае каркасом всего здания, его структурообразующим стержнем выступит марксова диалектическая логика, а не совокупность эмпирических знаний о современном труде, под которую произвольно подводится категориальная система.

Несмотря на то, что второй способ более правильный, но в своем осуществлении он гораздо более сложен. Поэтому надеяться на его завершение в каком-то одном исследовании не приходится. Логический анализ содержания исходного понятия открывает в нем другое понятие, а весь процесс подчиняется правилу определенной последовательности движения от простого к сложному, от более абстрактного к более конкретному. Таким образом, «в системе категорий материалистической диалектики каждая категория занимает определенное место, вся система образует своеобразную ступенчатую лестницу... и чем более высокое место на этой лестнице занимает категория, тем содержательнее и значительнее она в науке» [13, с. 30].

Видимо, категориальный анализ в социологии должен начинаться с построения обще-теоретического знания, о непосредственно общественном труде при социализме подобно тому, как Маркс за исходное в анализе капиталистической форме труда принял категорию «наемный труд». Могут возразить, что в действительности «клеточкой» марксова анализа служило понятие «товар». Так оно и было, но

речь идет у нас не о политэкономическом, а о социально-философском, или социологическом исследовании труда и здесь-то исходным выступает именно наемный труд.

Но и в этом случае, когда достаточна ясна исходная «клеточка» – непосредственно общественный труд при социализме, – не вполне ясна логика дальнейшего рассуждения. Экономисты, могут указать на те узловые моменты, через которые подлежит разворачивать данное понятие и прежде всего это характеристики непосредственно общественного труда как планомерного, коллективистского по своей природе способа совместной деятельности людей, производства. Но поступать так, значит оперировать развитыми, наличными определениями непосредственно общественного труда. Маркс же требовал в первую очередь проследить исторический и логический генезис исследуемого явления и уже из него выводить, а значит, доказывать современные определения труда.

В знаменитом Введении к «Экономическим рукописям 1857–1859 годов» К. Маркс завершает изложение метода политической экономии ничем иным, как логической схемой расчленения предмета исследования (только такой ход мысли соответствует диалектическому методу): 1) Всеобщие абстрактные определения, которые поэтому более или менее присущи всем формам общества... 2) Категории, которые составляют внутреннюю структуру буржуазного общества и на которых покоятся основные классы... Население, Колонии. Эмиграция...» [11, с. 45]. Совершенно очевидно, что в основе расчленения предмета исследования у Маркса лежит единство трех уровней знаний: всеобщего, особенного, единичного. Такое строение, конечно, требует применения метода восхождения от абстрактного к конкретному, который позволяет привести в единство логику исследований (научный метод) и логику изложения (научную систему).

Как известно, исследование капиталистического общества начинается у Маркса не с конкретных или особенных форм товара, какие он принимает в том или ином обществе, а с товара как такового, товара вообще. Точно также и анализ общественного производства исходит у него из абстрактной категории «производство вообще»: «...это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет

общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений. Однако это всеобщее или выделенное путем сравнения общее само есть нечто многообразно расчлененное, выражющееся в различных определениях. Кое-что из этого относится ко всем эпохам, другое является общим лишь некоторым эпохам» [11, с. 21].

Видимо, и социология труда, внутренним методом построения теоретического знания в которой выступает восхождение от абстрактного к конкретному (не путать его с методом операционализации понятий, который применяется на следующей ступеньке, а именно при переходе от теоретической модели предмета исследования к эмпирической схеме объекта исследования), должна начинать с рассмотрения труда вообще как исходной абстракции. Однако это не означает, что начинать надо с простейшего, элементарного труда, который существовал в примитивном обществе. Так дело представляется только на первый взгляд. «Труд кажется совершенно простой категорией. Представление о нем в этой всеобщности, — пишет Маркс, — как о труде вообще — является тоже весьма древним. Тем не менее «труд», экономически рассматриваемый в этой простой форме, есть столь же современная категория, как и те отношения, которые порождают эту простую абстракцию» [11, с. 40].

Таким образом, начинать с труда вообще, значит не уводить анализ в историю общественных формаций, а рассматривать самые существенные и необходимые моменты современного производства. Всеобщее, понятое метафизически, есть односторонняя абстракция, а понятое диалектически — «нечто многообразно расчлененное, выражющееся в различных определениях».

Поскольку труд понимается у Маркса как целесообразная деятельность, содержанием которой выступает изменение вещества природы для удовлетворения общественных потребностей, то естественно рассматривать его именно как философскую категорию, обозначающую всеобщую общественную субстанцию. Иными словами, по определению автора «Капитала», труд — это «прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой.

Вещество природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит к движению принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы... Бездействия посредством этого движения на внешнюю природу и изменения ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» [10, с. 188-189].

Логика такого подхода подводит нас к выводу о двойственном характере труда вообще. С одной стороны, труд представляет собой обмен веществ между природой и человеком, с другой — он выступает способом обмена продуктами деятельности между людьми. Первый аспект раскрывает простой процесс труда, независимый не только от воли и сознания людей, но и от конкретно-исторической формы общества. Его основное предназначение — воспроизводство жизнедеятельности индивида. Второй аспект, напротив, характеризует общественную определенность труда, обусловленную разделением труда в обществе, формой собственности, социально-классовой структурой. Здесь труд уже меняет свое предназначение, и его главной функцией становится удовлетворение общественных потребностей. Каждая из этих сторон труда описывается сложной системой понятий.

Как известно, основными моментами простого процесса труда у Маркса выступают: предмет, средства, продукт и субъект труда. Первые три элемента раскрывают внутренний механизм и движение вещественного труда. Субъект труда, который, в свою очередь, также представляется собой сложносоставное явление, характеризует живой труд.

Исходным моментом вещественного процесса труда является предмет труда. Это либо необработанное сырье, либо опосредованный предшествующей деятельностью полуфабрикат. В средства труда, по Марксу, входят: 1) орудия труда «от самого простого инструмента ил и сосуда до самой развитой системы машин» [12, с. 56]; 2) вещественные условия, например, здание, в котором происходит процесс труда, или поле, которое засевают; 3) вещества, сопутствующие или ускоряющие процесс труда — смазочные масла, уголь, химические реагенты и т.д.

Продукт труда представляет собой целесообразно измененный с помощью орудий труда материал труда.

Рассматривая общие моменты труда, Маркс далее конкретно останавливается на каждом из них.

Средства труда = материал труда + орудие (средство) труда

«Сами средства труда... с необходимостью распадаются на предмет, который обрабатывается и который мы будем называть материалом труда, и на средство труда в собственном смысле, — предмет (этот предмет не обязательно должен быть каким-либо орудием, он может быть, например, химическим процессом), который человеческий труд, человеческая деятельность помещает как средство между собой и материалом труда и который таким образом служит в качестве проводника человеческой деятельности» [12, с. 55-56].

Выделение средств труда и разделение их на собственно средства труда и материал труда представляют собой первые шаги теоретического анализа процесса труда. Далее следует классификация материала и средств труда по степени их обработки человеком. На «самых низших ступенях экономического развития» [12, с. 56]. Оба указанных момента существуют «в природе без участия человеческого труда, как, например, рыба, которую вылавливают изводы, или дерево, которое рубят в девственном лесу, или руда, которую добывают из шахты...» [12, с. 56]. Материал труда представляет собой здесь лишь сырой материал, а средство труда — уже обработанное человеком орудие. Промышленность, основанная на использовании такого рода производственных процессов, называется добывающей.

К некоторым вещественным факторам применимы оба названия моментов труда. Так, сеяна в земледелии или скот в животноводстве, считает Маркс, представляют собой одновременно и материал, и средство труда [12, с. 56]. На более развитых ступенях экономического развития материал и средства труда представляют собой во все большей степени опосредованные человеческой деятельностью моменты труда. В них вкладывается все больше человеческой энергии и знаний, они усложняются по своей конструкции и универсализируются по своим функциям. Между развитием рабочей

силы и средствами труда существует такого рода связь, что «развитие человеческой рабочей силы в особенности проявляется в развитии средства труда или орудия производства. Именно это развитие показывает, в какой степени человек усилил воздействие своего непосредственного труда на природу, помещая между нею и собой природу, уже препарированную, приспособленную для его трудовых целей и подчиненную его воле в качестве проводника» [12, с. 56].

Понятия «предмет труда» и «средства труда» являются относительными. Эмпирические референты, т.е. класс объектов, к которым относится данное понятие, не являются раз и навсегда закрепленными за данным понятием. «То, что в одной отрасли труда является материалом труда, а потому и сырым материалом, выступает как результат труда в другой... Точно так же и то, что служит средством труда в одном процессе труда, является... результатом труда в другом» [12, с. 57]. Так, лопата или молоток выступают результатом труда на одном предприятии (изготовителе) и средством — на другом (заказчике).

Очевидно, что понятия материала, средств и продукта труда отражают не субстанциональное состояние предмета исследования, а его функциональное назначение. Смешение этих аспектов приводит иногда социологов к неправильному употреблению терминов.

Наоборот, понятие «процесс труда» отражает именно субстанциональное, сущностное состояние взаимодействие человека с природой, т.е. особое качество человеческой деятельности. Суть последнего в том, что процесс труда есть опосредование и целесообразное преобразование вещества природы для удовлетворения общественной потребности. Внутри же этого субстанционального процесса простые моменты труда различаются друг от друга функционально.

Продукт труда не отличается от предмета и средств труда по своей вещественной субстанции: все эти элементы материальны. Но он качественно отличается от них в других отношениях. Продукт, назначением которого является завершение процесса производства, т.е. «быть непосредственным предметом индивидуального потребления» [11, с. 251], представляет собой овеществленную цель труда — удовлетворять общественные потребности. Этого нельзя

сказать о предмете и средствах труда: их цель – участвовать в самом процессе производства, служить условием для получения конечного труда, продукта труда. «Все три момента процесса производства (понятие «производство» употребляется Марксом здесь в узком значении как эквивалент простого процесса труда – А.К.): материал, орудие, труд сливаются в нейтральном результате – продукте. Вместе с тем в продукте оказываются воспроизведенными те моменты процесса производства, которые были в этом процессе потреблены... Поэтому процесс в целом выступает как производительное потребление, т.е. как такое потребление, которое заканчивается не ни чем и не простым субъективированием предметного, но само в свою очередь положено как некоторый предмет» [11, с. 252].

Если трудовой процесс рассматривать только со стороны его вещественного содержания, т.е. исключить человека, то движение простых моментов труда можно изобразить следующим образом:

предмет труда → средства труда → продукт труда

Стрелки, расположенные в одном направлении, показывают, что трудовой процесс, взятый как единичный производственный акт, является необратимым: продукт труда не может стать предметом в том же самом процессе, акте трудовой деятельности. Продукт труда может стать исходным пунктом, но только в новом трудовом цикле. Средства труда опосредствуют оба крайних члена трудового процесса и привносят движение, активность. Поскольку единичный трудовой процесс однодirectionalен, то в нем объективно (по логике движения самих вещей) содержится цель. Предмет труда, т.е. сырье, вовлекается в процесс не для того, чтобы быть подвергнутым обработке средствами труда, просто изменить свою форму, а чтобы превратиться в полезную для человека вещь.

Обозначим этот процесс символически: $P-C-P'$, где P' обозначает приращение содержания у первоначального предмета. Ведь сущность труда состоит в изменении вещества природы, в соответствии с нашими потребностями. А это уже качественное изменение. Здесь начальный и конечный пункты процесса труда однородны по своему природному (материальному) субстрату, но разнородны по качеству, форме.

Сравним этот процесс с формулой обращения Маркса. В «Экономической рукописи 1861–1863 годов» читаем: «...в форме обращения $T-D-T$ крайние члены этой формы (T, T), хотя они и представляют собой одинаковые величины стоимости, качественно различные следовательно, в этой форме имеет место действительный обмен веществ (друг на друга обмениваются различные потребительные стоимости); стало быть, результат $T-T$ - обмен товара на товар, фактически обмен друг на друга потребительных стоимостей - содержит в себе само собой разумеющуюся цель» [12, с. 3].

Сравнивая форму труда $P-C-P'$ с формой простого обмена товаров $T-D-T$, можно обнаружить между ними как сходство, так и различие. Крайние члены: 1) представляют материальные предметы, 2) выступают как потребительные стоимости (в процессе труда этот момент более завуалирован, поскольку сырье не является потребительной стоимостью, но продукт труда – всегда является таковой); 3) качественно различны, т.е. второй член представляет нечто новое (хотя бы по форме); 4) оба члена (материальные предметы) – начальный и конечный пункты обоих процессов – равны по количественному объему (товары, как отмечает Маркс, в обмене имеют одинаковую величину стоимости, предмет труда, т.е. сырье, преобразуемое средствами труда в вещь, имеющую потребительную стоимость, и продукт труда равны по количеству (массе) содержащихся в них вещества – если средства труда ничего не убавляют в процессе обработку).

Сходство этих формул еще и в том, что средние члены – деньги и средства труда – выступают моментами опосредования, т.е. связи двух крайних членов. Поскольку оба процесса суть однодirectionalные (необратимые в данном акте деятельности) явления, то в них имманентно (объективно, по логике вещей) содержится: цель. Этот аспект собственно и отметил Маркс. Обмен совершается ради того, чтобы с помощью денег можно было приобрести новый, необходимый (нужный) данному субъекту товар. Точно также и сырье включается в процесс труда не для того, чтобы быть подвергнутым обработке средствами труда, а чтобы превратиться, в полезную для человека вещь.

Допустим, что исходным моментом процесса труда выступает не сырье, т.е. необработан-

ное вещество природы, а готовая вещь, уже обработанное трудом. (Например, в сборочном цехе предметом является не руда, а изготовленные в других цехах части машины). Чтобы из данной вещи получить новую, не обязательно воздействовать на первую средствами труда. Можно продать ее и купить новую (продать совокупность деталей и на вырученные деньги купить готовый автомобиль). Иначе говоря, можно получить, имея одну вещь, нужную вещь двумя путями: через обмен и в процессе труда. Достижение поставленной цели возможно именно так. Их отличие в том, что опосредующее звено (деньги и средства труда) выполняют различные функции. В процессе труда – для достижения конечной цели – нужно активно воздействовать на исходное вещество, изменить первоначальную форму, преобразовать ее. В процессе же обмена опосредующее звено – деньги – выполняют пассивную функцию эквивалента уравнивания двух товаров. Поэтому обмен товаров – это просто обмен потребительных стоимостей. Процесс труда – это обмен веществ природы, но не просто их обмен, а преобразование.

Различие этих процессов состоит еще и в том, что при обмене товаров деньги как символическое средство могут быть в принципе устранено. И тогда товар обменивается на равный ему товар. Это случай натурального обмена. В процессе труда средства труда не могут быть изъяты, если мы хотим из одного предмета получить другой. Средства труда здесь играют принципиальную роль. Напротив, деньги в процессе обмена выполняют скорее вспомогательную функцию.

Если абстрагировать трудовой процесс от человека как основного субъекта труда (т.е. взять временно за скобки живой труд) и рассматривать процесс движения овеществленного труда – собственно это мы и делали до сих пор – то субъектом таким образом интерпретированного труда станут средства труда. Именно они выступают активным началом преобразования вещества природы из одной формы в другую. Точно также в процессе самовозрастания стоимости, имеющего формулу $D-T-D'$, меновая стоимость, совершающая этот процесс, выступает его субъектом [12, с. 7].

Однако стоимость является субъектом обмена совсем в ином смысле, чем средства труда

– субъектом процесса труда. В процессе $D-T-D'$ стоимость выступает всеобщей субстанцией, сохраняющей себя в смене этих форм – денег и товара, которые «выступают только как особые формы бытия стоимости» [12, с. 7]. Средства же труда на являются такой всеобщей субстанцией, сохраняющей себя в начале и в конце движения. Заранее они поставили себя только как особая форма бытия предметного мира. Всеобщей же субстанцией для всех, трех простых моментов труда – предмета, средств и продукта – выступает материальная, природа.

В чем же тогда различия между этими тремя элементами, если субстанционально они тождественны? Предмет труда, если под ним понимать сырье, необработанное вещество природы, является еще не вступившим в процесс преобразования предпосылкой. Орудия труда уже преобразованы человеком в соответствии с известной целью и по заданной форме. Другими словами, они получили человеческую определенность, либо представляют материализованную цель, замысел (идею, ставшую вещью). То же самое можно сказать и о продукте труда, но он еще не существует материально (хотя в голове человека как замысел или образ он уже дан) в тот момент, когда предмет труда и средства труда вступили во взаимодействие, контакт.

Если присмотреться к трудовому процессу внимательнее, то станет ясно: пока существует самодвижение – взаимодействие предмета и орудия труда (обработка заготовки на станке), – то его конечного момента (продукта труда) еще нет. В тот момент, когда появляется конечный результат движения, то его самого уже нет, оно снято. Продукт труда есть снятое движение процесса труда. Однако снятие в процессе труда специфично и отлично от того, что происходит в других явлениях и процессах природы. Здесь снятие есть потребление. «Это потребление есть не простое потребление вещественного, а потребление самого потребления; в снятии вещественного здесь заключено снятие этого снятия, а потому – полагание вещественного. Придающая форму деятельность потребляет предмет и потребляет саму себя, однако она потребляет только данную ей форму предмета с тем, чтобы придать ему новую предметную форму...», – пишет К. Маркс [11, с. 252].

Средства труда отрицают (потребляют, видоизменяют) его предмет, в результате чего

получается продукт труда. Но последний отрицает в своей законченной форме предыдущее отрицание. Таким образом, продукт труда есть результат «отрицания отрицания», синтез движения, качественно новое явление. Он заранее имелся в предмете труда (с точки зрения своего материального субстрата – вещества) и в средствах труда (с точки зрения своей формы).

Однако то или иное орудие труда может преобразовать исходный материал только в рамках своего «диапазона возможностей». Так, например, нельзя выточить продольный профиль детали на станке, который не приспособлен к таким операциям. Каждое орудие труда имеет четко определенный и ограниченный набор операций, которые оно может выполнять. С помощью их деталям (предмету труда) и придается соответствующая форма. Но какие именно выбрать операции из «диапазона возможностей» орудия, в какой последовательности и регулярности их расположить, целиком зависит от человека (субъекта труда), его идеально-го замысла.

Если в нашу формулу, состоящую из трех вещественных моментов труда, включим еще один элемент – живого человека, субъекта деятельности, то в этом случае последний будет выступать здесь в качестве простого деятеля (актера) или исполнителя, а не личности или социального типа. Простой процесс труда требует от человека физических и умственных затрат, точно таких же, на которые способны высшие типы животных (обезьяны). (Здесь мы отвлекаемся от того, в какой степени и чем именно трудовые движения человека отличаются от похожих движений животного, ибо это выводит наш анализ из сферы всеобщего на уровень особынного).

Живой труд выступает, во-первых, в роли формирующей деятельности, т.е. придает бесформенной материи целесообразную и полезную форму, во-вторых, активного начала в противовес пассивному бытию вещественных, факторов, (предмет, орудие, продукт) труда, в-третьих, в качестве субъективной деятельности (выражение Маркса, часто употребляемое им в определении живого труда) в противоположность объективному, материальному процессу. В реальном процессе труда изнашиваются (потребляются) не только орудия труда, но и физические силы работника. А это означает, выра-

жаясь языком философии, что «труд не только потребляется, но вместе с тем переходит из формы деятельности в форму предмета, покоя, фиксируется в предмете, материализуется; совершая изменения в предмете, труд изменяет свой собственный вид и превращается из деятельности в бытие» [11, с. 252].

Метод восхождения от абстрактного к конкретному предполагает следующим своим шагом переход от всеобщих определений труда к особенным. Иными словами, всеобщие и необходимые характеристики предмета исследования, которые были показаны выше, не раскрывают его полностью. Только лишь с их помощью, не добавляя новое знание, определения, невозможно понять, почему труд является специфически человеческой деятельностью, а если идти еще дальше, то и общественным, социальным явлением. Ведь и в действиях животных можно обнаружить те же самые всеобщие моменты труда, когда, например, обезьяна с помощью палки сбивает плод с дерева, а орел бросает с высоты камень и разбивает орех.

Переход к особенному, т.е. углубление знания, – это поиск не только всеобщих, но и достаточных определений предмета. Если всеобщее определение у предмета может быть в принципе единственным, то частных должно быть несколько. С точки зрения принятого нами методологического подхода, частные определения должны выводиться (вывод и есть установление логической связи между двумя или несколькими понятиями) из более общей категории как своего основания. При этом можно подбирать только такие частные определения, которые раскрывают не случайные, а необходимые признаки предмета, т.е. отражают его внутреннюю природу.

Как же найти такие определения труда, которые сделали бы исходную формулу (естественно, при этом несколько изменив ее) не только знанием всеобщим и необходимым, но и достаточным? Само по себе понятие достаточности не говорит нам ничего о том, в каком направлении следует организовать научный поиск. В качестве атрибутивного логического свойства достаточность лишь указывает на необходимость более полного, исчерпывающего определения предмета исследования. Достаточность выражает какую-то – какую именно неизвестно, ибо сам термин не имеет в себе содер-

жательного критерия полноты (в противоположность, скажем, термину «система», который не только требует полноты исследования объекта, но и раскрывает то, какой должна быть эта самая полнота), — завершенность, пусть и не окончательную, наполненность.

Мы можем приблизиться (апроксимировать) к искомой полноте определения предмета путем простого перечисления все новых и новых признаков. Поскольку мы не устанавливаем логических (или теоретических) связей между этими признаками, а просто задаем их механически единым списком, то мы вряд ли сможем установить, сколько и каких именно признаков достаточно для того, чтобы выявить полноту данного понятия. У нас остается лишь один путь — логически выводить одно понятие из другого, контролируй каждый свой шаг. (Последнее необходимо, поскольку любое отклонение в сторону, т.е. появление таких определений или признаков, которые не являются необходимыми, но лишь суть случайные, не приведет нас к выявлению достаточного раскрытия понятия).

Приближение (апроксимация) к достаточности и представляет собой, в сущности, путь восхождения от абстрактного к конкретному. Иного способа логически быть не может, поскольку исходный пункт движения мысли задан — это труд вообще. Другими словами, труд, абстрагированный от всех своих собственных, конкретных черт. Эти-то специфические черты мы и должны теперь найти. (Абстрагирование нельзя понимать механически таким образом, что вначале мы имели полное во всей своей конкретности определение труда — т.е. как единство многообразия, — а затем, т.е. ради целей анализа, мы «взяли за скобки» все конкретные определения, как бы нивелировали их, выделив в «осадок» только самое общее, типичное, а, значит, и наиболее бедное. В том-то все и дело, что этой полноты определений мы не имели с самого начала. В начале движения — т.е. логического хода мыслей — была дана именно абстракция. Могут возразить, что, мол, достаточно оглянуться вокруг, чтобы увидеть множество примеров трудовой деятельности во всем ее жизненном многообразии, и поэтому не надо заниматься ненужным теоретизированием. Это неверно. Мы действительно созерцаем конкретную деятельность, но интерпретировать ее в качестве трудовой мы можем лишь в том слу-

чае, если заранее имеем соответствующее понятие.

Гегель отмечал, что мы видим и слышим лишь то, что способны понять, остальное упускаем. Мы знаем не то, каким исходное понятие должно быть по своему содержанию, но лишь то, что оно обязательно должно быть. В принципе наша ситуация напоминает знакомое положение в математике, когда предстоит решить уравнение, содержащее наряду с известными значениями также ряд неизвестных величин. Мы не избегаем их на том основании, что ничего не знаем о них. Напротив, активно проделываем все необходимые процедуры с ними наравне с другими величинами. И в результате наших манипуляций мы выясняем полное определение уравнения, т.е. задаем не только необходимые, но и достаточные для идентификации сущности признаки.

Итак, поиск достаточных определений категории труда, как мы уже выяснили, есть процедура установления не всеобщих, а особенных, частных характеристик предмета. Возможно, что их должно быть много, во всяком случае не одно (как в случае всеобщего определения предмета). Более частные определения, и это наше второе допущение, должны выводиться из более общей категории как его следствия. Но если речь идет о логической форме связи понятий, то следствия должны представлять собой именно необходимые, а не случайные определения исходного понятия. Так, если категория всеобщего задает целостность предмета исследования, то категория необходимого предлагает критерий правильности и самое направление движения. Предикат необходимого, будучи применен к тому или иному частному определению труда, найденному нами в дальнейшем, работает как селективный, т.е. классифицирующий принцип, помогая отбраковывать случайные признаки.

Так, например, совершенно ясно, что объективное назначение и роль продукта труда отлична от функции простых моментов труда. В отличие от предмета и средств труда его продукт завершает акт производства и начинает качественно иной процесс — потребление. Удовлетворяя общественные потребности, продукт труда становится товаром, носителем стоимости, служит средством обмена деятельностью между людьми, их человеческого и общественного контакта. В продукте труда простой про-

цесс труда как способ обмена веществ между человеком и природой «затухает» и превращается в общественный процесс взаимоотношения людей, содержанием которой является предметно-практическая деятельность. В этом и состоит особое, субстанциональное предназначение продукта труда.

Истории известны две разновидности трудовых действий, в одной из которых человек еще не участвует (не включен), а в другой – уже не участвует. Первая представлена действиями животных, которые по своей форме напоминают трудовой процесс человека. Например, когда обезьяна с помощью палки достает плод с дерева, а орел бросает с высоты камень и разбивает плод. Маркс приводит пример паука, который «совершает операции, напоминающие операции ткача», то же самое делает и пчела при постройке своих восковых ячеек [10, с. 188]. Вторая разновидность – это автоматизированное производство, где труд человека либо полностью исключен, либо минимизирован.

Обе разновидности по существу не являются трудом, но лишь по видимости напоминают его (хотя вторая, несомненно, остается формой производства). Несмотря на то, что и в первом, и во втором случаях присутствуют все простые вещественные моменты труда – предмет, средства и продукт труда, но не хватает главного его элемента – субъекта труда, человека. Для обозначения первой разновидности наиболее применено введенное Марксом понятие «животно-образные инстинктивные формы труда». Вторая разновидность – это машинный труд, который полностью вытесняет человека. Гегель полагал, что расчлененный труд, становящийся все более механическим, завершается окончательной заменой человека машиной. Это доведенная до своего логического предела все увеличивающаяся «абстракция в производстве» [2, с. 223].

Все это доказывает исходное утверждение: простой процесс труда или труд вообще должен включать в себя не только вещественные, но и живые факторы. Что же изменяется в определении простого процесса труда с включением человека? Он становится целеполагающей, осознанной деятельностью, в процесс труда вносится важнейшая характеристика – цель, идеальный план действий.

Внешне действия животного и машины тоже напоминают целесообразную деятельность че-

ловека. Но это именно целесообразная, соответствующая цели деятельность, но не процесс полагания цели в каждом действии исполнителя. Производственная ситуация в реальном человеческом труде постоянно меняется, приходится сталкиваться с неожиданными ситуациями, принимать нетривиальные решения, перенастраивать и изменять технологическую логику, последовательность операций и целей труда. Все это характеризует человеческий труд, и совершенно отсутствует в действиях животных и машины.

В «Капитале» Маркс дает четыре определения, которые называет «простыми и абстрактными моментами» труда: 1) целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, 2) присвоение данного природой для человеческих потребностей, 3) всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, 4) вечное естественное условие человеческой жизни [10, с. 195].

Простой процесс труда как совокупность вещественных факторов труда и соединяющих их трудовых операций и движений человека есть такое абстрактное, всеобщее определение труда, которое раскрывается через эти четыре частные характеристики.

Переход от всеобщего к особенному, от первого определения, труда ко всем последующим означает «труд в такой форме, в какой он составляет исключительное достояние человека» (Маркс). Для этого нужно в конце трудового процесса получить такой результат, который вначале имелся лишь в представлении, т.е. идеально труд приобретает «человеческую» характеристику, становясь целесообразно-осознанной деятельностью. В процессе взаимодействия с природой человек прежде всего осуществляет «свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий...» [10, с. 189].

Таким образом, простой процесс труда как всеобщее конкретизируется на уровне особенного тем, что приобретает дополнительную определенность, новый элемент – его цель, идеальный план деятельности.

Проведение разделительной грани между животной и человеческой определенностью труда не сводится к установлению осознанной целесообразности. Ведь и у пчелы конечный результат деятельности – восковая ячейка – име-

ется как бы «заранее» в виде запрограммированных действий. «В этом смысле продукт деятельности пчелы, — пишет Э.В. Ильенков, — тоже задан «идеально», до его реального осуществления. Однако формы деятельности животного прирождены ему, унаследованы вместе со структурно-анатомической организацией тела... Принципиальное отличие деятельности человека от деятельности животного состоит именно в том, что ни одна ... способность не наследуется вместе с аналитической организацией тела» [4, с. 202–203].

Отсюда следует важный методологический вывод: труд человека нельзя сводить к антропологическому натурализму и отождествлять его с реакциями нервно-физиологических структур мозга, движениями тела [8, с. 20]. Понятно, что и обезьяна, достающая с помощью палки банан, совершает вполне целесообразную последовательность операций, если рассматривать внутреннюю логику ее движений. Однако это совсем иная целесообразность, чем у человека. Если анализировать морфологическую основу талой способности, то, скажем, у пчелы идеальный образ сот дан в виде генетического кода, а движущим началом ее поведения выступает инстинкт. Напротив, у человека идеальное является продуктом исторической и социокультурной практики, т.е. образом общественных отношений.

Итак, поиск достаточных определений, или восхождение от всеобщего к особенному, дал нам первую характеристику простого процесса труда, которая выделила его как сугубо человеческую деятельность, а именно цель. Однако элементы целесообразной деятельности присущи и животным. Поэтому правильное понимание проблемы: зависит от того, какое содержание мы вкладываем в понятие цели труда. Если под этим подразумевать элемент или образ общественных отношений, то мы не только верно отразим суть дела, но и выйдем на следующее определение особенного в труде — его общественную определенность.

Согласно марксову подходу, добавление к понятию труда второй его характеристики — цели, еще не выявляет общественной сущности труда. Объясняется это тем, что до сих пор мы брали индивида изолировано, в отрыве от общества. Однако человек трудится не в единстве с природой, а в единстве с обществом. Этим-то

труд человека, добывающего себе средства к существованию, и отличается от действий животного, добывающего себе пищу. Труд является общественно-определенной формой жизнедеятельности человека, т.е. существа, проявляющего себя прежде всего не как совокупность индивидуально-неповторимых черт и способностей, а как совокупность исторически приобретенных, общественных отношений. «Человек, изъятый из сплетения общественных отношений, внутри и посредством которых он осуществляет свой человеческий контакт с природой (т.е. находится в человеческом единстве с ней)» [4, с. 183], не совершает трудового акта, поскольку результат его труда не удовлетворяет никакую человеческую, а, стало быть, и общественную, потребность. Другими словами, труд не является потребительской стоимостью.

В качестве иллюстрации общественной определенности труда — удовлетворения общественных потребностей — приведем конкретный пример. Если индивид в течение рабочего дня какое-то время прохладдается, т.е. не производит материальной продукции, то его труд не является общественно-необходимым, производительным. Допустим, обычная норма выработки составляет 24 детали, а он выполняет только половину. В этом случае работник не производит прибыли, т.е. стоимости, которая необходима для жизнедеятельности общества. Сделанной им продукции едва хватает на покрытие его дневной заработной платы, т.е. его индивидуального воспроизводства. Такой труд не удовлетворяет общественных потребностей и в другом смысле. Благодаря непроизводительному труду такого работника его цех не додал плановую продукцию и обрек смежный цех на вынужденное простаивание. Нарушился технологический ритм процесса труда. Лишенная своего материального содержания (конкретной продукции), работа здесь лишь по видимости является трудом.

Продукт труда обладает потребительской стоимостью не для данного субъекта, а для другого человека. Поскольку меновая стоимость отражает отношение одного товара к другому через общий им эквивалент — рабочее время, а потребительская стоимость — отношение между людьми через отношение их потребностей, то вторая не включена Марксом в собственно политэкономический анализ. Поэтому в категории потребитель-

ной стоимости в скрытом виде содержится вся диалектика социальных отношений.

Правильно будет понимать другого человека как субъекта отношений, включающих потребительные стоимости, опять же не в качестве индивидуально-неповторимой личности, а определенного социального типа, представителя той или иной социальной группы населения. Действительно, работник *A* производит продукт (топор, посуду и т.д.) для удовлетворения потребностей не индивида *B*, а некоторого средне-общественного, типичного потребителя. Даже если продукт труда приобретает индивидуальный покупатель *B*, то и в этом случае он выступает лишь персонификацией данной социальной категории. Наоборот, если работник *A* изготовил топор, приспособленный только к индивидуальным особенностям (рост, физическая сила и т.п.) покупателя *B*, а последний не смог его приобрести, то *A* потерпит экономический убыток. Другое дело, когда работник *A* изготовил топор, рассчитанный на среднего, типичного по своим физическим особенностям лесоруба, плотника или представителя другой профессиональной категории, пользующихся данным орудием труда и выступающим, следовательно, потенциальным покупателем. Только в этом случае и раскрывается истинная цель труда – удовлетворение общественных потребностей. Для социолога важно знать, что за понятием «общественные потребности» скрывается не аморфная масса однокачественных потребностей и интересов и не совокупная потребность всего общества, а интересы той или иной социальной или профессиональной категории населения. Например, стиральный порошок необходим лишь той группе людей, которые не пользуются прачечной, а стирают на дому.

Таким образом, категория «простой процесс труда», проанализированная нами в единстве ее экономических и социальных сторон, является исходной теоретической клеточкой марксистской социологии труда. Ее анализ позволяет выйти на ряд других ключевых социологических понятий, что и будет нами сделано в дальнейшем. С методологической точки зрения важно отметить, что в анализе труда вообще прослеживаются все основные этапы, в которых разворачивает себя диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному.

В категории «труд вообще», если мы продолжаем с ней операцию конкретизации, нахождения особенных единичных определений, то можно выделить целую совокупность частных понятий. Так, например, труд как обмен веществ между природой и человеком подразумевает установление, в конечном счете, его господства над ней. Антропосоциогенез человека в том и состоит, что умение покорять природу превращается в способность человека властвовать над собой – своими чувствами, желаниями, интересами, потребностями. Это означает, что менее важные для выживания индивида потребности уступают место более необходимым; в ценностно-мотивационной системе человека выстраивается иерархия потребностей, механизм управления которой становится его воля. Собственно, воля есть иное проявление целеполагающей деятельности.

У Гегеля потребности представляют собой выражение воли человека в отличие от животного, лишенного этого качества (определения). Маркс всегда рассматривал не абстрактные потребности вообще, а конкретные. В частности, потребность выступает у него как 1) идеальная цель, 2) побудительный мотив к действию [11, с. 28]. Целеполагающая деятельность, одной из форм которой является труд как физическая деятельность (другой формой выступает, например, мыслительная деятельность), есть обязательно иерархия ценностей, т.е. разделение потребностей на менее и более важные. Чтобы совершить то или иное действие, человек подчиняет себя более важной на данный момент потребности, отодвигая на второй план менее ценные и насыщные, т.е. совершает сознательный выбор альтернатив поведения. Так складывается механизм управления своими потребностями и поведением – основа процесса социализации и трудовой деятельности как специфически человеческой формы организации движений.

Несомненно одно: в основе генезиса, происхождения сложнейшей структуры субъективного мира человека лежит объективная логика труда. Последняя строится таким образом, что человек вначале должен сделать не желаемое (изготовить орудие труда, создать соответствующие приспособления и условия и т.д.) для того, чтобы в конце концов получить желаемое (продукт труда). Точно также и обезьяна берет в руки

палку, которая ей вовсе не нужна, чтобы достичь плод, являющийся единственным центром притяжения ее желаний. Средства труда выступают в процессе труда всего лишь промежуточным, опосредующим моментом, а с точки зрения иерархии потребностей человека они вообще не являются носителем позитивных переживаний. Орудия труда человек берет лишь ж силу необходимости, они имеют для него инструментальную ценность. Наоборот, продукт труда - вот основной мотив и цель трудовой деятельности. Но объективная логика последней такова, что вначале необходимо использовать не желаемое (средства труда), чтобы в конце получить желаемое (продукт труда).

Итак, в удовлетворении индивидуальных потребностей людей (воспроизведение их жизнедеятельности, существования) скрыта человеческая определенность труда вообще. Ее сдержанием выступает мотивационная структура трудовой деятельности: цель, мотив и потребность в труде. Объективная логика простого процесса труда обуславливает ее двояким образом. С одной стороны, получение в конце процесса труда только одного продукта, способного удовлетворить конкретную потребность индивида, определяет саму возможность выбора потребности и цели труда. С другой стороны, особенность структуры или логики процесса труда вырабатывает в человеке процесс предпочтения одних потребностей перед, другими, создает иерархию ценностей, мотивов трудовой деятельности. Таким образом, трудовая деятельность формирует себя как процесс целеполагания, т.е. социально-психологический процесс у правления своими действиями и поведением. Психологическим такой механизм называется потому, что субстратом (носителем) управляющей деятельности выступает воля индивида. Социальным он становится потому, что цель труда человека как общественного существа есть, в конечном счете, образ общественных отношений, элемент социокультурного контекста.

Анализ субстанциональной природы труда как труда вообще раскрыл, таким образом, двойственную структуру последнего: 1) простой процесс труда, 2) общественно определенный труд. Простой процесс труда, в свою очередь, разделился в результате более глубокого рассмотрения на вещественный труд и живой труд.

Оба аспекта процесса труда имеют, как оказалось, сложную внутреннюю структуру. Вещественный труд включает продукт, средства и предмет труда, а живой труд определяется мотивационной структурой человека как субъекта труда: цели, потребности и мотивы труда. Объективная логика вещественного труда детерминирует субъективную логику трудовой деятельности человека как процесса целеполагания и управления своим поведением. Обе формы простого процесса труда – вещественный и живой труд – каждая по-своему выводят нас на раскрытие общественной определенности труда вообще. Вещественный труд совершил это восхождение от абстрактного к конкретному через продукт труда (к распределению), а живой труд – через цель труда как субъективный образ объективно существующих общественных отношений. Все, что говорилось ранее о труде, раскрывало его человеческую определенность, но еще не касалось специфически общественной формы труда.

Индивидуальный процесс труда – это удовлетворение потребностей собственного существования. Цель труда как идеальное полагание плана достижения конечного результата деятельности (продукта труда) имеет своим психологическим субстратом (носителем) волю человека, раскрывающуюся через сложную структуру и механизм подавления одних потребностей и побуждений другими. Мотив деятельности есть результат выбора какой-то одной потребности в качестве движущего стимула.

Общественный процесс труда начинается там, где индивидуальная деятельность качественно меняет свою направленность. Конечной целью труда становится материальный продукт, удовлетворяющий не собственную потребность индивида, а общественно полезную потребность. Труд для себя превращается в труд для других. Для этого производительная сила человека должна достичь такого уровня развития, что наряду с необходимым продуктом становится возможным прибавочный продукт. Именно последний обуславливает возникновение обмена продуктами, специализацию деятельности и разделение труда, а также формы присвоения., т.е. собственности.

Таким образом, генезис труда вообще (простого процесса труда) как обмена веществ между человеком и природой, – в том случае, когда

мы рассматриваем его с точки зрения живого труда, – последовательно проходит три этапа:

1) господство человека над природой, за-канчивающееся выделением человека из животного мира;

2) господство человека над самим собой, обусловливающее возникновение внутренней мотивационной структуры трудовой деятельности и выступающее предпосылкой социализации;

3) господство человека над человеком, представляющее начало общественной эволюции труда.

Присвоение прибавочного продукта в собственность частного лица – материальная и юридически зафиксированная форма господства одного человека над другим, – возможно в том случае, когда данный индивид (собственник) выступает не от своего имени, а от имен и рода (общины, класса, государства). Человек господствует над человеком не как человек, а как представитель рода, общественного целого. Когда рабовладелец, получивший в свою полную собственность раба, или феодал, унаследовавший в свою частную собственность крестьянина, оба они заставляют последних работать сверх необходимого для воспроизводства индивидуального существования, т.е. производить прибавочный продукт, то делают они это, прикрываясь существующими законами, обычаями и нормами, а не собственной физической силой. Общественные законы есть объективированная воля рода, социально определенная потребность общества.

Субъективная воля, носителем которой выступает индивид, выражается в субординации желаний, потребностей, в установлении приоритета более желаемого над менее желаемым. Объективная воля, носителем которой является коллектив людей (род, племя, община, класс и т.д.), выражается или материализуется не в психологической иерархии потребностей, а в социальной иерархии положения: людей в обществе и требует для своего осуществления наличие общественных, институтов (государства, права, материального производства, образования, семьи и т.д.), общественного разделения труда и соответствующих форм собственности. Индивид, как общественно определенное существо, подчиняется в своей деятельности не сво-

им желаниям и потребностям, а прежде всего колективно признанным нормам и ценностям. Изменяется и содержание его трудовой мотивации: основным законом в ней выступает приоритет должно го над желаемым, а социальные, престижные и духовные потребности все более вытесняют в ценностном плане низшие, физиологические.

По мере того, как индивидуальный труд исторически эволюционирует в общественный, изменяется логика, структура и содержание простого процесса труда. Он становится не трудом вообще, а конкретно-историческим общественным трудом. И речь в этом случае должна идти о категориях разделения труда и кооперации.

Литература

1. Афанасьев В.Г. О структуре целостной системы // Философские науки, 1980, № 3.
2. Гегель. Соч. Т. У11, М.-Л., 1934.
3. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. В 15 томах. Т. 1. Теория и методология – М.: ИНФРА-М, 2003.
4. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974.
5. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1984.
6. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 3. М.: Мысль, 1964.
7. Капустин А.П. Споры о путях изложения диалектики (обзор) // Вопросы философии, 1979, № 6, с. 168.
8. Кравченко А. И. К.Маркс о взаимосвязи характера, содержания и цели труда // Социологические исследования. 1983. № 2.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 1.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47.
13. Ситковский Е.П. «Философские тетради» В.И. Ленина и современность // Философские науки, 1985, № 4.
14. Тевзадзе Г.В. Понятие системы у И. Канта (к 200-летию выхода в свет «Критики чистого разума») // Философские науки. 1981. №4.
15. Шлике В.Ф. Об исходных посылках материалистического понимания истории в работе Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» // Философские науки. 1981. №3.

Интернет-знакомства как форма брачного выбора современной молодежи: социологический анализ

Миронова Ю.Г., Тырнова Н.А.

В статье анализируются особенности новой формы брачного выбора посредством интернет-знакомств. В ходе которого было выявлено, что отношение молодежи к феномену интернет-знакомств в последние годы стало более положительным, а использование социальных сетей стало привычной практикой брачного выбора молодежи, они становятся более приемлемой и одобряемой новой формой брачного выбора. Однако интернет-знакомства имеют, как позитивные, так и негативные стороны и пока, не играют ведущей роли в брачном выборе, наряду с традиционными формами брачного выбора, такими, как знакомство через друзей, родственников, коллег по работе, в общественных местах.

Ключевые слова: брачный выбор, интернет-знакомства, молодежь, брачный круг, брачный рынок, брачно-семейные отношения, социальные сети, сайты знакомств.

Mironova Ju.G., Tyrnova N.A.

Internet acquaintance as a form of married selection of modern youth: sociological analysis

The article analyzes the features of a new form of marriage choice through online dating. The study of marriage choice is currently of particular relevance, in connection with the transformation of marriage and family relations and the emergence of their new forms and models. Studies of social factors, mechanisms and criteria of marriage choice are becoming significant, as it is one of the main steps towards the creation of a marriage union and is crucial for the future functioning of the family. The phenomenon of online dating, due to its novelty, is the most popular among young people. In order to identify the role of online dating in the formation of marriage choice, the authors conducted a sociological study. During which it was revealed that the attitude of young people to the phenomenon of Internet dating in recent years has become more positive, and the use of social networks has become a habitual practice of marriage selection of young people, they become more acceptable and approved by a new form of marriage choice. However, online dating has both positive and negative sides, and yet, do not play a leading role in the marriage choice, along with traditional forms of marriage choice, such as acquaintance through friends, relatives, colleagues at work, in public places.

Key words: marriage choice, online dating, youth, the marriage circle, the marriage market, marriage and family relations, social networks, dating sites.

В настоящее время наблюдается трансформация брачно-семейных отношений, переход от «традиционного» типа к «современному», это проявляется в увеличение числа разводов, роста количества пар, которые официально не регистрируют свои отношения, наблюдается трансформация ролей внутри семьи. Немало важным является и то, что сейчас молодые люди вступают в брак позже, нежели предшествующие поколения, тем самым откладывая время рождение детей на более поздние сроки [5, с. 178].

При этом теряют свое значение многие внешние факторы, традиционно стабилизировавшие брачно-семейные отношения, такие, как юридический и религиозный запреты разводов, сексуальной свободы, рождения детей вне брака. Общество, в свою очередь заинтересовано в стабильности, создаваемых брачных союзов и в их социальной эффективности. В связи с этим, именно брачный выбор, имеет решающее значение для будущего функционирования семьи, так как выступает первым и ключевым этапом в формировании брачного союза. Многие факторы риска разрушения и распада брака имеют место уже в момент его заключения и во многом зависят от выбора брачного партнера [3, с.282].

В связи с этим изучение брачного выбора приобретает повышенную актуальность, значимыми становятся исследования факторов брачного выбора, его механизмов и критериев. Брачный выбор является одним из этапов на пути к созданию брачного союза и выступает первым элементом в структуре матrimониального поведения. Брачный выбор представляет собой процесс, в результате которого из всей совокупности возможных, потенциальных брачных партнеров так или иначе, тем или иным способом отбирается тот, единственный партнер, который становится супругом [1, с.123]. Следует отметить, что процесс брачного выбора

исторически конкретен, он зависит от социальных, экономических, социокультурных и ряда других, существующих в обществе условий и факторов. [2, с.72]

В настоящее время преобладает непринудительная стратегия добрачного поведения, которая характеризуется самостоятельным выбором брачного партнера, быстрыми темпами расширяться брачный круг и увеличиваться брачный рынок, одним из основных фактов этого явления можно назвать рост информационных технологий и коммуникационных сетей. В настоящее время происходит увеличения способов знакомств, при помощи новых форм поиска брачного партнера, к таким способам можно отнести поиск брачного партнера с помощью Интернета [6]. Исследование феномена интернет-знакомств является необходимым для понимания его влияния на брачное поведение и как следствие, на формирования новых форм брачного выбора.

С целью выявления роли интернет-знакомств в формирование брачного выбора, в мае 2016 года авторами было проведено социологическое исследование, в котором приняло участие 625 студентов Астраханского государственного университета в возрасте от 17 до 24 лет. Выборка осуществлялась посредством неслучайного, направленного отбора методом выбора квот по заданным параметрам (пол, курс, факультет) в равномерных долях, ошибка выборки составила 2,5% по каждой квоте. Сбор эмпирических данных осуществлялся методом анкетного опроса. Данные полученные в ходе исследования соответствуют всем требованиям репрезентативности.

В ходе опроса были получены следующие результаты, по мнению большинства опрошенных (62,8%) будущего мужа или жену можно встретить в компании друзей или знакомых, также информанты считают, что большой шансов встретить потенциального партнера, в тех местах, где чаще всего бываешь и проводишь больше всего времени, для кого-то отлично подходит работа или учебное заведение, так считают более половины респондентов (52,5%), по мнению более четверти, опрошенных (26,7%) общественные места, такие как улица, транспорт, могут так же оказаться неплохим местом для знакомства со второй половинкой, только (18%) полагают, что Интернет является местом,

где можно найти брачного партнера, другие способы найти брачного партнера выбрали не значительная доля респондентов, сумма всех выборов составила более ста процентов, потому, что опрошенные могли выбрать несколько вариантов ответа.

Первый блок анкеты, так же содержал вопросы о уровне информированности респондентов о феномене интернет-знакомств, согласно полученным данным, абсолютное большинство (100%) опрошенных знают о существовании интернет-знакомств. В рамках исследования студентам был также задан вопрос, выявляющий их уровень осведомленности о специализированных сайтах знакомств, опрошенные чаще всего отмечали вариант ответа «mamba.ru» (41,4%), который на данный момент является лидирующим по количеству пользователей специализированным сайтом знакомств. На втором по популярности месте оказалась платформа «my.mail.ru», эту платформу назвали (30,3%) респондентов, сайт «loveplanet.ru» оказался на третьем месте с (20,4%) выбора среди опрошенных. Два других сайта – «dating.ru» и «rudeate.ru» были отмечены (4,6%) и (3,3%) опрошенных соответственно.

Значительное большинство респондентов (79%) утверждают, что именно через социальные сети пользователи Интернета наиболее склонны искать друзей и брачных партнеров. При этом всего (14%) студентов согласны, что для знакомства в сети наиболее приемлемыми являются специализированные сайты знакомств, а тематические форумы выбрали лишь (7%) опрошенных.

Второй блок вопросов касался личного опыта респондентов, приобретенного в процессе знакомства в Интернете. Несмотря на то, что молодежь на данный момент является социальной группой, наиболее активно использующейся Интернетом и наиболее склонной к использованию новых возможностей, предоставляемых всемирной паутиной, (89%) знакомились в Интернете, однако (11%) респондентов, полностью отрицают подобный способ знакомства. Отказавшиеся от знакомства посредством сети Интернет указали, что «Интернет-знакомство не может заменить реального общения с человеком» (35%), вторым по популярности ответом оказался «боюсь стать жертвой мошенников и/или сексуальных домогательств» (25%), что не

является редкой практикой в сети. Не доверяют пользователям интернета (20%) респондентов (недоверие может выражаться, например, в боязни поделиться личной информацией). Тратить время на бесполезное знакомство не хотят (15%) респондентов и всего (5%) хватает общения в реальной жизни. При этом (47%) опрошенных указывают, что их личный опыт знакомства в сети оказался скорее негативным, нежели позитивным. Однозначно негативным свой опыт называют (15%) опрошенных, тем не менее, суммарные (38%) респондентов указывают, что их опыт общения в сети Интернет был скорее успешным.

Несмотря на достаточно высокий процент студентов, оставшихся недовольными своим опытом знакомства в Интернете, респонденты выделяют множество достоинств у подобного способа знакомства. Одним из наиболее существенных является возможность общения с людьми, находящимися в любой точке планеты: этот вариант ответа выбрали (34,5%) респондентов. Это достоинство объясняется высокой мобильностью сети Интернет, ее доступностью и широкой распространенностью. Следующим достоинством была отмечена возможность выбора собеседника по определенным параметрам (20,4%), простота связи (17,7%) также выделяется как положительная сторона знакомства в Интернете.

Таким образом, можно сказать, что основными достоинствами знакомства посредством Интернета является стирание территориально-пространственных границ, возможность выбора партнера по интересующим параметрам и свободу самовыражения.

Однако наряду с достоинствами у интернет-знакомств респонденты выделяют следующие недостатки, обезличивание общения отметили, когда в ходе разговора невозможно увидеть настоящую реакцию собеседника (36,2%) респондентов. Однако респонденты отметили, что использование сервисов, позволяющих видеть собеседника при наличии специальных технических средств (веб-камеры), таких как Skype, снимает проблему обезличивания общения. Также еще одним недостатком была названа анонимность, когда собеседник может выдавать себя за кого угодно, этот вариант ответа выбрали (27,6%) респондентов. Вопрос анонимности в сети является очень серьезной проблемой

безопасности, которая может привести к разного рода мошенничествам. Тесно связанной с проблемой анонимности является безнаказанность в сети Интернет, которую в качестве недостатка ее отмечают (19,1%) опрошенных.

В ходе проведенного исследования выявлено явное противоречие между личным опытом студентов и их мнением об интернет-знакомствах. В то время как личный опыт у большинства студентов оказался негативным, мнение о сущности знакомства в виртуальной реальности совершенно противоположное. Больше половины (69%) опрошенных указали, что знакомства в сети преимущественно являются положительными, нежели отрицательными. И только 17% высказались, что интернет-знакомства являются скорее отрицательными, чем положительными. Лишь 1% опрошенных однозначно утверждают, что подобный способ знакомства и полученный опыт будут негативными, при этом 13% видят знакомства в сети как положительное явление. Такое значительное расхождение в ответах можно объяснить тем, что собственный неудачный опыт студенты воспринимают не как, правило, а как исключение, исходя из большего количества достоинств и меньшего количества недостатков у подобного типа знакомства. В рамках данного блока также был задан вопрос «Знакомились ли Ваши друзья/близкие с помощью Интернета?», позволяющий охватить не только студенческую молодежь, но и более взрослую категорию населения. В соответствии с полученными данными, большинство (79%) друзей и знакомых опрошенных прибегали к помощи всемирной паутины для знакомства. У значительно меньшего количества студентов (11%) знакомые не используют подобную возможность сети Интернет и (10%) затруднились ответить на поставленный вопрос. Данные результаты могут служить основанием утверждать, что знакомства в сети становятся популярными не только среди молодежи, но и более взрослого населения. Однако сам факт знакомства не означает положительный опыт этого знакомства. В ходе проведения опроса были получены данные, в соответствии с которыми (59%) друзей и близких респондентов имели положительный опыт знакомства в виртуальном пространстве. Однозначно положительным его назвали (14%) респондентов, в то время как вариант ответа «скорее

отрицательный, чем положительный» выбрали только (6%) опрошенных. Таким образом, опыт знакомства в сети друзей по мнению респондентов в большинстве своем является положительным, нежели отрицательным.

Последний блок вопросов был направлен на изучение представлений о типичном человеке, знакомящемся в Интернете. Подавляющее большинство респондентов (86%) утверждает, что в виртуальном пространстве знакомятся только неженатые и незамужние пользователи. И главной целью знакомства, по мнению студентов, для таких пользователей является поиск брачного партнера (супруга/ги).

Респондентам была предоставлена возможность отметить черты характера, присущие типичному пользователю Интернета, желающему познакомиться в виртуальном пространстве. Варианты ответа были представлены парами и составляли противоположные понятия, например: оптимист-пессимист, интроверт-экстраверт и т.д. В соответствии с полученными данными можно представить, какими личностными характеристиками обладает среднестатистический пользователь, знакомящийся в сети: это общий (16,3%) интроверт (13,2%), отличающийся робостью (12,6) и замкнутостью (9,8%), но являющийся при этом оптимистом (8,9%).

Таким образом, по результатам проведенного опроса было выявлено, что отношение населения к феномену интернет-знакомств в последние годы стало более положительным, а использование социальных сетей стало привычной практикой брачного выбора, оно становится более приемлемой и одобряемой общественным мнением новой формой брачного выбора.

В России феномен интернет-знакомства еще только набирает силу и его включение в список общепринятых форм брачного выбора может занять некоторое время. На данный момент наибольшей популярностью пользуется традиционные формы брачного выбора знакомство через друзей, родственников или коллег по работе. Свою пару пытаются найти в местах учёбы или работы, в среде друзей и знакомых, в общественных местах, но всё большую популярность приобретают специализированные сайты-знакомств и социальные сети. У такого опосредованного типа общения существует мно-

жество плюсов, неоспоримых для современного человека, таких как быстрота связи, возможность быстрого прекращения общения, простота использования различных сервисов для общения в сети, расширения числа потенциальных брачных партнеров. Но находятся и минусы, ведь зачастую невозможно знать, кто находится по ту сторону экрана, не встретившись с собеседником лицом к лицу. Таким образом, в России позитивное отношение к знакомствам в сети за последние годы увеличилось, но остается пока скептическим [4, с. 162].

Феномен интернет-знакомства становится все более распространенным в современном информационном обществе и его изучение представляется необходимым для понимания механизма его действия, а также для выявления и прогнозирования последствий подобной формы брачного отбора, на функционирование брачно-семейных отношений и института семьи в России.

Литература

1. Антонова Н.Л. Брачный выбор молодежи: социологическое измерение // Известия Уральского федерального университета. 2015. № 3. С. 122-127.
2. Белинская Д. В. Отношение к добрачному поведению молодежи XXI В. (на материалах эмпирического исследования) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2015. №3 (3). С.70-76
3. Колударова С.В. Культурное разнообразие брачного выбора в современной России // Материалы Афанасьевских чтений. 2015. № 13. С. 281-284.
4. Миронова Ю.Г. Альтернативная форма матримонального поведения: интернет знакомства // Вестник Самарского муниципального института управления. 2016. № 2. С. 157-164.
5. Ушакова В.Г. Брачный выбор в современном Российском обществе: гендерный аспект // Вестник Санкт-Петербургского Университета. 2012. № 12. С. 175-187.
6. Jones S. The Encyclopedia of new media. An essential reference to communication and technology / S. Jones. - Chicago: SAGE Publications, 2003. – 544 p.

Социальная структура современного российского общества в работах Т.И. Заславской

Офицерова Д.А.

В статье рассматривается динамика социальной структуры российского общества в период с 1990 по 2002 год, которая нашла отражение в работах Т.И. Заславской. Раскрывается понимание социальной структуры трансформирующегося общества, выделяются основания для разделения общества на классы. Описывается вертикальная и горизонтальная структуры.

Ключевые слова: социальная структура, класс.

Oftaserova D.A.

T.I. Zaslavskaya on contemporary Russian social structure
The paper discusses dynamics of Russian social structure from 1990 to 2002 and its reflection in T. I. Zaslavskaya's works. The paper explains the concept of social structure in transforming society and basis of class identification. The vertical and horizontal structure is described.
Key words: social structure, class.

Социальная структура современного российского общества стала вызывать особый интерес социологов, когда происходила его радикальная трансформация – в начале 1990-х. Однако вопрос о социальной структуре остается актуальным до сих пор, так как российское общество еще испытывает на себе влияние экономико-политических изменений 1990-х годов: трансформационный процесс еще не окончился, хотя снизил свои темпы.

Социологи занимались изучением социальной структуры в различных аспектах: исследованием среднего класса и элитных групп, проблемами маргинальности и бедности, адаптацией различных возрастных групп к трансформационным процессам в обществе, но немногие изучали социальную структуру на макроуровне – социальную структуру российского общества в целом.

Одним из наиболее последовательных учеников, занимавшихся изучением социальной структуры российского общества была Т.И. Заславская. Социолог не только произвела статистический подсчет, но и разработала теорию социальной структуры – четырехактную модель, которая делит общество на верхний, средний, базовый и низший слой. Однако этой моделью теоретические разработки Т.И. Заславской не ограничиваются, поэтому в данной работе рассмотрим динамику изменения социальной структуры российского общества в работах автора с 1990 по 2002 год.

В статье 1990 года «Социализм, перестройка и общественное мнение» [1] Т.И. Заславская дает критический анализ структуры советского общества и отмечает тенденции его изменения в период перестройки с 1985 по 1990 год.

Автор следующим образом характеризует советское общество, сформировавшееся к 1980-

м годам: «Социально советское общество резко поляризовано. Полюса его социальной структуры образуют высший и низший классы, разделенные социальной прослойкой. Но это не те классы и не та прослойка, которые записаны в Конституции СССР»[1]. Как известно в СССР была принята следующая социальная структура: «два класса, один слой», где под классами понимались рабочие и крестьяне, а слоем называлась интеллигенция. Т.И. Заславская говорит, что на самом деле советское общество делилось на высший класс – номенклатуру, и низший класс – трудящихся, прослойка состояла из людей, приближенных к номенклатуре, но не имеющих властного ресурса. Причем срединную прослойку нельзя назвать средним слоем. Она многочисленна, но разрознена. Её уровень благосостояния выше, чем у основной части населения, но она не обладает собственностью и полностью зависит от расположения высшего слоя.

Получается, что на протяжении всего существования советского общества главным социальным отношением было политическое подавление и экономическая эксплуатация классом номенклатуры класса трудящихся. Поэтому реформу общественных отношений в ходе перестройки Т.И. Заславская считает закономерной. Среди новых тенденций изменения социальной структуры автор выделяет: изменение положения номенклатуры и низших слоев, углубление социального расслоения, появление слоя предпринимателей?.

Наиболее известной моделью стратификации Т.И. Заславской считается та, которую социолог предложила в 1997 году. В статье «Социальная структура современного российского общества» [2] автор представила анализ социальной структуры, основанной на опросах ВЦИОМ с 1993 по 1995 год. Рассмотрим эту модель подробнее.

Т.И. Заславская исходила из гипотезы, что общество можно разделить на верхний, средний, базовый и нижний слой, а также не входящее в социальную структуру «социальное дно». Опишем каждый слой подробнее:

1. Верхний слой – экономическая, политическая и военная элита. Принадлежащие к данному слою индивиды могут иметь разные сферы деятельности и интересы, но их объединяет обладание властью и способностью влиять на происходящий трансформационный процесс.

2. Средний слой – мелкие предприниматели, руководители производственной и непроизводственной сферы, высшая интеллигенция, рабочая элита и кадровые военные. Этот слой назван так из-за своего срединного положения в социальной иерархии, но по причине малочисленности не является основой общества как в западных странах. Т.И. Заславская называет его протослоем.

3. Базовый слой – это массовая интеллигенция, полуинтеллигенция, индустриальные рабочие, крестьяне, работники торговли и сервиса. Данный слой является самым многочисленным. Принадлежащие к нему индивиды, не оказывают влияния на происходящие в обществе трансформационные изменения, а только адаптируются к ним.

4. Нижний слой состоит из неквалифицированных работников и безработных, выступает как жертва происходящих в стране изменений.

5. Социальное дно состоит из несоциализированных групп граждан. Это бездомные, освобожденные из мест заключения, алкоголики, наркоманы.

Описанные пять групп идентифицировались и разделялись по уровню образования, самооценке, квалификации, основному роду деятельности, отрасли занятости, сектору экономики по форме собственности, размеру предприятия, профессионально-должностной группе, а также уровню личных и семейных доходов.

Роль социального слоя в трансформационном процессе во многом определяется способностью адаптироваться к новым условиям, сохранять и улучшать свой статус. По результатам исследования к изменяющимся реалиям легче и эффективнее приспособливается молодежь. Верхний слой тяготеет к крупным городам и столице, базовый и нижний – к малым городам и селам. Детально характеризуя каждый слой по большому количеству признаков, Т.И. Заславская исходит из того факта, что основу социальной стратификации современной России образует дифференциация доходов.

В отношении динамики изменения социальных слоев с 1993 по 1995 год Т.И. Заславская говорит о значительном росте численности следующих групп:

- преуспевающие специалисты;
- рабочая элита;

- средние и крупные предприниматели.
- Возросли, но в меньшей степени следующие группы:
- военнослужащие;
 - полуинтеллигенция;
 - мелкие предприниматели;
 - работники торговли и сервиса.

Уменьшилось количество:

- крестьян;
- неквалифицированных рабочих;
- массовой интеллигенции, специалистов;
- индустриальных рабочих.

Резко сократилось количество менеджеров производственной и непроизводственной сферы.

Такие изменения, по мнению Т.И. Заславской, – следствие сдвига социально-профессиональной структуры в сторону рынка. Растет численность групп, которые либо являются новителями «рыночного начала», либо обладают востребованными профессиональными качествами. В свою очередь «группами-донорами» становятся работники промышленного и традиционного типов труда (индустриальные и неквалифицированные рабочие, крестьяне), а также массовая интеллигенция. Та её часть, что смогла адаптироваться к новой экономической ситуации после остановки государственных предприятий становится предпринимателями или повышают квалификацию, чтобы стать конкурентоспособными, другие – понижают свои карьерные притязания до помощников специалистов и пополняют ряды безработных.

Т.И. Заславская положительно оценивает перспективы изменения социальной структуры: «Все сказанное говорит о глубине и противоречивости переживаемого Россией трансформационного процесса. Элементы модернизации здесь сочетаются с социальным регрессом, причем однозначно определить, какая из этих тенденций преобладает, нелегко. В целом реформы дали толчок, скорее, к развитию, чем к деградации общества» [2]. Однако отмечает рост проблемы приспособления социальных групп к новой реальности и говорит: «Как показывают исследования, в первые годы радикальных реформ (1992–1993 годы) доля адаптировавшихся к новым условиям людей возрастила. Но затем она стабилизировалась, а в последнее время стала снижаться, что свидетельствует об исчерпании адаптационных ресурсов общества»

[2]. К 1996 году снижается количество людей, одобряющих происходящие реформы, в то время как растет число тех, кто не против вернуть советское прошлое.

Получив рабочую модель социальной структуры и описав её в статье 1997 года, Т.И. Заславская развивает свою теорию в статье за 2000 год [3], где обозначает направление её расширения и углубления.

Т.И. Заславская рассматривает основу социально-трансформационной структуры – трансформационную активность групп и социальных слоев. Социолог помимо вертикальной социальной структуры, которую составляет высший средний, базовый и низший слой, выделяет горизонтальную структуру, которую составляют группы с различными социально-политическими взглядами. В этой двумерной структуре Т.И. Заславская выделяет следующие группы:

1. Высший слой, ориентированный на либеральные и модернизационные ценности.
2. Высший слой, ориентированный на консервативные ценности.
3. Социал-демократический высший и средний слой.
4. Коммуно-патриотический высший слой.
5. Представители крупного капитала – олигархи, менеджеры промышленно-финансовых корпораций?, крупных банков и предприятии?.
6. Высший слой криминального мира – лидеры организованной преступности.
7. Бизнес-слой – квалифицированные специалисты деловой сферы, собственники и менеджеры средних и малых, но экономически успешных предприятии? и фирм.
8. Среднее звено бюрократии – государственные чиновники, занятые исполнительским трудом по наим?
9. Квалифицированные специалисты инженерно-технического и социально-гуманитарного профиля, востребованные и адаптировавшиеся к рынку.
10. Относительно адаптированная часть базового слоя – рабочие, крестьяне, менее квалифицированные специалисты.
11. Неадаптированная консервативно-периферий?ная группа – часть базового и нижнего слоев с низким образованием и уровнем квалификации.
12. Маргинально-периферий?ная группа – лукменизованные низы, социальное дно.

13. Основная часть криминального мира, занятая мелкой? преступной? деятельностью или участвующая в организованной? преступности на второстепенных ролях.

Таково, по мнению Т.И. Заславской, гипотетическое строение трансформационной? структуры современного российского общества. Социолог развивает эту теорию в следующей работе.

В статье 2002 года [4] Т.И. Заславская, оставаясь в рамках четырехчленной структуры (верхний, средний, базовый и низший слой), углубляет понимание российской социальной структуры, вводя вторую ось измерения. Автор говорит о горизонтальной культурно-политической шкале, которая в посткоммунистических обществах играет не меньшую роль, чем вертикальная экономическая. То есть наряду с социальными слоями, различающиеся уровнем социального статуса, масштабом и структурой используемых ресурсов и механизмами воздействия на трансформационный процесс, существуют группы, которых объединяет общность культуры, убеждений и интересов, выражаяющаяся в сходной направленности индивидуальных, групповых и коллективных действий.

Автор называет следующие социально-политические силы, имеющие вес в борьбе за разные пути развития России:

- государственная,
- олигархическая,
- либерально-демократическая,
- социал-демократическая,
- национал-патриотическая,
- противоправная,

а также многочисленная внеполитическая общность, куда входят люди, не интересующихся политикой, имеющие о ней смутное и мифologизированное представление.

Т.И. Заславская рассматривает степень распространения названных социально-политических сил в трех ранее выделенных слоях: верхнем, среднем и базовом, то есть распределяет политические взгляды среди акторов макро-, мезо и микроуровня.

На макроуровне происходит борьба государственных, олигархических, национал-патриотических и противоправных сил. Государственнические силы представлены двумя группами:

- правящей политической элитой (руководители основных ветвей федеральной власти,

распорядители государственных денежных и материальных ресурсов, губернаторы, мэры больших городов, руководители крупнейших акционерных обществ с участием государства, а также наиболее высокопоставленные генералы);

- верхним уровнем бюрократии и силовых структур (управленцы, осуществляющие практическое внедрение стратегических решений, принятых высшими чиновниками и военными).

Олигархические силы макроуровня – «собственники крупнейшего капитала, имеющие возможность воздействовать на принятие важных политических решений, менять направления крупных материально-финансовых потоков» [3]. Эксплуатируя ресурсы естественных монополий, они пропагандируют сокращение присутствия государства на рынке, хотят создать оптимальные условия для приумножения крупнейшего капитала, что имеет сомнительное отношение к декларируемым либеральным ценностям.

Либерально-демократические и социал-демократические силы на макроуровне не представлены. Национал-патриотические представлены верхушкой «коммуно-патриотов» – частью советской номенклатуры, которая в результате реформ была оттеснена от власти, но хочет её восстановить. Они апеллируют к недовольным результатами реформ массовым группам.

Представители криминального мира распределены по всей вертикали социальной иерархии и в том числе присутствуют на макроуровне. Социально-политическое влияние имеют региональные преступные группировки, цель которых – только личная нажива, а также лидеры уголовной и экономической преступности, которые имеют легальный статус, но недоступны правосудию.

На мезоуровне представлен максимально широкий спектр общественно-политических сил.

Государственнические:

- Массовая бюрократия и среднее звено военных (представители местной власти, выполняющие значимые административные функции и сосредоточившие у себя в руках ресурс реального влияния на рядовых граждан). Заинтересованы в усилении вертикали власти, которая обеспечит стабильное государственное финансирование и возможность пользоваться служебным положением для увеличения дохода.

– Специалисты высокой квалификации занятые на государственной службе (политические, финансовые, юридические консультанты, представители образования, науки и медицины). Связаны личными отношениями с властью, поэтому субъективно идентифицируются с ней, но профессиональные качества позволяют сменить сферу деятельности с государственной, на частную или эмигрировать.

Олигархические:

- владельцы среднего капитала, предприятия которых входят олигархические империи.
- часть местной бюрократии, купленная олигархами.
- профессионалы, занятые в эффективных промышленно-финансовых компаниях (выступают за концентрацию капитала, так как видят в этом путь выхода из кризиса).

Либерально-демократические:

- бизнес-слой (средние и мелкие предприниматели, управленцы и профессионалы негосударственных организаций, труд которых вос требован и хорошо оплачивается). Выступают за развитие рыночных отношений и экономические свободы, но их действия ограничиваются нелегитимностью рынка.
- независимые специалисты (работники науки, культуры, образования, права, здравоохранения, СМИ, технологий, занятые в частных и государственных организациях или самонанятые). Поддерживают либеральные реформы, так как выступают за свободу в любом её проявлении: экономическом, политическом, интеллектуальном и духовном, даже если это повлечет за собой снижение их лично материального статуса.

Социал-демократические:

- профессионалы бюджетного сектора (до статочно зарабатывают и удовлетворены своим положением, но считают реформы 1990-х годов нелегитимными, спровоцировавшими социальную катастрофу для большинства населения; испытывают зависть к другим странам соцлагеря, лучше сумевшим пройти трансформационный период).

Национал-патриотические:

- руководство убыточных производств, не сумевших адаптироваться к экономическим переменам. Ищут государственной помощи, требуют восстановления изживших себя экономических институтов.

Криминальные:

- коррумпированная бюрократия местного уровня.

Таким образом, средний класс представляется совокупностью слоев, разделенных по социально-политическим ориентациям в зависимости от места на рынке труда и источнику доходов.

На микроуровне также представлено большое количество социально-политических сил:

Государственнические:

- массовая интеллигенция и квалифицированные рабочие, заинтересованные в усилении государства, так как являются потребителями её услуг, в значительной степени живущими за счет его помощи.

- персонал, обслуживающий элиту и субэлиту.

Либерально-демократические:

- массовая интеллигенция и квалифицированные рабочие, занятые в частном секторе и благополучных отраслях экономики. Улучшили свое положение за счет реформ, поэтому поддерживают дальнейшее либеральное развитие.

Социал-демократические:

- массовая интеллигенция и квалифицированные рабочие, ухудшившие свое положение после реформ: бюджетники, работники убыточных отраслей, специалисты, понизившие квалификацию труда ради заработка.

Национал-патриотические:

- рабочие, служащие и крестьяне, не сумевшие адаптироваться к рыночной экономике. Чаще пожилые, менее образованные и мало дееспособные граждане.

Криминальные:

- Рядовые участники организованной преступности.

Таким образом, в статье «Структура российского общества через призму трансформационного процесса» [4] Т.И. Заславская представила гипотетический состав элементов трансформационной структуры российского общества и подробно описала его. Матрица социальных групп, внесенных в систему координат, где одна ось – материальное положение, другая – общественно политические взгляды, демонстрирует сложность социальной структуры российского общества в начале XXI века, не ограничивающуюся разделением на высший, средний и низший слой. С 2002 года многие из опи-

санных групп изменили степень своего влияния, увеличились или сократились, некоторые практически сошли на нет. Однако общая схема распределения внутри социальной структуры осталась неизменной, так как Россия до сих пор переживает последствия трансформации, сохраняет советские черты и развивает нововприобретенные либерально-демократические ценности.

Интересно, как оценивает динамику социальной структуры Т.И. Заславская и какие тенденции изменения выделяет. В статье 2004 года «Современное российское общество: проблемы и перспективы» [5] автор дает обзор динамики изменения социальной структуры с 1993 по 2000 год и говорит о возможных траекториях её развития.

Автор говорит о существовании шести иерархических слоев, разделяя высший слой на два:

1. Высший слой – правящая элита.
2. Верхний слой или субэлита – высшие чиновники, генералитет, собственники и менеджеры крупных предприятий? и банков, культурная элита.

3. Средний слой – среднее звено государственных служащих, высшие и средние офицеры, мелкие и средние предприниматели, директора небольших государственных предприятий?, менеджеры частного сектора, высококвалифицированная и востребованная часть профессионалов.

4. Базовый слой – рядовые специалисты массовых профессий? (инженеры, учителя, врачи и др.), офисные работники, индустриальные рабочие, фермеры, работники торговли и сервиса.

5. Низший слой – неквалифицированные рабочие и служащие, крестьяне, безработные, пенсионеры, инвалиды.

6. Социальное дно – алкоголики, наркоманы, нищие, бомжи, бродяги, проститутки, беспризорные дети и подростки.

Элита составляет доли процента от всего населения России, социальное дно оценивают в 5% населения. Соотношение основных четырех слоев социальной структуры составляет на 2000 год 5:15:68:12, в то время как в 1993 году соотношение было 6:13:73:8. То есть можно говорить о росте среднего класса и сокращении базового, но увеличении бедных слоев населения.

В период с 1993 по 2000 год не только изменилось количественное соотношение социальных слоев, но и социальная дистанция между ними, сформировалась культура бедности, замкнутая на собственное воспроизведение и не формирующая у молодых поколений? установок на повышение статуса. Рост социальной? дифференциации сопровождался снижением реальных доходов населения, в результате чего на 2004 год фиксируется число живущих ниже черты бедности – 36 млн. человек.

Усилилось различие между доходами работодателей? и наемных работников, работников частных и государственных предприятий?, сырьевых и перерабатывающих отраслей? экономики. Также возросло различие в уровне благосостояния жителей города и села, крупных и малых городов, а также разных регионов. Усилилась зависимость доходов от пола, возраста, состояния здоровья, социального происхождения и национальности.

Период с 1993 по 2000 год охарактеризовался ростом неопределенности социального статуса: во многих случаях наблюдалось расходжение элементов статуса, когда высокое положение человека по одной оси стратификации совпадало с низким положением по другой.

В итоге экономические и политические реформы стимулировали активность общества, повысили самостоятельность граждан, усилили образовательную активность молодежи и увеличили её жизненные шансы. Но одновременно широкие слои населения с трудом интегрировались в новую социальную структуру, усилился разрыв между высшими и низшими слоями.

Таким образом, в данной статье на основе работ Т.И. Заславской была проанализирована социальная структура современного российского общества в период с 1990 по 2002 год. Выделены основные классы, описаны социально-политические силы и степень их влияния. Обозначены тенденции изменения социальной структуры в указанный период. Результаты данной работы могут быть использованы при дальнейшей разработке теории социальной структуры трансформирующихся обществ, а также для исследования современной социальной структуры российского общества с 2002 года по сегодняшний день.

Литература

1. Заславская Т.И. Социализм, перестройка и общественное мнение // Социологические исследования. 1991. № 8. С. 3-21.
2. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность, 1997. № 2. С. 5-23.
3. Заславская Т.И. О социально-трансформационной структуре российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 1 (45). С. 15-19.
4. Заславская Т.И. Структура российского общества через призму трансформационного процесса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 4 (60). С. 7-13.
5. Заславская Т.И. Современное российское общество: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 5-18.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общественное мнение населения Республики Северная Осетия–Алания о психологической помощи после теракта в Беслане 1–3 сентября 2004 г.¹

Гадиева А.Н., Дзуцев Х.В.

Статья написана на основе массового опроса «Беслан² после 1–3 сентября 2004 года», проведенного Северо-Осетинским отделом социальных исследований Института социально-политических исследований РАН в мае–июне 2005 г. Всего были опрошены 680 человек, в том числе 23 эксперта: политологи, врачи, юристы, работники социальных служб, госчиновники, журналисты, психологи, деятели общественно-политических организаций. Летом 2016 г. был проведен повторный опрос, в котором приняли участие 15 экспертов. Первая часть посвящена работе СМИ сразу же после трагедии 1–3 сентября 2004 г., вторая основана на экспертном опросе, проведенном спустя 12 лет.

Ключевые слова: потрясающее невежество, чувство самоуважения, доброжелательность окружающего мира, справедливость, доверие, собственная значимость, базисные убеждения, личностное значение, сила страданий жертв, травма, ослабление внутреннего контроля, спекуляция своей особенности, доза социальной поддержки, страх, панические атаки, обрести равновесие.

Gadieva A.N., Dzutsev H.V.

Public opinion of the population of the Republic of North Ossetia-Alania on psychological assistance after the terrorist attack in Beslan on September 1–3, 2004

The article was written on the basis of the mass survey «Beslan after September 1–3, 2004», conducted by the North Ossetian Department of Social Studies of the Institute for Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences in May-June 2005. A total of 680 people were interviewed, including 23 experts: political scientists, physicians, lawyers, social workers, state officials, journalists, psychologists, public figures, and a second survey in the summer of 2016. 15 experts took part in the first part of the work, immediately after the tragedy 1–3 September 2004, the second is based on an expert survey conducted after 12 years.

Key words: tremendous ignorance, self-esteem, goodwill of the outside world, justice, trust, own significance, basic beliefs, personal significance, victim's suffering power, trauma, weakening of internal control, speculation of its own peculiarity, dose of social support, fear, panic attacks, find equilibrium.

Значительную часть граждан России в течение продолжительного периода истории страны мало волновали общественные интересы, а, как известно, если человека не волнуют общественные интересы, то он неспособен на проявление общественной солидарности.³

Социально-психологический климат в республике является ключевым, поскольку в нем речь идет о социуме в прямом понимании: психика – индивид, помощь – общество. Первое есть понимание человеком себя, второе – отношение к нему других.

Что касается психики, как уже было отмечено «по причинам, далеким от понимания, люди отличаются ненасытным аппетитом на рассказы» о чужих травмах, и в еще большей степени непонимания потрясающим невежеством в том, что составляет фундамент существования – в психике. Хотя вернее будет отметить абсолютную уверенность, сродни невежеству, каждого: «уж что-что, а с психикой у меня все нормально».

На что же опирается всеобщая убежденность в «нормальной психике»? И что имеют в виду на бытовом уровне под словами «психологическая помощь»? По одной из существующих теорий психической травмы, о которой идет речь, посттравматические стрессовые расстройства (ПТСР)⁴ есть результат разрушения центральных (базисных) потребностей личности.

Проанализировав работы известных теоретиков психологии личности, можно выделить

четыре вида базисных потребностей, стремление к удовлетворению которых детерминирует человеческое поведение. Индивид стремится, во-первых, максимизировать удовольствие и минимизировать боль; во-вторых, обрести связную и стабильную концепцию окружающего мира; в-третьих, обрести объект привязанности; в-четвертых, повысить чувство самоуважения. Удовлетворение данных потребностей производится с помощью как практической, так и сознательной стратегии поведения. В соответствии с основными потребностями личности выделяются четыре базисных убеждения, составляющие личностную теорию реальности: 1) о доброжелательности окружающего мира; 2) о его справедливости; 3) о том, что окружающим людям можно доверять; 4) о собственной значимости.

Психологическая помощь и состоит в процессе «совладания с травмой – восстановления базисных убеждений». Сложный процесс восстановления происходит между двумя полюсами: на одном находятся старые, комфортные для индивида представления, оказавшиеся необоснованными, на другом – страшный опыт жертвы, содержащий в себе ужас и бессмысличество. Совладание с травмой означает наведение мостов между этими двумя полюсами, которое происходит в несколько этапов.

И здесь нет и не может быть чуда избавления. Только время, помощь профессионалов и работа над собой с целью (которая и придает смысл существованию) возврата ощущения силы и уверенности в себе, в своей способности успешно выходить из тяжелых обстоятельств.

И второе ключевое понятие - «помощь», в трактовке которого также немало крайностей.

«Личностное значение травматического переживания для индивида обусловлено социальным содержанием. Между тем пострадавшие и их окружение могут иметь различные оценки как самого произошедшего, так и силы страданий жертвы. В результате у потерпевшего и его окружения могут сложиться прямо противоположные мнения о впечатлении, восстановлении, забвении и мести... Эти конфликты между оценками значения травмы в некоторых случаях становятся ступенью увековечения травмы в более широком социальном механизме. В результате вскоре после травматического события центральным вопросом может стать не травма как

таковая, а распределение вины и ответственности».⁵

С учетом вышеизложенных подходов профессионалов психотерапевтического сообщества рассмотрим оценки работы их коллег в восприятии как пациентов-пострадавших, так и представителей окружающей их социальной среды.

Из табл. 1 видно, что помощь психологическая, под которой подразумевались организационные проблемы, и психолога – это уже индивидуальный уровень, оценены весьма положительно обеими группами. И также понятно негативное отношение практически одинакового числа пострадавших – 18,5% по психологической, 17,0% по психологу – это неизбежный процент недоработок. О чем говорит в два раза меньший процент недовольных среди непострадавших – 18,5 и 9,8%; 17,0 и 7,6%. А также более трети «затруднились ответить» на вопрос о психологе – 35,9%, поскольку им помощь практически не оказывалась. Если среди пострадавших и членов их семей к психологу обращались 61,5%, то у непострадавших – 8,1%, или каждый двенадцатый, что с большой натяжкой можно принять за уровень фона, если бы не масштаб травмы.

Отношение к телефону доверия «зеркальное в негатив» к предыдущему виду помощи. Практически она не только не была востребована населением – 47,8% «скорее, нет» среди основной и 42,2% в контрольной группах, но и активно ими отрицается: «безусловно, нет» – 18,4 и 32,3%. Это уже явная недоработка соответствующих служб. Тем более с учетом возраста основной массы пострадавших – это молодежь, которой гораздо легче идти на анонимный контакт.

И вновь мнение психологов, которые непосредственно работали с травмированными жителями и их окружением в самом Беслане (табл. 2):

«За помощью обращались те дети и взрослые, которые, во-первых, могли выходить из дома, а во-вторых, были осведомлены о существовании такой возможности. Посттравматическое стрессовое расстройство наблюдалось у всех жителей этого города независимо от того, были ли ребенок и его родственники в заложниках или нет. Поэтому мы работали с каждым человеком, который был готов с нами

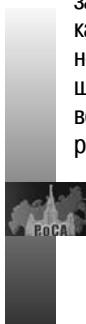

Таблица 1

Как Вы считаете, эффективно, своевременно и в полном объеме оказывается пострадавшим в результате теракта и их близким помощь: психологическая, психолога, телефона доверия? (%)

	психологическая		психолога		телефона доверия	
	П	Н	П	Н	П	Н
безусловно, да	18,6	29,5	24,3	25,0	3,3	2,2
скорее, да	43,6	40,6	43,2	29,3	10,5	7,2
затрудняюсь ответить	15,5	17,6	13,2	35,9	20,0	16,2
скорее, нет	18,5	9,8	17,0	7,6	47,8	42,2
безусловно, нет	3,8	2,5	2,4	2,2	18,4	32,3
итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 2

Если Вы не обращались к психологу, то по какой причине? (%)

Примечание. Менее 10% варианты: другое – 5,5 и 3,0%; «не знаю, куда обращаться» - 4,1 и 6,1%; шесть вариантов ответов менее 1%: «моему горю не помогут», «пока нет желания», «далее общение необходимо», « обращаюсь родственники», «нет квалифицированных психологов», «мне не нужно».

	П	Н
не вижу в этом никакой необходимости	30,9	64,1
не верю в реальную помощь психолога	27,8	8,6
затрудняюсь в выборе специалиста	14,1	4,0
затрудняюсь ответить	14,4	12,6
итого	100,0	100,0

взаимодействовать. Было много добровольцев и местных психологов, врачей и учителей, которые работали с нами, а заодно и учились у нас тому, чего не знали или не умели. Общение с ними было очень приятным и полезным».⁶

В обеих группах абсолютное лидерство заняла позиция «не вижу в этом никакой необходимости». У непострадавших это 64,1%. Придерживаются подобной точки зрения вдвое меньше пострадавших – 30,9%, или одна треть. Это вполне объяснимо различными реалиями жизни тех и других. У непострадавших, почти всех, игнорирующих помощь (91,9%), можно констатировать «культ рационального отношения к жизни и негативную установку по отношению к эмоциям как явлению внутренней жизни человека», которая «находит выражение в современном эталоне супермена – непрощаемого и как бы лишенного эмоций человека». Установка обращается своей противоположностью при столкновении с «реакцией страха», и «супермен» демонстрирует или звериную жестокость, или маразм истерики, что одно и то же. Среди пострадавших «отказников» около 40%, и если третья часть из них также перестали нуждаться в психологе, то с большой дозой оптимизма можно надеяться, что у 10-12% пострадавших «восстановлено чувство самоэффек-

тивности ... и пострадавший вновь начинает управлять своей жизнью».⁷ Реальность подобного вывода подтверждается примерно таким же процентом – 27,8 – тех, которые все еще находятся в состоянии ПТСР и не верят в реальную помощь психолога, а 14,1% затрудняются в выборе специалиста. И столько же – 14,4% – затруднились ответить. То есть вместе с теми, кто не знает, куда обращаться – 4,0%, это уже 32,2%. Еще раз: треть не обратившихся к психологу обрели психическую устойчивость (около 10-12% всех), третья «не верящая» находится на пути кобретению «необходимой степени внутреннего контроля», третья рискуют «закрепить травматическое поведение». Среди непострадавших таковых 8,6 и 22,7%.

Вот мнение психологов, непосредственно работавших в Беслане:

«Взрослые имеют все признаки посттравматического стрессового расстройства. Легче обращаются за помощью не непосредственно пострадавшие, а свидетели, видимо, у них состояние легче и им легче прийти к помогающему специалисту».

Как видно из ответов, это не подтверждается. Нужны дополнительные обследования.

Из табл. 3 видно, что у пострадавших был опыт общения с профессиональными психоло-

Таблица 3

По Вашему мнению, какая форма социально-психологической помощи была бы наиболее эффективной для Вашего ребенка в настоящее время? (%)

Примечание. В графе «прочие» у пострадавших три варианта: «дочь потеряла, других детей нет» - 0,3; «мой ребенок уехал в Москву» - 0,2 и «нет детей» - 0,2%. У непострадавших – «нет детей» - 1,1%.

	П	Н
поездки с целью отдыха и общего оздоровления ребенка	32,8	32,3
индивидуальные консультации психолога	33,3	9,0
групповые социально-психологические занятия со сверстниками	11,6	7,4
участие в кружках по интересам	6,3	12,7
семейные мероприятия	4,3	15,9
другое	3,9	5,3
прочие	0,7	1,1

Таблица 4

Как Вы оцениваете деятельность организаций, оказывающих психологическую помощь жителям Беслана? (%)

Примечание. Менее 10% набрали следующие организации (по убывающей): агентство социально-психологического развития «Путь»; благотворительная организация «Наша жизнь»; Институт психотерапии и консультирования; Швейцарское управление по реабилитации и сотрудничеству; Общество семейных консультантов и психотерапевтов; интернет-проект, САФ; Институт развития дошкольного образования; Центр экологического образования, Москва; общественная организация «Женщины Дона»; региональный центр «Вместе»; Ассоциация экспертов по проблемам детства; Отделение «Датского совета по беженцам».

	Приносит пользу		Вызывает раздражение		Деятельность неизвестна	
	П	Н	П	Н	П	Н
"Российский Красный Крест"	70,5	59,3	1,9	2,0	3,6	1,4
Католический центр «Каритас-Владикавказ»	27,4	28,0	3,2	2,0	2,7	0,5
Центр детского творчества "Гратис"	13,2	14,4	1,5	4,5	18,8	11,0
Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ)	12,0	12,8	1,3	1,5	2,1	3,8
Немецкий фонд помощи детям «Kindernothilfe», Германия	9,5	18,9	1,1	2,5	16,1	8,1
Благотворительная организация "ADRA"	7,7	12,3	1,5	2,0	20,9	11,5
Ни о какой не слышал	6,0	5,8	13,3	13,9	17,0	9,6
Затрудняюсь ответить	18,1	28,0	73,5	78,2	49,3	61,7

гами, поскольку для них «индивидуальные консультации психолога» в три раза более значимы для психической реабилитации детей – 33,3%. У непострадавших - 9,0%. Остальные рекомендации: «участие в кружках по интересам», «семейные мероприятия» – все это осталось на уровне их не травмированного жизненного опыта.

Теперь взгляд на проблему социально-психологической помощи детям прямо по тем же пунктам, но психологов, непосредственно работавших в Беслане:

«Многие отправляют детей из города, и некоторые стараются уехать сами, но детей высыпают раньше и одних. В целом эффект от этих отъездов - неблагоприятный. Одна женщина, которая была в заложниках с сыном (оба выжили) сразу после освобождения уехала в Сочи. И

рассказывала мне, что там все было - «как в тумане», а сейчас, когда вернулась, переживания навалились с огромной силой. У нее - все симптомы острого ПТСР».⁸

... В данном случае могли играть роль два фактора: во-первых, у детей, менее пострадавших, реакции проще, они виднее; во-вторых, серьезно пострадавшие дети, в семьях которых было много потерь, находились под влиянием ближайшего окружения, которое способствовало «замораживанию» чувств и реакций. То есть выяснилось, что наиболее распространенная здесь форма заботы старших о пострадавших детях – это открытое послание: «Забудь все, что произошло, не думай об этом». Дети часто говорили об этих советах взрослых, некоторые совершенно прямо спрашивали, как конкретно это можно сделать, потому что у них не получа-

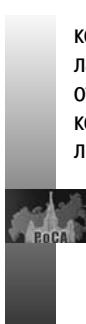

Таблица 5

Укажите, пожалуйста, какое настроение у Вас преобладает в последнее время? (%)

	П	Н
напряженное, подавленное	55,5	38,1
угнетенное, подавленное	39,4	17,2
вялое, безразличное, усталое	25,7	18,9
нейтральное	24,9	37,7
хорошее	9,1	19,3
энергичное, боевое	4,5	12,7
очень хорошее, великолепное	0,7	2,9
затрудняюсь ответить	2,4	2,0

ется. Кроме того, детей часто не берут на похороны, тем самым лишая их того единственного места, где проявление горя поощряется. Их отправляют из города куда-нибудь подальше, отрывая, таким образом, от общего, идущего своим чередом процесса совладания с горем и стрессом. У них родители потеряли других детей и в горе не могут поддержать оставшихся, и эти оставшиеся часто чувствуют, что это как раз они должны поддержать своих родителей, и пр.

... Дети же, имеющие серьезные основания для посттравматических стрессовых расстройств и горевания, на первый взгляд, не демонстрируют особых симптомов и вообще выглядят радостными и довольными (правда, трудно, конечно, не заметить, что эта радость сродни ажитации, они ни на секунду не останавливаются, смеются очень громко и пр.) Иначе говоря, у этих детей меньше внешних проявлений ПТСР. За счет такого «замораживания» их реальное состояние, как потом выяснилось значительно хуже.

... Естественно, дети - на той стадии, когда мысли о том, как все можно было бы исправить, находятся в довольно активном состоянии. Многие все еще продолжают говорить о своих умерших родственниках в настоящем времени, потом осекаются, что более чем естественно, поскольку многих похорон так и не было».⁹

Как известно, сразу же после освобождения заложников в Беслан на добровольных началах ехали работать психологи и психотерапевты из многих городов РФ и из-за рубежа. В табл. 4 респонденты выражают свое отношение к субъектам этой помощи.

Как видно, всего четыре организации имеют у пострадавших рейтинг выше десяти пунктов, среди которых безусловный лидер - «Российский Красный Крест» - 70,5%, на втором

месте, республиканская организация «Католический центр «Каритас-Владикавказ» - 27,0%. Все остальные достойны упоминания. Судя по числу затруднившихся ответить на второй и третий вопросы, в сумме с «ни о какой не слышал» это - 86,8 и 92,1% и 66,3 и 70,3%.

Результат реабилитационных усилий организаций, приведенных в предыдущей таблице, особенно такого масштаба, требует осмысления на трех уровнях: участники, свидетели и социум. В свою очередь субъекты каждого из них могут выбрать две линии поведения: патологическую и продуктивную. Поскольку общепринятым считается положение, что травма ослабляет внутренний контроль, для участника есть большая опасность обрести смысл жизни в статусе жертвы. Стать пациентом вне семьи, а внутри нее - кошмаром для близких и ближайшего окружения - постоянной спекуляцией своей особости.

«...шумно утверждая травму повторным самотравмированием или травмированием других в рамках собственной семьи и за ее пределами, поскольку травма и ожертвление могут служить тотальным оправданием избежать дискомфорта необходимости взять ответственность за свою судьбу на себя... Когда травматические воспоминания остаются непроработанными, травмированный человек склонен уподобляться павловской собаке: легкие напоминания становятся условными стимулами повторного переживания ощущений и чувств, принадлежащих пугающему прошлому...»¹⁰

И вторая: сохранить чувство самоуважения и независимости, и внутренний самоконтроль. В таблице 5 пока доминирует вторая линия, и не только среди пострадавших.

Пострадавшие отмечают: «Напряженное, подавленное» - 55,5%, «угнетенное» - 39,4%

и «вязлое, безразличное, усталое» – 25,7%, «плохое и очень плохое» – 24,9%. Среди непострадавших это 38,1; 17,2; 18,9 и 11,4%. «Нейтральны» 24,9 и 37,7%, хотя не совсем понятно, что они под этим подразумевают. Отрадно, что 9,1 и 19,3% отмечают «хорошее» настроение, и 4,5 и 12,7% - «энергичное, боевое». Хотя это слово произносится не без внутреннего напряжения: «Поскольку общество разделилось, и участники событий образовали особую статусную группу, то «не участники» часто воспринимаются как наиболее благополучные, что бы у них на самом деле ни случилось и в каком бы состоянии они ни находились». Что и видно по таблице, хотя для более уверенного вывода связаннысти их состояния необходимы данные фонового психического состояния населения.

И, наконец, социум также находится в не-простой и очень часто двойственной ситуации. С одной стороны, проблема поддержки получивших травму в том, что обладающие хорошим самоконтролем реабилитируются быстрее, чем те, кто при той же степени благоприятности среды не выходит на необходимый уровень концентрации для проработки травмы, и процесс выздоровления тормозится из-за слабой внутренней мотивации на восстановление автономности.

«Решающим становится вопрос: где границы той оптимальной дозы социальной поддержки, которая достаточна для восстановления чувства самоэффективности и не грозит стать ему помехой?»¹¹

С другой, уже явно негативной, на что обращают внимание все цитируемые источники в способствовании закреплению травмы «из лучших побуждений»:

«Еще один общий момент состоит в том, что все общество поделено на «участников» и «не-участников». Первые выделены в отдельную группу, ее особенность поддерживается всем обществом, и члены группы, таким образом, оказываются в «ловушке». Они должны соответствовать статусу и образу непосредственного участника произошедшей трагедии. Я хочу сказать, что они активно помещаются в позицию жертвы, и, таким образом, преодоление этой позиции усложняется в два раза. Это уже не только собственные усилия, но и противостояние навязыванию роли, которая однозначно и подавляющим большинством им предлагается».¹²

И вот один из возможных объяснительных мотивов подобного поведения, поскольку исключительный статус есть одна из форм отторжения:

«Это, скорее, результат защитных импульсов, служащих поддержанию веры в то, что мир по сути своей справедлив, что «добропорядочные» люди могут управлять своими жизнями, и что плохое случается только с «ненадежными», «непредсказуемыми» людьми. Хотя окружающие способны на искренние спонтанные вспышки благородства по отношению к жертвам острой травмы, длительное присутствие пострадавшего как пострадавшего наносит удар по их вере (по крайней мере, в западной культуре) во власть человека над собственной жизнью. Жертвы - это члены общества, чьи проблемы представляют собой постоянное напоминание о страданиях, гневе и боли мира, что все остальные стремятся забыть».¹³

Из этого непосредственно следует зависимость между положением пострадавших и психическим состоянием окружения, в нашем случае - представленном непострадавшими, состояние нервной системы которых ненамного отличается от психики жертв террористического акта, что видно из таблицы 6. В ней приведены только те варианты, в которых есть значимое различие между группами респондентов, поскольку здесь не ставилась задача выявления общих фобий и страхов населения Беслана, перечень которых включает еще более 20 позиций¹⁴, начиная с «войны, боевых действий» - 31,5 и 29,3%; «будущего вообще» - 21,0 и 23,0% и заканчивая «предательства со стороны близких» - 1,3 и 3,1% у непострадавших. Хочется надеяться, что мизерность этого варианта может считаться типовым отличительным признаком данного социума, в котором проявляет себя почти абсолютная теснота связей между людьми, важность чего не устают повторять профессионалы-психиатры:

«Члены семьи и другие источники социальной поддержки могут быть настолько напуганы настойчивым напоминанием о том, что случившаяся с их близкими трагедия может затронуть также и их жизнь и благополучие, что начинают внутренне избегать пострадавших и обвинять их в происшедшем, - феномен, названный «вторичной раной». Многие личные высказывания выживших после травм подтверждают, что от-

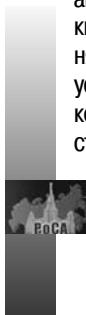

Таблица 6
Чего Вы больше всего опасаетесь, думая о себе, своей семье, своих близких? (%)

	П	Н
повторения терактов	67,6	50,0
страх за близких, детей	47,0	34,4
стихийных бедствий, катастроф	10,3	16,8
бедности, нищеты, невыплаты зарплат	9,9	16,4
бездомности	4,6	11,7

Таблица 7
Скажите, пожалуйста, согласны ли Вы со следующими утверждениями? (%)

	Дети благополучно закончат школу, поступят в институт		Удастся найти достойную работу	Система соцзащиты позволит нормально жить в будущем		Такое больше никогда не повторится		
	П	Н		П	Н	П	Н	
да	24,2	32,1	12,7	17,7	8,1	14,6	7,4	9,0
нет	32,7	21,4	33,2	29,0	48,0	39,0	64,9	52,9
3/ответить	43,1	46,5	54,0	53,2	43,9	46,5	27,7	38,0
итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

существие поддержки от людей, на помощь которых они рассчитывали, обвинения в том, что пострадавшие доставили им ужасающие переживания, оставляли едва ли не более глубокие шрамы, чем сами травмирующие события».¹⁵

Итак, страх «повторения терактов» у пострадавших вышел на уровень массового явления – 67,6%, а «страх за близких, детей» – 47,0% есть «переход в массовые», который фиксируется у непострадавших по первому пункту - 50,0%, а по всем остальным вариантам «устойчивые» – 34,4% и т.д. Показательно, что у пострадавших социальные проблемы вообще стали временно случайными: «бедность, невыплата зарплаты» - 9,9 против 16,4% и «бездомности» - 4,6 и 11,7% у непострадавших¹⁶.

Однако наряду со страхами и паническими атаками «тенденция к позитивной интерпретации тяжелого опыта является неотъемлемым свойством здоровой личности, пытающейся вновь обрести равновесие».¹⁷ Что имеет место пока еще в слабой степени, в ранжировании позитивного будущего всеми респондентами: среди четырех вопросов-утверждений на первом месте вариант «дети благополучно закончат школу, поступят в институт» - с этим согласны 24,2% пострадавших и 32,1% непострадавших (см. таблицу 7). Второе место занимает надежда «найти достойную работу» - 12,7 и 17,7%. Очень слаба надежда на «соцзащиту», и

только каждый двенадцатый пострадавший и десятый среди непострадавших верят в то, что терактов больше не будет. Сопоставление последнего с тем, что каждый четвертый и третий респонденты, как видели раньше, верят в будущее своих детей, говорит только об излишней драматизации настоящего.

Вот мнение психологов об одном из аспектов процесса совладания с травмой: «Изменение жизненной философии состоит, как правило, в том, что в результате тяжкой психической травмы (столкновения с реальностью смерти) человек начинает по-другому оценивать жизнь и повседневные радости, принимать жизнь такой, какая она есть, освобождаясь от иллюзии собственной неуязвимости. Картина мира индивида, пережившего психическую травму и успешно совладавшего с ней, примерно такова: «Мир доброжелателен ко мне. Я обладаю правом выбора. Но так бывает не всегда».¹⁸

Общество и институты суть синонимы, и от того, как они выполняют определенные им функции, зависят как нормы взаимных обязательств между индивидами, так и их реакции и установки по отношению, в частности, к нуждающимся в поддержке. Любые аномалии в социуме, начиная с героизма и кончая терроризмом, есть свидетельство должностной халатности или непрофессионализма формальных процедур соответствующих институтов. Оценка деятельности си-

Таблица 8

Как Вы считаете, что надо предпринять для предотвращения повтора в дальнейшем подобных трагедий? (%)

Примечание. Вопрос звучал так: «Усилить роль вооруженных сил и правоохранительных органов».

	Усилить силовые структуры		Изменить политику на Кавказе		Наладить межнациональный диалог		Внести изменения в законы		Не пускать ингушей в Осетию	
	П	Н	П	Н	П	Н	П	Н	П	Н
да	88,2	82,6	74,5	72,2	69,0	71,7	67,3	66,0	40,5	28,2
нет	4,4	2,8	6,2	4,8	10,1	6,7	8,8	6,2	5,3	5,1
3/ответить	7,4	14,6	19,3	23,0	20,8	21,7	23,8	27,8	54,2	66,7
итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 9

На Ваш взгляд, какие мероприятия, направленные на обеспечение достойной жизни и безопасности Ваших семьи и детей, первостепенны? (%)

	П	Н
материальная стабильность	73,1	78,4
доступное образование	57,5	56,5
поддержка, сплоченность семьи	56,4	53,9
соблюдение традиций	28,3	31,9
рождение детей в семье	20,4	15,5
получение новой работы	14,8	27,2
религия	10,0	12,9

ловых ведомств, законодательного органа и исполнительной власти дана в таблице 8, которая также была ранжирована по степени согласия с приведенными вариантами контрмер насилию.

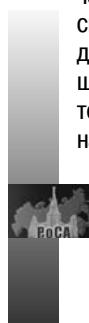
Из табл. 8 в обеих группах просматривается абсолютное упование на силу и политику, в чуть меньшей степени - на законы и «народную дипломатию», меньше половины среди пострадавших и чуть больше четверти непострадавших выступают за введение жестких ограничений и запрета на допуск ингушей в республику. Но это не пресловутая толерантность, а скрытый негатив под вариантом «затрудняюсь ответить», или, говоря термином идеологической реальности, «спираль молчания» – запрет на оглашение своей позиции.

«Каждый из социальных институтов, существующих в обществе, выполняет свойственную им функцию в определении реакций и установок по отношению к пострадавшим. Так, законодательная система играет важную символическую и практическую роль в регуляции агрессивных импульсов в обществе. Уголовный кодекс в любой культуре служит основным внешним заслоном на пути распространения жестокости, ожерцования и мести. Отбирая право на месть у отдельного индивида, закон обеспеч-

чивает систему контролируемого возмездия и наказания преступника и тем самым предотвращает эскалацию конфликта внутри общества. Страдания жертвы тоже требуется сдерживать подобно тому как сдерживаются жестокость и месть».¹⁹

Наряду с перечисленными выше мерами по предотвращению травматизации социума необходимо создать условия для обеспечения психического здоровья фундамента общества – семьи, о чем и говорится в табл. 9.

С редким единодушием обе группы в категории «массовые явления» ставят на первое место «материальную стабильность» – 73,1 и 78,4%, причем стоит обратить особое внимание на второе слово «стабильность», поскольку именно материальная нестабильность и есть источник патогенной «эмоциональной экспрессивности, то есть высота тона, интонации и эмоционального содержания высказываний... качество отношений между членами семьи и, соответственно, качество переживаемых эмоций».²⁰ Далее, на одном уровне чуть более половины в обеих группах, то есть «переходящих в массовые», следуют «доступное образование» и «поддержка, сплоченность семьи». Последнее наряду с четвертым местом - «соблюдение традиций» есть то, что профессионалы называют

так: «Типы обществ различаются главным образом в зависимости от принятых в них норм относительно взаимных обязательств между индивидами и окружением».²¹

Отрадно, с одной стороны, что на пятом месте у каждого пятого пострадавшего находится «мероприятие - рождение детей в семье». Но зато у непострадавших оно на шестом месте и у каждого седьмого. И вновь проблемы трудоустройства беспокоят каждого четвертого из непострадавших. Последнее место религии в категории «случайных явлений» не должно вводить в заблуждение о ее истинном значении в психике травмированных, естественно, взрослых.

«Одна из основных функций человеческих сообществ - обеспечение своих сограждан традициями, установлениями и ценностями, которые могут защитить их от разрушения стрессогенными переживаниями. Религия выполняет важнейшую функцию обеспечения смысла деятельности в ужасающей реальности, оценивая страдания в более широком контексте и утверждая общность мучеников, соединяющую их через поколения, пространство и время. Таким образом, религия способна помочь людям преодолеть погруженность в собственные страдания, перешагнув через них».²²

Оценка экспертами оказания психологической помощи пострадавшим спустя 12 лет

- В Беслане за прошедшие после теракта годы ничего не сделано, кроме того что угробили предприятия, которые работали, обеспечивали население рабочими местами. Безработица, плохое обеспечение детсадами, медицина на низком уровне – все это сказывается на социально-психологическом климате города и накладывается на посттеррортное состояние.

- Убывших заложников состояние психического здоровья с каждый год ухудшается. Если проанализировать, почему так происходит, то, скорее всего, если бы вовремя потерпевшим озвучили всю правду о теракте, провели нормальное расследование, объяснили, что это было, они бы могли снять с себя ответственность за гибель детей, и им сегодня не было бы настолько трудно. Самое страшное для родителей - потерять ребенка. Ответственность за смерть детей в теракте - не их вина. Их жизни были в руках власти. А так как не было объективного расследования, и никто не ответил, то вся эта ответственность лежит на родителях, потерявших своих детей. Если

нет виновных, то, значит, виновата мать. Чувство невиноватой вины остается, вопросы остаются открытыми. Эта боль уходит в подсознание и умирает часть души человека. Это касается тех, кто потерял своих детей. Другая часть заложников, спасшаяся, живет другой жизнью. Выжившие заложники, особенно дети, несравнимое ни с чем счастье. Они такое пережили! Но для них все вопросы повисли в воздухе. У этой части пострадавших все мысли заняты материальными вопросами, для них главное - материальные ценности. В Беслане эта часть самая страшная. У них возникла психология потребителя: «Вы все нам обязаны». Они становятся агрессивными. Активисты движения потерпевших - третья категория. Они, несмотря на свою боль, стараются помогать людям. И эта категория наиболее позитивная.

- Ситуация, скорее, проблематична, может, не так, как 12 лет назад, но такие события бесследно не проходят. Может, они не проявляются внешне, но то, что внутренне жители Беслана находятся в состоянии психологического дискомфорта – это однозначно. Работа психологов велась с так называемым ближним кругом, а с остальными жителями подобной работы не было. Это была травма не только для Беслана, но и для всей республики. Один из писателей, наш современник, сказал, что после Беслана литература не может быть прежней, общество не может быть прежним...

- Несмотря на то что прошли уже 12 лет, есть раны, которые со временем не затянулись. Когда общаешься с людьми, пережившими эту трагедию, то сталкиваешься с феноменом оценки всего происходящего с ракурса Бесланской трагедии. У этих людей есть некая точка отсчета. Во-вторых, даже у тех, которые не перенесли личную трагедию в теракте, в психике формируется некий травматический участок, который и толкает на определенную активность. Когда человек переживает страшные трагедии, то на многие вещи смотрит по-другому, его ценностная шкала меняется. Но есть и другая категория бесланцев, которые никак не изменились: на них никак не сказался теракт. Но общий фон в Беслане таков, что общественная активность в нем выше, нежели в других местах в республике, и гражданская позиция проявляется и достаточно четко выражена. И это имеет место в разных сферах жизни.

- Прошли уже 12 лет. Случившаяся трагедия не забудется никогда ни в Осетии, ни в мире, так как аналогов этому теракту нет. Но вместе с тем время делает свое дело, и эта острота снижается, переходит в другое качество, в незаживающую рану. Это национальная катастрофа, и она навсегда останется в наших сердцах.

- Исходя из логики, такая психологическая травма не может пройти, пока существуют поколения свидетелей. В данном случае самым травмирующим фактором является необъективность подачи события. Если нет объективности со стороны властных структур, то социально-психологическое состояние не только потерпевших, но и окружения ухудшается.

Нет официальной оценки коррупционному фону, который образовался в 1990-е и набирал силу вплоть до 2015 года. От такой несправедливости больно не только жителям Беслана, но и всему населению республики. Приходится искать правду на Западе, в Страсбургском суде.

- Наблюдая за жителями Беслана, сравнивая состояние после теракта, можно сказать, что люди как-то успокоились, жизнь вроде вошла в свое русло. Но жизнь в Беслане не стала лучше, люди не почувствовали никакой поддержки. Изначально, сразу после теракта, была какая-то материальная, социальная поддержка, но когда она закончилась, бесланцам также, как и всем в республике, в России, приходится выживать. Люди считают, что про них забыли, в связи с чем они растеряли моральные, духовные, человеческие качества. Люди думают, как бы выжить, откуда бы урвать, даже соглашаются на какой-нибудь нечистый заработок.

- В Беслане после теракта кое-что построили. А в основном люди живут так же, как и в других местах республики. Когда говорят о Беслане, то невольно вспоминаешь погибших детей. И как бы хорошо там ни жили, эту печаль ничем не утолишь. Хотя многие не понимают, да и не знают, чего хотят женщины Беслана.

- Здание и спортзал школы законсервированы, в дальнейшем планируется создать на этом месте Центр противодействия терроризму, над этим работает комитет «Матери Беслана». Сейчас ситуация такова, что школа №1 - между небом и землей: убирать спортзал приходят сами потерпевшие, матери и отцы, больше некому. В спортзале периодически надо убирать засохшие цветы, застывшую воду, огарки от све-

чей...На место трагедии, в школу №1, приходят очень многие люди, бесконечный поток людей круглые сутки, в любое время года. Там можно часто встретить жителей Беслана, они приходят со своими гостями, с детьми, которые родились после теракта.

- Все жители Беслана пережили эту трагедию, и последствия этого отразились на здоровье каждого бесланца. Именно Беслан оказался эпицентром террористической атаки, которой до этого мир не видел, и это потрясло людей в каждом уголке планеты. Многие, пережившие эту трагедию, неизбежно пострадавшие, до сих пор испытывают душевную травму, психологическую: кто-то раньше времени ушел из жизни, у кого-то изменились ценности человеческой жизни, кто-то просто обозлился, а у кого-то перевернулось сознание и смыслом жизни стали деньги. Для одних Бесланский теракт – это страшная трагедия, постигшее несчастье родителей, смерть детей, невосполнимая утрата, а для других – какие суммы были выплачены пострадавшим, насколько они обогатились... И вот два таких отношения к трагедии столкнулись, и это противостояние в Беслане чувствуется, присутствует некая наэлектролизованность, как перед грозой, в любой момент что-то может произойти. Эта трагедия не объединила людей в Беслане.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

· Профессионалы-психиатры высказывают некоторые сомнения касательно чрезмерного оптимизма по поводу целительной силы искусства именно в случае «травм предельной жестокости». Тем не менее, на уровне обыденного сознания есть понимание важности формирования общего психического фона средствами кино и телевидения. Абсолютный лидер среди опрошенных - фильм «Фатима» по поэме К.Хетагурова – 43,8% среди «пострадавших» и 59,1% у «непострадавших». Вторую позицию занимает нартский эпос: как тематика фильма -- 39,9 и 47,9% и мультфильма - 29,8 и 42,3%. Весь остальной список - есть перечень читательского интереса респондентов.

· Помощь психологическая, под которой подразумевалось решение организационных проблем, и психолога – это уже индивидуальный уровень, оценена обеими группами весьма положительно. И также понятно негативное отношение практически одинакового числа пост-

радавших – 18,5% по психологической и 17,0% по психологу – это неизбежный процент недоработок, о чем говорит в два раза меньший процент недовольных среди «непострадавших» – 18,5 и 9,8%; 17,0 и 7,6% соответственно. А также более трети опрошенных отметили вариант «затрудняюсь ответить» на вопрос о психологе – 35,9%, поскольку им помочь практически не оказывалась. Если среди «пострадавших» и членов их семей к психологу обращались 61,5%, то у «непострадавших» – 8,1%, или каждый двенадцатый, что с большой натяжкой можно принять за уровень фона, если бы не масштаб травмы.

• Телефон доверия практически не только не востребован населением – 47,8% «скорее, нет» среди основной и 42,2% в контрольных группах, но и активно ими отрицаются: «безусловно, нет» – 18,4 и 32,3%. Это уже явная недоработка соответствующих служб. Тем более с учетом возраста основной массы пострадавших – это молодежь, которой гораздо легче идти на анонимный контакт.

• Результаты опроса свидетельствуют о непопулярности психологической помощи как среди пострадавших, так и непострадавших. Не обращались к психологу среди пострадавших 38,5%. У непострадавших таковых было 91,9%.

• В обеих группах абсолютное лидерство мотивации такого поведения заняла позиция «не вижу в этом никакой необходимости». У непострадавших это 64,1%. Придерживается подобной точки зрения в половину меньше пострадавших – 30,9%, или одна треть. Это вполне объяснимо различными реалиями жизни тех и других. У непострадавших, почти всех игнорирующих помочь (91,9%), можно констатировать «культ рационального отношения к жизни и негативную установку по отношению к эмоциям как к явлению внутренней жизни человека», которая «находит выражение в современном эталоне, как бы лишенном эмоций человека». Треть не обратившихся к психологу обрела психическую устойчивость (около 10-12%), третья «не верящих» находятся на пути к обретению «необходимой степени внутреннего контроля», третья рисуют «закрепить травматическое поведение». Среди непострадавших таковых 8,6 и 22,7%.

• Треть респондентов получили помощь психолога, психотерапевта и невропатолога, и, тем

не менее, 36,2 % опрошенных планируют лечение у названных специалистов, что свидетельствует о необходимости более долгосрочной программы психологической помощи. Более 40 % опрошенных намерены пройти общее медицинское обследование.

• Эксперты спустя 12 лет со дня Бесланской трагедии подтверждают, что социально-психологическая обстановка в социуме по-прежнему напряженная, что связано с отсутствием единой государственной программы по реабилитации пострадавших, которыми являются не только бесланцы, но и практически все жители республики.

Ссылки:

1 В результате теракта в Беслане пострадали 1291 человек, 650 семей, насчитывающих 384 фамилии, которых в Северной и Южной Осетиях около 2000 (1958, по данным д.и.н. Гаглоева З.Д.), т.е. число членов фамилии – в среднем 250 (500000/2000). Отсюда следует, что трагедия по родственной линии затронула $384 \times 250 = 96000$ человек. При количестве социальных контактов на одного человека в пределах 10 ё 50, что дает в среднем 30, трагедия на эмоциональном уровне личного переживания и эмпатии-сопереживания затронула не только всю работу, но и все диаспоры за ее пределами. См. Гаглоева З.Д. Осетинские фамилии. – Цхинвал, 2002.

2 На 1 января 2005 г. численность населения г. Беслана составляла 35 604 человека.

3 Дзуцев Х.В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. М., РОССПЭН, 2012, с.694.

4 ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство («вьетнамский синдром», «афганский синдром» и т. п.). Тяжелое психическое состояние, которое возникает в результате единичной или повторяющихся психотравмирующих ситуаций

5 Макфарлейн А., Базел Ван Дер Колк. Травма и ее вызов обществу// Московский психотерапевтический журнал. 2003. №1. С.10.

6 Время после трагедии (к событиям в Беслане) // Московский психологический журнал. 2005. №1. С. 125.

7 Холмогорова А., Гаранян Н. Эмоциональные расстройства и современная культура. (На

примере соматоформных, депрессивных и тревожных расстройств)// Московский психотерапевтический журнал. 1999. №2. С.70.

8 Время после трагедии (к событиям в Беслане) // Московский психологический журнал. 2005. №1. С. 134.

9 Время после трагедии (к событиям в Беслане) // Московский психологический журнал. 2005. №1. С. 126.

10 Макфарлейн А., Базел Ван Дер Колк. Травма и ее вызов обществу// Московский психотерапевтический журнал. 2003. №1. С.11-15.

11 Макфарлейн А., Базел Ван Дер Колк. Травма и ее вызов обществу// Московский психотерапевтический журнал. 2003. №1. С.13.

12 Время после трагедии (к событиям в Беслане) // Московский психологический журнал. 2005. №1. С. 127.

13 Макфарлейн А., Базел Ван Дер Колк. Травма и ее вызов обществу// Московский психотерапевтический журнал. 2003. №1. С.11.

14 Тезаурус (от греч. thesaurus – сокровище) фобий травмированного социума: преступности, разгула криминала - 15,8 и 14,5%; невозможности дать детям образование - 14,5 и 14,8%; нестабильности, неопределенности - 14,5 и 16,8%; слабости власти, анархии, беспорядка - 12,8 и 14,1%; социально-правовой незащищенности - 11,8 и 13,7%; жилищно-бытовых проблем - 10,4 и 13,3%. Далее, меньше 10% по убывающей: наркомании, алкоголизма; одиночества; даты 1 сентября 2005 года; болезней,

дороговизны лекарств, лечения; страхом смерти, старости; бандитизма, воровства; «потеряв детей, ничего не боюсь».

15 Макфарлейн А., Базел Ван Дер Колк. Травма и ее вызов обществу// Московский психотерапевтический журнал. 2003. №1. С.10.

16 Напомним, что «массовые» - это диапазон 61-90%, «перерастающие в массовые» – от 41 до 60%, «устойчивые» – от 11 до 40%, и «случайные» - до 10% наблюдения.

17 Холмогорова А., Гаранян Н. Эмоциональные расстройства и современная культура. (На примере соматоформных, депрессивных и тревожных расстройств)// Московский психотерапевтический журнал. 1999. №2. С.134.

18 Макфарлейн А., Базел Ван Дер Колк. Травма и ее вызов обществу// Московский психотерапевтический журнал. 2003. №1. С.135.

19 Макфарлейн А., Базел Ван Дер Колк. Травма и ее вызов обществу// Московский психотерапевтический журнал. 2003. №1. С.23.

20 Холмогорова А., Гаранян Н. Эмоциональные расстройства и современная культура. (На примере соматоформных, депрессивных и тревожных расстройств)// Московский психотерапевтический журнал. 1999. №2. С.84.

21 Макфарлейн А., Базел Ван Дер Колк. Травма и ее вызов обществу// Московский психотерапевтический журнал. 2003. №1. С.8.

22 Макфарлейн А., Базел Ван Дер Колк. Травма и ее вызов обществу// Московский психотерапевтический журнал. 2003. №1. С.8.

Социальное сиротство в современной России

Сушко В.А.

Целью данной статьи является выявление значимости социально – экономических и девиантных факторов и уровня их влияния на формирование и масштаб распространения феномена социального сиротства в современном российском обществе. Современное состояние института семьи приводит к масштабному проявлению в обществе такого негативного явления как сиротство. Последствия этого явления трагичны и губительны как для конкретной личности, так и для социума в целом. Ученые доказали, что воспитание ребенка в условиях интернатного учреждения оказывается неблагоприятным образом на развитие личности ребенка. Дети - сироты, как правило, отстают в умственном и физическом развитии, чаще болеют, более склонны к суицидным попыткам и преступным действиям. Воспитание ребенка в условиях отрыва от семьи приводит к необратимым изменениям его личности. У брошенных детей, годами воспитывающихся в приютах, где им не хватает личного внимания и эмоционального стимулирования, наблюдаются тяжелые повреждения личности и самосознания. Главным условием полноценного развития ребенка является родительская семья с соответствующей природе формирующегося ребенка организацией жизни, с присущим только биологической семье уровнем общения с родными, и особенно, с матерью.

Ключевые слова: социальное сиротство, качество жизни, проблемы современной семьи, социально-экономические и девиантные факторы формирования социального сиротства.

Sushko V.A.

Social orphanhood in modern Russia

The purpose of this article is to identify the significance of socioeconomic and deviant factors and the level of their influence on the formation and scale of the spread of the phenomenon of social orphanhood in modern Russian society. The current state of the institution of the family leads to a large-scale manifestation in society of such a negative phenomenon as orphanhood. The consequences of this phenomenon are tragic and disastrous for a particular individual, and for the society as a whole. Scientists have proved that raising a child in a residential institution affects adversely on the development of the child's personality. Orphans, as a rule, lag behind in mental and physical development, are more often sick, more prone to suicidal attempts and criminal actions. Raising a child in conditions of separation from the family leads to irreversible changes in his personality. Abandoned children, who have been brought up in shelters for years, lack personal attention and emotional stimulation, they suffer serious personal and self-awareness damage. The main condition for the full development of the child is family with the corresponding nature of the child's organization of life, with the necessary level of communication with relatives, especially with the mother, that is inherent only in the biological family.

Key words: social orphanhood, quality of life, problems of the modern family, socio-economic and deviant factors in the formation of social orphanhood.

Проблемы семьи и детства во все времена находятся в центре внимания общественной мысли, прогрессивных политических деятелей и ученых. Данный феномен закономерен, поскольку «семья представляет собой один из основных институтов общества, придающий ему стабильность и способность восполнять население в каждом следующем поколении» [3].

Сегодня, в условиях социально-экономического, политического и духовно-нравственного кризиса, охватившего современное российское общество, анализ социальной реальности свидетельствует о нарастании негативных тенденций в демографических процессах: снижение числа женщин активного репродуктивного возраста (20-29 лет) [9], рост детской смертности, преступности, сиротства и т.д.

Дети представляют собой специфическую группу населения страны, численностью около 26 млн. человек [10. С. 121] и нуждаются в усиленной и целенаправленной социальной защите со стороны государства. Однако, среди всей детской популяции особого внимания заслуживают дети, составляющие наиболее беззащитную и уязвимую ее часть, а именно, дети – сироты.

Несмотря на актуальность проблемы, официальной статистики относительно детей сирот в России нет. «Парламентская газета» от 23.11.2005 так описывает проблемы учета сирот и беспризорников: «Данных о количестве сирот, а также беспризорных и безнадзорных детях в России на сегодняшний день нет. Разные источники называют разные цифры. В одних источниках сообщается о 3-5 миллионах, в других приводится цифра от 100 до 500 тысяч, независимые эксперты говорят о 4 миллионах. Существует мнение о том, что «Россия в настоящее время переживает третью волну беспризорности несовершеннолетних после Граждан-

ской и Великой Отечественной войн» [14]. В итоге из-за столько разнородных данных и отсутствия официальной статистики, мы получаем сильно различающиеся цифры, и не можем получить достоверной картины.

Ситуация в разнице оценок экспертов и представителей власти относительно стабилизируется к 2007-2008 году. Начиная с 2007 года, в качестве общего числа несовершеннолетних в России официально называется цифра около 28-29 млн., и признается факт значительного уменьшения количества детей в России. Для сравнения на начало 2002 года в России было 31,6 млн. детей и подростков в возрасте до 18 лет, в 2000-34,6, в 1995-38 млн [5].

Сирот в эти годы насчитывается от 731 тыс. (данные государственной статистики)- до 1 млн. (данные Российского детского фонда). Беспризорные дети составляют от 2-2,5 млн. (данные государственной статистики) до 3-4 млн. (по оценкам Совета Федерации, Прокуратуры РФ и независимых экспертов) [12].

По сообщениям П. Астахова, бывшего Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, «Численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в России остается высокой. На начало 2013 года на учете состояло более 643 тысяч детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [15]. Особую тревогу вызывает активное развитие в нашей стране феномена социального сиротства, принимающего все более угрожающие масштабы. На данный момент число социальных сирот составляет более 80% от общего числа детей, лишенных родительского попечения [16].

Как мы видим, проблема социального сиротства в современной России не снижает своих темпов роста, детей сирот не становится меньше. На данный момент на долю детей-сирот приходится 2,5 % общего числа детской популяции.

Однако, как правило, данная проблема изучается социологами фрагментарно, и не проводится комплексный социологический анализ социального сиротства, что не позволяет получить полное представление об этом явлении и увидеть его целостную картину, определить факторы проявления и распространения.

Ученые так же высказали предположения о том, что депривация делает особенно актуаль-

ным для личности сам «момент отвержения», в результате которого возникает травмирующий комплекс, сохраняющийся у такого ребенка на всю жизнь. Исследования показывают, что лишение ребенка материнской заботы ведет к задержке его физического, интеллектуального и социального развития, и может проявляться симптомами психических и физических заболеваний. При этом урон, который эти нарушения несут, становится необратимым. Наиболее тяжелый след социальное сиротство оставляет в психической жизни ребенка. У оторванных от родителей и помещенных в условия интерната детей развивается чувство тревоги и неуверенности в себе, исчезает заинтересованное отношение к миру, тормозится интеллектуальное развитие. Во многих случаях (85-92 %) дети, воспитывающиеся в детских домах, неспособны к обучению по программе общеобразовательной школы, тогда как в общей детской популяции доля лиц с задержками умственного развития не превышает 8-10 % [8]. Не полнота эмоциональной жизни в сиротских учреждениях вызывает у ребенка в более старшем возрасте различные психические расстройства и нарушения социальной адаптации. Это приводит к тому, что подросток уходит в криминальный и асоциальный мир, тем самым пополняя девиантные слои общества.

Проблемная ситуация проявляется также в недостаточном уровне научного изучения феномена социального сиротства, в том числе факторов его формирования, что не позволяет объективно оценить состояние современного социального сиротства.

Для того чтобы объективно оценить современное состояние социального сиротства в России, необходимо провести социологический анализ эволюции отечественного института сиротства в исторической ретроспективе, а именно: выявить факторы возникновения данного явления в российском государстве, определить когда и в каких социальных условиях оно возникло и проследить динамику его развития.

Российское сиротство имеет свои определенные причины и истоки, общие и особенные черты проявления. Развитие его хронологически связано с этапами становления государства, с характером социальных потрясений, которые переживал народ. В России сиротство возникло еще со времен становления государственности у

древнейших славян. Суровость жизни народов, стихийные природные явления, эпидемии, голод, войны славянских племен и, как следствие, гибель родителей - все это привело к возникновению сиротства на Руси. Впоследствии, в царские времена в домах призрения, опекаемых царскими семьями и высшим дворянским сословием, жили тысячи детей-сирот, как правило, дети погибших родителей. Однако здесь следует говорить о минимальном количестве детей сирот. Статус сиротства решительно изменился с началом Первой Мировой войны, которая напрямую повлияла на судьбы многих российских детей, лишив их родителей, семьи, крова.

Ситуация продолжала усугубляться после октября 1917 года. К миллионам осиротевших детей, чьих родителей унесла империалистическая война, присоединились те, кто потерял родителей в годы гражданской войны, тем более что она сопровождалась голодом, разрушой, ожесточенной борьбой с контрреволюцией. В школах было приостановлено нормальное обучение, здоровье основной массы детского населения подорвано длительными лишениями, в стране усилились миграционные процессы, появилась масса беженцев с малолетними детьми. Отвлекающим от естественной заботы о детях фактором в те годы явилось и охватившее самые широкие слои населения революционное брожение, концентрация внимания на вопросах политической борьбы, когда забота о детства отошла на второй план.

Положение детей усугублялось страшным голодом, который обрушился в 20-х годах на Россию. По имеющимся данным в 1921-1922 годах число голодающих и умирающих от физического истощения детей в одной РСФСР доходило до 7,5 млн., а число нуждающихся в неотложной помощи до 6 млн. По другим данным голод охватил почти 25 млн. населения из них 25-30% детей, т.е. около 8 млн.. Дети, даже имевшие родителей, были вынуждены покидать родительский кров, что бы найти пропитание и выжить [6].

Таким образом, крайне неблагоприятная ситуация, сложившаяся в первые послереволюционные годы в России, способствовала резкому увеличению числа детей-сирот и беспризорных, которых, по расчетам специалистов, только в 1921 году насчитывалось от 2 до 4 млн. [9].

В 30-е годы новые волны беспризорников и сирот порождают процессы, происходящие в

сельской местности: голод, разорения крестьянских хозяйств, отток сельского населения в города, безработица взрослой части населения.

В те годы Советское правительство бросило все силы на решение проблем детства и смогло найти действенные меры, способствующие сокращению беспризорности и улучшению положения детей-сирот.

Однако, вскоре новая волна сиротства, рожденная самой властью, захлестнула Россию. Миллионы детей стали сиротами в результате массовых политических репрессий. По последним опубликованным данным, в 1947 в лагерях и колониях находилось около 15 тыс. детей и заключенных женщин, 7 тыс. беременных [2].

Судьба этих детей оказалась страшной, а детство искалеченным. Дети, чьи родители были репрессированы, на всю жизнь оставались изгоями, их единственный путь был детский дом, так как даже близким родственникам таких детей не разрешалось взять их под опеку.

Очередной горестной страницей в истории сиротства стала Великая Отечественная Война, которая лишила тысячи и тысячи детей крова, семьи, родных. В детские дома попадали те, кто потерял родителей в экстремальных условиях оккупации и эвакуации. В результате к концу войны насчитывалось 678 тысяч детей – сирот [10].

В первые послевоенные годы - годы разрухи, нехватки продовольствия, материальных трудностей - к массе детей, оставшихся без родителей, стали прибавляться те, кто оказался заброшенным из-за крайней занятости матери, чьи рабочие руки стали особенно нужны в связи с гибеллю значительной части мужского населения.

Такова картина института сиротства в XX веке. На его развитие влияли такие негативные факторы как: Первая Мировая, гражданская и Великая Отечественная войны, голод, нищета, миграционные процессы, массовые репрессии.

По данным исследователей, до 50-х годов 20 века основную массу детей, лишившихся родителей, составляли круглые сироты. В послевоенное время считалось, что вырастут последние сироты войны и такое крайне негативное явление как сиротство, если не исчезнет вовсе, то будет сведено к минимуму. Однако, число детей, воспитывающихся в детских домах, вопреки прогнозам не уменьшалось. На-

равне с сиротами, оставшимися без семьи, стали появляться и те, чьи родители живы и в состоянии осуществлять заботу о собственном ребенке, но по каким-либо причинам не выполняют своих родительских обязанностей. Год от года таких детей становилось все больше и в 60-е годы приобретает правовой статус понятие «утрата родительского попечения» [11] и данное явление получает название «социальное сиротство».

На сегодняшний день, в условиях отсутствия войн, революций, проблем с продовольствием можно говорить о том, что социальное сиротство в России, его настоящее положение – это современная трагедия, связанная с влиянием совокупности социальных факторов на это крайне негативное социальное явление в российском обществе.

Для того, чтобы выяснить какие факторы в наибольшей степени определяют специфику социального сиротства в современной России, необходимо провести социологический анализ состояния социальной реальности и классифицировать причины, в результате которых дети становятся социальными сиротами.

Одной из главных причин существования и развития социального сиротства в современном российском обществе является отказ матери от собственного ребенка. В российских родильных домах 0,8 % от общего числа новорожденных становятся сиротами уже в первые часы своей жизни [5. С. 81–98]. Только в родильных домах города Москвы ежедневно один ребенок остается сиротой в связи с отказом от него матери, в тех же родильных домах ежедневно возникают от 2-х до 4-х подобных критических ситуаций [5. С. 81–98]. Последствия раннего сиротства сказываются на последующем развитии ребенка крайне неблагоприятным образом. Ранний отрыв от матери оказывает не обратимое влияние на все последующее физическое и психическое развитие даже здорового при рождении ребенка: до 60% в домах ребенка составляют дети с тяжелой хронической патологией, почти 55% отстают в физическом развитии и лишь 5% квалифицируются как практически здоровые. Изоляция младенца от матери обычно приводит к тяжелым последствиям для интеллектуального развития и формирования личностных функций, которые в последствии не поддаются исправлению [13].

Необходимо выявить, каковы же причины, которые заставляет женщину сегодня отказываться от принятия на себя социальной роли матери, порождающие это аномальное явление в российском обществе. Для ответа на эти вопросы необходим комплексный подход и учет всех факторов (как социальных, так и личностных), оказывающих влияние на формирование девиантного материнского поведения.

Бельгийский Комитет по социальным проблемам женщин, исследовав социальные аспекты отказа от ребенка, описал три основные категории бросающих матерей:

Первая категория, наиболее распространенная, - отец бросил беременной будущую мать;

Вторая категория - замужняя женщина рожает ребенка от внебрачной связи;

Третья категория - беременная женщина с низкой социальной и моральной ответственностью.

По данным исследования «Отказы матерей от новорожденных: причины и способы предотвращения», проведенного Лабораторией социальной политики по заказу Благотворительного фонда профилактики социального сиротства, можно сформировать портрет матери, которая отказались от ребенка: молодая, необразованная, незамужняя [17].

- 47% женщин-отказниц – моложе 24 лет,
- 60% имеют низкий уровень образования, среднее и неполное среднее и только 9% учились или учатся в вузе.

По мнению специалистов, глубинные причины отказа от новорожденных часто кроются в детском опыте отказниц, где отсутствуют позитивные примеры материнства.

· 40% выросли в благополучных семьях, но лишь 27% этих семей были полными, получается, что абсолютное большинство, 73% женщин не имеют опыта жизни в благополучной и одновременно полной семье.

· 17% состоит в зарегистрированном браке, и лишь треть живет вместе с мужем или партнером.

· Около 55% женщин длительное время не работают и не учатся, то есть фактически находятся на чьем-то иждивении.

Еще одна распространенная причина, влияющая на формирование аномального материнского поведения – личностное неблагополучие женщины. По данным этого же исследования:

Неблагополучные женщины среди отказниц составляют 20%.

Специалисты выделяют 4 вида неблагополучия:

1. алкогольная или наркотическая зависимость женщины,
2. асоциальный образ жизни женщины (бродяжничество, проституция),
3. женщина проживает вместе с зависимыми членами семьи (алкоголизм, наркомания),
4. в семье женщины процветает бытовое насилие, часто случаются конфликты [17].

Не менее значимым, на наш взгляд, является комплекс социально-экономических и демографических факторов, предопределяющих отказ женщины от новорожденного ребёнка.

Социально-экономические факторы, несомненно, играют основную роль в формировании искаженного материнского поведения. Вместе с тем, проблема отказа от ребенка не является исключительно порождением только лишь низкого уровня материального благосостояния общества. Так, изучая динамику «подкидыщества» в России после революции, учёные отметили в то время труднообъяснимое увеличение числа подкидышей к 1926 г. на фоне определенного улучшения экономической и политической ситуации в стране [1. С. 27]. Современная история также отражает определенный рост «отказничества» в ряде более развитых и благополучных стран Запада. Таким образом, мы полагаем, не менее значимыми факторами, влияющими на формирование семейных отношений и на материнское поведение, являются социокультурные факторы и, в частности, комплекс культурно-национальных и религиозных традиций. Известно, что в этносах с сильным влиянием религиозного фундаментализма (большинство стран ислама) даже в социально незащищенных слоях «отказничество» как социальное явление вообще неизвестно. Христианская мораль и религия расценивают как безусловное зло и грех отвержение матерью своего ребенка. Согласно православному учению о семье: «нерадение о детях - больший из всех грехов, приводящих родителей к крайнему нечестию».

В Христианстве значение семьи, как главного института естественной социальной и биологической защиты ребенка, очень велико. Семья призвана быть малой домашней церковью,

основанной на таинстве брака и личностной любви.

В дореволюционной России, где были очень сильны религиозные традиции, жизнедеятельность семьи определялась христианскими заповедями и в ее основе лежали православные семейные ценности, такие как недопустимость до и внебрачных контактов, полное неприятие разводов, почитание и уважение родителей, забота о детях. Невыполнение этих заповедей считалось нарушением социокультурных норм общества.

После революции 1917 года, когда Россия постепенно становилась страной поголовного атеизма, происходило разрушение семьи традиционного типа. Отрицание религии, снижение, а во многих случаях и уничтожение самой ценности семьи, падение ее нравственных устоев явились одной из причин распространения в современном российском обществе таких негативных явлений, как алкоголизм, наркомания, рост числа матерей-одиночек и несовершеннолетних матерей, аморальный и асоциальный образ жизни, жестокое обращение с детьми.

Современный духовно-нравственный кризис российского общества усилил тенденции внутренней разобщенности и взаимного отчуждения людей, их бездуховности, душевной сухости, крайней индивидуализации, утрате семейных ценностей. Современное состояние общественной морали, пропаганда насилия, жестокости и аморальности, осуществляемая средствами массовой информации, не способствует вхождению в жизнь всего общества христианских нравственных ценностей и соответствующему формированию людьми иерархии своих жизненных целей.

Низкий уровень морали современного российского общества стимулирует снижение ценности семьи и ведет к ее девальвации. Острый социальный кризис отразился на нравственном здоровье семьи, находящейся в настоящий момент в состоянии перманентного кризиса. В России, начиная с 1991 г., социальный статус семьи стремительно и неуклонно снижается, сокращается продолжительность семейной жизни, растет число разводов. По данным Федеральной службы государственной статистики на 2012 год было зарегистрирован 1 213 598 браков и 644 101 развод.

Кризис российской семьи прямым образом сказывается на состоянии современного сиротства. Ослабленная и распадающаяся семья становится резервом для рекрутования различных форм девиантного поведения, в том числе и аномального материнства. Слабость семьи и ее развал приводят к росту внебрачной рождаемости и увеличению численности несовершеннолетних матерей. По данным Минздрава РФ, именно эти две категории женщин - рожающие вне брака и юные матери составляют основную группу риска, так как на их долю приходится большинство «отказов».

На распространение социального сиротства во многом сказываются и недостатки в образовательной и воспитательной системе. В России практически отсутствуют профилактические службы, которые могли бы предупредить «отказ» матери от ребенка или центры социальной помощи неблагополучным семьям.

Подводя итог анализа социально-экономических и социокультурных факторов, влияющих на качество материнства, можно сделать вывод об их исключительном значении в формировании отказного материнского поведения, а, следовательно, и в развитии такого негативного феномена современной России как социальное сиротство. Та социальная реальность, в которой живет женщина, является основной предпосылкой возникновения и развития аномального материнского поведения. Социальная среда не только искажает формирование личностных предпосылок к эффективному материнству, но и служит главным катализатором девиантного материнского поведения. Отказ от материнства - нежелание женщины принять на себя социальную роль матери - тяжелейший признак того экономического и нравственного кризиса, который охватил наше общество. Однако, возникает вопрос, почему при равных условиях одна семья бросает своего ребенка, а другая согласна взять под опеку чужого. Ответить на него можно только тщательно изучив другую не менее важную группу факторов, влияющих на качество материнства, а именно личностно - индивидуальные особенности женщины, отказывающейся от своего ребенка.

Социологическое исследование, проведенное независимой Ассоциацией детских психиатров и психологов выявило, что на формирование девиантного материнского поведения вли-

яют такие личностные факторы как образовательный уровень женщины, ее возраст, определенного рода мотивация ее поведения, социальные установки родительской семьи будущей матери, условия формирования личности девочки, а также психобиологические и патологические факторы.

Как было отмечено ранее большинство «отказниц» имеют низкое общее и профессиональное образование, редко получают престижные профессии и соответственно занимали низкий социальный статус. Известно, что многие матери, отказавшиеся от своих детей, воспитывались в нестабильных семьях, с детства имели негативный опыт межличностных взаимоотношений. Личность многих женщин, не готовых к материнству, формировалась в своеобразной субкультуре, часть из них в детстве страдали от унижающего достоинство ребенка угнетения и безразличного отношения со стороны своих родителей. Исследователи обнаружили возрастание серьезных психиатрических, интеллектуальных расстройств у молодых женщин, выросших в злобной, обижающей, жестокой родительской семье. Такие матери должны рассматриваться как жертвы недостаточной социализации в раннем возрасте, «недостаточной затронутости процессом гуманизации» [4].

Многие из них на себе испытали последствия заброшенности при живых родителях. Особое значение придается искаженному воспитанию со стороны матери. Насилие и издевательство над девочкой закладывает у будущей матери искаженный образ материнского поведения и тем самым нарушает готовность женщины к эффективному материнству. Доказано, что уже в детстве у таких женщин формируется своеобразная поведенческая матрица низкой толерантности к открытым формам агрессии, в силу которой они привычно разрешают собственные жизненные конфликты агрессивными поступками в отношении собственного ребенка. Таким образом, социальные установки семьи, где воспитывалась женщина, определенным образом влияют на ее последующее аномальное материнское поведение.

Большое значение исследователи придают также возрастному фактору, который является одним из существенных из множества определяющих неготовность к материнству. По данным Минздрава РФ, более половины «от-

казниц» - женщины в возрасте до 25 лет. Из них 8% - несовершеннолетние женщины. Фактически удельный вес детей, рожденных женщинами моложе 18 лет, в общем числе родившихся составляет в среднем 2,3%.

Исследования, проводимые во всем мире, в том числе и в нашей стране, указывают на особое неблагополучие внебрачной рождаемости именно среди совсем молодых женщин и на, безусловно, негативный опыт сверхраннего материнства. Психологическая незрелость таких матерей, зависимость от негативного влияния собственных родителей, среди обитания – все это усугубляет психические и психосоциальные проблемы юной матери. Она часто оказывается неспособной воспринимать эмоциональные и экспрессивные сигналы новорожденного. Это нарушает необходимую обратную связь, искаивает формирование психических функций ребенка.

Физиологическая и психическая неготовность многих матерей – подростков к вынашиванию ребенка сопровождается высоким числом осложнений беременности и родов, рождению недоношенных, больных и травмированных младенцев.

Помимо физической нагрузки незрелая личность юной беременной, как правило, испытывает глубокие эмоциональные травмы. Юные беременные и девочки-матери в нашей стране, несмотря на внешнее безразличие общества к их судьбам, находятся под очень сильным нравственным давлением, следствием чего является желание скрыть беременность или прервать ее любыми, в том числе нелегальными средствами. Беременность юной женщины является причиной тяжелых конфликтов в семьях. Последние, зачастую оказываются ни морально, ни материально не готовыми к ее сохранению.

Одной из ключевых проблем сверхраннего материнства является психологическая незрелость юных женщин, их неготовность стать матерью.

Все сказанное выше демонстрирует значимость индивидуальных особенностей «отказницы». На качество материнства во многих случаях также влияют психobiологические и патологические факторы.

Существует ряд психологических гипотез, которые объясняют формирование аномально-

го материнства. Большинство исследователей связывают это с искаженным формированием личностного смысла материнства, и как следствие его кризисные проявления. Для некоторых женщин материнство является главным источником реализации своей женственности, однако желание забеременеть у таких женщин редко совпадает с желанием иметь ребенка. Поэтому неудивительно, что беременность даже полная смысла, приводит к добровольному решению отдать ребенка.

Особые психологические проблемы, связанные с ребенком могут возникать у матерей-одиночек. Запоздалое обнаружение беременности может вызвать агрессивные чувства по отношению к ребенку. Сам ребенок становится символом поражения женщины, в личной жизни и тем самым является формой насилия по отношению к ней. Все это порождает глубокую тревожность. Женщины стараются справиться с ней повышением настойчивости, с помощью какой-нибудь грубости и, как крайняя мера, добровольно отказываются от ребенка.

Добровольный отказ женщины от своего ребенка в этом случае - стремление освободиться от ненужного бремени, от угрозы собственному существованию. Изучая психологическое состояние женщин, отвергающих своих детей, ученыe обнаружили у них эмоциональную и психологическую незрелость, неготовность к браку в силу эмоциональной неустойчивости и эгоцентризма. Такие женщины сосредоточены лишь на своих проблемах, для них характерно чувство несправедливости и недостатка любви, они эмоционально неустойчивы и неспособны к позитивной связи с ребенком.

По-видимому, личностная незрелость и эгоцентризм являются важнейшим психологическим фактором, способствующим формированию аномальных мотиваций у таких женщин, обладающих чертами психологического инфантилизма. Проявлениеми у них этого свойства личности являются следующие: неумение предвидеть очевидные события, элементарно планировать свою жизнь; избежание абортов при заведомом нежелании иметь ребенка, податливость к на jakiум друзьям или родственникам.

Многие женщины, отказывающиеся от новорожденного ребенка, поступают в родильный дом в глубоком депрессивном состоянии, тягостно переживая сложившуюся жизненную ситуацию.

Такие депрессивные состояния, что бы ни лежало в их основе, закономерно вселяют неуверенность в своих силах, в реальность жизненных перспектив, угнетают волю, ухудшают способность принятия самостоятельных и адекватных решений и, в конечном счете, приводят к негативному восприятию новой социальной роли матери.

Процесс принятия решения отказаться от новорожденного, как правило, начинается задолго до рождения ребенка. В это время женщины обычно переживают тяжелый психологический кризис, имеющий в разных случаях разное содержание. Однако общим для них является борьба мотивов, когда инстинктивному стремлению женщины к материнству противодействует неверие в свои силы и возможности, связанное с реальной или мнимой физической или моральной несостоятельностью, с ощущением неспособности и нежеланием преодолевать жизненные трудности, а также с ощущением утраты (или угрозы утраты) социальной поддержки в связи с распадом семьи, со смертью и болезнью близких, высокими социальными притязаниями, со страхом вернуться в родной дом с «незаконнорожденным» ребенком и прочими.

Решающей доминантой здесь является убежденность, что рождение ребенка может стать угрозой для реализации собственных социальных устремлений, или, напротив, ощущение, что мать сама (а через нее и все ее окружение), является угрозой для благополучия и даже жизни собственного ребенка.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что социально-психологические и психиатрические факторы значительным образом влияют на качество материнства.

Аномальное материнское поведение, порождающее такое крайне негативное явление как социальное сиротство, должно рассматриваться как многофакторная проблема, связывающая в единый комплекс социально-экономические, социокультурные и личностные факторы.

Помимо отказа матерей от собственных детей, среди значимых источников социального сиротства заметное место занимает отсутствие заботы о ребенке со стороны родителей. Чаще всего это отцы, которые лишены родительских прав или находятся в местах лишения свободы. Каждое из оснований лишения родительских прав представляет собой источник опасности для ребенка, когда родитель сознательно при-

чиняет вред своим детям. Согласно статье 69 СК РФ такими основаниями являются: если родитель или один из них уклоняются от выполнения своих обязанностей или злоупотребляют ими, жестоко обращаются с детьми, являются хроническими алкоголиками или наркоманами, совершают противоправные действия в отношении своих детей или одного из супругов.

При изучении причин социального сиротства бросается в глаза сложная комбинация обстоятельств, когда мать бросает своего ребенка, руководствуясь своими соображениями, а отец в то же время почему-либо не хочет или не может им быть. Это обстоятельство в свою очередь объясняется либо существованием другой семьи, либо элементарным желанием не усложнять свою жизнь. В результате ребенок остается полностью беззащитным.

Для наиболее полного исследования факторов формирования социального сиротства следует использовать теорию неготовности к материнству Пушкиной Ю.А., которая разрабатывает многофакторный подход к проблеме проявления и распространения феномена социального сиротства [7]. Среди основных факторов выделяются следующие:

1. Природные факторы;
2. Техногенные факторы;
3. Социальные катастрофы;

Во-вторых, факторы, генерирующие непосредственно социальное сиротство, к которым относятся:

Социальные факторы - зависят от социально-экономических и политических условий существования общества в конкретный исторический период, от конкретной социальной среды.

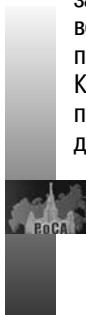
1. Социально-экономические
2. Социокультурные
3. Девиантные

Личностные факторы - зависят от особенностей каждой конкретной личности, ее индивидуальных качеств и свойств.

1. Социально – психологические
2. Психиатрические и патологические.

Поэтому для решения данной проблемы нужно предпринимать усилия и учитывать ряд рекомендаций, способствующих снижению уровня распространения феномена социального сиротства, таких как:

- Необходимо раннее выявление семей, которые находятся в группе риска, с помощью

образовательных учреждений и органов социальной защиты. Для этого учителя и социальные педагоги должны посещать семьи учащихся.

· Необходимо создание служб помощи для семей, которые находятся в группе риска. Подобные службы должны состоять из психологов и социальных работников и оказывать, в первую очередь, психологическую поддержку.

· Необходимо создание школ – интернатов и реабилитационных центров в городах, где наблюдается маятниковая трудовая миграция.

Также необходимо проводить регулярные социологические исследования, так как информация, полученная в ходе проведения исследования, помогла бы выработать ориентиры для проведения эффективной государственной политики в области защиты детства и предупреждении распространения социального сиротства. Также необходимо отметить, что исследования по проблеме социального сиротства проводятся в нашей стране достаточно редко, что вызывает некоторые затруднения при попытке оценить состояние социального сиротства в нашей стране на современном этапе. Таким образом, изучение социального сиротства, как специфического феномена общественной жизни современной России и факторов, влияющих на его распространения в условиях отсутствия войны, голода, массовых репрессий, является крайне актуальным и представляет интерес для различных научных дисциплин, в том числе и для социологии. Выявление социальных факторов формирования социального сиротства в современной России позволит получить социально-значимую и научно – обоснованную информацию о современном состоянии феномена социального сиротства для проведения эффективной государственной политики в области защиты детства и предупреждения масштаба его распространения в современном российском обществе.

Литература

1. Бахман О. А., Солтык Э. Ю. Брошенные дети // Красный октябрь. 1926. № 1. С. 27.
2. Беляков В.В. «О некоторых истоках и причинах социального сиротства», М., 1992.
3. Бессчетнова О.В. Приемная семья как реализация конституционного права детей-сирот

на семейное воспитание // Томский государственный педагогический университет, 2009. № 7.

4. Брутман В.И. Причины социального сиротства // Социальная работа. №2/5, 1994.

5. Брутман В.И., Варга А.Я., Радионова М.С., Исупова О.Г. // Московский психотерапевтический журнал 1996. № 4(14), октябрь-декабрь. С. 81–98. Психологический Институт им. Л.Г. Щукиной.

6. Нечаева А.М. Охрана детей-сирот в России. М., 1994.

7. Пушкина Ю.А. Профилактика ранних отказов от детей в контексте проблем социального сиротства, М., 2005.

8. Рыбинский Е.М. Положение детей в ССР: состояние, проблемы, перспективы. Москва. Изд-во «Дом», 1990. 120 с.

9. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в РФ. 2013 г.

10. Дети в России. 2009: Стат. сб./ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2009. – 121 с.

11. Семейный кодекс РФ, глава 18, ст. 121-123 (редакция от 01.09.2013).

12. Сиротство в России: проблемы и пути их решения, Москва, ноябрь. 2011.

13. Сироты России: проблемы, надежды, будущее, М., 1994.

14. Электронный ресурс: Парламентская газета / Брошенные дети, 23.11.2005, № 207. Режим доступа:

<http://old.rpr.ru/archive/18240126.html>
(Дата обращения 12.09.17)

15. Электронный ресурс: РИА Новости. Режим доступа: <http://ria.ru/society/20130418/933249993.html#ixzz3JQhVgGwb> (Дата обращения 10.09.17).

16. Электронный ресурс: Российская Газета. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/02/08/astahov.html> (Дата обращения: 10.09.17).

17. Электронный ресурс: «Отказы матерей от новорожденных: причины и способы предотвращения» от 05.07.2013. Режим доступа: <http://www.miloserdie.ru/articles/portret-materi-kukushki-opublikovano-issledovanie-otkazy-materej-ot-novorozhdennyh-prichiny-i-sposoby-predotvraschheniya> (Дата обращения: 05.09.17).

Социальные аспекты превращения хобби граждан в постоянный вид работы как фактор самодостаточности

Акулич Е.М.

В статье рассматривается содержание любительского творчества и хобби, социальные аспекты превращения хобби человека в профессиональную деятельность для сохранения его самодостаточности как социального маркера в условиях нестабильности в обществе. Временная работа у значительного числа россиян становится постоянной деятельностью, что создает проблемы с гарантированным доходом, с предоставлением социальных гарантий. Хобби во многом способно открыть ранее неизвестные возможности личности, в том числе, через организацию индивидуального предприятия, гарантирующего самозанятость. Самодостаточность граждан, как маркированный объект, может стать началом процесса самодостаточности всего российского общества.

Ключевые слова: досуг, любительская деятельность, хобби, профессиональная деятельность, социальный статус, самодостаточность, социальный маркер.

Akulich E.M.

Social aspects of the transformation of the interests of citizen in the permanent work as a factor of self-sufficiency
The article considers content of Amateur creativity and Hobbies, the social aspects of turning a hobby a professional career to maintain its self-sufficiency as a social marker in conditions of instability in society. Temporary work in a significant number of Russians becomes a permanent employment, which creates problems with a guaranteed income, providing social guarantees. Hobby is largely able to open previously unknown opportunities of an individual, including through the organization of individual enterprise, which guarantees self –employment. The self-sufficiency of citizens, as the marked object can become the beginning of a process of the self-sufficiency of the entire Russian society.
Keywords: leisure, recreational activities, Hobbies, professional activity, social status, self-sufficiency, social marker.

В условиях современного общества каждый человек задумывается о своем месте и роли во взаимоотношениях с государством. Из материалов социологического исследования, проведенного институтом социологии РАН в октябре 2014 , марте и октябре 2015 года, авторы делают вывод, что существует достаточно большое, порядка 56% , количество людей, не стремящихся менять свою зависимую от государства роль, которая позволяет им жить в привычных условиях. 44% граждан ,наоборот, нацелены жить и обеспечивать себя и свою жизнь самостоятельно, без системного обращения к государству. Согласно полученным данным, первая группа опрошенных отнесена к «зависимым», вторая – к «самодостаточным».[1].Ответственный и самостоятельный подход к собственной жизни, умение рассчитывать только на собственные силы, не уповая на государство- отличительная особенность самодостаточных граждан. Феномен самодостаточности неверно представлять только как способность к самовыживанию в хозяйственной сфере, или организационно-управленческому саморегулированию, он ,по нашему пониманию, подразумевает и духовную самостоятельность, самостоятельный жизненный выбор, устойчивое психологическое состояние, вне зависимости от окружающих обстоятельств. Самодостаточность граждан в условиях социальных вызовов современного общества сама может охарактеризована как некий социальный маркер, трактуемый в многообразной

интерпретации и применяемый в различных социокультурных практиках. Самодостаточность граждан, как маркированной объект, это начало процесса самодостаточности всего российского общества, который можно рассматривать в ряду таких маркеров общества, как «массовое общество» (Ортега-и-Гассет Х.)[2], «общество потребления» (Ж.Бодрийяр)[3] и др.

На протяжении всей своей жизни человек вовлекается в увлечение любимыми видами свободного времяпрожаждения, будь то активные формы отдыха, такие как рыбалка или охота, танцы или туризм, или домашние занятия рукоделием и самодеятельным творчеством. Многообразные духовные потребности человека позволяют ему попробовать свои таланты, увлеченностии в самых различных видах досуга. Многие из этих видов социально-культурного любительского досуга со временем могут стать системным увлечением, своего рода хобби. Современный энциклопедический словарь толкует хобби, как «какое-либо увлечение, любимое занятие на досуге».[4]. В Толковом словаре русского языка (Ожегова) хобби определяется как увлечение, любимое занятие для души.[5].

Как справедливо отмечает И.Верещагина, «включенные в значение «хобби» такие важные уточнения, как «для себя», «для души» позволяют определить хобби как инициативу, направленную на активное творческое преобразование окружающей среды, восполняющее следующие жизненно важные потребности человека, в том числе: духовные, познавательные, психологические, эмоциональные, творческие, коммуникативные, физические, материальные, семейные, политические, религиозные.

Выбор видов досуговой деятельности индивидуален и зависит от интересов и потребностей, связанных с самовыражением и самореализацией личности». [6].

Социологические исследования, проведенные Тюменским государственным институтом культуры в 2014 году, показали, что большинство опрошенных занятия хобби считают возможностью реализовывать собственные творческие устремления и нереализованные, в условиях постоянной трудовой деятельности, другие профессиональные интересы, на которые всегда не хватает времени (74%). Две трети респондентов отмечают желание развивать свои хобби для возможной будущей профессиональ-

ной деятельности (в случае потери или смены настоящей работы (профессии) (78%). Половина опрошенных (52%) считают свои виды хобби социально значимыми для общества, конкретного региона.[7].

В условиях нестабильности в современном обществе, когда жить, не рассчитывая на поддержку государства, вынужденно и необходимо, хобби становится основной профессиональной деятельностью многих людей, показателем их самодостаточности. Как показывают исследования Института социологии РАН, доля россиян, ориентирующихся на собственные силы, рассчитывающих на свои профессиональные качества, хватку и организованность, в октябре 2015 года составила 45% .[1]. С точки зрения профессиональной принадлежности, больше всего независимыми от государства считаются представители непроизводственной (гуманитарной) сферы, а также студенты и инженерно-технические работники с высшим образованием. «Самодостаточные» граждане отличаются от «зависимых» более высоким уровнем их удовлетворенности повседневной жизнью во всем ее многообразии (состояние здоровья, получение образования, проведение досуга, материальная обеспеченность). «Самодостаточные» граждане рассчитывают на собственные силы, и считают главным для себя – инициативу, предприимчивость, и обладание собственным делом, что, по их мнению, делает человека свободным (78% опрошенных).[1]. По данным социологических исследований, в Российской Федерации до 30% работающих – это работники с временной деятельностью, до 25% – работники с неполной занятостью. До 10% людей заняты сезонной или эпизодической деятельностью, еще 10% относят себя к людям свободных профессий.

Временная работа у значительного числа россиян становится постоянной деятельностью, что создает проблемы с гарантированным доходом, с предоставлением социальных гарантий.

«Если учесть, что до 50% специалистов в 2013 году не могли устроиться по профессии, острым для многих людей становится вопрос о необходимости поиска работы, способной дать человеку как устойчивую финансовую стабильность, так и удовлетворение от собственного труда. И хобби во многом способно открыть

ранее неизвестные возможности личности, в том числе, через организацию индивидуального предприятия, гарантирующего самозанятость. Так, в Тюменской области, в последние годы широко развиваются народные промыслы, растет число мастеров, занимающихся разными видами ремесел, в том числе: художественной обработкой кости, ковроткачеством, резьбой по дереву, вышивкой, вязанием, лоскутным шитьем, работой с берестой, с природным материалом, ручным ткачеством, художественной росписью, керамикой, кожевенным делом, народной игрушкой и т.д. Почти две тысячи людей превратили хобби в постоянный вид работы, приносящий доход и удовольствие. Среди них немало людей с профессиями педагогов, работников творческого труда, сферы обслуживания».[8].

Материалы социологического опроса, проведенного Тюменским институтом культуры, свидетельствуют о том, что 90% опрошенных людей, превративших свое хобби в профессиональную деятельность, отмечают удовлетворенность своим новым социальным статусом. [7]

Спектр увлечений и деятельности людей достаточно широк, и задача соответствующих организаций и структур – способствовать адаптации людей в условиях новых социальных вызовов. Инициатива творческой деятельности, проявляющаяся в хобби и превращающаяся в профессиональную работу, должна сопровождаться организационным и социально-культурным обеспечением этой деятельности, поиском

таких управленческих решений, которые будут способствовать социализации и инкультурации включающихся в новую профессиональную деятельность на основе хобби индивидов, и охотно воспринимающих свою самодостаточность, в которой есть жизненные цели, главная из которых – быть полезным обществу[8].

Литература

1. «Самодостаточные граждане»: кто они? как живут? к чему стремятся? // Материалы социологического исследования института социологии РАН.-М.,2014,2015.
2. Орtega-и-Гассет Х. Избранные труды /сост.,предисл., и общ.ред.А.М.Руткевич.-М.,2000.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления./пер.А.Самарской.-М.,2006.
4. Современный энциклопедический словарь [текст]-М.,2012.
5. Толковый словарь русского языка [текст]-М.,2012.
6. Верещагина, И.М. Социально-культурная поддержка хобби как личностной любительской инициативы./Кемерово,2008,-181 с.
7. Акулич, Е.М. Хобби как возможность сохранения социального статуса в условиях нестабильности в обществе/ Молодежь в науке и культуре XXI века: материалы межд.науч.-твор.-форума.Челябинск,2-3 ноября 2015 г./Челяб.-гос.акад.культуры и искусств;сост.Е.В.Швачко.-Челябинск,2015.-434 с.С.274-275.
8. Хобби, как профессия //Материалы социологического опроса ТГАКИСТ под рук.Е.М.-Акулича. – Тюмень, 2014.

Управление конфликтами в контексте обеспечения устойчивого организационного развития

Гизатуллин А.А.

В статье рассматриваются социальные аспекты управления конфликтами в организации. Особое внимание уделяется проблемам определения сущностных характеристик организационного конфликта, рассмотрению роли конфликта в контексте организационного развития, определению структурных элементов управления конфлиktом.

Ключевые слова: организация, организационное развитие, конфликт, организационный конфликт, управление конфлиktом.

Gizatullin A.A.

Managing conflict in the context of sustainable organizational development
The article deals with the social aspects of conflict management in the organization. Particular attention is paid to the determination of the essential characteristics of organizational conflict, consideration of the role of conflict in the context of institutional development, the definition of the structural elements of conflict management.

Key words: organization, organizational development, conflict, organizational conflict, conflict management.

В условиях меняющегося социального контекста актуализируются проблемы поиска новых моделей устойчивого организационного развития. Современные глобализационные процессы, мировой кризис, макро- и микроэкономические вызовы оказывают существенное влияние на эволюцию организационных систем, модифицируя и постоянно видоизменяя их. Как сложные социальные системы, организации находятся в режиме постоянной смены состояний. Необходимо отметить, что меняется и сам характер, и темпы происходящих изменений, в тоже время их становится труднее отслеживать, корректировать и управлять ими, не владея специальными инструментами.

Возможности осмысливать социальные изменения, сформировать на этой основе адекватные принципы и технологии управления составляют основу организационной рациональности в новой меняющейся реальности. Современным организациям требуется комплекс управленческих механизмов, позволяющий адекватно реагировать на вызовы внешней среды и эффективно управлять изменениями.

В отечественной социологической мысли на современном этапе можно выделить несколько методологических подходов к исследованию организации и ее развитию: системный и ситуационный, деятельностный, антропоцентрический, социокоммуникативный и инвайронментальный подходы к анализу организации, позволяющие на новом концептуальном уровне осмысливать сложную систему взаимоотношений организации с динамичной внешней средой, исследовать модели организационного развития. Формируя стратегию организационного развития, преуспевающие организации концентрируют свое внимание на организационной

культуре и формировании системы управления конфликтами, так как именно она способна уменьшить степень неопределенности, сформировать благоприятный социально-психологический климат и обеспечивать целостность. Новые вызовы и импульсы развития социальной среды организации предъявляют иные требования к построению модели организационного развития. В этой связи актуализируются проблемы управления изменениями, развитие организации необходимо рассматривать как «ответ на изменения», как комплексную стратегию, постоянное «улучшения системы, используя рефлексию и методы самоанализа» [1]. Способность к гибкой адаптации, быстро меняющейся рыночной ситуации выдвигают требования к созданию новых методов, форм, средств, процедур и инструментария управления на организационном уровне.

«Организационное пространство ? внутренняя топология социальной организации, структура которой задается не столько физическими, сколько статусно-символическими границами. Если уподобить организацию лабиринту, то можно сказать, что здесь тоже существуют свои препятствия. Они ощущимы, но невидимы, ибо формируются из элементов человеческого поведения ? социальных ролей, норм и ценностей. Поэтому организации имеют «социальную карту» особым образом разграфленное организационное пространство, состоящее из взаимоотношений и связей между людьми как исполнителями ролей» [2].

В силу того, что организации относятся к одной из ключевых характеристик социальных процессов, они становятся объектом исследования в различных отраслях научного знания. В последнее время анализ осуществляется на основе междисциплинарного дискурса, аккумулируя возможности различных отраслей научного знания: теории управления, социологии и психологии управления, теории организации и организационного проектирования, конфликтологии. Устойчивое организационное развитие предполагает обеспечение баланса управления и самоорганизации. Различные концептуальные модели и континуумы организационного развития связаны как с определениями ключевых понятий «организация», «развитие», так и с вариабельностью факторов и условий, детерминирующих данный процесс.

Современными исследователями все большее внимание обращается на переосмысление роли организационных конфликтов в контексте развития организации и возможностей управления ими. Устойчивость организационного развития связывается с регулятивным потенциалом управления конфликтами, который в настоящее время в пространстве организации используется не в должной мере, недостаточно результативными, по-прежнему, остаются применяемые технологии предупреждения и разрешения конфликтов.

Конфликт в организации представляет собой сложную многоуровневую, открытую систему «взаимодействий, основанных на актуализированном противоречии в интересах, целях, ценностях, субъектами которого выступают индивиды или группы, занимающие различные ролевые позиции в организации» [3], организационные конфликты рассматриваются как специфический вид конфликта, так как проявляется в организации «как относительно самостоятельной целостной системе» [4], как вид конфликта, обусловленный «какими-либо специфическими ее свойствами, структурными особенностями, взаимодействием с другими организациями» [5].

Поскольку конфликт, и в особенности организационный, представляет собой сложное многоуровневое явление, то с большой степенью вероятности можно утверждать, и управление в организационном пространстве данным видом конфликтов во многом неповторимо, так как зависит от большого числа факторов и условий. Современная наука управления признает, что конфликт является неотъемлемой частью жизнедеятельности организации, вместе с тем сложность природы этого явления и, как правило, ограниченный временной ресурс для принятия решений требует постоянного совершенствования управленческих технологий.

«Управление конфликтом», «разрешение конфликта» и «урегулирование конфликта» достаточно часто встречаются как в теории, так и в практике как синонимы, рассматриваются как процесса завершения конфликтного взаимодействия. В рамках различных концептуальных моделей управление конфликтом связывается с осознанной и целенаправленной деятельностью по отношению к конфликту, имеющей целью изменение динамики конфликта [6], достиче-

ние желаемых результатов [7]. Исследователями отмечается, что управление конфликтом представляет собой процесс, отражающий умение «проводить организационные изменения» [8].

В качестве ключевых структурных элементов управленческого воздействия на организационный конфликт можно выделить прогнозирование, диагностику и предупреждение, регулирование и разрешение конфликта.

Прогнозирование конфликтов – один из важнейших видов деятельности субъекта управления, оно направлено на выявление причин данного конфликта в потенциальном развитии, а предупреждение конфликтов – это вид деятельности субъекта управления, направленный на недопущение возникновения конфликта.

Диагностика конфликта – деятельность по определению сущности и особенностей конфликта на основе его исследования, а также совокупность принципов, приемов и методов изучения конфликта. Диагностика конфликта заключается в разработке описательной, динамической и объяснительной модели конфликта.

Процедура предупреждения конфликтов основывается на их прогнозировании и диагностике. Конфликты в организации можно предупредить, осуществляя в целом эффективное управление социальной системой [9].

Основные пути предупреждения конфликтов в организации:

- уяснение персоналом требований организации к качеству труда;
- создание сбалансированности рабочих мест;
- оптимизация социальной структуры организации;
- качественная организация профессионально-психологического отбора персонала;
- применение координационных механизмов;
- разработка и четкое следование миссии (общеорганизационной цели);
- структурирование системы вознаграждений, поощрений;
- подготовка компетентных управленцев различных уровней;
- развитие гласности в деятельности организации;
- организация совместного досуга управляющих и персонала.

Мероприятия управленцев не только повышают адаптационные возможности организации, но и оттягивают энергию и внимание индивидов на реальные дела, отвлекают от разного рода внедеятельностных идей.

Регулирование конфликта – управляющее воздействие на конфликт, направленное на успешное побуждение или принуждение сторон противоборства к отказу от целей и действий, способствующих эскалации конфликта и его деструктивному развитию. Подобное управляющее воздействие оказывается вплоть до исчезновения наиболее опасных внешних признаков конфликтного взаимодействия. Однако при этом исходная причина, как правило, не устраняется, что чревато новой вспышкой конфликта на той же основе, с тем же самым составом субъектов и участников.

Разрешение конфликта – управляющее воздействие на конфликт с целью поступательного преобразования системы конфликтных отношений социальных субъектов, в результате которого осуществляется необратимый переход ее в качественно новое неконфликтное состояние. Разрешение конфликта является конструктивной формой его завершения, которая характеризуется добровольным осознанным признанием субъектами и основными участниками конфликтного противоборства полного и окончательного прекращения конфликта и созданием условий, предотвращающих его возобновление на той же основе с тем же самым составом субъектов и участников.

Согласно практике, существует еще один, несколько «парадоксальный» прием управления организационными конфликтами – это стимулирование конфликта, т. е. сознательный вызов конфликта. Средства стимулирования конфликта могут быть различными: вынесение проблемного вопроса на собрании, критика сложившейся ситуации на совещании, выступление с критическим материалом в СМИ и т. д. При стимулировании конфликта руководитель организации должен быть готов к конструктивному управлению и регулированию им, а следовательно, обучен, что немаловажно в условиях российской действительности.

Таким образом, управление конфликтом – это вид деятельности субъекта, направленный на ослабление и ограничение конфликта [10].

Для управления конфликтом необходимо использовать все управленческие механизмы воздействия. В мировой конфликтологии сформировался широкий спектр технологий и методов по управлению конфликтными ситуациями [11]. Технология управления конфликтами включает следующие этапы: анализ причин (источников) конфликта; установление типа конфликта; выбор формы, методов и средств разрешения конфликта; работа по разрешению конфликта (реализация выбранных методов и средств); анализ последствий конфликта; принятие мер по ликвидации или ограничению негативных последствий конфликта и использованию его продуктивных результатов. Кроме того, технология управления конфликтами представляет собой информационно-управленческую систему, основное назначение которой заключается в своевременном эффективном разрешении конфликтов, предотвращении их дисфункциональных последствий. В качестве ключевых принципов управления конфликтами можно выделить:

- необходимость формирования технологии управления конфликтами на основе процессного подхода;
- целенаправленность на обеспечение эффективности и результативности организационной деятельности;
- информированность персонала по вопросам стратегии развития;
- разработка технологии управления конфликтом в соответствии с требованиями системы менеджмента качества и стратегии управления человеческими ресурсами в организации.

Проблема управления конфликтами имеет важное значение не только с точки зрения значимости ее теоретического решения, но и с точки зрения возможности практических мер, позволяющих реализовать усилия в деле управления конкретными конфликтными процессами в организации. Логика управления конфликтом может быть представлена в следующем виде: субъект управления создает механизм, через элементы которого он будет управлять конфликтными отношениями; субъектом управления формируются управляющие воздействия на элементы созданного им механизма управления;

управляющие воздействия вызывают к жизни силы по самоорганизации, которые приводят к изменениям в развитии конфликтных отношений. Управление конфликтом представляет собой сознательную, целенаправленную деятельность либо самих его участников, либо сил, заинтересованных в определенном изменении конфликтных отношений, состоящую в организации воздействий на элементы структуры и факторы развития конфликта с целью регулирования интенсивности и направленности конфликтного процесса.

Литература

1. Бенис Ч. Организационное развитие: природа, происхождение и перспективы. М., 1996. С. 120.
2. Кравченко А.И., Тюрина И.О. Социология управления. М., 2004. С. 437.
3. Гусейнов А.Г. Конфликтология. Учебник для студентов высших учебных заведений?. Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2003. С. 63.
4. Коробко В.И. Теория управления. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
5. Бальшаков А.Г., Несмелова М.Ю. Конфликтология организаций?. - М.: МЗ Пресс, 2001. С. 56 – 59.
6. Анцупов А.Я., Баклановский? С.В. Конфликтология в схемах и комментариях: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. – СПб.: Питер, 2009. С. 98
7. Блюм М.А. Управление конфликтами в коммерческой? деятельности: учебное пособие / М.А. Блюм, Н.В. Молоткова. – Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГГУ», 2011. С. 63 – 66.
8. Лукин Ю.Ф. Конфликтология: управление конфликтами: Management of the conflicts: учебник для вузов. – М.: Академический? Проект; Трикста, 2007. С. 7.
9. Чаплыгин А.А. Социальные технологии и управление конфликтами в коллективе. Калининград: КГУ, 2000. С.4 – 10.
10. Светлов В.А. Управление конфликтом. Новые технологии принятия решений в конфликтных ситуациях. СПб.: Росток, 2003. С.87 – 118.
11. Красовский? Ю.Д. Организационное поведение. – М.: ЮНИТИ, 2013. – С. 54.

Уровень жизни жителей Москвы в фокусе устойчивого развития

Грачева О.Е.

Статья посвящена анализу жизни жителей Москвы в фокусе устойчивого развития с использованием комплексного мониторинга уровня и качества жизни граждан пожилого возраста в городе Москве, который проводится решением Департамента труда социальной защиты населения города Москвы два раза в год шесть лет. Автор статьи принимает участие в исследованиях на протяжении последних четырёх лет. За 11 этапов мониторинга, в ходе которых было опрошено свыше 62 000 тысяч пожилых москвичей, получена уникальная информация. Исследование выявило необходимость более активной социальной политики в отношении граждан пожилого возраста, которая должна быть направлена на обеспечение и поддержание достойного уровня и качества их жизни.

Ключевые слова: устойчивое развитие, мониторинг, уровень и качество жизни, пожилые люди, социальное обслуживание, социальная активность, управленческие рекомендации

The standard of living of the inhabitants of Moscow are in the focus of sustainable development
Gracheva O.E.

The article is devoted to analysis of comprehensive monitoring of the level and quality of life for senior citizens in the city of Moscow, which is held by the decision of Department of labor social protection of the population of the city of Moscow twice a year for six years. The author participated in eight research. During the first 11 phases of the study, which polled more than 62 000 thousand elderly Muscovites received unique information. National trends of increasing proportions of elderly people in the social structure of society is especially evident in Moscow, but have features. More active social policy for the elderly.

Key words: sustainable development, monitoring, level and quality of life, elderly, social services, social activity, and management recommendations

Концепция устойчивого развития общества была принята на конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. в Рио-де-Жанейро и внедрялась в странах мира и муниципальных образованиях путем реализации планов, зафиксированных в документе «Повестка дня на XXI в.» (англ. Agenda 21). Данная программа была принята на конференции ООН «Саммит Земли» в Рио-де-Жанейро в июне 1992 года представителями 179 государств. Программа всемирного сотрудничества направлена на достижение двух целей – высокого качества окружающей среды и здоровой экономики для всех народов мира. Тогда же была принята Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию, в которой были формулированы основные принципы экологического права.

Рассмотрение проблематики устойчивого развития применительно к уровню жизни населения в целом и жителей Москвы – в частности, позволяет прийти к ряду выводов, которые затрагивают как вопросы устойчивого развития, так и состояния социальной защиты в настоящем и с перспективой будущих изменений.

Сформулированный на исходе индустриального периода развития цивилизации постулат устойчивого развития, призванный соединить возможности позитивных изменений для поколения, стоящего в центре текущего этапа социально-экономических процессов, с возможностями не меньшего, если не большего использования ресурсов окружающей среды для последующих поколений, этот принцип превратился в один из наиболее влиятельных императивов современного социума.

Переход к новому этапу промышленной революции, связанному с развитием электронных устройств, вычислительной техники и автоматизированных производств, не снизил значи-

ности требований устойчивого развития, а, на-
против, актуализировал и обострил их. Эколо-
гическая проблематика вошла в число наиболее
важных задач III тысячелетия, неразрывно свя-
зывая экономические задачи с задачами сохране-
ния благоприятных свойств вмещающего ланд-
шафта.

Параллельно, наряду с биосферными и экос-
ферными аспектами устойчивого развития на
первый план желаемых и необходимых измене-
ний выдвинулись задачи поддержания и совер-
шенствования позитивных качественных харак-
теристик.

Дифференциация населения мира на раз-
витые и менее развитые (развивающиеся) об-
щества предполагает, что жителям соответствую-
щих стран предстоит приложить усилия для
того, чтобы обеспечить себе условия жизнедея-
тельности, отвечающие базовым требованиям
достойного существования, зафиксированным
в основных документах ООН, других междуна-
родных и региональных объединений (напри-
мер, Европейская хартия). Эти условия предус-
матривают уровни социальной защищенности,
соответствующие минимальным нормам Кон-
венции № 102 о минимальных нормах социаль-
ного обеспечения Международной организации
труда (МОТ) и Рекомендации № 202 МОТ о ми-
нимальных уровнях социальной защиты. В на-
званном документе, подписанным и ратифици-
рованном нашей страной, сформулировано сле-
дующее определение: «минимальные уровни со-
циальной защиты представляют собой установ-
ленную в национальных масштабах систему ос-
новных социальных гарантий, которые обеспе-
чивают защиту, нацеленную на предотвраще-
ние или сокращение масштабов бедности, не-
защищенности или социальной изоляции».

Несмотря на повсеместную практику реали-
зации нормативов социальной защиты, одно-
значной дефиниции данного понятия, научно
обоснованного определения его содержания до
сих пор не существует не только в нашей стране,
но также в социальных науках других стран. Об
этом свидетельствует разнообразие терминов,
применяемых в научном, правовом и политичес-
ком дискурсе, несовпадающие подходы в осуще-
ствлении мер социальной защиты, социального
обеспечения, социальной поддержки.

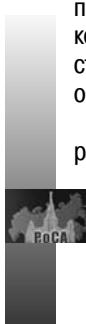
Следует предположить, что деятельность в
рамках социальной защиты населения всегда оп-

ределяется, с одной стороны, имеющимися
представлениями о достойном существовании,
с другой стороны – располагаемыми ресурса-
ми общества. Объем и доступность этих ресур-
сов могут быть настолько различными, что в
мировых и региональных нормативных докумен-
тах не применяются точные значения показате-
лей, которым необходимо следовать, а приво-
дится многозначительное определение
«reasonable» - «разумный», то есть количествен-
ные значения отдаются национальному законо-
дательству и национальным государственным
возможностям.

Однако отечественные решения в данной
области, как и мероприятия органов социаль-
ного управления в других странах, всегда нахо-
дятся в состоянии балансирования между двумя
крайностями: желанием наиболее полного
обеспечения потребностей граждан, учитываю-
щего нужды текущего потребления и средства,
необходимые для развития, с одной стороны, и
желанием мотивировать самостоятельную ини-
циативу и социальную активность граждан, обя-
занных обеспечивать себя и свои семьи. Эконо-
мически ограниченная политика социальной
защиты не обеспечивает потребности жизнеде-
ятельности, соответствующие современным
ожиданиям и представлениям. Чрезмерноши-
рокая политика социальной защиты порождает
иждивенческие настроения в обществе и спо-
собствует формированию «культуры бедности».

Поэтому органам принятия решений при-
ходится вести «тонкую настройку» инструмен-
тов социальной защиты, чтобы обеспечить в
первую очередь права тех, кто испытывает осо-
бую потребность в заботе государства. Это лица,
которые по объективным причинам не могут
самостоятельно конкурировать за социальное
благополучие с другими индивидами, у кото-
рых нет таких особенностей. Это в первую оче-
редь пожилые граждане, уже миновавшие воз-
раст трудоспособности; это лица с ограничен-
ными возможностями здоровья, это семьи, за-
нятые воспитанием детей, особенно в тех слу-
чаях, когда число детей в семье превышает сред-
нестатистическое.

Отечественное законодательство в форму-
лировке гарантий социальной защиты указан-
ных групп населения, колеблется между двумя
управленческим и принципами – категориаль-
ным и адресным. Категориальный принцип пре-

дусматривает предоставление полного спектра мер социальной защиты всем лицам (семьям), относящимся к конкретной категории. Адресный принцип предполагает предоставление соответствующих мер на основе оценки индивидуальной нуждаемости граждан, а не в соответствии с принадлежностью к льготируемой категории.

Рассматривая тенденции отечественного законодательства и социальной практики, мы можем констатировать, что в последние годы происходит постепенный отход от категориального определения целевой аудитории социальной защиты по направлению к индивидуальной оценке нуждаемости. Наиболее ярко это проявилось в федеральном законе от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», где предусмотрено предоставление социальных услуг гражданам именно на основе оценки их нуждаемости в социальной обработке и довольно подробно регламентированы обстоятельства, определяющие указанную нуждаемость. Федеральный закон от 29.12.2015 г. № 388-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части учета и совершенствования предоставления мер социальной поддержки исходя из обязанности соблюдения принципа адресности и применения критерии нуждаемости» формирует правовую основу, которая позволяет региональным законодателям и уполномоченным органам применять критерий нуждаемости в различных направлениях социальной поддержки.

При этом применение принципа адресности является более сложным с точки зрения администрирования имплементации законодательства, чем безадресное предоставление соответствующих мер поддержки. Так, реализация положений, предусмотренных в Постановлении Правительства Москвы от 28 декабря 2016 года № 954-ПП «О введении уровня имущественной обеспеченности в качестве критерия нуждаемости (малообеспеченности) семьи и порядке оценки уровня имущественной обеспеченности для предоставления мер социальной поддержки малообеспеченным семьям» требует представления документального подтверждения экономической (имущественной) обеспеченности семьи, при этом отдельные доку-

менты (например, по наличию жилых помещений) могут быть легко проверяемы, другие документы – (о земельных участках, о денежных вкладах), - получить и/или проверить гораздо труднее.

Вводимое поэтапно составление реестров получателей социальных услуг и мер социальной поддержки будет постепенно формировать информационные банки данных, упрощающие администрирование процедур по осуществлению адресного подхода на основе оценки нуждаемости.

Устойчивое развитие в социальном аспекте для всех государства, и в первую очередь – для России, имеет неразрывную связь с демографической устойчивостью. Люди – основа социального капитала каждого общества, те, чьим трудом создается всеобщее богатство, чьими талантами осуществляются преобразования и открытия.

Глубокие социально-экономические потрясения, военные и политические катастрофы, которые переживала наша страна в XX веке, привели к сильным демографическим деформациям, результаты которых влияют на современное состояние российского общества и будут сказываться в ближайшие десятилетия. Наряду с демографическим старением, в котором Российская Федерация повторяет с некоторым запозданием путь многих стран мира, мы являемся свидетелями низкой рождаемости на фоне относительно высокого уровня смертности, что приводит к увеличению доли лиц старшего возраста, сокращению трудовых резервов будущих десятилетий, прогнозируемому сокращению населения в целом.

Преодоление трудностей, определяемых сложившимися тенденциями демографического развития, требует принятия комплексных, долгосрочных мер социально-демографического реагирования и, следует подчеркнуть, они всегда должны осуществляться в совокупности с другими мерами, активизирующими социальную политику в нашей стране и ее регионах.

Региональный аспект устойчивого развития социальной защиты является одним из наиболее значимых для нашей страны. Граждане, населяющие территорию соответствующего субъекта Российской Федерации, работают и генерируют экономические потоки, наполняющие бюджет региона. Конкретные величины со-

циальных расходов определяются органами власти указанного региона. Реализуют меры социальной поддержки и социальные услуги органы и организации, создаваемые в субъекте РФ, и чаще всего из средств этого субъекта.

Таким образом, рассмотрение региональной стороны устойчивого развития социальной защиты населения представляет наиболее информативную и содержательную картину его развертывания.

Город Москва является во многих смыслах слова уникальным субъектом Российской Федерации – небольшой по территории, но наиболее населенный и наиболее экономически продвинутый регион, он имеет возможность формировать устойчивую систему конструирования и реализации политики социальной защиты населения, в особенности в течение последнего десятилетия.

Государственные социальные гарантии уязвимым категориям населения в Москве предстаются на основе как текущего законодательства, так и целевых государственных программ, содержащих как перечень реализуемых мероприятий, так и публичные финансовые обязательства Правительства города Москвы. Система социальной защиты населения столицы не только реализует переданные с федерального уровня полномочия, но также расширяет категории граждан, охваченных мерами социальной поддержки.

Несмотря на трудности, обусловленные мировым финансово-экономическим кризисом, до настоящего времени не было допущено никакого сокращения финансирования по обязательствам Правительства г. Москвы перед гражданами. Более того, если федеральным законодательством в качестве границы малообеспеченности при предоставлении социальной помощи (ФЗ № 178) или бесплатного социального обслуживания (ФЗ № 442) определена величина прожиточного минимума, то в Москве введено понятие социального стандарта пенсионера, который определяется ежегодно и значительно превосходит величину прожиточного минимума.

Социальная стабильность, устойчивость состояния социальных систем определяется как объективными процессами, происходящими в самой системе и вокруг нее, так и оценками граждан, являющимися бенефициарами политики со-

циальной защиты, уровнем их удовлетворенности или неудовлетворенности функционированием системы.

Для того, чтобы выявить эти оценки и определить их динамику, в Москве с 2011 года проводятся масштабные социологические опросы в рамках реализации мониторинга уровня и качества граждан пожилого возраста, а с 2016 года – также мониторинга уровня и качества жизни инвалидов.

Мониторинг – такой социологический и управленческий инструмент, который позволяет оценить постоянство показателей, выявить изменения в отношениях граждан к тем или иным факторам жизнедеятельности.

Учитывая сложность структуры социальной группы пожилых людей в Москве, в порос вовлекаются не только граждане, репрезентативные по полу и возрасту, но также работающие и неработающие пожилые граждане, лица, получающие и не получающие услуги в системе социального обслуживания.

Новое измерение социально-управленческих знаний дает сравнение результатов первого (2011 г.) и 11 (2017 г.) этапов мониторинга. Опросы показывают, что пожилые граждане в основном стабильно оценивают свое положение (оценки средние и выше средних). Оценка удовлетворенности жизнью достаточно высокая – превышая иногда три четверти опрошенных.

К сожалению, стабильность наблюдается также в оценке тревог и страхов пожилых людей – они опасаются возможных негативных изменений, бытового и уличного насилия, актов терроризма и преступности и т.д. Представляется, что этот негативный эмоциональный фон сформировался не столько в результате оценки реальной социальной практики пожилых людей, сколько под влиянием телевизионной «картинки», воздействующей на них – просмотр телепередач выступает для людей старшего возраста в качестве ведущей формы проведения досуга.

Оценивая перспективы обеспечения устойчивого развития системы и практики социальной защиты, нужно отметить необходимость серьезных трансформаций в следующих ключевых направлениях:

- выработка и апробация устойчивых механизмов гармоничного сочетания минимальных

социальных гарантий со стороны государства и социальной самостоятельности и инициативности общества – как в осуществлении гражданско-го контроля со стороны общественных советов, так и в формировании общественных объединений социальной направленности, развитии волонтерства, осуществлении коммерческих начинаний социально ответственного бизнеса;

- всесторонняя активизация общества – включая реализацию технологий обеспечения активной старости, стимулирование потенциала семей на решение их собственных проблем, активизация специалистов на предмет разработки инновационных технологий и методик социальной работы;

- принцип «образование через всю жизнь» должен стать ключевым не только для специалистов, оказывающих услуги, но также и для всех граждан: производство современных товаров и услуг нуждается в квалифицированном производителе, а их использование требует квалифицированного потребителя;

- осуществление политики социальной защиты в стареющем обществе неизбежно должно опираться на использование возможностей и достижений 4-го этапа технологической революции, включая информационно-коммуникативные ресурсы, дистанционное консультирование, роботизацию процессов и т.д.

Литература

1. Актуальные проблемы граждан пожилого возраста: информационно-аналитический обзор / под ред. В.А. Петросяна, Е.И. Холостовой. - М.: ИДПО ДТСЗН, 2015.

2. Антонова М.А. Теоретико-методологические основы изучения устойчивого развития регионов // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. №4 (36), 2013.

3. Грачева О.В. Социологический мониторинг как инструмент повышения уровня и качества жизни пожилых граждан Москвы в интересах устойчивого развития общества // Материалы Международной конференции «На пути устойчивого развития общества и социального благосостояния: поиск ответов на вызовы современности. 18-19 мая 2017 года. – М.: ИДПО ДТСЗН, 2017. 197 с. (автор 0,4 п. л.)

4. История общественного попечительства, социального обеспечения и добровольчества в Москве: факты и цифры. Монография / Под общ. ред. проф. Е.И. Холостовой. – М.: ИДПО ДТСЗН, 2016. - 68 с.;

5. Климантова Г.И. Социальная политика: семья, демография, детство. Монография.- М.: Ритм, 2016.

6. Комплексный мониторинг уровня и качества жизни граждан инвалидов в городе Москве: Информационно-аналитический доклад. Первый этап / О.Е. Грачева, П.Л. Каминский и др.; под. общ. ред. В.А. Петросяна, Е.И. Холостовой. - М.: ИДПО ДТСЗН, 2011. - 93 с.

7. Комплексный мониторинг уровня и качества жизни граждан пожилого возраста в городе Москве: Информационно-аналитический доклад. Одиннадцатый этап / О.Е. Грачева, И.В. Mkrtumova, Т.Н. Успенская, И.В. Малофеев и др. - М.: ИДПО ДТСЗН, 2016. - 262 с.

8. Пожилые в современном мире: Институты и дискурсы: Монография / Под ред. Е.И. Холостовой, И.В. Mkrtumовой. – М.: ИДПО ДТСЗН, 2015.

9. Социальная политика: учебник для академического бакалавриата / Е.И. Холостова [и др.]; под ред. Е.И. Холостовой, Г.И. Климантовой. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2017. - 395 с.

10. Факторы устойчивого развития регионов России / под ред. С.С. Чернова. – Книга 8 – Новосибирск: Издательство «СИБПРИНТ», 2010.- 276 с.

11. Холостова Е.И., Малофеев И.В. Система социального обслуживания населения: исторический экскурс и современный взгляд: Монография. - М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2016. - 368 с.

12. Evdokiya Kholostova. Role of Social Work in Poverty Reduction // Socrates almanac 2016 (No. 7) (Сократовский альманах. 2016 год. Периодическое издание Оксфордского академического союза. – Оксфорд, 2016

13. Professional competence development of the social work specialists in the period of study in the system of additional education / Lebedeva N.V., Mkrtumova I.V., Timofeeva O. // International Education Studies. 2015. T. 8. № 6. С. 176-183.

Цифровая экономика: будут ли удовлетворены интересы покупателей, производителей и продавцов?

Дроздов Д.И.

За последние несколько десятилетий, мир изменился до неузнаваемости. Цифровизация продуктов, услуг и процессов их потребления повлекла за собой необратимые изменения потребительских рынков. Значительно упростив для потребителя процесс удовлетворения своих потребностей, начиная от поиска необходимого товара или услуги, а зачастую и формирования самой потребности, и заканчивая процессом покупки, она в то же время сильно усложнила жизнь организаций эти продукты представляющих. Ожидания потребителей многократно возросли, а конкуренция сильно обострилась, в связи с чем сегодня бизнес-циклы продукции стали гораздо короче и компаниям необходимо экспоненциально наращивать темпы выхода новых продуктов. Квинтесценцией и закономерным итогом всех этих процессов можно назвать появление крупных агрегаторов товаров и услуг, обеспечивших свое исключительное положение за счет концентрации огромного количества компаний определенного сектора и монополии на информацию о потребителях.

Ключевые слова: Цифровая экономика, клиенты, информация, большие данные, интернет вещей, агрегатор, цифровые корпорации.

Drozdov D.I.
Digital Economy: how consumer's, companies and seller's interests would be satisfied?
 Over the past few decades, the world has changed beyond recognition. Digitalization of products, services and processes of their consumption has led to irreversible changes in consumer markets. Having significantly simplified the process of satisfying their needs for the consumer, starting from the search for the necessary product or service, and often the formation of the need itself, and ending with the purchase process, it at the same time greatly complicated the life of the organizations these products representing. Consumer expectations have increased many times, and competition has intensified. So today business cycles of products have become much shorter and companies need to exponentially increase the rate of new products. Quintessence and the logical outcome of these processes can be called the emergence of large aggregators of goods and services that have provided their exceptional position due to the concentration of a huge number of companies in a certain sector and the monopoly on information about consumers.
 Keywords: Digital economy, consumers, information, big data, internet of things, aggregator, digital corporations.

Согласно экономической теории одним из факторов успеха для потребителя при выборе товара или услуги является полнота информации. Долгое время поиск объективной информации о товаре и ее анализ были делом довольно кропотливым и требующим большого количества времени. Однако экспоненциальный рост объема цифровой информации за последние десятилетия и новые технологии, появившиеся в конце 1950-х годов, активно распространяющиеся с увеличением количества персональных компьютеров, а затем резко возросшие благодаря широко распространенному использованию электронной почты и Интернета, предоставил потребителям новый инструментарий для удовлетворения их потребностей. К цифровой информации можно отнести практически все данные сети Интернет, включающие поисковые ресурсы, рыночные агрегаторы, социальные сети, блоги и многое другое. Не выходя из дома сегодня мы можем собрать практически всю возможную информацию о любом товаре или услуге. В сложившейся ситуации есть как очевидные преимущества, так и повышенные риски как для потребителей, так и для продавцов. Информация сегодня может «производиться» где угодно, в любое время и, например, передаваться между фондовыми рынками Москвы и Токио, как если бы они были двумя соседними кабинетами. В «информационный век», средства массовой информации стали играть огромную роль в нашей жизни, цифровая жизнь позволяет снять все ограничения в коммуницировании с потребителем, посредством снятия необходимости его нахождения в определенном месте в определенное время для получения необходимой информации. Метафорически, так же, как гипертекст снимает ограничения размера печатной страницы, экономика знаний сняла ограничения географии. Причем цифровые техноло-

гии сегодня позволяют нам работать с каждым клиентом персонализировано, при этом не затрачивая больших средств (как самый очевидный пример – контекстная реклама, позволяющая в зависимости от запросов потребителя в поисковой строке формировать его профиль и выдавать наиболее похожие на самые часто повторяющиеся темы запросов рекламные сообщения).

Мы можем наблюдать весьма необычные особенности современного бизнеса. К примеру, Убер, крупнейшая в мире компания такси, не имеет собственных транспортных средств. У Alibaba, самого крупного в мире ритейлера, нет собственных магазинов Facebook, самая популярная социальная сеть в мире, сама не создает контента. Airbnb, крупнейший в мире агрегатор объявлений о сдаче в аренду жилья, не владеет недвижимостью...

Цифровизация продукции становится не столько желательной, сколько обязательной для компаний почти любой отрасли. Ярким примером являются так называемые «умные часы» Apple Watch. Не прошло и три года с момента их появления, и уже сегодня Apple Watch занимает более половины рынка часов в мире! Даже в такой стабильной и давно сложившейся отрасли, как часовая, применение цифровых технологий смогло произвести фурор, полностью изменив расстановку сил и перераспределив прибыль между игроками, заставив многие известные швейцарские часовые бренды, столетиями выпускавшие классические часы, пересмотреть свои взгляды и также внедрить технологические новшества в свою продукцию. Apple Watch стали, таким образом, «категорийным убийцей» часов бюджетного сегмента, предложив, помимо часов, множество других полезных функций.

Практически каждый человек сегодня имеет смартфон. По сути его наличие является уже достаточным для того, чтобы компании, приложениями которых вы пользуетесь знали, где вы находитесь и что приобретаете на основании ваших поисковых запросов и любой активности в интернете. Чем быстрее мы движемся к такому цифровому миру, тем большие слои населения будут чувствовать себя лишенными гражданских прав. Когда 50-летний сталевар потеряет работу, в отличие от своего двадцатипятилетнего сына, у него гораздо меньше шан-

сов найти новую работу в разумные сроки, поскольку его общение с цифровым миром, априори, гораздо поверхностнее и хуже. Когда секретарь сегодняшнего дня теряет свою работу, он, по крайней мере, может быть знаком с цифровым миром и обладает передаваемыми навыками.

Цифровая экономика формируется и подрывает традиционные представления о том, как структурированы предприятия, как взаимодействуют фирмы и как потребители получают услуги, информацию и товары. Профессор Вальтер Брэннер из Университета Санкт-Галлен в Швейцарии описывает это так: «Агрессивное использование данных трансформирует бизнес-модели, способствует новым продуктам и услугам, создает новые процессы, создает большую полезность и открывает новую культуру управления».

Можно выделить четыре фундаментальных направления цифровой трансформации, которые являются ключевыми для успеха бизнеса в цифровую эру и, соответственно, изменяют поведение человека:

Будущее работы.

Люди регулярно работают из разных офисов, дома или в местном кафе. В то время, когда мы работаем, все изменилось, мы все ожидаем того же уровня взаимодействия, что и в физическом офисе. Появление этого гибкого глобального предприятия требует от организаций управления динамичной экосистемой талантов и создания цифровых бизнес-процессов нового поколения, которые окажутся эффективными даже при распределении по различным местам и часовым поясам.

Опыт клиентов.

В цифровой экономике все клиенты – от бизнеса к бизнесу, а также от бизнеса к потребителю – хотят взаимодействовать с предприятиями, когда и где они хотят, и наиболее удобным для них способом. Кроме того, клиенты хотят взаимодействовать с брендами через опыт, который является бесшовным, универсальным, прямым, контекстуальным и персонализированным.

Цифровые сети.

В то время как ожидается, что к 2030 году глобальный средний класс увеличится в три раза,растет давление на основные бизнес-ресурсы, которые растут гораздо более медленными темпами – примерно в 1,5 раза.

Оцифровка всего - это создание новых интеллектуальных цифровых сетей, которые кардинально меняют способы управления, оптимизации процессов в организации и структуру рынков.

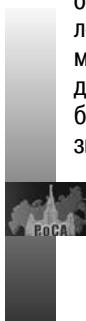
Интернет вещей (Internet of things).

Поскольку цены на цифровые датчики продолжают падать, мы находимся на пороге эры, где все – люди, предприятия, устройства и процессы – может быть связано друг с другом. Объединение физического и цифрового мира приносит новые безграничные возможности для организаций и потребителей, но при этом создает и глобальные угрозы, в частности, лишая всех субъектов экономических взаимоотношений приватности.

По сути в 21 веке цифровизация становится уже не приложением к традиционному бизнесу или процессу организации труда и удовлетворения потребностей, а собственно самим бизнесом. По нашему мнению, сегодня цифровые технологии в бизнесе, социальные сети являются витальными для каждой бизнес-организации. Клиент хочет коммуницировать с организацией там, где удобно ему, в тот момент и в той форме, когда и как он желает. На данный момент не существует более сложной задачи, чем удовлетворение потребностей заказчиков в продуктах посредством цифрового доступа. Цифровые технологии позволяют компаниям лучше взаимодействовать со своими клиентами и предлагать свою продукцию по более доступным ценам за счет колossalной оптимизации бизнес-процессов. Однако есть и «обратная сторона медали»: обеспечивая потребителям выдающийся «клиентский опыт», компании быстро возвращают у них привычку к подобному удобству и, безусловно, делают их все более подкованными и, соответственно, непостоянными. Многие из них начинают непрерывно искать товары-субституты и удовлетворять их потребности становятся все труднее. Но и безотносительно поведения компаний, ожидания клиентов сегодня выходят за рамки простого удобства использования; они ожидают «активного опыта». Директор по информационным технологиям Daimler Trucks North America Дитер Хаман, очень наглядно это иллюстрирует. Не так давно компанией Daimler Trucks North America была внедрена инновационная услуга под называнием «Детройтский виртуальный техник».

«Детройтский виртуальный техник» – это телематическое решение, которое записывает важные данные о производительности автомобиля непосредственно перед, во время и после возникновения неисправности. Затем система отправляет собранные данные в центр управления Daimler для быстрого анализа кодов неисправностей его техническими специалистами. Техники могут предоставить оператору немедленную обратную связь с водителем, включая необходимость немедленного обслуживания грузовика или консультацию на предмет возможности продолжить движение. Огромным побочным плюсом для Daimler становится огромный массив данных о реальном опыте эксплуатации их грузовых автомобилей, который впоследствии используется на всех этапах производства продукта. Сегодня умение эффективно обрабатывать для последующего использования огромные массивы разнообразных данных о клиентах – ключевая особенность, позволяющая формировать конкурентные преимущества организаций в условиях современного рынка. В результате выигрывает и потребитель, и производитель. Это тот новый «опыт», который клиенты уже ожидают.

Основным эффектом от цифровой эры, коренным образом меняющим структуру рынков и потребления стало появление так называемых цифровых корпораций. Их рождение стало в большинстве случаев закономерным развитием поисковых машин и социальных сетей в интернете. Активное развитие началось в 2004 году с появлением всемирно-известной сети Facebook. Ключевым фактором их успеха сегодня является наличие огромных объемов информации о большом количестве пользователей по всему миру. Концентрация огромных массивов данных о контактах, привычках, потребностях конкретных людей позволяет им становиться своеобразными «хабами» или «агрегаторами», в которые вынужденно стремятся попасть все компании производящие продукты. Создавая сети, они контролируют все входы и выходы из них, и, тем самым, все взаимодействие компаний с конечными потребителями, становясь важнейшим источником доступа к ним. Чем больше пользователей появлялось в подобных сетях, тем все больше компаний неизбежно также попадало в сеть, начиная играть по правилам владельца сети. Дальнейшее рост числа пользова-

телей компаний-агрегаторов будет только увеличивать их долю прибыли от взаимодействия производителей продуктов и конечных клиентов. На сегодня данный процесс уже неизбежен.

Для примера, можно рассмотреть историю Яндекса, крупнейшей интернет-компании России и Европы и четвертой в мире. Будучи анонсированной в конце 1997 года, уже в 2001 году Яндекс становится первым на рынке поисковых компаний в России, сохранив это звание и по сей день. В 2004 году, на очередном витке своего развития, Яндекс последовательно начинает запускать дополнительные сервисы, такие как «Яндекс.Афиша», «Яндекс.Пробки», «Яндекс.Словари», «Яндекс.Фотки». Тем самым можно предположить, что происходило активное увеличение числа пользователей, поскольку компания постепенно начинала проникать в другие отрасли, помимо поисковой, «оцифровывая» их и быстро привлекая пользователей, обеспечивая более удобный сервис, чем предлагали традиционные компании. В результате, к примеру, такие сервисы, как «Яндекс.Маркет» или «Яндекс.Такси» совершили настоящую революцию в соответствующих отраслях бизнеса, всего за несколько лет коренным образом меняя структуру казавшихся крайне консервативными и традиционными рынков. В итоге, по оценкам экспертов, сегодня доля рынка «Яндекс.Такси» в Москве достигает 70%. В крупных городах из-за широкого распространения смартфонов, это вынуждает таксистов подключаться к сервису «Яндекс.Такси», поскольку клиенты сегодня находятся. Приложение «Яндекс.Пробки» позволяет рассчитывать время и стоимость маршрута еще до его начала, а «Яндекс.Деньги» оплачивать поездку. В итоге клиент получает более качественную, удобную и дешевую услугу, а Яндекс обширную аналитику о конечных клиентах и перераспределяет себе все большую часть прибыли таксомоторных компаний.

Подобную ситуацию можно наблюдать и в случае с сервисом «Яндекс.Маркет». Появившись изначально как торговая площадка, то есть предоставляя потребителю информационную ус-

лугу, в процессе эволюции, Яндекс решает разить функционал своего предложения и внедряет функцию «Заказ на Маркете». Сегодня клиент может полностью оформить покупку на сайте Яндекса, не переходя на сайт интернет-магазина, предлагающего товар. Это позволяет Яндексу собирать гигантские массивы данных о популярности практически любых товаров, статистику продаж, открывая соответствующие возможности завоевания и рынка торговли, причем в ближайшей перспективе.

На наших глазах возникла и активно развивается парадоксальная ситуация. На всех этапах реализации наших потребностей, начиная от ее формирования, сбора информации, сравнения, принятия решения о покупке, и заканчивая оплатой и получением товара или услуги, мы сегодня можем взаимодействовать с одной компанией! Причем делаем это совершенно осознанно, желая снизить до минимума транзакционные издержки и риски. Корпорации, подобные Яндексу и Alphabet, создавая все новые сервисы и монополизируя рынки, путем «выдавливания» и последующего поглощения конкурентов, сегодня способны удовлетворить любую нашу потребность. Можно констатировать, что цифровая революция, изначально провозглашая своей идеей полную свободу, открытость и либерализацию рынков, привела к их полной монополизации!

Литература

1. Michael E. Porter “Competitive Advantage: creating and sustaining superior performance”, The Free Press, 1985
2. Lindsey Anderson, Irving Wladawsky-Berger “The 4 Things It Takes to Succeed in the Digital Economy”, 2017
3. Барков, С.А. Организация и рынок: противоборство или согласие? – М.: Изд-во Московского университета, 2008.
4. Барков, С.А., Зубков В.И. Социология организаций – М.: Изд-во Юрайт, 2016.
5. Друкер, П. Менеджмент. Вызовы XXI века.– М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012.

Социальные аспекты стратегического развития мегаполисов

Жемерикин А.Б.

В статье предложен подход к разработке и реализации стратегии развития мегаполиса с использованием потенциала социальных сообществ, определяющий ее актуальность и новизну. Рассмотрены предпосылки развития мегаполисов их показатели и роль в государстве. Обоснованы методы вовлечения местных сообществ в процессы разработки и реализации стратегии развития мегаполиса. Ключевые слова: стратегия, мегаполис, город, социально-экономические показатели, анализ, урбанизация.

Jimerikin A.B.

Social aspects of strategic development of cities

The article proposes an approach to the development and implementation of the development strategy of the metropolis using the power of social communities, defining its relevance and novelty. Considered prerequisites for the development of cities, their performance and role in the state. Justified methods of involving local communities in the development and implementation of the development strategy of the metropolis.
Key words: strategy, metropolis, city, socio-economic indicators, analysis, and urbanization.

В XXI веке продолжаются процессы урбанизации в виде все возрастающей концентрации населения в крупных городах.

Доля населения Земли, проживающего в городах, превысила 70%. В России доля городского населения составляет 68%, из которых почти 29% живет в 12 городах-миллионниках (от 1 млн человек и более) [1, с. 352].

К самой крупной форме расселения населения относят мегаполисы, под которыми согласно рекомендациям ООН понимают особо крупные города с численностью жителей от 10 миллионов человек. Мегаполисы образуются в форме слияния ряда близлежащих городских агломераций – совокупностей городов, имеющих тесные хозяйствственные, трудовые, культурные и бытовые связи, объединенных общей экономикой и инфраструктурой. В настоящее время в мире насчитывается более 20 мегаполисов с общей численностью населения свыше 300 миллионов человек. Некоторые из мегаполисов (например, Токио, Мехико, Дели, Сан-Паулу, Бомбей и др.), превышают многие страны мира по численности населения и объемам деятельности.

Между тем значение мегаполиса определяется не столько численностью населения, сколько наличием финансово-банковского потенциала, числом штаб-квартир транснациональных корпораций, возможностями влияния на процессы управления мировой экономики и т.п.

В России мегаполисом считают город Москву с численностью населения более 12 млн человек. В ней сосредоточено почти 10% населения страны, а вклад во внутренний региональный продукт России составляет около 25% [2]. Она представляет собой столицу государства, центр политической, общественной и экономической активности, транспортный узел, связывающий регионы страны между собой и с другими государствами мира.

В мегаполисе в определенной степени задаются стандарты жизни населения (экономические, культурные и др.), определяются приоритеты, которые служат примером для всей страны. Мегаполис проявляет себя как многоотраслевой центр концентрации различных видов экономической деятельности (промышленности, торговли, науки и т.п.), крупный рынок, благоприятная зона привлечения инвестиций, что позволяет ему оказывать существенное влияние на показатели развития всего государства. Однако, наряду с положительными сторонами мегаполисам свойственно значительное число многообразных проблем социальной направленности, включая высокую дифференциацию населения (по уровням доходов, этническим признакам, культурным различиям, социальным статусам и т.д.), неблагоприятные экологические условия проживания, преступность и т.п. [3].

Высокая роль в жизни государства, огромные масштабы, многообразие условий и факторов, влияющих на состояние мегаполисов, предполагают использование стратегического подхода для целей их развития.

Содержание стратегического управления состоит в обосновании основных направлений и показателей деятельности объектов на заданный период с учетом мировых тенденций, рыночного спроса, источников ресурсов, эффективности произведенных вложений в развитие. Стратегическое управление доказало свою полезность и в качестве одного из средств государственного макрорегулирования социально-экономического развития субъектов страны, крупных территориальных комплексов [4, с. 355].

Стратегическое управление мегаполисом необходимо для достижения ряда следующих целей:

- обоснования направлений его развития с учетом изменений и факторов внешней среды;
- определения социально-экономических показателей на перспективу;
- сопряжения баланса между целями, источниками ресурсов и средств для их достижения;
- определения оптимального взаимодействия с партнерами и конкурентами;
- повышение занимаемой доли рынка или ее сохранение;
- прогнозирование изменений ситуации на рынке, смену предпочтений потребителей продукции.

Основные этапы стратегического управления мегаполисом включают в себя:

- формулирование миссии;
- обоснование системы целей функционирования на перспективу;
- проведение анализа состояния внешней среды и прогноза ее изменений;
- проведение анализа внутренней среды мегаполиса;
- разработку стратегических альтернатив (вариантов действий);
- выбор конкретной стратегии на заданную перспективу.

В настоящее время органы административного управления г. Москвы накопили значительный опыт осуществления стратегий развития, ставших формой выражения социально-экономической политики, единственным инструментом решения многих социальных задач. Следующим шагом в развитии стратегического подхода к определению перспектив мегаполиса может стать широкое вовлечение местных сообществ в процессы разработки и реализации стратегий, необходимость которого наглядно показала ситуация с программой реновации жилого фонда, в которой на первых этапах не было учтено мнение жителей. После протестных выступлений и широкого общественного обсуждения были повышенны права и полномочия жильцов, решавших судьбы своих домов [5]. Одновременно, жители потребовали ограничить этажность новых застроек, выполнить обязательства по расселению жителей, проживающих в аварийных домах и коммунальных квартирах, решить вопросы капитального ремонта и содержания многоквартирных домов. Интересы жителей вышли за пределы проблем реновации, когда они потребовали расширить полномочия собраний собственников жилья, поставили вопрос о необходимости широкого обсуждения общественностью будущего генплана города Москвы [6].

Ситуация с реновацией обнажила общие проблемы развития мегаполиса, которые ранее во многом решались чиновниками разных уровней с их пониманием социально-экономических аспектов будущего.

Анализ ситуации показывает, что в осуществлении стратегии развития мегаполиса необходима децентрализация властных полномочий, предполагающая переход от ранее единствен-

Рис. 1 Схема участия местных сообществ в стратегии развития мегаполиса

ной и в целом традиционной вертикали ведомственно-административного управления к многофокусному методу регулирования, в котором должны учитываться не только требования центрального органа, но и различные интересы территорий (районов) а также, самое главное, интересы жителей и их сообществ.

Следует отметить, что в настоящее время на этапе проработки концепции стратегии развития мегаполиса все еще не хватает опыта по учету и согласованию интересов различных участников программы, а также обеспечения их участия и взаимодействия в процессах реализации ее направлений. Одновременно, должны быть вовлечены в процесс стратегического регулирования соответствующие местные сообщества, ощащающие чувство ответственности и сопричастности за состояние и направления развития территорий мест проживания.

Речь идет о необходимости освоения должностными лицами, служащим и сообществами новой культуры взаимодействий, основанной на стратегическом управлении перспективами своей жизни. Это потребует укрепления потенциала кадров на уровне местных органов власти, участия сообществ в разработке и осуществлении мероприятий стратегии, организации ее мониторинга и оценки, налаживания тесного взаимодействия служащих с частным сектором и общественными структурами.

Под местными сообществами понимаются группы людей, условно обособленные в окружающей социальной среде и на определенной территории, обладающие развитым взаимодействием для достижения совместных целей.

К специфическим особенностям сообществ с точки зрения интересов стратегического развития мегаполиса следует отнести:

- состав и социально-демографическую структуру сообщества;
- характеристики членов сообществ (уровень образования, квалификации, жизни, культуры и др.);
- значимость и роль (историческая, национальная, культурная и др.) сообщества;
- характер расселения сообществ по территории, степень преобладания видов собственности (например, жильем);
- особенности форм взаимодействия между членами сообщества;
- характер взаимодействия сообщества с другими социальными группами, внешними организациями, органами власти и степень влияния на них;
- ресурсные, экономические и инфраструктурные характеристики территории расселения сообщества и др.

Возможность участия местных сообществ в стратегии развития мегаполиса позволяет

выделить 3 основных сектора заинтересованных акторов в ее разработке и реализации:

1 сектор - государство, представленное соответствующими органами власти на федеральном и региональном уровне;

2 сектор - бизнес в виде совокупности хозяйствующих субъектов;

3 сектор - гражданское общество, представленное соответствующими сообществами и социальными группами.

В целом общая схема участия местных сообществ в стратегии развития мегаполиса представлена на рис. 1.

К настоящему времени в Москве созданы предпосылки для дальнейшего развития стратегического подхода к определению перспектив мегаполиса на основе активного участия местных сообществ.

Во-первых, сложились различные виды активности сообществ людей (политических социальных, экономических) на основе согласования интересов, организованности и ответственности.

Во-вторых, сообщества способны самостоятельно определять направления своего развития, выступая субъектами управления своим будущим, что требует наличия способностей оценивать ситуацию, определять наиболее выгодный вид деятельности, учитывать интересы других людей и социальных групп на данной территории проживания.

В-третьих, сообщества могут стать дополнительным источником разнообразных ресурсов (кадровых, интеллектуальных и др.) для разработки и осуществления стратегии развития мегаполиса.

Анализ опроса, проведенного автором статьи, показывает, что к процессам стратегического планирования местные сообщества все еще недостаточно привлекаются, хотя их представители образуют инициативные группы, ведущие различного рода социальные проекты и работы. Предполагается, что для целей расширения возможностей стратегического подхода к определению перспектив мегаполиса основные задачи могут быть связаны с:

- повышением потенциала возможностей местных сообществ;

- организацией коммуникации участников разработки и реализации стратегии;

- разработкой методов более широкого привлечения местных сообществ к осуществлению стратегии мегаполиса.

Предлагается использовать принципиально новую для практики организации взаимодействий участников по разработке и осуществлению стратегии развития мегаполиса, отличающейся от традиционных методов программирования по показателям, задаваемых органами центрального управления. Новизна данного подхода заключается в следующих элементах.

Местные сообщества должны принимать участие в рассмотрении макетов (форм) для разработки стратегии. Это позволит преодолеть отрыв от местных реалий и особенностей, отсутствие полного обеспечения необходимыми ресурсами, противодействие местных сообществ в поддержке и реализации мероприятий, что приводило к скрытию позиций программы.

При новом стратегическом подходе сообществам следует предложить самим определяться как с ее содержанием, так и с форматами участия в его осуществлении, уточнить характер связей и взаимодействия с различными сторонами. Предполагается, что еще на этапе обсуждения концепции стратегии развития мегаполиса должны присутствовать все активные участники: представители органов власти, муниципальных образований, городского сообщества, которые образуют рабочую группу, ответственную за разработку и реализацию программы. Таким способом можно обеспечить согласование интересов участников, которые нередко носят противоречивый характер, что позволяет выделить из их массы те базовые и первоочередные, которые устроят все целевые группы разработчиков.

Очень важный шаг разработки стратегии - обсуждение миссии стратегии, представляющее формулирование того желаемого образа (видения) будущего состояния мегаполиса, к которому стремятся все участники целевых групп.

Традиционные формы стратегического регулирования процессами развития мегаполиса: законодательное, экономическое, господдержка, мониторинг, контроль и надзор, могут быть дополнены саморегулированием со стороны местных сообществ в виде независимой оценки, разъяснением и популяризацией, борьбой с коррупцией и т.п.

Для обеспечения реальности осуществления стратегии и общественного контроля над действиями городских властей целесообразно сформировать общественные Советы в составе значимых и известных жителей. Для активизации участия жителей в стратегических планах следует использовать механизм целевых конкурсов.

Литература

1. Максимов С.Н., Семененко В.В. Особенности и проблемы развития современных мегаполисов// Евразийский международный научно-аналитический журнал, 2012. - №2 (42). - С.352-355.
2. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2016: Стат. сб. / Росстат. - М., 2016. - 442 с.
3. Мкртумова И.В. Развитие системы социального обслуживания населения в городе Москве и регионах Российской Федерации: сравнительный анализ / Автор-составитель И.В. Мкртумова. Под ред. профессора Е.И. Холостовой. - М.: ИДПО ДТСЗН, 2016. – 80 с.
4. Кантемирова М.А., Дзакоев З.Л. Стратегический подход к развитию предприятий перерабатывающей сферы региона//Фундаментальные исследования - 2015. -№ 6-2 - С. 355-361. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38571>.
5. Программа реновации в Москве. URL: <http://www.programma-renovacii.ru/>
6. Велесевич С., Мамаева О. Снос без спроса: почему москвичи не согласны с программой реновации. URL: <https://realty.rbc.ru/news/59196a599a7947195b9d9631>.

Исследование состояния социальной мобильности и возможностей карьерного роста выпускников вузов и молодых специалистов г. Москвы

Комарова С.А.

В статье представлены результаты социологического исследования молодежи г. Москвы по изучению состояния социальной мобильности и возможностей карьерного роста выпускников вузов и молодых работников предприятий. Выявлены особенности и закономерности социальной мобильности и карьерного роста, недостатки в этой области.

Ключевые слова: социологическое исследование, социальная мобильность, карьерный рост, выпускники вузов, предприятия.

Komarova S.A.

Research of a condition of social mobility and opportunities of career development of university graduates and young specialists of Moscow In the article you will find results of social youth research , specifically, definition of correlations between social mobility and possibilities for career growth of graduates and young employees. Peculiarities, patterns of social mobility and career growth, shortcomings in this area were revealed and presented in this article. Keywords: social research, social mobility, career growth, graduates, companies.

Социологический анализ состояния социальной мобильности и возможностей карьерного роста выпускников вузов является неотъемлемым методом исследования общества и его состояния, а проблематика выпускников вузов России постоянно привлекает внимание социологов, экономистов и других специалистов [1, с.188; 6].

Социологический подход к молодежи, включая выпускников вузов, связан с определением ее места в обществе, формированием социальных групп, пониманием поведения, с особенностями возникновения потребностей и способах их удовлетворения. Особенно актуально регулярное исследование молодежи нестабильного общества, к которому можно отнести население современной России, поскольку позволяет отразить характер процессов и закономерность изменений, определить направления трансформаций, а также насколько они влияют на фундаментальные основы общественного устройства [2;3].

Традиционным объектом исследований выступает молодежь, ее интересы, потребности, ценности и особенности поведения, особенно на этапе кардинальных перемен в жизни, что, например, наблюдается при окончании обучения в высшей школе и начале трудовой деятельности [4, с. 61]. Соответственно, исследование социальной мобильности и возможностей карьерного роста как одного из регуляторов поведения выпускников вузов приобретает важное значение, в частности, для целей социально-экономической политики государства [5, с. 163].

Цель проведенного социологического исследования - определить отношение выпускников

вузов к социальной мобильности и возможностям карьерного роста, выявить наиболее существенные экономические, социальные и институционально-организационные факторы, воздействующие на их состояние.

Методика социологического исследования предполагала определение круга анкетируемых, разработка анкет и схем для опроса респондентов; проведение анкетного опроса и обработка результатов; проведение интервьюирования и экспертизы оценок.

Общее количество респондентов в рамках исследования составило 300 человек, в качестве которых выступили как сами выпускники вузов и молодые работники со стажем до 1 года, так и руководители, специалисты предприятий различных отраслей, организационно-правовых форм и собственности г. Москвы.

Половозрастная структура респондентов следующая: мужчин - 41,3%; женщин - 58,7%; доля респондентов в возрасте до 30 лет - 82%, от 31 до 40 лет - 18%.

Значительная часть респондентов является коренными жителями г. Москвы - почти 60%, остальные приехали из регионов для осуществления учебы и работы.

Общую ситуацию с социальной мобильностью и возможностями карьерного роста выпускников вузов в России респонденты оценили как: отличную - 18%; хорошую - 21%; удовлетворительную - 26%; неудовлетворительную - 35%.

При этом респонденты отмечают, что в субъектах России, из которых они приехали в г. Москву, желают выехать в крупные города от 50% до 80% молодых людей, что является крайней негативной социальной проблемой.

Знают факторы и условия, влияющие на социальную мобильность и карьерный рост выпускников вузов - 56%, респондентов, однако они не смогли их конкретизировать. В качестве таких факторов и условий назывались «хорошая работа», «выполнение своих обязанностей», «отсутствие замечаний со стороны руководства» и т.п. При этом с результатами деятельности организаций, или реализации инвестиционных проектов по месту своей занятости: хорошо знакомы - всего 11%; знакомы частично - 14%; не знакомы - 75% респондентов. Как видно, большинство респондентов не смогли назвать результаты деятельности своих организаций,

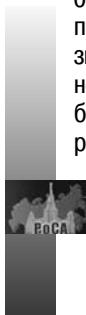
что свидетельствует об их реальной отстраненности от процессов управления и принятия решений. Имеют информацию о ситуации на предприятиях респонденты, занимающие руководящие должности (около 16%).

Кроме того, выяснялся вопрос о том насколько респонденты знают, какое конкретно подразделение или должностное лицо предприятия отвечают за карьерный рост сотрудников. Ответы распределились следующим образом: знают - 22%; не знают - 78%.

В качестве таких подразделений назывались руководитель предприятия и его заместители, отделы кадров и т.д. Функции указанных респондентами руководителей и подразделений организаций связаны с выдвижением успешных сотрудников на более высокие должности. Однако по мнению почти 76% респондентов по месту их работы не установлен порядок принятия решений по продвижению работников на более привлекательные для них рабочие места и должности. Они отметили, что взаимодействие руководителя предприятия и молодого специалиста ограничено разовыми контактами на этапе его приема на работу, из которых стороны пытаются извлечь максимум возможного: руководитель - получить более дешевые трудовые ресурсы, согласные на выполнение работы по вакантной должности; а молодой специалист - быть принятным на работу. Результат такой разнонаправленной деятельности, каждый элемент которой вроде бы отвечает интересам отдельной стороны, не является в целом эффективным.

Кроме того, выяснялся вопрос о том, насколько хорошо знакомы респонденты с деятельностью подразделений и других сотрудников предприятия: хорошо знают - 11%; не знают - 89%.

Оценки по данному вопросу подтверждаются ответами респондентов на следующий вопрос о наличии на предприятии политики по карьерному росту молодых сотрудников предприятия. Данный вопрос изначально предназначен для специалистов в области менеджмента и позволяет определить глубину знаний исследуемой проблемы. Респонденты не смогли дать обоснованные ответы на данный вопрос. Но, тем не менее, респонденты под единой и эффективной политикой карьерного роста вполне справедливо понимают такую, при которой:

Число респондентов, желающих работать на данном предприятии

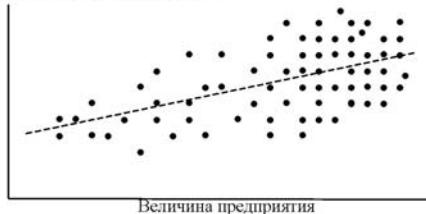

Рис. 1. Связь социальной мобильности и возможностей карьерного роста выпускников вузов с размерами предприятий

- соблюдается баланс между величинами притока и оттока соответствующих работников, что дает возможность учесть интересы сторон;
- бизнес активизирован и способен развиваться в конкурентном пространстве, что приводит к вертикальному движению кадров по должностям;
- осуществление в целом кадровой политики предсказуемо и логично.

Респонденты отмечали, что политика предприятий по карьерному росту молодых сотрудников осуществляется в рамках общих подходов федеральной системы и должна создавать особые привлекательные условия для их развития.

В целом более половины респондентов полностью или частично подтвердили, что на предприятиях осуществляется единая и эффективная кадровая политика, в рамках которой реализуются меры по карьерному росту молодых сотрудников.

С целью выявления основных внешних и внутренних условий, влияющих на состояния социальной мобильности и возможностей карьерного роста выпускников вузов, респондентам были предложены соответствующие вопросы. Ответы расположились в следующем порядке:

- общественно-политическая ситуация в РФ - 88%.
- социально-экономическая ситуация в г. Москве - 82%.
- квалификация административно-управленческого персонала, руководителей и специалистов предприятий - 24%.

Все представленные факторы респондентами отмечены как влияющие на социальный имидж предприятий.

Наибольшее отрицательное значение среди факторов, влияющих на состояния социальной мобильности и возможностей карьерного роста выпускников вузов респонденты отметили коррупцию (72%) и кумовство (66%).

В ходе исследования определялась связь социальной мобильности и возможностей карьерного роста выпускников вузов с размерами предприятий. Результаты проведенного анализа показывают, что предпочтения молодых специалистов во многом определяются размерами хозяйствующего субъекта (рис. 1).

При этом было выявлено, что почти 60% респондентов предпочитают работать на более крупном по размеру (численности работников и объемам деятельности) предприятии. При этом мобильность респондентов проявляется в следующем:

- они готовы переехать в другой район проживания, для того, чтобы находится ближе к данному предприятию;
- они готовы сменить место настоящей работы, если у них будет возможность трудоустроиться на желаемое предприятие.

Почти 80% респондентов считает, что в более крупных организациях уровень заработной платы выше (в среднем на 30%) по сравнению с ее величиной на малых и средних предприятиях.

Выявленные закономерности свидетельствуют о том, что по мнению респондентов, более крупные организации создают предпосылки повышения социальной мобильности и обладают более широкими возможностями для карьерного роста. Это обусловлено следующими положениями. Во-первых, более крупные организации имеют возможность создания для своего персонала благоприятные условия деятельности, включая более высокий уровень оплаты, привлекательный социальный пакет, условия труда и т.п. Это позволяет еще на этапе поиска без проблем нанимать высококвалифицированных молодых работников. Во-вторых, крупные предприятия применяют современные технологии, виды оборудования, методы организации трудовой деятельности и т.п. В их структуре созданы специализированные подразделения, включая научные и исследовательские отделы (например, отделы маркетинга, лаборатории, проектные центры и т.д.), с участием высококомpetентных специалистов, что позволяет

знать и удовлетворять потребности рынка, а значит, ускорять обороты своей деятельности и получать более высокие доходы. В-третьих, более крупные организации стремятся поддерживать на высоком уровне профессиональную подготовку работников, посредством их перебучения или повышения квалификации на специальных курсах и т.п., что способствует карьерному росту. Кроме того, в крупных организациях возможности карьеры более благоприятные, что означает более высокую «лестницу» роста и отсутствие тех ограничений по спектру должностей, которые характерны для малых и средних предприятий.

Примечательным в ответах респондентов является то, что всего 12% из них считают привлекательными малые и средние предприятия для целей социальной мобильности и карьеры молодых людей и поддержавшие такое мнение относятся к собственникам или руководителям этих структур.

Следует также отметить, что увязывание аспектов социальной мобильности с решением проблем труда и его оплаты во многом перекликается с вопросами трудовой мобильности молодежи, которые также следует регулярно исследовать.

Выбор респондентами места работы после окончания учебы в вузе или ухода с прежнего предприятия определялся не только их профессиональными и материальными ориентациями, но находился под влиянием возможностей и структуры рынка труда. Респонденты отметили, что более 50% однопрофильных предприятий в г. Москве находятся примерно в равном экономическом положении, поэтому найти работу по своей основной специальности очень сложно.

В процессе исследования было выявлено, что на выбор последующей работы оказывает влияние социальный статус специалиста. Мобильность специалиста связана с его статусом в обществе, который является одним из определяющих социальных и экономических параметров, обусловленных должностью и трудовой деятельностью. Перемена работы лишает человека не только должности, но и прежнего социального статуса. Поэтому специалисты внимательно относятся к возможному изменению своего статуса при перемещении места работы или проживания. Почти половина ушедших с предприя-

тий (47%) стремились к сохранению своего социально-профессионального статуса.

Степень развития инфраструктуры в России у респондентов получила следующие оценки (в %): достаточно развита – 13; требует дальнейшего совершенствования – 40; развита недовлетворительно – 42; затруднились ответить – 5. Несмотря положительную динамику ответов, респонденты в целом показывают необходимость совершенствования инфраструктуры.

На вопрос: «Какие отрасли экономики наиболее выгодны для развития социальной мобильности и возможностей карьерного роста выпускников вузов?» были даны следующие ответы, в %:

1. топливно-энергетическая – 48;
2. торговля продовольственными товарами – 42;
3. строительство гражданское – 12;
4. транспорт – 44;
5. производство – 26;
6. телекоммуникации и связь – 47;
7. торговля – 37;
8. сельскохозяйственное производство – 22;
9. туризм, сфера отдыха – 46;
10. сфера услуг – 30.

Спектр ответов на данный вопрос отражал инфраструктуру и показывал отрасли, потенциально выгодные для инвестирования в будущем, исходя из мнений и ожиданий респондентов. В 2017 г. общая ситуация в экономике для долговременных инвестиций остается сложной и в таких условиях на внимание инвестора могут рассчитывать проекты или отрасли с чрезвычайно высокой эффективностью. Сопоставление спектра ответов респондентов с данными рейтинга отраслей РФ показывает явные различия, что объясняется не только предпочтениями конкретных категорий населения, но и структурными различиями экономики г. Москвы и РФ.

По уровню предпочтений респондентами указаны следующие направления деятельности: малое предпринимательство, производство продовольствия и лекарств, добыча и реализация природно-сырьевых ресурсов. Выбор респондентов в пользу направления деятельности в основном связан с его прибыльностью, реальной потребностью и возможностью осуществления.

На вопрос «Какое предприятие является наиболее привлекательным выгодным для возможного карьерного роста?» респондентами было выдано большое разнообразие ответов, свидетельствующее об отсутствии явно выраженного лидера. Обращает внимание тот факт, что в числе таких предприятий не названы малые фирмы.

Некоторые ответы показали, что мнение респондентов о необходимости государственной основы социальной мобильности и возможностей карьерного роста выпускников вузов больше связано с желанием обеспечить их предсказуемость, организованность и логику, чем перевод ее именно под управление государства.

В процессе интервьюирования респонденты отмечали: отсутствие государственной основы социальной мобильности и возможностей карьерного роста выпускников вузов «выгодно» для отдельных чиновников, создает предпосылки для правонарушений и «не выгодно» в целом для экономики страны; сложно получить финансовые ресурсы для переезда в другой регион без долевого участия чиновников; поборы на начальных этапах инвестиционной деятельности (установленные в процентах от суммы привлекаемых инвестиций) делают большинство проектов абсолютно нерентабельными и кроме государства нет иной силы навести порядок в этой области.

По мнению респондентов, дальнейшие направления развития социальной мобильности и возможностей карьерного роста выпускников вузов должны быть направлены на: совершенствование системы прогнозирования и планирования социально-экономической ситуации; финансовую поддержку молодежи в законодательных актах; развитие системы информации над процессами трудоустройства и др.

Респонденты считают, что молодежная политика России должна создавать условия для всемерного использования потенциала молодежи страны, как формы накопления основного капитала с целью получения новых доходов в будущем на основе ее использования в экономике.

Выводы по результатам социологического исследования. Структура и содержание ответов респондентов отражает две стороны состояния исследуемой проблемы. Одна сторона ответов показывает понимание респондентами значимости социальной мобильности и карьерного

роста выпускников вузов, восприятие этого направления как составной части социально-экономической политики, как совокупности мер социального, организационного и экономического воздействия, направленных на создание оптимальных условий развития молодежи и получения от их рационального использования максимального эффекта.

Такое восприятие респондентами элементарных составляющих молодежной политики, связано с недостатками соответствующих законов, нормативно-правовых документов, функциональной неопределенностью органов государства в этой области, определенной ограниченностью информационного обеспечения.

Вторая сторона данной проблемы связана с определением качества социальной мобильности и карьерного роста выпускников вузов. Респонденты показали, что в стране сложились правовые и институциональные основы, которые, однако, требуют своего дальнейшего совершенствования.

Исходя из характера ответов респондентов можно предположить, что сложился устойчивый паттерн коллективно-шаблонных представлений в восприятии и мышлении, приобретенных группой респондентов при рассмотрении проблем их адаптации к внешним условиям посредством социальной мобильности и карьерного роста. Элементы паттерна (ценности, отношения, мнения и т.д.) в виде схем-образов и рекомендаций к действиям закрепляются в сознании и передаются ближайшему окружению в качестве оптимальной системы восприятия и рекомендаций по решению жизненно важных проблем.

Литература

- Гвоздева Е.С. Какие возможности представляют наука и инновационное предпринимательство и удовлетворена ли молодежь работой? / Е.С.Гвоздева, Г.П.Гвоздева // Вестник НГУ. Сер. Соц.-экон. науки. - Т.13, вып.4. - 2013. - С.188-201.
- Антропова Ю.Ю. Власть глазами молодежи: динамика восприятия и оценки власти студентами - будущими государственными и муниципальными служащими / Ю.Ю.Антропова, Т.И.-Касьянова // Власть. - 2016. - №8. - С.134-141.
- Балынин И.В. Оценка политической культуры молодого поколения Российской Федерации

ции (по результатам исследований за 2012-2015 годы) // Право и политика. - 2016. - №4. - С.515-523.

4. Вишневская Н.Г. Профессиональное самоопределение студенческой молодежи: дифференцированный анализ // Финансовый бизнес. - 2015. - №5. - С.61-64.

5. Барсегян В.М. Межпоколенная образовательная мобильность молодых общественно-политических деятелей в современном россий-

ском обществе // Вестник НГУ. Сер. Соц.-экон. науки. - 2014. - Т.14, вып.3. - С.163-178.

6. Mkrtumova И.В. Irina Mkrtumova. Professional Competence Development of the Social Work Specialists in the Period of Study in the System of Additional Education (Scopus) // International Education Studies; Vol. 8, No. 6; 2015 - Published by Canadian Center of Science and Education (автор -0, 2) (Natalia Zueva, Natalya Lebedeva and set.), ISSN 1913-9020 E-ISSN 1913-9039.

Социальные аспекты устойчивого развития как фактор современного социального управления

Пейганович С.С.

Работа представляет собой взгляд на современный аппарат социологии управления, который применяется консалтинговой компанией. В настоящее время вопрос управленческого консалтинга в России начинает набирать обороты. Это событие, а точнее проблема, актуализируется с двух сторон. С одной стороны, западный мир требует от российских транснациональных корпораций новых форм и взглядов на ведение бизнеса, которых у России нет. Без таких форм управления невозможно эффективно работать за рубежом. С другой стороны, государственная власть начинает осознавать проблему отсталости национальных компаний без серьезных реформ управления в них. Для проведения таких реформ как раз и нужны кейсы западных компаний. В работе раскрывается вопрос социологии управления идается практическое понимание социальных технологий в сфере устойчивого развития. Мы затронем проблему концепции устойчивого развития, охарактеризуем основные области и сферы ее влияния. Устойчивое развитие в наши дни является не только одной из универсальных управленческих концепций, но и на ее основе теоретики и практики создают инструменты и технологии, которые мы можем обозначить как социальные технологии. Пример социальных технологий будет представлен на примере западной консалтинговой компании SustainAbility, которая является одним из пионеров и передовиков в данной сфере управления. Компания является не только передовиком в области управленческого консалтинга в корпоративной социальной ответственности, но и генератором самых значимых и ценных подходов в области социального управления. Вопрос создания и применения новых социальных технологий в сфере устойчивого развития является первостепенно важным для дальнейшего будущего национальной экономики.

Ключевые понятия: социология управления, устойчивое развитие, социальные технологии, консалтинг, управление.

Peyganovich S.S.

Social aspects of sustainable development as a factor of modern social management

The work is a look at a modern structure of sociology, which is applied by the consulting company. The question of management consulting in Russia currently starts to gain momentum. This event, or even the problem, is determined on two sides. On one side, the Western world requires new forms and visions of the business from Russian transnational corporations, which Russia don't have. Without such forms of management we cannot effectively work abroad. On the other side, the lack of serious reforms of management is the reason why the government starts to recognize the problem of backwardness of the national companies. For these reforms the cases of the Western companies are needed. The article reveals the question of sociology of management and provides a practical understanding of social technologies in the environment of sustainable development. We will address the problem of the concept of sustainable development and characterize the major areas and spheres of its impact. Sustainable development is not only the one of the universal management concepts, but the basis of creating tools and technologies, that we can designate as social technology, by its theorists and practitioners. As an example of a social technology we can present the example of the Western consulting company SustainAbility, which is one of the pioneers and foremost workers in the field of management. The company is not only the forerunner in the field of management consulting in corporate social responsibility, but also a generator of the most significant and valuable approach in the field of social management. The issue of creating and applying new social technologies in the field of sustainable development has paramount importance for the future of the national economy.

Key words: sociology of management, sustainable development, social technologies, consulting, management.

Вводная часть

Современные компании используют ряд механизмов в сфере социального управления собственной внутренней среды. По нашему мнению, особняком здесь стоит концепция устойчивого развития, агрегирующая ряд специфических методов.

Путем механизмов и методов, которые реализуются в концепции устойчивого развития, достигаются изменения в работе внутренней среды компании, а при возможности и во внешней. Сейчас все более актуальным и востребованным становится многоаспектный и прикладной характер теоретических концепций. Концепция устойчивого развития (далее – УР) – это тот многогранный способ реализации управленческой политики компании, который включает в себя такие компоненты, как планирование, организация и развитие различных социальных, экономических, политических и экологических инструментов. Те методы, которые используются в УР, можно смело отнести к методам социологии управления.

Раскрытие проблем современных социальных технологий, которые должны будут реализовываться в российских компаниях, является ключевой особенностью социального управления.

Подчеркивая важность проблемы социальных технологий, мы можем обратиться к поручению президента РФ В. В. Путина от 27 декабря 2016 года «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений». Его поручение гласит о том, что до 1 мая 2017 года необходимо разработать и представить материал, который должен служить отправной точкой для раскрытия публичными компаниями, государственными организациями, корпорациями и компаниями с государственным участием информации, предусмотренной международными стандартами нефинансовой отчетности в области охраны окружающей сре-

ды и обеспечения экологической безопасности.¹ Отсюда следует, что компаниям потребуется не только составлять и вести отчетность, как такого требуют международные стандарты, но и применять и внедрять технологии, а именно социальные технологии управления, которые позволят компаниям выйти на новый уровень устойчивого развития.

Связь УР и социологии управления в наше время имеет четко выраженные точки. Нельзя переходить к вопросу УР без рассмотрения теоретических основ социологии управления. Это должно послужить базисом для анализа УР, иначе мы не сможем понять тех механизмов, которые работают на благо развития компаний.

Статья

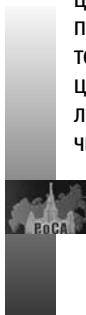
Социология управления – наука, в которой объединились такие вещи, как концептуальный аппарат и различные методические приемы, представленные в классической социологии, которые стали применимы в сфере управлений взаимодействий и отношений. Данная наука, будучи применима к различным управленческим проблемам, имеет универсальный характер. Управленческие отношения присутствуют на протяжении всего существования человечества, в любую эпоху и в любом обществе. Проблемная область управленческих взаимоотношений лежит не только в социальной плоскости, но и включает в себя вопросы финансовых, юридических, экологических и прочих практик.

Социология – наука о поведении людей, которые выстраивают взаимоотношения в больших социальных группах. Социальная группа – это любая совокупность людей, где ведущая роль отведена не личностным качествам отдельного индивида, не их эмоциям и предрассудкам, а общественным закономерностям. В рамках социологии управления под общественными закономерностями мы будем понимать отношения и поведение больших социальных групп, которые детерминируются, в основном или исключительно, действием социальных институтов. Таким образом, объектом общей социологии являются большие социальные группы, рассматриваемые в институциональном контексте. В содер жательном смысле предмет социологии управления не может существенно отличаться от предмета общей социологии. Будучи родной дочерью последней, социология уп-

равления также изучает поведение больших социальных групп в институциональном контексте. Однако речь здесь идет только о тех из них, которые связаны с отношениями иерархии в организации.²

Одним из вариантов методического обеспечения институционального подхода, которое, впрочем, также неоднозначно трактается различными представителями отечественной общественной науки, может выступать понятие социальной технологии.

Чтобы точнее определить это сложное и неновое понятие, необходимо осуществить краткий экскурс в историю отечественной обществоведческой науки. Анализ ряда научных работ показывает, что у исследователей сложились разные подходы к определению сущности социальной технологии. Так, В. Г. Афанасьев определяет ее, как «элемент механизма управления и средства перевода абстрактного языка науки... на конкретный язык... достижения поставленных целей».³ Позже, специалист в области производственной социологии М. Марков рассматривает ее, как «способ реализации... конкретного сложного процесса путем расчленения его на систему последовательных взаимосвязанных процедур и операций, которые выполняются однозначно...».⁴ Один из основателей отечественной конфликтологии А. К. Зайцев пишет о социальной технологии, как о «совокупности знаний о способах и средствах организации социальных процессов, самих эти действиях, позволяющих достичь поставленной цели».⁵ В конце прошлого века В. Н. Иванов описывает социальную технологию, как «систему инновационных способов, средств разрешения сущностного противоречия взаимодействия и самореализации социальных субъектов в диалоге человека и природы».⁶ По мнению В. В. Щербиной, «социальные технологии представляют собой способ организации и упорядочения целесообразной практической деятельности, совокупность приемов, направленных на определение или преобразование (изменение состояния) социального объекта, достижение заданного результата».⁷ Специфика технологии в том, что она алгоритмизирует деятельность и поэтому может быть многократно использована, тиражирована для решения сходных задач, достижения заданных результатов посредством профессиональной культуры.

В рамках этой работы мы будем разделять точку зрения Ж. Т. Тощенко по поводу социологии управления. По его мнению, в основе социологии управления лежит идея о создании обобщающих и концептуальных принципов управления, которые мы можем применить в различных отраслях и предприятиях, независимо от сложившейся ситуации. Социология управления – это продуманный алгоритм по принятию управленических решений. В этом смысле она является собой универсальную социальную технологию. Он представляет собой методику, начинающуюся в точке постановки цели, где под целью понимается прогнозирование или предвидение будущего в компании. После этого следует этап планирования, программирования или проектирования исследуемого явления. Заключением является применением конкретной социальной технологии к проблемной ситуации.⁸

В контексте вышесказанного, устойчивое развитие можно характеризовать как новый метод организации и развития компании для успешного взаимодействия с окружающим его обществом. Рациональный подход к использованию ресурсов, как человеческих, так и природных – вот ключ к социальной ответственности компании.

Существуют основные элементы УР, к ним относится, во-первых, экологический фактор. Человек живет на земле, его окружают воздух, вода, земля, леса и прочие природные блага, которые используют компании, нанося им вред, вырубая огромное количество деревьев или сливая отходы в источники как пресной, так и морской воды. УР направлено на принятие обдуманных и социально ответственных решений, на правильное использование этих ресурсов, их защиту и дальнейшее сохранение. Также в экологию включаются такие важные элементы, как пища, которую человек получает из окружающего его мира, и новые виды возобновляемых ресурсов, например, энергия ветра, воды или солнца.⁹

Следующий элемент – это социальная сфера и социальный капитал. Это те компоненты нашего общества, которые находятся на этапе формирования в XXI веке. Человек – это самый важный и значимый элемент всей социальной сферы и поэтому все, что создается людьми, должно быть направлено на развитие и благоустройство общества и его ячеек. Для этого необходимо

создавать и развивать имеющиеся социальные организации, что будет гарантировать устойчивое развитие общества, поддерживать слабозащищенные слои населения и страны, где низок уровень социальной значимости человека и его прав, которые были установлены государством.

Экономическая сфера – это та сфера, где общество получает ресурсы для дальнейшего использования в других областях. Хотя здесь важно не только получение материального богатства и экономических выгод – это всего лишь средства для правильного развития и управления другими видами ресурсов. Для экономики главное – способствовать инновациям, развитию и обеспечению общества благами. Но надо понимать, что для УР необходима синергия этих компонентов, так как они взаимосвязаны и, при потере одного или излишнего внимания к другому, мы нарушаем и сдвигаем основы социального развития и успешного использования ресурсов. Это влечет за собой неоправданные траты и отрицательные последствия для всего социума и для каждого человека в отдельности. УР для какой-либо конкретной организации – это ключ к стабильности и успешному существованию в обществе, сохранение окружающей среды, решение проблем современности и накопление их для будущих поколений.

Следующий важный элемент в устойчивом развитии – это нефинансовая отчетность, которая дает представление о том, как компания управляет экономическими, социальными и экологическими факторами. Это важно не только для самой компании, но и для заинтересованных сторон (стейкхолдеров). Чтобы отчетность была качественной и на нее можно было в дальнейшем опираться для построения успешной стратегии УР, она должна отвечать критериям прозрачности, отслеживаемости и соблюдения. Чем больше раскрыты эти критерии и чем лучше они дают представление о компании, тем выше шансы заинтересовать инвесторов и дать понять стейкхолдерам, что компания работает на благо социума, а не только потребляет ресурсы и занимается максимизацией прибыли. Анализируя показатели отчетности, компания может изменять стратегию своего развития и направлять ее в нужное русло для достижения максимального результата в развитии и взаимодействия с группами влияния.

Отчетность можно назвать одним из важнейших элементов, который включает в себя такие компоненты, как предвидение путем анализа прошлых и настоящих данных о компании, так и описание дальнейших планов по усовершенствованию системы управления на ближайшие годы.

Самым ярким примером важности концепций устойчивого развития, корпоративной социальной ответственности и системы нефинансовой отчетности в России служит Российская региональная сеть по интегрированной отчетности, которая взаимодействует с РСПП и крупнейшими консалтинговыми компаниями России на этом поле. Благодаря их взаимодействиям проводятся многочисленные проекты, которые направлены на развитие данных областей в России. В качестве примера из последних проектов можно привести результаты третьего по счету выпуска индексов РСПП по устойчивому развитию, корпоративной ответственности и отчетности.

Лидирующий список компаний представлен в алфавитном порядке. Компании участвовали в двух номинациях, первая из которых – индекс «Ответственность и Открытость». В него вошли такие компании, как Аэрофлот, Башнефть, Газпром, ЕвроХим, Интер РАО, ЛУКОЙЛ, Металлоинвест, ММК, Нижнекамскнефтехим, НЛМК, Новатэк, Норильский Никель, ОМК, РЖД, Росатом, Роснефть, Ростелеком, РусГидро, Сахалин Энерджи, Северсталь, АФК Система, СУЭК, Татнефть, Уралкалий, ФосАгро. Второй индекс называется «Вектор устойчивого развития» и в нем представлены такие фирмы, как Газпром, ЕвроХим, Интер РАО, ЛУКОЙЛ, Металлоинвест, ММК, Нижнекамскнефтехим, НЛМК, Норильский Никель, ОМК, РЖД, Росатом, Роснефть, Ростелеком, Русгидро, Сахалин Энерджи, АФК Система, Северсталь, СУЭК, Татнефть, Уралкалий, ФосАгро. В рамках Индекса анализировались компании, входящие в ТОП-100 крупнейших компаний по рейтингам РАЕХ-600 и РБК-500.¹⁰

Обращая внимание на крупнейших игроков рынка консалтинговых услуг в сфере КСО и УР, стоит выделить аудиторскую компанию EY. По мнению представителей компании, занимающихся сферой подготовки интегрированной отчетности, эта область является в настоящий момент одной из наиболее значимых в сфере раскрытия информации о деятельности орга-

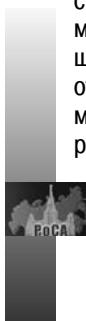
низации. Ее появление и развитие были обусловлены постепенным изменением подходов к оценке стоимости компаний и определению факторов их долгосрочной устойчивости. Важную роль в изменении парадигмы современной отчетности сыграл последний экономический кризис, поставивший под сомнение ценность корпоративной отчетности для заинтересованных сторон в плане обеспечения полной, объективной и сбалансированной информации о результатах деятельности компаний в кратко- и среднесрочной перспективе. При этом объем публикуемой информации с каждым годом только увеличивается.

За последние годы EY подготовила множество публикаций на тему УР и КСО, например: «Преимущества отчетности в области устойчивого развития», «Шесть тенденций в области устойчивого развития компаний в 2013 году», «Руководство по отчетности в области устойчивого развития: версия G4». ¹¹

Продвижение практик КСО и УР в России – это не только тенденция XXI века в области управления, но и эффективный механизм, который способствует реализации управлений методов на практике. Но для того, чтобы их реализовывать, необходима база, основа для их построения.

Более подробно стоит представить конкретные методики УР, которые широко применяются в современном мире, и, на наш взгляд, могут быть отнесены к социологии управления и к социальным технологиям. Эти методики будут представлены на примере деятельности компании SustainAbility, которая работает в данной сфере.

SustainAbility – компания со штаб-квартирой в Лондоне, представительствами в Вашингтоне, Нью-Йорке, Сан-Франциско и Нью-Дели. SustainAbility начала свою деятельность в 1987 году, в год выхода доклада ООН «Our common future», где было дано определение понятия «sustainability», широко используемое сегодня. Все это время компания не только существовала и развивалась внутри трендов в области УР, но и, являясь одним из крупных игроков на этом поле, во многом сама формировалась повестку дня в области УР. Модель компании представляет собой гибрид think tank и крупной консалтинговой структуры. Как think tank – это площадка для развития новых идей и расширения

границ понимания УР; компания формирует дискурс и влияет на состояние инфраструктуры отрасли. Как консалтинговая структура она помогает бизнесу решать конкретные задачи достижения успешности в мире, ориентированном на УР.

Одним из ярких примеров методик взаимодействия социальных групп является пример программы по формированию стейкхолдерской сети (the Engaging Stakeholders Network). Компания SustainAbility наработала сеть контактов, которые являются ее капиталом. Она консультирует крупнейших мировых лидеров бизнеса (порядка 130 компаний из различных секторов экономике Америке и Европы). Партнерами компании являются различные некоммерческие, неправительственные и надправительственные структуры, они предоставляют свои данные для ее исследовательской, консалтинговой и адвокативной деятельности. Данную программу можно отнести к социальной технологии, которая реализуется по средствам объединения различных социальных групп прогнозирования или достижения поставленной задачи.

На протяжении всего времени своего существования SustainAbility формирует вокруг себя сеть стейкхолдеров – экспертов из сферы бизнеса, некоммерческого сектора и академической среды, каждый из которых обладает ресурсами, либо имеет выходы на сторонние ресурсы. Такая концентрация ресурсов в одном месте дает синергетический эффект, работающий для компаний-участников сети. Компании получают доступ к уникальной информации, пониманию новейших трендов, возможность увидеть риски и понять места прозрачности, примерить их на себя, найти способы решения по ключевым системным вопросам. Это также площадка, где возникают новые деловые контакты и открываются связанные с ними новые возможности.

SustainAbility обеспечивает доступ компаниям кциальному стейкхолдеру, в правильном формате, в правильное время, и с нужной частотой. С одной стороны, SustainAbility помогает компаниям решать их задачи, при этом создавая для них условия и предоставляя поддержку, а с другой стороны работает на выполнение своей миссии – побуждает компании стремиться к лучшему, устойчивому будущему.

Также нам хотелось бы остановиться на услугах, предоставляемых компанией SustainAbility,

которые мы рассматриваем в качестве примеров социальной технологии:

- Интеллектуальная поддержка (Intelligence)
- Стратегическое консультирование (Strategy).
- Коммуникации со стейкхолдерами (Engagement)

Интеллектуальная поддержка (Intelligence)¹² заключается в предоставлении адресных (ориентированных на конкретную компанию или отрасль) прогнозов относительно текущих процессов, трендов и практик, и связанных с ними вызовов и возможностей для бизнеса. Компания проводит бенчмаркинговые и другие, сделанные на заказ, исследования, влияющие на принятие стратегических управленческих решений, а так же исследования мнений ключевых экспертов и других влиятельных лиц и организаций в области УР. И занимается регулярным сбором данных по принципиальным проблемам и меняющимся ожиданиям стейкхолдеров. В качестве социальных технологий рассмотрим примеры конкретных услуг SustainAbility:

· Анализ трендов. Выявление ключевых природных, социальных и экономических трендов и соизмерение их со стратегическим и операционным уровнями бизнеса.

· Materiality Analysis. Изучение и оценка конкретных проблем, стоящих перед компанией, исходя из их общественной значимости – степени общественного интереса, содержащегося в проблеме (изучение с точки зрения интересов стейкхолдеров) и степени их влияния на бизнес (изучение с точки зрения интересов бизнеса). Разработка стратегии и/или отчетности в соответствии с полученными результатами.

· Диагностика климатических изменений. Выявление и измерение стратегических, финансовых и операционных рисков и возможностей, связанных с климатическими изменениями.

· Мониторинг информационного поля и выстраивание информационного потока (ключевые новости, отчеты, события) для клиента.

Стратегическое консультирование (Strategy) – вторая разновидность социальной технологии – помочь клиентам в интегрировании УР в свой бизнес через выстраивание стратегии:

· Создание стратегии. Разработка стратегических и применяемых на практике способов реагирования на проблемы и тренды УР.

· Создание климатической стратегии. Выработка стратегических ответов бизнеса на риски и возможности, связанные с климатическими изменениями.

· Инновации. Исследование и оценка коридора возможностей для «устойчивых» продуктов, процессов и бизнес-моделей

· Управление. Оценка и изменение старых подходов к управлению и систем управления с целью внедрения или оптимизации работы по УР

· Интеграция стратегии УР в целостную стратегию организации, разнообразные корпоративные функции и управленческие системы

· Цепочка поставок. Выявление рисков и возможностей вдоль всей цепочки поставок, определение степени значимости каждого из них, управление ими.

Ещё одним ярким примером социальной технологии являются коммуникации со стейххолдерами (заинтересованными сторонами) (*Engagement*) – помочь клиентам в систематическом отслеживании и интерпретации позиций стейххолдеров и последующем реагировании на них, с целью своевременного выявления рисков и возможностей, формирование доверия и выстраивания партнерских отношений.

В рамках технологизации собственной деятельности компания придумывает и проводит мастер-классы, семинары и другие мероприятия для крупнейших мировых брендов по широкому спектру тем, начиная от кризисного менеджмента и заканчивая климатическими изменениями. Она также имеет большой опыт в объединении представителей разных секторов экономики (например, бизнеса с НКО) на одной площадке для выработки совместных технологизированных решений системных проблем. Компания имеет разветвленную сеть партнеров и экспертов, что позволяет ей привлекать ресурс экспертной поддержки практически в любой тематической области, отрасли или регионе.

Компания помогает клиентам выстраивать коммуникацию с самыми разными аудиториями, начиная от сотрудников и высшего руководства, и заканчивая потребителями и инвесторами.

Примеры конкретных социальных технологий:

· Отчетность и коммуникации. Выстраивание эффективной и вызывающей доверие ком-

муникации, в том числе отчетности, с сотрудниками и внешними стейххолдерами.

· Брендинг. Разработка убедительного и вызывающего доверие бренда, демонстрирующего долгосрочную способность компании реагировать на риски и возможности УР.

· Оценка реализованных действий в области УР и соотнесение их с лучшими практиками. Оценка отчетности компании и соотнесение ее с лучшими практиками.

· Идентификация стейххолдеров и определение степени значимости каждого из них для конкретного бизнеса. Создание «карты стейххолдеров» по разным критериям: степени влиятельности, типу, географии и другим.

· Создание замысла, организация и фасилитация мероприятий по стейххолдерской коммуникации с целью получения внешней обратной связи относительно действий и планов клиентов в области УР.

· Экспертные исследования. В партнерстве с другой консалтинговой GlobeScan проведение количественных исследований по проблемам УР с привлечением глобальной сети экспертов.¹³

Отдельно следует указать услуги SustainAbility для участников собственной стейххолдерской сети. Здесь можно выделить следующие примеры социальных технологий:

· Проведение различных мероприятий. SustainAbility проводит ежегодные семинары/workshop, где члены сети в процессе изучения ключевых тем получают возможность обменяться мнениями с коллегами и экспертами, и соотнести тренды с собственной ситуацией в области прозрачности. Выстраивание порядка и темы мероприятия осуществляется SustainAbility совместно с другими компаниями.

· Member briefing. SustainAbility проводит ориентированные под конкретный запрос клиента брифинги по самым свежим исследованиям и аналитике для каждого клиента минимум 1 раз в год, в off-line либо on-line формате.

· Исследовательский проект. SustainAbility реализует как минимум один большой исследовательский проект ежегодно, вовлекает в него членов сети. Этапы проекта доносятся до членов сети в течение всего года через вебинары, личные встречи, звонки, и по окончании года организуется семинар, где предоставляются полные результаты проекта.

Данная работа была бы неполной, если бы мы не рассмотрели социальные технологии на практике. Далее обратимся к конкретным кейс-примерам и проанализируем их.

Первый пример будет представлен в качестве компании Michelin, крупнейшем производителе резины в мире. В 2012 году компания обратилась за консультацией по изменению своего пути развития в области концепции устойчивого развития. Первичный подход к решению данной проблемы строился путем составления и выявления проблемных точек соприкосновения компании и ее групп стейххолдеров. Эта социальная технология относиться к «Materiality Analysis». Для выявления проблем проводились многочисленные интервью с экспертами индустрии; анализ исследований, опубликованных некоммерческими организациями; проведение круглых столов со СМИ; взаимодействие с потребителями. Следующий этап был направлен на внутреннее изучение компании. SustainAbility оценила вопросы, связанные со стоимостью компании, а также озабоченность заинтересованных сторон. После получения результатов произошла сверка с данными внутренних специалистов и последующая калибровка результатов для дальнейших операций.

Конечный результат проекта – утвержденный генеральным директором и отделом устойчивости совета план, который представляет собой матрицу, отображающую 19 проблем устойчивого развития, которые являются наиболее важными для заинтересованных сторон Michelin и бизнес-деятельности компании. Приоритеты были определены как проект «Шесть амбиций на 2020 год», которые помогут улучшить лидерство продукта и экологические показатели; установить стандарт для обрабатывающей промышленности, стандарт для укрепления связей с местными сообществами и в дальнейшем развивать и пропагандировать подход к устойчивому автомобилестроению.

Второй пример реализации и применения социальных технологий будет показан на примере британской компании в области микроЭлектроники ARM. Проблема, поставленная для компании SustainAbility, заключалась в анализе и изменении действующей стратегии вовлечения сотрудников. А именно – вовлечение всех сотрудников в процессы компании и волонтерские проекты. Для начала необходимо было

определить основные критерии вовлечения сотрудников. В них входят, по мнению самой компании, вовлеченность и приверженность старшего руководства; стратегическое соответствие с бизнесом; географический охват; и партнерство на добровольных началах. После ряда исследований список критериев был дополнен – оценка инициатив по вовлечению сотрудников; обзор лучших практики среди FTSE компаний.

Результатом этого проекта стало рассмотрение инициатив сотрудников, которые работают в области науки, технологий, инженерии и математики (STEM). Это исследование помогло сосредоточить усилия сотрудников на тех областях, где инициатива и знания помогают строить сильные команды и достигать цели проекта путем достижения амбиций каждого.

Японская компания Mitsubishi Corporation (MC) имеет бизнес-интересы в различных отраслях: экономика, энергетика, производство, машиностроение, химическая промышленность, продукты питания и товары общего потребления. Эта сторонняя модель ведения бизнеса направлена не только на максимизацию прибыли, но и на стремление обогащения общества через бизнес. Она остро осознает, как экологические, социальные и экономические факторы формируют глобальную работу компании.

SustainAbility обеспечивает MC персональный сбор и анализа данных и тенденций в сфере УР. Каждый месяц проводятся и представляются подробные брифинги для команды MC в Лондоне и Токио, на основе которых выявляются возникающие риски устойчивости. MC стремится к более глубокому пониманию того, как корпоративная социальная ответственность влияет на отчетность и прозрачность, а также развитие области.

Maersk, мировой лидер судоходства и нефтегазовая компания, обратилась к SustainAbility за помощью в создании внутреннего понимания рисков устойчивости и возможностей, стоящих перед бизнесом. Чтобы помочь Maersk начать интегрировать устойчивое мышление в организации, SustainAbility проводила ежемесячные доклады по вопросам: изменения климата и энергетики, взяточничества и коррупции, цепочек поставок и рабочей силы. Результаты были получены путем активного мониторинга ключевой информации. Далее более важная и акту-

альная информация распространена среди менеджеров по всей компании.

В результате проведенной работы Maersk сделала доклад о состоянии компании в области устойчивого развития, а также охватила около 500 бизнес-менеджеров по этому вопросу.

По итогам проделанной работы устойчивое развитие является механизмом, который обладает высоким потенциалом в рамках использования социологии управления в наши дни. Концепция дает нам инструменты и методы, которые коррелируют с теоретическими представлениями социологии управления. Устойчивое развитие управляет поведением людей, групп, сетей стейххолдеров через массовые механизмы, подобно другим инструментам, используемым в социальном управлении. Данные механизмы – это четкие управленческие практики (читай, социальные технологии), которые можно применять многократно, независимо от компании и отрасли, независимо от исследования, проводящего изменения. Для каждого механизма устойчивого развития социальной технологии подробно написан план-реализация и методы, которыми следует пользоваться. Также следует отметить, что инструменты, применяемые в устойчивом развитии, являются социальными технологиями, поскольку затрагивают большинство социальных процессов, как в обществе, так и современных компаниях. Зарубежный консалтинговый опыт, направленный на создание эффективных социальных технологий, и реализация их на практике, должны послужить отправной точкой для российского бизнес-сообщества. По мнению автора, аккумулирование данных и методик, которые применяет компания SustainAbility, должно стать отправной точкой для дальнейших работ и изысканий в этой сфере. В данный момент времени мы считаем, что SustainAbility является передовым игроком на рынке консалтинговых услуг в сфере устойчивого развития и создания передовых методик социальных технологий, необходимых российскому бизнесу.

Литература

1. Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. М., 1977. С.235.
2. Граждан, В.Д. Социология управления: Учебник для вузов / В.Д. Граждан. – Люберцы: Юрайт, 2016. – 607 с.

3. Ефимов, В.В. Социология и психология управления / В.В. Ефимов. – М.: КноРус, 2012. – 256 с.

4. Зборовский, Г.Е. Социология управления / Г.Е. Зборовский, Н.Б. Костина. – М.: Гардарики, 2008. – 272 с.

5. Кравченко, А.И. Социология управления / А.И. Кравченко. – М.: Академический проект, 2008. – 983 с.

6. Лопатина, Н.В. Информационные специалисты: Социология управления / Н.В. Лопатина. – М.: Академический проект, 2006. – 208 с.

7. <http://www.globescan.com/>

8. Описание устройства компании SustainAbility – <http://www.sustainability.com/company>

9. Поручение президента РФ В.В. Путина от 27.12.2016 г. – <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/53602>

10. Лидеры-2016 по индексам РСПП – <http://www.rspp.ru/cc/news/41/11043>

11. К вопросу об КСО и УР – <http://www.ey.com/>

Ссылки:

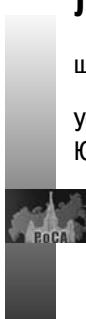
1 Поручение президента РФ В. В. Путина от 27.12.2016 г. – <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/53602>

2 Кравченко А.И., Тюрина И.О. Социология управления: фундаментальный курс: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, – 1136 с. – («Gaudemus»). 2005 (Kravchenko A.I., Tjurina I.O. Sociologija upravlenija: fundamental'nyj kurs: Uchebnoe posobie dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Akademicheskij Proekt, – 1136 s. – («Gaudemus»). 2005)

3 Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом. М., 1977. С.235.(Afanas'ev V. G. Chelovek v upravlenii obshhestvom. M., 1977. S.235.)

4 Марков М. Технология и эффективность социального управления. М., 1983. С.48. (Markov M. Tehnologija i effektivnost' social'nogo upravlenija. M., 1983. S.48.)

5 Зайцев А. К. Внедрение социальных технологий в практику управления // Социальное развитие предприятия и работа с кадрами. М., 1989. С.95. (Zajcev A. K. Vnedrenie social'nyh tehnologij v praktiku upravlenija // Social'noe razvitiye

predpriyatija i rabota s kadrami. M., 1989. S.95.)

6 Иванов В. Н. Социальные технологии в современном мире. М., 1996. С.21. (Ivanov V. N. Social'nye tehnologii v sovremennom mire. M., 1996. S.21.)

7 Щербина В. В.. Целеобеспечивающие и рационализирующие диагностические социальные технологии в управлении // Личность. Культура. Общество. 2016. Т. 18. Вып. 1-2 (89-90). С. 135-148. (Shherbina V. V.. Celeobespechivajushchie i racionalizirujushchie diagnosticheskie social'nye tehnologii v upravlenii // Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo. 2016. T. 18. Vyp. 1-2 (89-90). S. 135-148.)

8 Тощенко Ж. Т.. Социология управления. Учебник. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, – 300 с. 2011 (Toshchenko Zh. T.. Sociologija upravlenija. Uchebnik. – M.: Centr

social'nogo prognozirovaniya i marketinga, – 300 s. 2011)

9 Ильин И. В., Лось В. А., Ursul A. D.. Устойчивое развитие и глобальные процессы. / Серия: Основы глобалистики: социоприродное измерение, Издательство Московского университета Москва – 450с. 2015г. (Il'in I. V., Los' V. A., Ursul A. D.. Ustoichivoe razvitiye i global'nye processy. / Serija: Osnovy globalistiki: socioprirodnoe izmerenie, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Moskva – 450s. 2015g.)

10 Лидеры-2016 по индексам РСПП – <http://www.rspp.ru/cc/news/41/11043>

11 К вопросу об КСО и УР - <http://www.ey.com/>

12 Описание устройства компании SustainAbility - <http://www.sustainability.com/company>

13 <http://www.globescan.com/>

Роль общественного мнения в процессе управления сферой культуры

Сагитов С.Т.

В статье управление сферой культуры предлагается к рассмотрению в качестве процесса массовой коммуникации. Одним из неотъемлемых элементов процесса массовой коммуникации является общественное мнение, представляющее собой канал обратной связи для коммуникатора в целях дальнейшей корректировки принятых управленческих решений. Анализ региональных программ развития сферы культуры показывает, что общественное мнение не всегда берется в учет при определении стратегии развития отрасли. Также в статье приведен анализ трансформации приоритетов развития сферы культуры, как в официальных программных документах, так и во взглядах населения, что в большой степени связано с бурно протекающими процессами информатизации, цифровизации, в т. ч. в сфере культуры.

Ключевые слова: общественное мнение, сфера культуры, поддержка юных талантов, русский язык, информатизация, приоритеты развития культуры

Sagitov S.T.

The role of public opinion in the process of managing the sphere of culture
The article on management of the sphere of culture is proposed for consideration as a process of mass communication. One of the integral elements of the process of mass communication is public opinion, which is a feedback channel for the communicator in order to further adjust the management decisions taken. Analysis of regional development programs in the sphere of culture shows that public opinion is not always taken into account when determining the development strategy of the industry. The article also analyzes the transformation of the priorities for the development of the sphere of culture, both in official program documents and in the views of the population, which is to a great extent connected with the rapidly flowing processes of informatization, digitalization, incl. in the culture.

Keywords: public opinion, sphere of culture, support of young talents, Russian language, informatization, priorities of cultural development

Актуальность проблемы. Управление сферой культуры, представляющее собой процесс согласования интересов культурной деятельности, осуществляемое с помощью распределения различного рода ресурсов, имеет дело не только с очевидными процессами воздействия субъектов управления на объект, но и с процессами протекающими латентно. Причем эти процессы протекают как в отношениях между субъектами, так и внутри их, при этом субъект управления управляет объектом только в той степени, в которой последний позволяет собой управлять. [1, с. 137]. В связи с этим считаем целесообразным, при изучении процесса управления сферой культуры применять подход, при котором процесс управления культурой представлять как процесс массовой коммуникации, что позволит более детально изучить элементы процесса управления. В рамках данной статьи мы более подробно остановимся на одном из них - обратной связи, которая дает коммуникатору сведения об эффективности работы коммуникационного канала, о получении или не получении желаемого результата. Одним из форм таких каналов обратной связи является общественное мнение, под которым мы понимаем «не просто состояние общественного сознания или определенный вид оценочной деятельности, но один из значимых механизмов воздействия людей..., включающего в себя ... когнитивный, эмоциональный, аксиологический и поведенческий» элементы [2, с. 242].

Мы понимаем, что все элементы процесса массовой коммуникации являются звенями одной цепи, где эффективность ее деятельности зависит от функционирования каждого элемента, от характера отношений между ними, от степени соответствия каждого компонента коммуникационного процесса другому по входным и выходным параметрам.

Что касается процессов управления сферой культуры, учитывая их многовекторность и многосторонность, то одна из главных проблем заключается именно в оценке населением проводимой культурной политики и дальнейшей способностью субъекта управления корректировать свои управляемые действия.

Результаты проведенных нами социологических исследований по вопросам развития сферы культуры позволяют изучить реакцию населения по данной проблематике в динамике. Исследования (научный руководитель – профессор, д.с.н. Насибуллин Р.Т.) были проведены при непосредственном участии автора в 2001-2002 гг. и в 2016-2017 гг. Было опрошено по 1 200 человек – потенциальных и реальных потребителей культурной продукции Республики Башкортостан. В рамках исследования мы выясняли соответствие представлений населения и обозначенных государством в своих программных документах, приоритетов развития сферы культуры.

Так, при проведении первого исследования мы ориентировались на приоритеты, определенные в Программе развития культуры и искусства Башкортостана до 2005 года: [3]

- «...сохранение и обеспечение высокого профессионального уровня искусства и деятельности в сфере культуры (в соответствии с российскими и мировыми стандартами), а также повышение активности граждан в культурной жизни;
- обеспечение максимально широкого приобщения всех слоев населения, жителей всех регионов республики и представителей всех национальностей к духовно - культурным ценностям с учетом их специфических потребностей и запросов;
- повышение роли культуры и искусства в формировании демократических и гражданских убеждений, в приобщении к традиционным и современным духовным ценностям народов республики;
- всестороннее и целостное развитие башкирской национальной культуры в ее историческом центре - Башкортостане;
- обеспечение развития национальных культур народов Башкортостана в соответствии с их особенностями и запросами, формирование общего культурного пространства многонациональной республики».

В опросе респондентам было предложено выбрать 5 из предложенных 13 вариантов приоритетов развития, составленных на основе приведенного выше документа. Ответы на этот вопрос распределились следующим образом.

Больше всего - 53,1% респондентов, выделили в качестве приоритета развития поддержку творчески одаренных личностей, юных талантов.

Следующую группу с отставанием более чем в 20% составляли два варианта ответов:

- 30,0% - «Сохранение и обеспечение высокого профессионального уровня искусства и деятельности в сфере культуры»
- 28,9% - «Сохранение и укрепление материально - технической базы организаций культуры и искусства»

В третью группу предпочтений вошли ответы, доля которых колеблется в пределах 20%:

- 23,7% - «Обеспечение максимально широкого приобщения всех слоев населения к духовно - культурным ценностям»
- 23,5% - «Поддержка и расширения культурных связей с субъектами России и зарубежными странами»
- 20,1% - «Повышение роли культуры и искусства в процессе социализации личности»
- 19,8% - «Выработка новых форм деятельности учреждений культуры и искусства в условиях рыночных отношений»

Последняя группа предпочтений, в которых доля ответов составляет менее 20%, выглядит так:

- 16,2% - «Всестороннее и целостное развитие башкирской национальной культуры»
- 15,2% - «Обеспечение развития национальных культур народов Башкортостана в соответствии с их особенностями»
- 14,1% - «Формирование общего культурного пространства многонациональной республики»
- 14,0% - «Обеспечение социальной защищенности работников отрасли культуры»
- 13,0% - «Совершенствование подготовки кадров деятелей культуры и искусства»
- 10,9% - «Развитие научных исследований по проблемам культуры и искусства в РБ».

Как видим, в первых группах респондентами выделяются общие, общероссийские проблемы развития материальной базы сферы культуры. Следующий блок, в большинстве своем,

объединяет приоритеты общего характера, но отражающие духовную сторону развития сферы культуры. И замыкает систему приоритетов блок, отражающий специфику Башкортостана, многонациональность культуры республики. В целом стоит заметить, что результаты проведенного в 2001-2002 гг. исследования позволяют говорить о том, что мнение населения, совпадает с приоритетами, обозначенными в программных документах республиканского уровня начала века.

Принятая в 2013 году в Республике Башкортостан очередная государственная программа «...предусматривает комплексное развитие отрасли культуры, всех ее направлений деятельности с учетом основных приоритетов:

? создание условий для духовного, интеллектуального и культурного развития жителей республики;

? стимулирование и поощрение талантливых и перспективных деятелей в области профессионального искусства;

? перевод отрасли культуры на инновационный путь развития, превращение культуры в наиболее современную и привлекательную сферу деятельности;

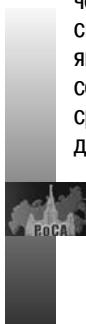
? широкое внедрение информационных технологий в сферу культуры, создание электронных библиотек национальной литературы, виртуальных экспозиций и выставок;

? социальная поддержка работников культуры и искусства;

? укрепление материально-технической базы государственных и муниципальных учреждений культуры и искусства, модернизация отрасли» [4].

При сравнении приоритетов двух республиканских программ видны значительные их изменения. В первую очередь они связаны с тем, что за последние 15-20 лет процессы информатизации коснулись всех без исключения сфер нашей жизни [5, с. 117-150]. Прогресс, который проявляется не столько на российских заводах и фабриках и применяемых ими технологиях, сколько в повседневной жизни каждого человека. Персональный компьютер, интернет, смартфоны и иные гаджеты стали обыденным явлением практически для всех представителей социума. Теперь мобильный телефон не просто средство голосовой связи, но благодаря последним разработкам, и фотоаппарат, дневник, и

средство оплаты, средство общения и распространения информации и т.д. и т.п. В социальной сфере бурно проявился феномен социальных сетей, как формы информационно-коммуникационных технологий [6, с. 11]. Результаты исследований, полученных Фондом общественного мнения, говорят о том, что 91% граждан пользуется мобильным телефоном и 72% не представляют без него своей жизни[7]. Такие же, по своей глубине, изменения коснулись и сферы культуры: он-лайн концерты, стереооборудование, возможности передачи 3D, а порой и 4D изображения, тотальная компьютеризация, цифровые музеи и др. Причем эти процессы продолжаются ежедневно, ежеминутно. И как отмечается, пятая, завершающая стадия развития цивилизации (в которую мы только вступаем) «будет ознаменована господством информационных технологий» [8, с. 11]. Все это заставляет вносить корректиды и в перспективные планы развития сферы культуры, что было учтено и при определении приоритетов на уровне Башкортостана в 2013 году: половина из выделенных приоритетов, в той или иной степени, акцентируют свое внимание именно на этой задаче. Добавился, по сравнению с программой 1999 года, в качестве приоритетного пункт о социальной поддержке работников сферы культуры. Неизменны позиции, утверждающие необходимость высокого профессионального уровня работников сферы культуры, а также создания условий для духовного, интеллектуального и культурного развития жителей республики. Вместе с тем в программе от 2013 года полностью исчезли из приоритетов пункты, связанные с поддержкой национальной культуры, в том числе, башкирской, и с формированием общего многонационального культурного пространства. Возможно, эти изменения были, как раз-таки реакцией на общественное мнение населения республики, которое, согласно результатам исследований 2001-2002 гг. высказалось, что бюджетные средства в меньшей степени должны быть направлены на развитие народного творчества - 14,8% респондентов. Напомним, что 26,1% респондентов считали, что в первую очередь бюджетные средства должны быть направлены на развитие профессионального искусства; чуть более одной пятой отдают первенство в решении данного вопроса – поддержке массовой культуры; 12,4% опрошенных

безразлично относились к этой проблеме и 1,8% респондентов считали что бюджетные средства не должны быть направлены на развитие культуры вообще. При этом была достаточно большая доля лиц, которые затруднились ответить на данный вопрос – 24%.

Согласно результатам исследований 2016-2017 гг. однозначным приоритетом для большинства респондентов является поддержка творчески одаренных личностей, юных талантов – таковых оказалось более половины опрошенных (56%). Второй значимой задачей респонденты определили сохранение и укрепление материально - технической базы организаций культуры и искусства - 42%. Почти каждый третий считает, что в первую очередь в процессе управления сферой культуры необходимо обеспечение максимально широкого приобщения всех слоев населения к духовно - культурным ценностям – 30%. В следующий блок приоритетов можно отнести те, которые колеблются в пределах 20-21%. Таковых определилось четыре приоритета:

- развитие народного творчества;
- всестороннее и целостное развитие башкирской национальной культуры;
- сохранение и обеспечение высокого профессионального уровня искусства и деятельности в сфере культуры;
- повышение роли культуры и искусства в процессе социализации личности.

Есть группа респондентов, которые считают, что основным приоритетом должно являться поддержка и расширение культурных связей с субъектами России и зарубежными странами – 13,3%. Завершает своеобразный ранжир в приоритетах – выработка новых форм деятельности учреждений культуры и искусства в условиях рыночных отношений (6,5%) и чуть менее 4% выбрали другие варианты ответов.

Сравнение результатов исследований 2001-2002 гг. и 2016-2017 гг. показывают, что изменения не касаются основного приоритета - поддержка творчески одаренных личностей, юных талантов. Причем в рамках ошибки выборки колеблется и показатель – 53% в 2001 году против 56% в 2017. Респонденты отдают пальму первенства указанному направлению деятельности вне зависимости от временного фактора.

Дальнейшее ранжирование приоритетов претерпело изменение. Если 15 лет назад сле-

дующая группа имела отставание в 20% и включала два варианта ответов (30,0% - «Сохранение и обеспечение высокого профессионального уровня искусства и деятельности в сфере культуры»; 28,9% - «Сохранение и укрепление материально-технической базы организаций культуры и искусства»), то последнее исследование выводит на второе место вопрос качества материально-технического оснащения и отставание от первого показателя сократилось до 16 процентных пункта. Это может говорить о том, что сфера культуры, финансируемая зачастую по остаточному принципу, за эти годы ухудшила свое материально-техническое состояние, что и отметили респонденты.

Также на 5,3% (с 23,7% до 29%) возросло количество тех, кто считает, что культура должна обеспечить максимально широкое приобщение всех слоев населения к духовно - культурным ценностям. Возможно, увеличению данного аспекта способствовало бурное развитие компьютерных и интернет технологий. Если еще в начале века их доля и значение в организации не только досуга, но и жизнедеятельности социума было минимальным, то прошедшие полтора десятилетия сопровождались бурным развитием цифровых технологий и их внедрению в повседневную жизнь практически каждого человека. Соответственно, на приобщение к культурно-дульным ценностям иного плана у ряда представителей нашего общества, особенно молодежи, времени стало гораздо меньше. И это обстоятельство вызывает обеспокоенность почти у трети респондентов.

Третья группа предпочтений, в которой доля ответов колеблется около 20%, составляет 4 варианта, хотя в 2001 году их было пять. При этом стоит отметить только 2 совпадения, это «повышение роли культуры и искусства в процессе социализации личности» и «всестороннее и целостное развитие башкирской национальной культуры». Интересно отметить, что число тех, кто считает необходимым поддержку и развитие профессионального искусства сократилось почти на треть (с 30% в 2001 до 20% в 21,3% в 2017 году) при одновременном увеличении в полтора раза тех, кто считает обязательным поддержку народного творчества (с 15% в 2001 до 21,5% в 2017 году). Беглый анализ позволяет говорить о том, что в этом блоке «собрались» вопросы, касающиеся поддержки

форм культуры (элитарная и народная), национальный компонент Башкортостана и также вопросы воспитания и духовного развития личности.

Интересен тот факт, что на 10% уменьшилась доля тех, кто считает, что приоритетом в сфере культуры должна быть поддержка и расширения культурных связей с субъектами России и зарубежными странами. Если в 2001 году таковых было чуть менее четверти опрошенных, то в 2016-17 гг. доля составляла 13,3%. Скорее всего в данном случае имеет место эффект трансляции на сферу культуры общеполитических процессов настоящего периода, а также тот факт, что «романтический период» восклицианий об американской и европейской культуре сменился трезвым взглядом и переоценкой в т.ч. культурных ценностей, так усиленно «предлагаемых» России со стороны ее западных партнеров.

Показательно то, что по результатам опроса 2016-17 гг. заметно снизилась (на 8-9%) доля тех респондентов, которые выделяли бы в качестве приоритетов внутренние процессы сферы культуры, такие как социальная защищенность работников отрасли, подготовка кадров и проведение научных исследований по проблемам культуры и искусства. И если их относительная доля и так не превышала 10-13% в начале XXI века, то в настоящее время сторонники соответствующих приоритетов сведены к минимуму.

Насколько же совпадает общественное мнение с продекларированными государством приоритетами. Удивительно, но среди приоритетов, обозначенных на уровне региона не выделено в качестве отдельно приоритетного направления поддержка одаренных детей. Хотя, как и в 2001-2002 гг., так и проведенные нами исследования 2016-2017 гг. показали, что среди множества предложенных приоритетов именно поддержка творчески одаренных личностей, юных талантов является в глазах социума главным направлением деятельности. О несовпадении результатов исследования с выделенными приоритетами говорит и позиция в отношении расширении межрегиональных и международных культурных связей, а также вопрос о необходимости выработки инновационных форм деятельности учреждений культуры. Напомню, половина приоритетов в региональной программе «посвящены» этому аспекту, а население «по-

ставило» его на последнее место. В данном случае можно говорить о том, что либо население не представляет, что значит перевод сферы культуры на новый этап развития, либо оно не видит необходимости в этом, либо органы государственной власти не могут объяснить необходимость переформатирования работы учреждений культуры, как ввиду ограниченности бюджетного финансирования, так и ввиду того, что сами не представляют конечного или хотя бы промежуточного результата. Как отмечают некоторые исследователи, например, «музейная жизнь должна давать импульсы для социального творчества и стать более доступной в овладении культурной семантикой для людей, не обладающих достаточными культурными горизонтами» [9, с. 46].

Также, несмотря на то, что в официальных документах развитие народного творчества, всестороннее и целостное развитие башкирской национальной культуры были исключены из приоритетов развития на уровне региона, 20% респондентов говорят о необходимости реализации этих направлений. Видится, что составители региональной программы развития сферы культуры несколько «поторопились», исключив эти аспекты из приоритетов культурного развития.

Еще на одном моменте хотелось бы остановиться чуть подробнее. Результаты наших исследований показывают, что в начале XXI века и спустя 15 лет, каждый пятый респондент считает необходимым повышать роль культуры и искусства в процессе социализации личности. Агентов, механизмов и средств социализации достаточно большое количество, при этом, «одним из главных средств и способов социализации выступает язык» [10, с. 9], про развитие которого в приоритетах развития сферы культуры не сказано ни слова. В первую очередь это касается русского языка, как языка не только государственного, но и языка межнационального общения. Этому обстоятельству мы видим две причины: либо разработчики программ не выделяют язык, как элемент культуры (что говорит об уровне понимания), либо идет недооценка языка, как средства не только социализации каждого конкретного индивида, но и развития сферы культуры в целом. Мы изучили приоритеты развития всех региональных программ в сфере культуры, по результатам чего

выяснили, что в 81 из 85 программных документах развития сферы культуры аспекты, касающиеся поддержки русского языка не нашли отражения в приоритетах развития. Конечно же, в каждом регионе, непосредственно планах мероприятий обозначены те, которые направлены на развитие русского языка. Кроме того, во многих национальных республиках существуют и отдельные специализированные программы развития языков. Однако, представляется, что этот вопрос обязательно должен быть обозначен в приоритетах каждой региональной программы, касающейся сферы культуры. Ибо значимость языка, как одного из элементов культуры, трудно недооценить как в развитии любого социума, так и в становлении российской государственности и национальной самоидентификации. Важность развития русского языка велика еще и потому, что алфавит практически всех этносов, проживающих в Российской Федерации зиждется на кириллице. Следовательно, и развитие языков народов России, во многом зависит от позиции русского языка, не только как государственного, но и как объединительного языка, языка центрового.

Кстати стоит отметить, что в документах федерального уровня, например в Основах государственной культурной политики России [11] в качестве одного из приоритетов определено сохранение и развитие русского языка и языков народов России. Более того, в этом же документе, в отличие от региональной программы вопрос поддержки одаренных детей с созданием условий для их индивидуального обучения и профессионального роста вынесен в качестве приоритетного! Также из оставшихся 4 приоритетов, указанных в Основах два пункта нашли отражение в мнении большого количества респондентов: сохранение и развитие культурного наследия народов Российской Федерации и возрождение традиционных для российского общества ценностей, посредством патриотического и гуманистического воспитания и образования, формированием соответствующей информационной среды.

Таким образом мы можем говорить о том, что общественное мнение, в части определения

приоритетов развития сферы культуры, в большей степени совпадает теми приоритетами, которые установлены на федеральном уровне, нежели на региональном. Это создает необходимость корректировки региональной программы в указанной части, ибо «тянет» за собой весь план мероприятий по реализации программы, который, возможно, также требует внесения определенных изменений и дополнений.

Литература

1. Насибуллин Р.Т., Бикметов Е.Ю. Социология управления. – Уфа, 2005.
2. Зборовский Г.Е., Костина Н.Б. Социология управления: учебное пособие. - М.: Гардарики, 2004.
3. <http://docs.cntd.ru/document/935107281> (дата обращения: 12.11.2016)
4. http://www.pravitelstvorb.ru/ru/government/government-programs/?ELEMENT_ID=12045
5. Культура в информационно-инновационном обществе: моногр./ под общ.ред.проф. В.Н.Стегния. – Пермь: изд-во Пермского
6. Левашов В.К., Сарьян В.К., Назаренко А.П., Новоженина О.П., Тощенко И.Ж., Шушпанова И.С., Соломатина Е.В. Развитие информационно-коммуникационных технологий и перспективы гражданского общества // СОЦИС, 2016 - №9, с.13-20.
7. Добринина Е. Чисто русское слово «гаджет» // URL <https://rg.ru/2013/03/20/gadget-poln.html> (дата обращения 22.03.2013)
8. Осипов Г.В., Стриханов М.Н., Шереги Ф.Э. Взаимодействие науки и производства: социологический анализ. В 2-х ч. Ч.1. - М.: ЦСП и М, 2014
9. Колесникова А.Г. Консолидационный потенциал музея в российском социокультурном пространстве. - Ростов-на-дону: 2015.
10. Чапля Т.В. Язык как средство социализации // Сибирский педагогический журнал, 2014 - №2, с.9-14
11. <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf> (дата обращения: 17.07.2015)

К проблеме синонимического моделирования политического дискурса

Поскачина Е.Н., Зудаева В.В.

В центре внимания данной статьи – когнитивная синонимическая модель организации информации в немецком политическом дискурсе. Синонимические единицы выступают в качестве ядерных компонентов в модели, которая конструируется под воздействием факторов внеязыковой действительности, языка как системы, компетенции лингвокреативной личности, порождающей политический дискурс и выбирающей для этого определенные единицы из синонимического ряда. Выбор обусловлен темой, интенцией дискурса и коммуникативно-прагматической стратегией. Созданная теоретическая модель организации информации в немецком политическом дискурсе дает представление о его устройстве и функционировании, а также о специфике механизмов притяжения смыслов. Таким образом осуществляется конструирование структур представления знаний посредством создания когнитивной полицентрической синонимической модели в политическом дискурсе.

Ключевые слова: синонимия, языковая личность, интенция, моделирование, политический дискурс.

Poskachina E.N., Zudaeva V.V.

To the issue of synonymous modelling in political discourse
This article seeks the problem of cognitive synonymous model of information organization in German political discourse. Synonyms are judged not only as the mean of language in itself but as strategic mean which form the political discourse. Synonymous units are the core components in model which is built under the impact of non-linguistic reality, language as a system, competence of language-creative identity who evokes political discourse and chooses the definite units from synonymous row for it. The choice is determined by the topic, intention of discourse and communicative-pragmatic strategy. The academic model of information organization in German political discourse made by the author gives the idea of its structure and functioning and specific features of meanings interactions. Therefore, the construction of structures through the formation of cognitive synonymous model in political discourse is made.
Key words: synonymy, language person, intention, modelling, political discourse.

Интерес к рассматриваемой проблеме вызван, прежде всего, исключительной ролью синонимии как универсальной семантической константы языка в интеллектуальном освоении и осмысливании окружающего человека мира и в общении с другими людьми.

Известно, что центр семантической теории естественного языка образует человек с его системой знаний об окружающей его действительности и отношением к ней, и его внутренним состоянием. Поскольку синонимия, как одна из важнейших семантических констант естественного языка, также немыслима вне связи с человеком, то описать её, как и язык в целом, в полном объёме нельзя в отрыве от человека, сущность которого «... покоится в языке» [Хайдеггер, 1993, с. 259]. Именно за актом выбора или предпочтения одного синонима другим из синонимического ряда стоит сам говорящий с определенной степенью осознанности такого выбора и знания описываемого положения в мире.

Способности и возможности человека в познании окружающего мира и самого себя как части этого мира отражают выход современного общества на более сложный этап своего развития, одним из признаков которого являются организация, обработка и передача всё усложняющейся поступающей информации об окружающем человеке мире. С учетом данного обстоятельства задача анализа и описания языка как средства формирования и передачи информации усложняется необходимостью решения проблемы моделирования, понимания и порождения текстов, которые, согласно Ю.Д. Апресяну, имеют стержневую идею – «идею синонимии в широком смысле слова» [Апресян, 1995, с. 37]. Это требует, в свою очередь, осознанного владения законами организации информации и информационного выбора в относительно однородном смысловом поле и вместе с тем использования широких возможностей синонимического варьирования, что делает описание и анализ синонимии одним из приоритетных направлений в лингвистических исследованиях [Хантакова, 2006]. С полным на то основанием

эта точка зрения относится к теории дискурса и описанию различных типов дискурса, в которых проблема организации и передачи одной и той же информации разными способами и использование при этом широких возможностей синонимического варьирования языковых единиц получают всё большую актуальность. Дискурс, являясь абстрактным конструктом или порожденной материализованной субстанцией, отражает своей организацией мир, позицию человека в этом мире и его отношение к нему, которые выступают не как отдельные, изолированные компоненты, соединенные между собой чисто механически.

В этих перекрещивающихся и взаимосвязанных компонентах дискурса находит выражение естественная логика поведения человека, который желает, мечтает, планирует, дает оценки, жалеет, движется к осуществлению своих замыслов, т.е. организует нужную ему информацию, во многом предусматривая и, тем самым, избегая при этом трудностей, препятствующих нужной и выгодной ему передаче этой информации. Именно владение языковой личностью синонимическими средствами, корректный и коммуникативно оправданный выбор из целого ряда близких по смыслу средств позволяет в значительной степени достичь осуществления своих замыслов при организации и передаче информации.

В современных исследованиях одним из наиболее действенных признается метод моделирования, позволяющий осуществить комплексный подход к описанию любого объекта действительности, раскрыть его структуру, субстанцию и функцию в их тесной взаимосвязи и взаимообусловленности.

При создании модели организации информации в политическом дискурсе с помощью синонимов представляется целесообразным обращение к имеющемуся опыту моделирования в лингвистике, который позволяет избрать в качестве исходного тезис о том, что в речемыслительной деятельности языковые и смысловые структуры находятся в отношениях взаимодействия. Так, при переходе от замысла сообщения, еще не имеющего конкретного вербально-го воплощения, к смыслу, выражаемому определенными языковыми единицами, содержание получает ту интерпретацию, которая связана с данной формой.

Каждый словесный «раздражитель» входит в сеть дискурса, соседствуя с языковыми единицами, сходными по значению. Синонимическая единица одним из своих значений или целым комплексом этих значений является своего рода пресуппозицией актуализации определенных значений у окружающих ее языковых единиц, выступая движущей силой смысловой организации всего речевого произведения. Смысловые компоненты синонима, повторяясь, как правило, несколько раз, пересекаются со значениями других языковых единиц, возбуждая путем уточнения нужную говорящему информацию [Поскачина 2011].

В моделировании смыслового пространства политического дискурса осуществляется выбор синонима или синонимов из всего синонимического ряда, которые конструируют вокруг себя пространство в продуцируемом дискурсе. Выбранный синоним может стать центром в модели, который притянет другие вербализованные смыслы. Факторами, воздействующими на притяжение смыслов, являются языковая компетенция лингвокреативной личности, коммуникативный замысел, актуализируемый выбором определенной, подходящей ситуации стратегии и специфика описываемого фрагмента внеязыковой действительности. Таким образом, политик, выбирая тот или иной синоним, исходя из спектра возможных языковых единиц, конструирует пространство дискурса с целью достижения определенного перлоктивного эффекта, что явным образом свидетельствует о связи между внеязыковой действительностью, мышлением и языком.

В модели организации информации политического дискурса синонимическими единицами смыслообразующими факторами выступают внеязыковая действительность, языковая личность с определенной языковой системой, прагматика (цель, интенция, намерение, установка) и синонимические средства языка, способствующие репрезентации задуманных языковой личностью смыслов. В конструируемой нами модели факторы являются также компонентами модели, под воздействием которых конструируется ее ядро.

В дискурсе могут быть использованы как один синоним, так и несколько. В зависимости от этого нами выделяются следующие два способа моделирования информации с помощью

синонимов в политическом дискурсе. Первый способ обусловлен выбором языковой личностью одного синонима из целого ряда близких ему слов, что позволяет говорить о моноцентричном моделировании смыслового пространства политического дискурса. Второй способ моделирования политического дискурса – поликентричное моделирование – строится на выборе двух, трех и более синонимов из одного ряда.

В качестве эмпирического материала нами избирается дискурс Ангелы Меркель 2008 года. Обращение к дискурсу А. Меркель периода ее первого срока периода работы в качестве бундесканцлера ФРГ не случайно. Поддержка её политического курса и ее победа на выборах в сентябре 2017 года на пост канцлера уже в четвертый раз не в меньшей степени обусловлены организуемым ею дискурсом, дискурсом опытного и чуткого политика и руководителя страны. А. Меркель умеет очень четко и емко формулировать свои мысли, акцентируя важную информацию для всех членов общества, распределяя её так, чтобы воздействие на слушателей было действенным. Об этом убедительно свидетельствует анализируемый нами фрагмент дискурса бундесканцлера А. Меркель, организованный на взаимодействии двух поликентричных моделей. Речь идет о выступлении А. Меркель с речью на приеме, посвященном юбилею немецкой организации помощи людям, страдающим от СПИДа 13 ноября 2008 года:

Ich glaube, dass ein schönes Beispiel für das, was gemeint hat, ein ganz in der Nähe von hier liegendes Wohnareal ist: "Eine Wohnanlage für Menschen mit AIDS, eines der gemütligen Wohnprojekte von "ZIK – Zuhause in Kiez". Betroffene können dort so wohnen und leben, wie es ihren Bedürfnissen entspricht. Sie erfahren Pflege und Betreuung, die sie brauchen. So ist es aus einer Eigeninitiative engagierter Bürger ein echtes Vorbild geworden für Strukturen, in denen Leben, Betreuung, Pflege und Vorsorge möglich ist. Die Krankheit ist inzwischen behandelbar, aber heilbar ist sie immer noch nicht [www.bundesregierung.de].

Ангела Меркель обращается к участникам организации со словами благодарности и отмечает, что уже 25 лет со дня основания организация является успешной моделью организации помощи и поддержки болеющим СПИДом. То, чего достигла ассоциация, является ее боль-

шим вкладом в борьбе с неизлечимой болезнью. Неизвестность, неуверенность и страх – главные проблемы, с которыми больные столкнулись 25 лет назад, и которые на сегодняшний день уже преодолены. Основным принципом работы организации является преодоление дискриминации по отношению к людям, страдающим от СПИДа. Примером успешной работы организации является постройка жилого микрорайона для людей, болеющих СПИДом:

На синонимическом соотношении лексических единиц *wohnen* и *leben* построена первая поликентрическая модель организации информации в политическом дискурсе по принципу расширения смысла. Поликентрическое моделирование представляет собой конструкт с двумя и более синонимами в центре смыслового пространства продуцируемого дискурса. Здесь имеет место такое моделирование информации, когда каждый из синонимов, выражая общее значение для них, вводится в дискурс для актуализации того смыслового компонента, который присущ только ему и которым он отличается от предыдущего синонима. Тем самым осуществляется развитие смысла, которое всегда обусловлено предшествующим смыслом.

Лексемы *wohnen* и *leben* являются зарегистрированными синонимами [Duden Das Synonymwörterbuch, 2006, S. 1060] и совпадают в значении «*nicht gestorben sein*» [Synonymwörterbuch, 1980, S. 369]. В анализируемом фрагменте политического дискурса они способствуют смысловому развертыванию, и оно осуществляется благодаря ряду различий между используемыми автором дискурса синонимами.

Так, лексическая единица *wohnen* характеризуется семантическим компонентом как «*seine Wohnung, seinen ständigen Aufenthalt haben*» [Duden, 1996, S. 1752]. Ее синоним *leben* имеет признаки «живь», «быть живым», «существовать», «иметь место проживания». Наряду с этими смысловыми компонентами *leben* отличается от лексемы *wohnen* значениями «*sein Leben in bestimpter Weise verbringen*», «*fortbestehen, weiterleben*», «*auf der Welt (da) sein*», «*seinen Lebensunterhalt von etw. bestreiten*», «*sich in einem bestimmten Verhältnis befinden*», «*sich einer Sache widmen, hingeben*» [Duden, 1996, S. 935]. То есть проживать свою жизнь определенным образом, быть в этом мире, защищать свое местоположе-

ние в этом мире, иметь определенное мировидение, жить и поступать в соответствии со своими желаниями и интенциями.

Совместным использованием этих синонимов автор дискурса показывает возможность полноценной жизни людей, болеющих СПИДом. Это достигается употреблением лексемы *leben*, которая на фоне лексемы *wohnen* актуализирует значение «*nicht gestorben sein*», которое взаимодействует со смысловыми компонентами «*sein Leben in bestimmter Weise verbringen*», «*fortbestehen, weiterleben*». Люди, болеющие СПИДом, не должны оставаться за бортом жизни. Это противоречит нормам демократического общества Германии. В этой связи положительной оценки заслуживает деятельность организации, помогающей таким людям. Ключевым моментом фрагмента дискурса, согласно А. Меркель, является возможность полноценной жизни в построенному для людей жилом микрорайоне: «Eine Wohnanlage für Menschen mit AIDS, eines der gemenützigen Wohnprojekte von "ZIK – Zuhause in Kiez".

Информация синонимической пары *wohnen* и *leben* дополняется введением лексических единиц *Pflege* и *Betreuung*, которые способствуют расширению смыслового пространства синонимической модели в данном фрагменте дискурса.

Языковые единицы *Pflege* и *Betreuung* являются зарегистрированными в словарях синонимами и определяются друг через друга. Например, словарь Дудена предлагает синонимический ряд, доминантой которого является лексема *Pflege*. Ряд представлен следующими лексемами *Behandlung*, *Betreuung*, *Fürsorge*, *Hilfe*, *Versorgung*, *Obsorge*, *Erhaltung*, *Schutz*, *Unterhaltung*, *Wartung* [Duden, 2007, S. 669]. В словаре имеет место синонимический ряд с доминантой *Betreuung*, который состоит из таких лексем, как *Bemutterung*, *Pflege*, *Sorge*, *Versorgung*, *Wartung* [Duden, 2007, S. 207]. Общими для обеих лексем выступают компоненты «*Versorgung*» и «*Wartung*» [Bulitta, 2007, S. 622; Wahrig, 2006, S. 541; Duden, 2007, S. 207].

Вполне очевидно, что употребление синонимического соотношения имен существительных *Pflege* и *Betreuung* является не случайным, а хорошо продуманным шагом, поскольку он тесно связан с предыдущими синонимами *wohnen* и *leben*, так как для больных очень важны забота

и уход. Это реализуется семантическими компонентами лексемы *Pflege* «*das Pflegen*», «*sorgende Obhut*», «*Behandlung mit den erforderlichen Maßnahmen zur Erhaltung eines guten Zustands*» [Duden, 1996, S. 1143]. Существительное *Betreuung* дополняет, вводимый автором дискурса смысл, что доказывается наличием в его смысловой структуре семантических признаков «*das drückliche Betreuen*», «*Betreuer*».

Модель организации информации сконструирована по принципу сужения смысла, поскольку второй синоним имеет функцию уточнения. Автор дискурса подчеркивает, что люди, проживающие в данном жилом комплексе, находятся на попечении квалифицированных кадров, они окружены заботой, в которой они нуждаются, в том числе они могут получить и медицинское обслуживание. В данном фрагменте указанный смысл выражает лексема *Betreuung*.

Наличие в лексических единицах общих смысловых признаков создает предпосылки для сближения этих понятий в сознании говорящего, что в свою очередь может вызвать развитие в слове, обозначающем понятие А, нового значения, связанного с понятием Б. Но такая возможность не всегда оказывается реализованной в языке. Все зависит от потребностей общения, от того, как часто слово, обозначающее одно понятие, разворачивается в сторону другого понятия под влиянием слов, окружающих его в речи. В речи смысловые компоненты, имеющиеся в значении первого слова, взаимодействуют с теми смысловыми компонентами, которые заключены в значении слов, составляющих его контекст, вследствие этого развиваются новые производные значения.

Анализируемая полицентрическая модель организации информации расширяется новым синонимическим соотношением, образованным из предыдущих двух синонимов – *Betreuung* и *Pflege*. Это синонимическое соотношение дополняется включением еще одного слова – *Vorsorge*. В словаре Дудена *Vorsorge* определяется как «*Maßnahmen, mit denen einer möglichen späteren Entwicklung od. Lage vorgebeugt, durch die eine spätere materielle Notlage od. eine Krankheit nach Möglichkeit vermieden werden soll*» [Duden, 1996, S. 1697]. Таким образом, очевиден переход от частного к общему, от смыслов синонимов *Betreuung* и *Pflege* к смыслу слова *Vorsorge*.

Поддержка и медицинское обслуживание являются частью общей предусмотрительности, заботы и заблаговременной подготовки помощи больным.

Полицентрическое моделирование представляет собой конструкт с двумя и более синонимами в центре смыслового пространства про-дущимоего дискурса. Совместное использование в дискурсе языковых единиц, находящихся в отношении синонимии, не означает механическую суммарность смыслов. Здесь имеет место такое моделирование информации, когда каждый из синонимов, выражая общее значение для них, вводится в дискурс для актуализации того смыслового компонента, который присущ только ему и которым он отличается от предыдущего синонима. Имеет место такое развитие смысла, которое всегда обусловлено предшествующим смыслом. При этом происходит притягивание смыслов, выражаемых синонимами, и смыслов, выражаемых другими языковыми единицами дискурса. Вследствие такого притяжения наблюдается развертывание смысла в дискурсе с постоянным процессом приращения смысла. Смысловые связи синонимических единиц привносят в структуру дискурса такие смыслы или оттенки смысла, которыми синонимы сами по себе не обладают. Здесь происходит взаимодействие смыслов, сложное и многообразное, которое может быть раскрыто лишь на фоне, т.е. в соположении синонимических единиц в дискурсе.

Это доказывает анализ фрагментов дискурса Ангелы Меркель, где при помощи синонимических единиц осуществляется воздействие на избирателей, и политика канцлера находит поддержку во всех слоях населения Германии.

Литература

1. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления [Текст] / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 467 с.

2. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Лексическая семантика [Текст] : в 2 т. Т. 1 / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.

3. Хантакова В. М. Теория синонимии: опыт интегрального анализа [Текст] : монография / В. М. Хантакова. – Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2006. – 211 с.

4. Поскачина Е.Н. Полицентрическая синонимическая модель организации смыслового пространства в политическом дискурсе. – СПб. – Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – Том 7 №3, 2011. – С. 92-100.

5. Merkel, Angela Rede von Bundeskanzlerin Merkel beim Empfang anlässlich des 25. Jubiläums der Deutschen AIDS-Hilfe e.V. – Do. 13/11 2008. [Электронный ресурс] / Angela Merkel. – URL: www.bundesregierung.de (дата обращения: 05.11.2017).

6. Duden Das Synonymwörterbuch [Text] / Duden. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag , 2007. – 1104 S.

7. Synonymwörterbuch [Text] : sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache / H. Gütner und G. Kempcke. – Leipzig: Veb Bibliographisches Institut, 1980. – 643 S.

8. Duden Deutsches Universalwörterbuch [Text] / Duden. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich; Dudenverlag, 1996. – 1816 S.

9. Bulitta, E. Bulitta, H. Das große Lexikon der Synonyme [Text] / E. Bulitta, H. Bulitta. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2007. – 1049 S.

10. Wahrig Synonymwörterbuch [Text] / Wahrig. – Gütersloh, München: Wissen Media Verlag GmbH (vormals Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH), 2006. – 800 S.

Потребительское поведение в условиях экономического кризиса

Хугаев Г.О.

Потребительский спрос есть двигатель экономического развития рыночной экономики. В условиях экономического кризиса поведение потребителя отличается от обычной его стратегии, что связано, как с сокращением доходов, так и различного рода ожиданиями, высокой степенью неопределенности экономической ситуации. Ключевые слова: В статье рассматриваются антикризисные стратегии поведения населения на различных потребительских рынках современной России на основании материалов исследований социологических центров.

Khugaev G.O.

Consumer behavior during economic crisis

Consumer demand is the engine of economic development. Consumer behavior during economic crisis differs from his normal strategy, which is close to income reduction, different kinds of expectations, and a high level of uncertainty in the economic situation.

Key words: The article discusses antecrisis strategy of behavior of the population on various consumer markets in Russia on the basis of materials of sociological research centers.

Рынок – это экономическая система, ориентированная на потребителя. В рыночной экономике потребитель, как и производитель, является главным экономическим субъектом, обеспечивая спрос на продукцию. Покупая товар или услугу или отказываясь от них, потребитель проявляет тенденции развития потребительских предпочтений, закономерностей потребительского выбора, создает возможности для прогнозирования потребительского выбора, а также использования потребительского потенциала.

В свою очередь, процессы превращения потребительского спроса в двигатель экономического развития основаны на повышении уровня реальной заработной платы, располагаемых доходов и потребительских ожиданий, с одной стороны, и росте склонности к потреблению, - с другой.

В условиях экономического кризиса поведение потребителя отличается от обычной его стратегии, что в значительной степени связано, как с сокращением доходов, так и различного рода ожиданиями. На наш взгляд, изучение параметров потребительского выбора и факторов, его формирующих, особенно актуально именно в условиях спада экономики, высокой степени неопределенности экономической ситуации.

Экономическая теория строит модели потребительского поведения в различных экономических условиях. Мы же попытаемся обрисовать сложившуюся к настоящему времени фактическую картину поведения россиян на различных потребительских рынках.

В качестве метода исследования наиболее подходящим полагается метод социологического изучения общественного мнения. Информационной основой исследования стали материалы массового опроса по формализованной анкете в режиме «face-to-face» по месту жительства респондентов. Выборка общероссийская.

Общий размер выборки по каждому опросу составил 2000 человек. Исследуемой совокупностью являлось население в возрасте 18 лет и старше. В выборку было включено 105 населенных пунктов (из них 60 городских и 45 сельских) в 43 субъектах федерации. Каждый опрос проводился маршрутным методом по избирательным участкам¹.

Несколько показателями охарактеризуем основные черты современного экономического кризиса в России²:

- для российской экономики 2015 год был периодом адаптации к падению цен на нефть и другим внешним шокам, проявившимся еще в 2014 году;

- Минфин России прогнозирует, что дефицит федерального бюджета составит 3,3% ВВП по итогам 2016 г. В дальнейшем планируется проведение фискальной консолидации с сокращением дефицита до 3,2% ВВП в 2017 г., 2,2% ВВП в 2018 г. и 1,2% ВВП в 2019 году;

- по оценкам Банка России, в 2016 г. вклад бюджетной политики в динамику внутренней экономической активности, вероятнее всего, будет близок к нулю. В 2017 – 2019 гг. с учетом проведения фискальной консолидации он станет слабоотрицательным. При этом сохранение консервативной политики индексаций заработных плат государственного сектора и социальных выплат должно оказывать дополнительное сдерживающее влияние на инфляцию через инфляционные ожидания

- впервые с 2009 года уменьшился объем ВВП, продолжилось сокращение инвестиций в основной капитал, снизилась производительность труда;

- по данным Росстата, во II квартале 2016 г. темп снижения ВВП составил 0,6% к соответствующему кварталу предыдущего года. Годовые темпы прироста промышленного производства в мае-июле 2016 г. колебались около 1%. Ситуация в обрабатывающей промышленности в мае-июле характеризовалась неустойчивостью и неоднородностью по видам деятельности.

- уровень безработицы, а также индикаторы неполной занятости оставались на уровнях предыдущих месяцев;

- темп прироста номинальных заработных плат в июне-июле находился на уровне 0,3 – 0,4% к предыдущему месяцу (с учетом коррекции на сезонность);

- в 2016 г. продолжала нарастать тенденция к усилению неоднородности развития регионов РФ;

- инфляция по итогам 2015 года составила 12,9%.

По оценкам респондентов, доля лиц считающих, что цены росли более чем на 50% в первой половине 2015 г. доходит почти до 18 %³. Вероятно, это наиболее малообеспеченные слои населения, в структуре потребления которых наибольшая часть приходится на товары первой необходимости. В силу низкой эластичности спроса на эти товары инфляционный рост по ним намного превышает официальную среднюю величину инфляции, в данном случае – 12,9 %.

Эти и другие аналогичные показатели не могут не оказывать влияния на потребительское сознание и поведение населения. В частности, малообеспеченные группы населения, стараясь покрыть возросшие расходы на самые необходимые товары и услуги, вынуждены сокращать остальные расходы, накопления. В целом снижается деловая активность, например, из-за удешевления кредитов, вызванного той же инфляцией. Меняется и инвестиционное поведение.

Однако, в оценке населением изменения экономической ситуации в первом полугодии 2016 г. наблюдались позитивные сдвиги. Доля респондентов, которым не пришлось отказываться от ранее запланированных крупных расходов, существенно возросла (на 11 п.п. до 26%). Похожие изменения наблюдались и в динамике ответов на вопрос об экономии на повседневных товарах и услугах. Доля тех, кому не приходилось экономить, выросла (на 6 п.п. до 34%) до максимального с 2015 г. значения. Также увеличилась (на 7 п.п. до 20%) доля респондентов, которые ожидают замедления или прекращения роста цен.

Ожидания изменений в будущем стали более оптимистичными. Респонденты рассчитывают на улучшения соотношения роста доходов и цен. Снизилась доля тех, кто считает, что их доходы не будут расти в ближайший год. Более позитивно оценивают участники опроса изменение материального положения в ближайший год: доля опрошенных, ожидающих его ухудшения, снижается пятый месяц подряд (до 25%), а число тех, кто считает, что оно улучшится, дос-

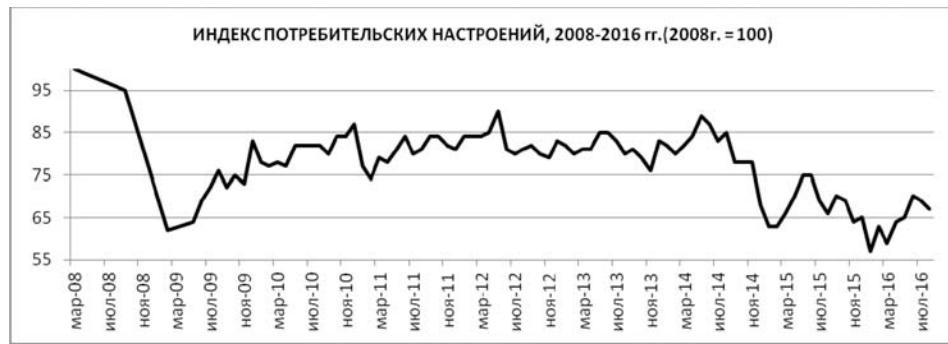

Рис. 1. Индекс потребительских настроений, 2008-2016 гг. (2008 г. = 100)

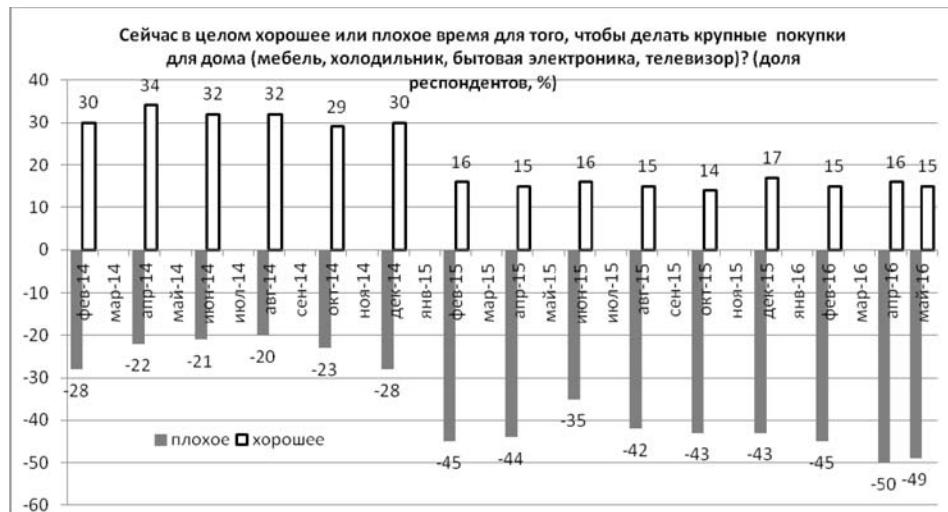

Рис. 2. Финансирование крупных покупок

тигло максимального значения с середины 2014 г. (17%).

Методика построения ИПН проста: индивидуальные индексы рассчитывается на основе ответов респондентов на пять вопросов. Совокупный индекс ИПН рассчитывается как арифметическая средняя из индивидуальных индексов. ИПН изменяется в интервале от 0 до 200, причем значения индекса менее 100 означают преобладание отрицательных оценок в обществе. ИПН строится на основе опросов общественного мнения, приводящихся по репрезентативной выборке, отражающей мнения взрослого (старше 16 лет), городского и сельского населения страны (число опрошенных – 1600). Если принять показатель ИПН 2008 года за 100, то динамика индекса до настоящего времени

выглядит следующим образом (рис. 1). По графику можно наблюдать снижение показателя в начале 2009 г., затем – тенденцию к росту до середины 2014 года, а далее – снижения. На фоне роста индекса ожиданий в середине 2016 г. вырос индекс потребительских настроений (рис. 1)⁴.

Вместе с тем, в условиях снижения покупательной способности доходов оценка населением благоприятности времени для совершения крупных покупок остается стабильно негативной. Доля респондентов, называющих текущую ситуацию неблагоприятной для совершения крупных покупок, остается очень высокой (49%). При этом традиционно для летних месяцев увеличивается число тех, кто говорит о росте расходов на ремонт жилья, дома или дачи.

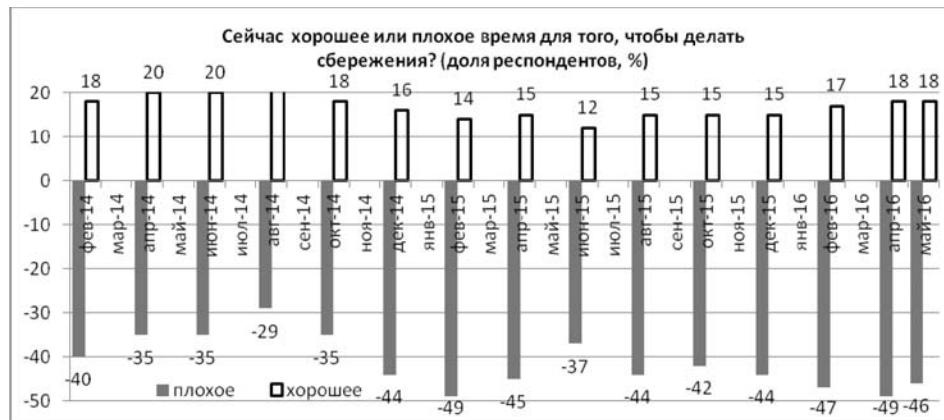

Рис. 3. Сберегательные настроения

Неизменным остается отношение опрошенных к покупкам в кредит. В мае 67% респондентов отрицательно отзывались о таком финансировании крупных покупок (в среднем в 2014 г. – примерно 40%)⁵.

На этом фоне практически не изменилось распределение ответов о том, как лучше поступать со свободными деньгами. Как и в предыдущие месяцы, большая часть опрошенных (55%) считает, что свободные деньги лучше откладывать, беречь, в то время как тратить их предпочитает лишь треть респондентов.

Итак, подводя итог, можно сделать вывод о том, что экономическая нестабильность и отсутствие четких представлений о будущем вызывают у одних стремление к сокращению или ограничению расходов, у других, наоборот, усиление ориентации на текущее потребление. В кризисных условиях третья населения готова интенсивнее тратить деньги из опасений потерять свои скромные сбережения, тогда как около 40 % людей, пытаясь обезопасить себя от негативных экономических последствий, стараются сохранить накопления, не прибегая к не запланированным покупкам.

Следствием нарастания волны потребительского беспокойства, неуверенности и тревоги может быть также отказ от запланированных ранее крупных покупок, что ведет к сужению

общего спроса, следовательно, к снижению экономического роста.

Ссылки:

1 Измерение инфляционных ожиданий и потребительских настроений на основе опросов населения. Разворнутый отчет по результатам четвертого – шестого опросов. Апрель – июнь 2016./ М.: ООО «инфоМ». Электронный ресурс. Режим доступа: www.fom.ru

2 Инфляционные ожидания населения». Комментарий Банка России [Электронный ресурс]. -Url: http://www.cbr.ru/DKP_standart_system/Infl_exp_16-01.pdf

3 Инфляционные ожидания населения в мае 2016 г. Комментарий Банка России [Электронный ресурс]. -Url: http://www.cbr.ru/DKP_standart_system/Infl_exp_16-05.pdf

4 Общественное мнение – 2015. М.: Левада-Центр, 2016 – 308 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

5 Измерение инфляционных ожиданий и потребительских настроений на основе опросов населения. Разворнутый отчет по результатам четвертого – шестого опросов. Апрель – июнь 2016./ М.: ООО «инфоМ». Электронный ресурс. Режим доступа: www.fom.ru

СОЦИОЛОГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

Студенты как субъект гуманитарной составляющей образования

Васягина Т.Н., Осипова Н.В.

Статья посвящена студенчеству как субъекту образовательного поля. Актуальность темы обусловлена проблемой радикализации части новой интеллигенции в условиях слома старой социальной структуры, а также опасностью социального протеста маргинализированной интеллигенции при сокращении доходов и падении уровня жизни взрослого населения. Опираясь на результаты собственных исследований, а также на вторичный анализ социологических данных, авторы приходят к выводу о необходимости более глубокой научной проработки вопросов, связанных с приватизацией высшего образования инновационным бизнесом.

Ключевые слова: образование, высшая школа, студент как личность, студенты как субъект, молодежь, прекарият, новая интеллигенция, новый опасный класс, личностно-деятельностный подход.

Vasyagina T.N., Osipova N.V.

Students as the subject of the humanitarian component of education. The article is devoted to students as a subject of educational fields. The relevance of the topic due to the problem of the radicalization of the new intelligentsia in terms of breaking the old social structure, as well as a the risk of social protest marginalized intellectuals with the reduction of income and decline in living standards of the adult population. Based on the results of their own research and on secondary analysis of survey data, the authors come to the conclusion about the need for a deeper scientific study of issues related to the privatization of higher education innovation business. Keywords: education, high school, the student as a person, students as the subject, youth, the precariat, the new intelligentsia, the new dangerous class, student-activity approach.

Студенчество как субъект образовательного поля - это важная часть гуманитарной составляющей образования. Субъект, понимаемый как носитель предметно-практической и познавательной деятельности, является источником активности, противостоит объекту и преобразует его. [17, с. 143]

Если субъект не соединяется с социальными целями, то это ведет к тому, что развитие не связывается с сохранением личности. Специфика социальных и гуманитарных наук заключается в том, что они нацелены на воспитание личности, воздействуя на учащихся в процессе обучения. Формируя культурно-образовательный уровень, они отличаются единственностью обратных связей субъектно-объектных отношений процесса обучения, адаптивностью к изменениям внешней среды, к потребностям студенческой молодежи. Этому способствует открытость общественно-политического дискурса, прозрачность социально-гуманитарного образования и проникновение его во все сферы.

Социально-гуманитарное знание является парадигмой нашего времени. Запланированное в РФ недофинансирование гуманитарного образования из года в год приводит к падению бюджетного приема на гуманитарные специальности в вузах, а также к сокращению гуманитарного компонента инженерного образования.

С 1 июля 2012 г. в России началась реформа бюджетных организаций, которая ведет к дальнейшему снижению доступности образо-

вания, к сокращению в вузах бесплатных мест, что угрожает ликвидацией бесплатного высшего образования в стране. Сегодня в образовательной политике государства наблюдается явное противоречие между акцентом на превращении образования в «услугу» и требованием времени, которое знаменует переход от человека-объекта к человеку-субъекту. [18, с. 143]

Мы живем в эпоху слома антропологической парадигмы и формирования нового миро-порядка. Кризис постхристианского сознания, который выражается в отказе от традиционных духовных ценностей, сопровождается манифестацией перехода к биосферному человеку, что не дает ответа на вопрос о его предназначении в условиях смыслоутраты.

Биосферный человек – сетевой человек. Личность растворяется в сетевом сознании, но именно личность формирует дух эпохи. Возникает глобальное противоречие между творческой сущностью человека и разрастанием стихии безличных сил, что угрожает утратой субъектности большинству взрослого образованного населения. При отказе от личностной культуры невозможно сохранить человечность.

Студенты – часть российской молодежи. [16] Отношение к студенчеству как важному субъекту социальных отношений является одним из принципов образовательной политики. Для реализации функции субъектности и активизации интеллектуального потенциала новой интелигенции необходимо создать условия для развития молодежной инициативы, что позволяло бы студенческой молодежи оперативно реализовывать свою социальную активность.

В исследуемой проблеме особое значение имеют разработки в области государственной молодежной политики. [12] Существенны труды по социологии молодежи, высшего образования и социологии интеллигенции. Это подходы, касающиеся отношения к молодежи как к самостоятельной социальной группе: В.Т. Лисовский,¹ И.М. Ильинский,² разнообразные подходы относительно внутренней дифференциации молодежи: С.В.Алещенок,³ и Ю.Р. Вишневский.⁴ Важны исследования с учетом рискового подхода в социологии: Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. Основы лично-деятельностного подхода, при котором в центре профессиональной подготовки находится студенческая

молодежь как субъект, в психологии были заложены Л.С.Выготским, А.Н.Леонтьевым, С.Л.Рубинштейном. [13]

По мнению Н.И.Лапина, социо-культурный подход, позволяет рассматривать общество как единство культуры и социальности, где под культурой понимается совокупность способов и результатов деятельности человека, а под социальностью - взаимоотношения социальных субъектов. [8, с.268-269]

Гуманитарный компонент непрофильного образования в технических вузах находится в процессе становления. Поэтому особое значение приобретают методы совершенствования гуманитарной составляющей инженерного образования. По мнению К.Леви-Стросса, либо XXI век будет веком гуманитарных наук, либо человечество ждет деградация.

В результате исследований разработаны узловые подходы и принципы совершенствования гуманитарной составляющей образования. Один из основных принципов - это принцип субъектности, который означает отношение к студенчеству как к важному субъекту образовательной политики, что позволяет привлекать вузовскую общественность как заинтересованного заказчика.

Высшая школа сама по себе, в отрыве от общества, семьи, государства и бизнеса не способна сформировать для себя заказ. Выход может быть найден через согласование интересов различных субъектов образовательного пространства. Несоблюдение принципа социальной взаимной ответственности по отношению к одной из основных сфер общества, определяющих качество жизни народа, ведет к социальным патологиям разного рода.

В условиях демократии субъектно-объектные отношения затрагивают как политических субъектов, то есть лиц, вовлеченных в процедуры принятия решений, так и объектов реализации этих решений. В одних политических системах индивид имеет возможность реагировать на затрагивающие его действия властей, а в других жесткость политических структур затрудняет или делает невозможным участие и активность. [8, с. 261-262]

Принцип системности позволяет проводить наиболее активно гуманитаризацию технического образования в высшей школе и процесс социализации, когда не только вырабатывают-

ся новые знания, но и осваиваются нормы общения и коллективного взаимодействия. Принцип солидарности подразумевает участие в различных формах социального сотрудничества, партнерство, основанное на рационально-мотивированном согласовании противоречивых интересов. [8, с. 266]

Принцип эффективности означает готовность специалистов к профессиональной и общественной деятельности, позволяет соотносить полученные результаты с общественно значимыми целями и ценностями. Главным показателем эффективности инноваций с точки зрения рынка труда и бизнеса является сверхприбыль. Максимизация прибыли за счет минимизации издержек на образование неизбежно приведет к сужению духовной сферы. Что даст обществу приватизация образования инновационным бизнесом? Контроль бизнес-власти над талантами и управление сознанием со стороны узкой группы господства. Встраивание микрочипов в человеческое тело может повредить обновлению человека в духовном плане и раскрытию его природных сверхспособностей.

Для государства и общества важно объединить личную свободу и общественную эффективность. Обществу нужен субъект, не подверженный манипуляциям, формированию искусственных потребностей, зомбофикации, понимающий смысл перемен, носитель гуманности. Студенчество не должно являться пассивным объектом управленческого воздействия со стороны управляющей бюрократии и манипуляций со стороны бизнес-власти.

Принцип ответственности позволяет соблюдать баланс интересов различных субъектов образовательного поля. Субъектность должна обеспечиваться развитием свободной социальной активности образованных индивидов, обладающих гражданской ответственностью. Речь идет не только о личной ответственности отдельных чиновников, но и о механизме перераспределения ответственности, а также о контроле над расходованием ресурсов.

В повестке дня остается вопрос – кто должен и кто заинтересован заниматься инвестированием в студенчество как субъект в условиях цифровизации общества? Диверсификация образования и полисубъектный характер самой образовательной политики не должны приводить к формированию кластерного мышления.

Недопустимо также перекладывание ответственности федеральной власти за результаты образовательного процесса на других участников образовательного пространства, таких как семья, общество, бизнес, на региональные власти или органы местного самоуправления. [7, с. 42-47]

Бесконечно снижая издержки, в погоне за сверхприбылью бизнес способствует замещению населения малооплачиваемыми мигрантами с низкой квалификацией, процветанию криминала. Ориентация высшего образования, прежде всего на бизнес, который стремится максимально снизить издержки, ведет к сокращению реального сектора экономики, вытеснению за черту бедности основной части взрослого населения, раскалывает общество и формирует зону нестабильности. Для обозначения этой зоны в научный оборот введен термин «прекариат», где precarious – нестабильный, от латинского слова precarium – сомнительный, рискованный, стоящий на песке.

Термин «прекариат» не случайно созвучен слову «пролетариат», он является производным от него. Прекариат, по мнению Г.Стэндинга, занимает на социальной лестнице позицию перед окончательно нищими. Буфером между ним и верхней ступенькой стратификации (глобальным верхом) является «салариат» - социальная группа, сохранившая определенные социальные гарантии. Гай Стэндинг впервые применил слово «прекариат» для обозначения большинства взрослого населения в 2011 г., британский экономист, профессор, работавший также в России, обозначал данным понятием «новый опасный класс». Именно прекариат, по Стэндингу, создает почву для радикализации новой интеллигенции.

В кого превратится вчерашний студент? Ошибки в образовательной стратегии могут привести не только к превращению новой интеллигенции в «новый опасный класс», но и к растворению личности в сетевом сознании, и к переходу государственной власти в частные руки, и к превращению самого государства в службу по оказанию услуг бизнес-власти, которой все разрешено.

Грядущая безработица, нравственная и интеллектуальная деградация большинства, ухудшение условий труда примерно для одной четверти взрослого населения и другие мрачные

прогнозы Стэндинга станут реальностью, если новые технологии образования, стратегия и политика в этой области во главу угла будут ставить только норму прибыли и снижение издержек.

Окажется ли студенческая молодежь в зоне управляемой неустойчивости, если не ставить задачу превращения молодой интеллигенции в полноценный субъект? Кто будет заниматься целеполаганием, частный бизнес или социальное государство?

Самоактуализация молодежи во многом осуществляется на базе образования. Однако сегодня наблюдается «убийство» инфраструктуры бюджетной сферы, что сопровождается неэффективным распределением государственных средств и поляризацией общества. Глобальный кризис, охвативший все сферы, представляет реальную угрозу, как для выживания большинства, так и для системы образования.

Студенчество может быть субъектом образовательного процесса. Но для реализации функции субъектности необходимо создавать условия, которые позволят молодым оперативно претворять в жизнь свою социальную активность и направлять ее в позитивное русло. Отношение к студенчеству как к важному субъекту образовательного пространства - один из приоритетов образовательной политики государства. Главный вопрос - о готовности властных структур к социальному партнерству.

В связи с этим важно, как студенты сами воспринимают себя и свои возможности. Результаты ряда социологических опросов разных лет показали, что для молодежи характерно стремление к проявлению своей индивидуальности. [2; 3; 4; 14; 15]

Мотивация на получение высшего образования сохраняется в молодежном сознании. В то же время анализ культурных запросов и интересов студентов показывает, что на фоне дестабилизации духовной сферы проступает идеология потребительства. (3; с. 100-101)

Каждый третий участник опросов в 2006 и 2008 гг. в качестве характерной для современной молодежи черты определил эгоизм, за ним - стремление к материальному успеху любым путем. [20; с. 79- 86]

Уровень социально-политической активности основной части студентов крайне низок. Согласно ответам на вопрос о самооценке это-

го уровня, только 10% респондентов оценили свою социально-политическую активность высоко и выше среднего. [4, с. 27-28]

Современная молодежь значительно позже начинает самостоятельную жизнь и долго остается пассивным объектом управленческого воздействия. В студенческой среде сохраняются тенденции этноцентризма. Представление студенчества о себе достаточно противоречиво и социальный портрет его выглядит не всегда привлекательно с точки зрения характеристик как субъекта. [5, с. 57-68; 11; 19, с.4-7; 20, с. 143]

Виновники этого зачастую именно те социальные институты, которым общество поручило воспитание «компьютерных детей», а также СМИ, телевидение, кино, интернет, реклама, имитирующая жизнь, - которые нередко «одурячивают», формируют поколение со сниженной мотивацией к познавательной деятельности и с психологией потребления.

Общество серьезно озабочено проблемами этнической и религиозной ксенофобии, усилением национализма, с одной стороны, социальной и межнациональной напряженности – с другой. В молодежной среде сами участники опросов нередко замечают в молодых людях проявления национализма, нетерпимость к другой национальности, экстремизм.

Что касается мнения «молодой интеллигенции» о готовности органов власти к социальному партнерству, то оно скептическое. Больше половины из них (54%) были уверены, что представители органов власти на практике не готовы вступать с ней в отношения социального партнерства. [20; с. 81- 85]

Лишь каждый десятый придерживался мнения, что молодым присущи высокая социальная активность, стремление к реализации социальных инициатив. А такое качество, как законопослушание заметили у себя только 1,1% участников опросов. [20]

Выявлена высокая степень исторического безразличия, нейтральной позиции по отношению к прошлому и к судьбе российского исторического пространства. Противоречивы ответы, отражающие историческую идентичность студенчества. [14]

С одной стороны, можно утверждать, что сохраняются традиционные ориентиры при идентификации молодой интеллигенции и на-

личие у нее патриотического сознания. В то же время молодые профессионалы готовы покинуть страну ради улучшения материального положения. [9; 10; 14; 15.]

В институте образования принято выделять четыре субъекта деятельности: ученик, учитель, семья и чиновник (руководители различных уровней). Самым важным фактором социализации была и остается семья. У студенческой молодежи сохраняется интерес к семейной истории. С другой стороны, все большее распространение получают «свободные отношения», снижается мотивация к деторождению. Реформы, игнорирующие семью, ускорили процесс девальвации традиционных ценностей. [1; 2]

Студенчество может быть субъектом, но только при выполнении ряда условий и в качестве социального партнера других участников образовательного поля. Социальная ответственность государства за будущее народа заключается в том, чтобы не увязывать законодательные нормы об образовании с демографическими спадами. Сегодня бюрократия делает акцент на создание механизма управления «человеческим капиталом», на извлечение прибыли из образования, на подготовку «рыночного человека», как его назвал Э. Фромм, который противоречит самой идее высшего образования.

Студенчество как носитель гуманистических ценностей должно быть субъектом и социальным партнером других участников социальных отношений, таких как федеральная и региональная власть, местное самоуправление, вузовская общественность.

Как носитель важных социальных функций, ценностей и идей, как часть вузовского сообщества, студенчество, являясь субъектом образовательного поля, формирует «заказ», участвуя в выработке целей и задач государственной образовательной политики. Как объект социальной ответственности государства, студенчество «потребляет» созданный продукт, вновь становясь субъектом и трудясь на благо общества.

Противоречия, возникающие в условиях гуманитарно-технологической революции в сфере труда, образования, семьи и общества, требуют баланса интересов, который можно соблюсти, если придерживаться принципа взаимной солидарной ответственности. Ошибки в образовательной стратегии ведут к коллективному проигрышу.

Главным показателем эффективности системы высшего образования с точки зрения рынка труда и бизнес-власти является востребованность специалистов. Ориентация высшего образования, прежде всего на бизнес-власть, не только превращает специалистов в «товар», но и раскалывает социум на части, и формирует бесправное общество, в то время как новая интерпретация реальности требует переключения на личность.

Чтобы не превратиться в субъект революций, как маргинальная российская интеллигенция в начале XX в., студенчеству надлежит стать субъектом и признанным партнером государства и социально ответственного бизнеса, а также других субъектов образовательного поля.

С социально-гуманитарной точки зрения главное качество вчерашних студентов – субъектность, реализуемая свободными индивидами через активную жизненную позицию, взаимную ответственность за реформирование общества и за свою судьбу.

Современные технологии обостряют проблему справедливости и поляризации мира. Поэтому необходимо формирование стратегии государственной образовательной политики с учетом интересов различных субъектов образовательного поля и новых тенденций в образовательной среде.

Литература

1. Васягина Т.Н. Управленческое обеспечение государственной молодежной политики // Организация работы с молодежью. М.: МАТИ. – 2006
2. Васягина Т.Н. Молодежная семья: проблемы и перспективы // Сб. трудов участников городской научно-практической конференции. М.: МАТИ. 2008.
3. Гегель Л.А., Васягина Т.Н. Социология интеллигенции. М.: «МАТИ». - 2003
4. Гегель Л.А., Зубков В.И., Николаев Г.Г. Ценностные ориентации российской студенческой молодежи: социально-политический и образовательный аспекты (отчет о всероссийском социологическом исследовании). – М.: Изд. ООО Типография «Парадиз». - 2008.
5. Грашевская О.В. Исследование отношения студенческой молодежи к религии // Проблемы развития территории. - №5. - 2014. – С. 57-68
- 6.. Гребенченко С.Ф., Давыдов В.П. Путинская Россия.-М.: РУДН.- 2007

7. Зеленая Л.Г., Уткина А.Н. Диверсификация региональных вузов и образовательные кластеры // Казанский социально-гуманитарный вестник. - № 6. - 2016
8. Зубков В.И. Сушенков В.А. Основные теоретико-методологические подходы к изучению политического участия // Социально-гуманитарные знания. - №5. - 2011. - С. 261-272
9. Зубок Ю.А. Формирование политического сознания российской молодежи и обуславливающие его противоречия // Социология власти. - № 4. -. 2010
10. Инновации в высшей технической школе России: Вып. 1. Состояние и проблемы модернизации инженерного образования: Сб. ст. / МАДИ (ГТУ), - М. - 2002
11. Китайцева О.В., Кученкова А.В. Доверие и индивидуализм в мировоззрении современной молодежи восточноевропейских стран // Социально-гуманитарные знания. - № 12. - 2014
12. Куприянова Г.В. Государственная молодежная политика в Российской Федерации / Всб. Молодежь России и Европа. - М. - 2001
- 13.. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. - М.: Политиздат. - 1975
14. Мерзлякова И.Л., Линченко А.А., Овчинникова Э.В. Об историческом сознании современной студенческой молодежи // Социально-гуманитарные знания. - № 12 – 2014
15. Миронова А.А. Родственная и межпоколенная солидарность в России // Социально-гуманитарные знания. - № 10 - 2014.- С.136-142
16. Молодежь в России в начале XXI в. / Под ред. проф. В.М.Филиппова. М. – 2007
17. Моторина Л.Е. Философская антропология. – М.: Академический проект.-2009
18. Осипова Н.В., Бадаева Н.Н. Социокультурная динамика развития университетского образования // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. - № 1 (18). - М. – Челябинск. - 2015. - С. 141-146.
19. Тощенко Ж.Т. Антиномия – новая характеристика общественного сознания в современной России// Социально-гуманитарные знания. - № 12 - 2010 - С.4-7
20. Шаламова Л.Ф. Молодежь как субъект управления активизацией социального потенциала молодежи// Социально-гуманитарные знания. - №5. - 2011.- С. 79- 86

Ссылки:

- 1 См: Лисовский В.Т. Молодежь и образование на пороге XXI века // Молодежь: цифры, факты, мнения. - СПб., 1995. - № 2-3. - С.61-67
- 2 Ильинский И.М. и др. Молодежь планеты: глобальная ситуация в 90-х годах, тенденции и перспективы. - М., 1999. С.43- 54.
- 3 Ковалева А.И., Луков В.А. - Социология молодежи. Теоретические вопросы. - М., 1999. - С.122-144.
- 4 Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи. - Екатеринбург.- 2006

Противоречия между традициями и инновациями в системе высшего образования: социально-управленческий аспект

Иванова О.А., Сакович С.М., Казюлина Н.Н.

В статье представляются основные противоречия между традициями и инновациями при реализации электронного обучения в российском высшем образовании, приводящие к конфликту. К основным противоречиям можно отнести: воспитанность участников образовательного процесса; низкий уровень качества традиционного отечественного образования; трудности в образовательной деятельности, обусловленные низким уровнем качества правового обеспечения; нравственная, морально-психологическая, профессиональная, педагогическая неподготовленность преподавательского состава. Ключевые слова: инновации, традиции, противоречия, конфликт, высшее образование, электронное обучение, управление, качество правового обеспечения.

Ivanova O.A., Sakovich S.M., Kazulina N.N.

Contradictions between traditions and innovations in the system of higher education: social-administrative aspect

The article presents the main contradictions between traditions and innovations in the implementation of e-learning in Russian higher education, leading to conflict. The main contradictions include: the upbringing of participants in the educational process; a low level of quality of traditional domestic education; difficulties in educational activities, due to the low level of legal support; moral, moral-psychological, professional, pedagogical unpreparedness of the teaching staff. Keywords: innovations, traditions, contradictions, conflict, higher education, e-learning, management, quality of legal support.

В настоящее время у общества появились новейшие средства для своего развития. К ним относятся - цифровые технологии. Безусловно, их применение необходимо в системе высшего образования для решения важнейших управленческих и образовательных задач. Как известно, электронное обучение является инновационными технологиями, а как любое новое направление оно влечет за собой проблемы его сочетания и объединение со старыми, уже устоявшимися, традиционными. Такого рода столкновение, безусловно, приводит к конфликту [7;8] традиций и инноваций в системе социального управления высшим образованием [5].

Конфликт как предмет исследований в социологии был определен и обоснован в работах Аристотеля, Н. Макиавелли, а также ведущими социологами запада Р. Дарендорфа, Л. Козера, Г. Зиммеля, отечественными учеными современности А.В. Дмитриевым, А.Я. Анцуповым, А.И. Шипиловым, Е.И. Степановым и многими другими. Как справедливо указывает А.В. Дмитриев, конфликт - это «столкновение противоположных интересов, взглядов» [6].

Результаты анализа научной литературы показывают, что большинство исследователей солидарны с утверждением, что в настоящее время особо актуальна проблема сбалансированности двух социокультурных феноменов «традиции» и «инновации». Например, на этот факт указывают исследователи А.Н. Гостев, В.Г. Семенова, В.П. Серикова. Они утверждают, что «традиции, есть явление, объективно существующее и устоявшееся, тогда как инновации подлежат внедрению, в связи с чем, возникает противоречие между старым и новым» [4;1].

Как показывает социальная практика, традиция всегда должна оставлять простор для инноваций и творчеств [9; 10]. Создание нового, никогда не начинается «с чистого листа». Безусловно, в этом процессе всегда присутству-

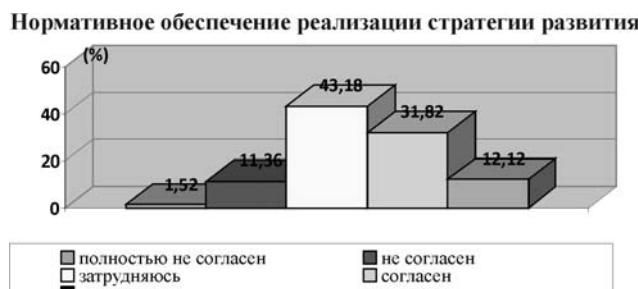

Рис. 1. Мнение сотрудников вузов о необходимости рационализации нормативно-правового обеспечения реализации стратегии образования

ют уже накопленные знания, навыки, умения. Например, В.И. Толстых утверждает, что «модернизация идет успешнее там, где считаются с традициями реформируемого общества, а, в свою очередь, традиции сохраняют свою жизненную силу, отвечая на потребности времени и врастая в новые формы жизнеустройства, т. е. обновляясь».

К формам такого обучения можно отнести:

- работу (самостоятельную) с электронными материалами, с использованием электронных технологий, таких как: персональный компьютер, DVD или MP3—проигрыватели, телевизор, мобильный телефон;
- получение советов, оценок у находящегося в территориальном удалении эксперта, консультаций, возможность дистанционного одновременного взаимодействия;
- своевременное предоставление электронных пособий, материалов.

Таким образом, никакое общественное явление не может полностью отрицать предыдущие технологии и традиции. В этой связи оно должно основываться на традиционном обучении [2]. Электронные технологии, как инновации – это средства передачи информации. Использование электронных средств позволяет лишь совершенствовать, например, формы лекционных занятий: проблемные, пресс-конференции, визуализации и другие[4].

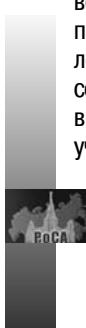
Очевидно, одним из главных противоречий в реализации электронного обучения, является воспитанность участников образовательного процесса. В 2016 году было проведено социологическое и опробованное на ряде научных собраний исследование. Так, 15 марта 2016 года в ГАОУ ВО МГПУ состоялась международная научная конференция «Социальное проектирова-

ние московского высшего образования». Исследование проводилось по тематике: «Доступность и качество московского образования» (клusters – 14 вузов, колледжей – 12, общеобразовательных школ – 10). Выборка – 1200 человек (работодатели, родители обучающихся, студенты, ученики старших классов). Ошибка выборки не более – 3%, эксперты – 37 человек. Уровень качества профессиональной подготовки преподавательского состава вузов: экспертные мнения ($N = 32$)[6].

Результаты исследования показывают, что имея большой объем информации, пребывать «в пустую» в аудитории с преподавателем – дорогое мероприятие, если считать большие затраты времени. Некоторые эксперты, трактуют смысл электронного обучения, как облегченный поиск информации. Как показывают результаты наблюдения образовательной практики это более сложная, технологически разнообразная функциональность, чем традиционное классно-урочное обучение. Безусловно, она должна быть не революционной (резкой), а эволюционной (плавной).

Опросы студентов, родителей и законных представителей студентов, сотрудников школ и вузов показывают, что все они испытывают трудности в образовательной деятельности, обусловленные низким уровнем качества нормативно-правового обеспечения (см. рис. 1).

В особенности опасны законодательные (правовые) неточности. Это, в свою очередь вызывает затруднение, дезорганизацию деятельности как исполнительной, так и судебной структуры. Так, например, в статье 2 ФЗ 273 «Об образовании в РФ» образование определяется как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся обществен-

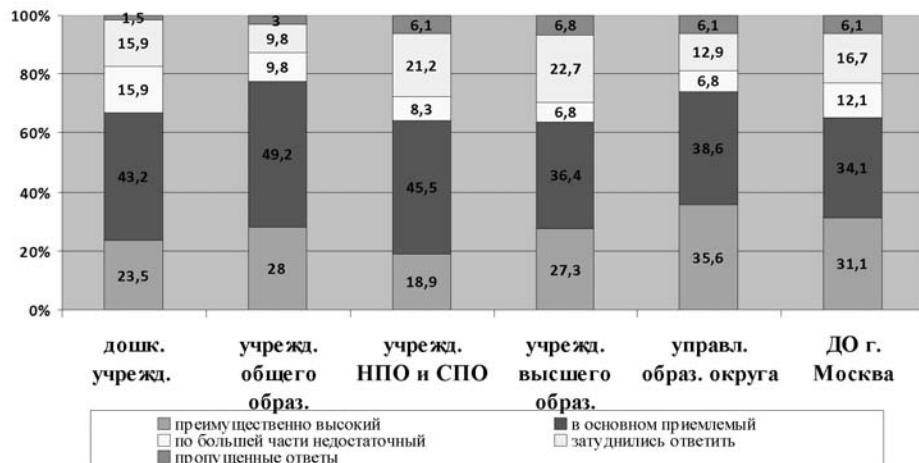

Рис. 2. Профессионализм профессорско-преподавательских кадров учебных заведений г. Москвы

но значимым благом и осуществляется в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов»[3].

Особое место в системе российского образования занимают нравственная, морально-психологическая, профессиональная, педагогическая проблемы [11]. Как известно, икс-поколение испытывает затруднения в знаниях электронных технологий, а для подрастающего поколения проблема в базовых гуманитарных знаниях. Этому утверждению имеется весомое подтверждение конкретными фактами социологического исследования. Так, в образовательные структуры, на руководящие должности уже пришли кадры, получившие «высшее образование», а также ученые степени и звания в 1990-х начали 2000-х годов.

Как показали результаты исследования образования г. Москвы, прослеживается низкий уровень профессионализма профессорско-преподавательских кадров образовательных организаций (см. рис. 2).

В данных условиях общество стремится получить высшее образование традиционным путем. В России всегда славились образованные

люди. Традиционно не образованный человек в нашей стране являлся ущербным. Быть может, этот факт является фундаментальным показателем перспективы электронного обучения в России. Контент-Анализом научной литературы выявлено, что, например, в 1918 году было запланировано введение обязательного бесплатного среднего образования. В большинстве уездных городах были созданы гимназии, чего не было в самых прогрессивных европейских странах. Так, показателем высокого уровня образования в Царской России являлся тот факт, что «накануне войны в России было более 100 вузов со 150 000 студентов (во Франции в тоже время – примерно 40 000 студентов)»[1].

Безусловно, такие отечественные традиции, в значительной степени укоренившиеся во времена Советского Союза, не могут быстро исчезнуть. В то же время формы традиционного отечественного образования становятся недопустимыми для обучения в, в этой связи отсутствуют альтернативы применения средств электронного обучения.

Как показывает зарубежный социальный опыт (США, Великобритания, Южная Корея), обучение с использованием дистанционных (электронных) технологий является первостепенным. Так, например, на сегодняшний день в Южной Корее, 85% трудового населения проходит регулярную ежегодную переподготовку в системе электронного (дистанционного) обучения. Другими словами, качество электронно-

го обучения с использованием дистанционных средств обучения в высших учебных заведениях во многом зависит от базовой подготовленности обучаемых.

Таким образом, основными противоречиями в реализации электронного обучения, приводящими к конфликту традиций и инноваций системы социального управления российским высшим образованием являются:

- воспитанность участников образовательного процесса;
- низкий уровень качества традиционного российского образования;
- трудности в образовательной деятельности, обусловленные низким уровнем качества правового обеспечения;
- нравственная, морально-психологическая, профессиональная, педагогическая неподготовленность преподавательского состава.

Литература

1. Гостев, А.Н. Отечественные традиции в системе подготовки управленческих кадров института образования [Текст] / А.Н. Гостев, В.Г. Семенова, В.П. Серикова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 1. – С. 204–207.
2. Гостев, А.Н. Педагогические конфликтогены электронного обучения в контексте социологического исследования [Текст] / А.Н. Гостев, Н.И. Кобзева, О.А. Иванова // ВЕСТИНИК Оренбургского государственного университета. – М.: ОГУ, 2017. – №5 (205) – С. 3-14.
3. Гостев, А.Н. Проблемы качества электронного обучения [Текст] / . / А.Н. Гостев, Т.С. Демченко / Социология образования. Издательство – М.: 2017. – № 3. – С. 4-21.
4. Гостев, А.Н. Управление высшим образование: Российские традиции [Текст] / А.Н. Гостев, В.П. Серикова / Монография – М.: СГА, 2016. – 177с.
5. Демченко, Т.С. Система высшего образования: проблемы социального контроля [Текст] / Т.С. Демченко // Материалы Афанасьевских чтений. 2016. - № 2 (15). - С. 178-184.
6. Дмитриев, А. В. Конфликтология: Учебное пособие [Текст] / А. В. Дмитриев / – М. : Изд-во Гардарики, 2000. – С. 302.
7. Иванова, О.А. Конфликты в сфере образования [Текст] / О.А. Иванова // Кластеры. Исследования и разработки. – М.: Московский кластер бизнес-инициатив (Москластер). 2017. – С.40 - 46.
8. Иванова, О.А. Востребованность выпускников российских вузов: конфликт традиций и инноваций [Текст] / О. А. Иванова // Научные исследования и современное образование : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 29 апр. 2017 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 141–144.
9. Мациевский, Г.О. Инновации и традиции в образовании [Текст] / Г.О. Мациевский // Успехи современного естествознания. – Старый Оскол, Белгородская обл, 2010. № 9. – С. 160–162.
10. Сакович, С.М. Опыт и перспективы унификации мониторинговых показателей научной деятельности вуза. В книге: Опыт и перспективы унификации мониторинговых показателей научной деятельности вуза с международными стандартами. Тезисы научно-практической конференции. 2017. С. 18-20.
11. Сакович, С.М. Высшее социологическое образование: проблемы, пути совершенствования: монография / С.М. Сакович. – Москва: РУСАЙНС, 2017. – 172 с.

Особенности формирования публичного доклада регионального органа управления образованием на примере Челябинской области

Коузова Е.А., Солодкова М.И., Данельченко Т.А.,
Борченко И.Д.

Авторы статьи представлена специфика подготовки Публичного доклада региональных (муниципальных) органов управления образованием и образовательных организаций. В помощь авторам Публичного доклада предлагаются детализированные рекомендации для написания аналитического текста по всем разделам доклада и их составляющим с включением материалов, подготовленных специалистами Министерства образования и науки Челябинской области. Конкретные представленные примеры для каждого из разделов Публичного доклада, а также специфика содержания, позволят избежать ошибок при формировании Публичного доклада Регионального органа управления образованием.

Ключевые слова: Публичный доклад, аналитический текст, аналитический публичный текст, периодический отчет.

Kouzova E.A., Solodkova M.I., Danelchenko T.A., Borchenko I.D.
Peculiarities of forming the public report of the regional organ of education management on the example of Chelyabinsk region
The authors of the article presented the specifics of the preparation of the Public Report of the regional (municipal) educational authorities and educational organizations.
To assist authors of the Public Report, detailed recommendations are offered for writing an analytical text on all sections of the report and their components, including materials prepared by specialists from the Ministry of Education and Science of the Chelyabinsk region. Specific examples presented for each of the sections of the Public Report, as well as the specifics of the content, will avoid mistakes in the formation of the Public Report of the Regional Education Management Body.
Keywords: Public report, analytical text, analytical public text, periodic report.

Современная российская система образования претерпевает постоянные изменения, привлекая к себе все больше внимания со стороны общественности. При этом актуальной, на сегодняшний день, задачей для образовательных организаций является привлечение инвестиций – основной формой которого становится обеспечение информированности общественности, в том числе инвесторов, о состоянии системы образования, достигнутых результатах, стратегии и планах дальнейшего развития. Одним из основных инструментов обеспечения информационной открытости является публичный доклад [1].

Особенности формирования Публичного доклада регионального органа управления образованием определяются общими рекомендациями по подготовке Публичных докладов региональных (муниципальных) органов управления образованием и образовательных учреждений (Приложение 1 к письму Минобрнауки РФ от 12 мая 2010 года № 03-940 «О подготовке Публичных докладов образовательных учреждений всех уровней»); полномочиями региональных органов управления образованием, а также правилами (подходами) написания аналитических текстов.

В общих рекомендациях дано понятие Публичного доклада, определены его цели и структура. В качестве одной из особенностей указывается аналитический характер текста, предлагающий представление фактов и данных, а также их оценку и обоснование тенденций развития.

Отметим, что качественный аналитический текст отличается следующими качествами: актуальность описываемой темы; четкое обозна-

чение решаемого вопроса, грамотная формулировка тезиса (цели); основательный подбор фактологического материала, необходимого для подробного анализа и раскрытия темы; грамотный, глубокий и логически безупречный анализ материала; логически обоснованная последовательность подачи материала; четкая структура изложения, без излишних необоснованных повторов; логические выводы, обоснованные данным аналитическим материалом; описание путей достижения поставленной цели и решения обозначенных задач, основанных на выводах из проанализированного материала; грамотное исполнение, отсутствие логических ошибок; правильно подобранный стиль изложения; новизна поданного материала, наличие инновационной составляющей в целях, выводах по итогам анализа, в приоритетах дальнейшей работы; интересная, доступная для целевой аудитории форма изложения.

Смыслоное содержание используемых в тексте терминов (терминологии) должно соответствовать либо нормативным требованиям (основные понятия определяются законодательными документами), либо должно быть определено в тексте Публичного доклада. Кроме того, не принято использовать не оговоренные аббревиатуры и сокращения.

Объем, структура и содержание фактологического материала должны отвечать принципу необходимости и достаточности для проведения анализа, формулировки выводов и постановки новых задач работы. При подборе фактологического материала для анализа следует четко ориентироваться на установки (цели) развития как региональной, так и федеральной систем образования.

Важным фактором, определяющим целевые установки, конкретизированные в перспективные задачи, является их ярко выраженная инновационная направленность. В случае если задача, поставленная на отчетный период, не решена в полном объеме, или требуется решение других аспектов этой задачи, то на перспективу должна быть дана формулировка, отражающая данные изменения.

Четкая структура изложения и логически обоснованная подача материала предусматривают единое, комплексное видение исходного состояния региональной системы образования, проблематики ее функционирования, а также приорите-

тов развития на ближайшую перспективу всеми авторами текста Публичного доклада.

Формы и механизмы представления информации в Публичном докладе должны соответствовать ряду критерии. Основанием для их определения является специфика доклада, сочетающего в себе характеристики аналитического и информационно-презентационного материала.

Рассмотрим детально текст разделов Публичного доклада, а также специфические особенности включения различных материалов.

При описании социально-экономической характеристики Челябинской области во введении важно отразить внешний запрос к системе образования. Это возможно через краткое описание реализуемых областных целевых программ по отрасли «Образование».

Каждая из отраслевых программ в их аналитической части содержит описание проблем, связанных с реализацией внешнего запроса по конкретным направлениям деятельности системы образования, а также обоснование необходимости их решения программными методами по годам реализации.

Примером могут служить основные цели и ожидаемые результаты реализации государственных программ, таких как: Областная целевая Программа развития образования Челябинской области на 2014 – 2019 годы, Государственная программа развития образования Челябинской области на 2014 – 2019 годы [2]; Областная целевая программа «Поддержка и развитие дошкольного образования в Челябинской области» на 2015 – 2025 годы, Государственная программа «Поддержка и развитие дошкольного образования в Челябинской области» на 2015 – 2025 годы» [3].

При этом важно кратко проанализировать содержание межотраслевых целевых программ в части запроса социума к системе образования, например: Областная целевая программа повышения энергетической эффективности экономики Челябинской области и сокращения энергетических издержек в бюджетном секторе на 2010 – 2020 годы [4]; Муниципальная Программа «Профилактика преступлений и иных правонарушений в городе Челябинске на 2017 – 2019 годы» [5] и т. д.

Необходимо кратко представить потенциал разработанных и реализуемых в областной системе образования Концепций, которые по-

зволяют формировать единство подходов к формированию целей и определению путей их реализации. Например: Областная концепция сопровождения и поддержки одаренных и перспективных детей или Концепция региональной системы оценки качества образования Челябинской области.

Перечисление, ранжирование и краткое описание внешних запросов к системе образования через анализ целевых программ и Концепций позволит сформулировать единное проблемное поле деятельности МОиН Челябинской области на текущий год.

Для конкретизации круга проблем, выделенных в Публичном докладе, важен также анализ динамики демографической ситуации в тех аспектах, которые являются неразрешенными в части обеспечения государственных гарантий реализации прав граждан на получение общедоступного и бесплатного образования. Важно, чтобы выявленные проблемные вопросы, связанные с демографической ситуацией, были проанализированы отдельно по каждому уровню образования.

Анализ занятости населения за истекший период также целесообразно провести только в той части, которая уточняет задачи деятельности Министерства образования и науки в части удовлетворения потребностей региона в образовательных программах разного уровня и направленности, развертывания новых программ, сокращения невостребованных.

К иным социально-экономическим показателям, оказывающим влияние на систему образования может относиться динамика состояния здоровья обучающихся, динамика количества обучающихся с ограниченными возможностями здоровья по категориям заболеваний. Такой анализ позволит обосновать необходимость обеспечения доступности качественного образования для данных категорий обучающихся. Например: «Увеличение количества обучающихся с ограниченными возможностями здоровья выявило потребность в изменении сети образовательных учреждений, осуществляющих образовательную деятельность по адаптированным основным общеобразовательным программам общего и среднего профессионального образования; в создании условий их реализации (в частности – повышении квалификации педагогических кадров и, как следствие, расши-

рение спектра дополнительных профессиональных программ)».

Такой программно-ориентированный подход к социально-экономической характеристики региона с позиции внешнего запроса к системе образования позволяет четко определить комплекс проблем (проблемное поле), стоящих перед системой образования и требующих решения в рамках компетенций Министерства образования и науки области.

Роль системы образования области представляется через стратегическую цель, формулируемую на основе выявленных проблем. Далее эту цель следует декомпозировать по всем компонентам системы образования (ст.10 ФЗ-273) [6]:

1) Федеральные государственные образовательные стандарты, образовательные стандарты, образовательные программы различных вида, уровня и (или) направленности;

2) образовательные учреждения дошкольного, среднего общего, дополнительного образования детей, среднего профессионального образования, дополнительного профессионального образования;

3) организации педагогических работников, обучающихся и родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся;

4) органы государственной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, и органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования, включая созданные ими консультативные, совещательные и иные органы (МОиН Челябинской области, Коллегия МОиН, Областной Совет руководителей образовательных учреждений, Областной совет родителей, и др. координационные советы);

5) организации, осуществляющие обеспечение образовательной деятельности, оценку качества образования;

6) объединения юридических лиц, работодателей и их объединений, общественные объединения, осуществляющие деятельность в сфере образования.

Такой технологический подход к целеполаганию позволит связать стратегическую и тактическую цели и определить конкретные задачи для решения по каждому компоненту системы образования области.

Поставленные таким образом цели и задачи позволяют правильно определить индикаторы достижения результатов деятельности Министерства образования и науки области по обеспечению развития системы образования области.

Как будут сформулированы цели и задачи на основе проблемного поля, определенного содержанием и направлениями реализации целевых программы в сфере «Образования», так и будет обеспечено их соответствие основным направлениям развития и приоритетам образовательной политики в стране.

Так как доступность образования связана с понятием качества образования, поэтому в содержании Публичного доклада важно отразить не просто динамику изменения сети, но и то, насколько эти изменения обеспечили в истекшем году достижение качества образования на разных его уровнях: в дошкольном образовании, в общем образовании (кроме дошкольного), в дополнительном образовании детей, в дополнительном профессиональном образовании, в среднем профессиональном образовании.

Можно в качестве подтверждения выводов представить результаты проведенных на областном уровне исследований уровня удовлетворенности субъектов образовательных отношений качеством образовательных услуг. Такой анализ позволит выявить положительные результаты, точно определить цели на новый год. Например, показать, каким образом изменение сети дошкольных образовательных организаций решает проблему доступности мест в них для разных возрастных категорий дошкольников или, показать, как выросла доля школьников, обучающихся в условиях соответствующих современным требованиям.

По позиции контингента обучающихся и охвата детей соответствующего возраста образованием (по программам, по форме получения образования) важно показать, насколько различным категориям обучающихся обеспечено право выбора образовательных программ, форм получения образования, а также образовательных организаций.

Целесообразно именно в этой части Публичного доклада отразить роль ресурсных центров, созданных в образовательной системе области для реализации образовательных по-

требностей различных категорий обучающихся:

- детей с высоким потенциалом развития (предметные лаборатории, базовые школы, специализированные учреждения дополнительного образования детей, летние школы олимпиадного движения);

- педагогических работников (дошкольные и общеобразовательные учреждения – базовые площадки для проведения стажировок в рамках курсов повышения квалификации)

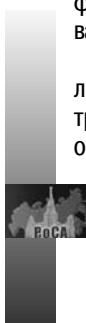
- детей с ограниченными возможностями здоровья (ресурсные центры по коррекционному образованию, система психолого-педагогических комиссий, общеобразовательные учреждения с интернатными отделениями).

Например, показать, насколько удовлетворены потребности учащихся в обучении по программам профильного и углубленного образования, адаптированным образовательным программам, образовательным программам дополнительного образования детей.

Содержание подраздела «Образование для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (в том числе инклюзивное образование, дистанционное образование)» Публичного доклада целесообразно показать насколько существующая сеть специальных общеобразовательных учреждений обеспечивает потребности данного контингента обучающихся в получении доступного качественного образования.

Кроме того, необходимо показать, какие возможности предоставляет система образования области для детей с ограниченными возможностями здоровья в рамках инклюзивного образования на всех уровнях (дошкольное, обще, среднее профессиональное, дополнительное образование детей). Особое место необходимо отвести анализу результатов реализации областной программы дистанционного обучения детей-инвалидов.

Содержание раздела «Результаты деятельности системы образования» Публичного доклада целесообразно связать, во-первых, с современным понятием качества образования, в соответствии с которым разработана и реализуется Концепция региональной системы оценки качества образования Челябинской области. В этой связи, результаты деятельности системы образования необходимо рассмотреть по

направлениям: качество условий, качество процессов, качество результатов.

Во-вторых, анализ результатов должен включать оценку результатов достижения целей по компонентам системы образования.

В-третьих, этот анализ целесообразно провести в разрезе каждого уровня образования.

Поэтому, для получения целостного представления о результатах деятельности Министерства образования и науки Челябинской области по управлению системой образования региона условия обучения и эффективность использования ресурсов рассматривать в качестве подпункта раздела о результатах деятельности системы образования, собственно характеризующего результаты деятельности.

Результаты деятельности системы образования рекомендуется разнести по принадлежности либо к «качеству условий», либо к «качеству процессов», либо к «качеству результатов». А оценку качества образования Публичного доклада возможно исключить в качестве отдельного подпункта, поскольку все предыдущие позиции в совокупности и раскрывают его содержание.

Например: «1. Результаты контрольно-надзорной деятельности в части лицензирования деятельности образовательных учреждений относятся к «качеству условий», в части аккредитации – к «качеству результатов», в части контроля за исполнением законодательства – к «качеству процессов».

В следующем разделе Публичного доклада дается общая характеристика финансирования системы образования области. Задача этой части доклада, описывающей созданные условия, – демонстрация общественности эффектов, полученных от использования финансовых ресурсов.

В предложенной структурой доклада логике, далее описываются созданные условия реализации образовательных программ разного уровня и направленности в соответствии с требованиями ФГОС, а также с позиций обеспечения современного качества образования: нормативно-правовое и финансово-экономическое обеспечение образовательных программ; кадровое и психолого-педагогическое обеспечение образовательных программ; материально-техническое, информационно-методическое обеспечение образовательных программ.

В части материально-технических, кадровых, информационно-коммуникационных технологий целесообразно показать не только динамику изменения индикативных показателей, касающихся описываемых условий (если она есть, то эффект от использования ресурсов достигнут), но и финансовые расходы на их обеспечение в соответствии с той или иной областной целевой программой. Рекомендуется разнести по принадлежности к той или иной группе условий, а также оценить степень соответствия каждой группы условий требованиям Федеральных государственных образовательных стандартов.

По каждому из перечисленных в структуре доклада условий кратко описываются используемые методы и механизмы финансирования образовательных учреждений, динамика и источники финансирования, а также уровень освоения финансовых средств.

Далее следует обосновать возможные причины сохранения проблем (если таковые имеются): «Однако, учитывая, что прогнозное увеличение численности детей 1-7 лет за 2013 год составит около 13 тыс. человек, несмотря на ввод большого количества новых мест в дошкольные образовательные организации, охват дошкольным образованием не повысится, а снизится с 79,9% до 77%».

Основой для анализа динамики изменения условий может служить информация, полученная в результате различных автоматизированных мониторинговых исследований, проведенных в истекшем году.

Данный подход, основанный на применении мониторинговых механизмов оценки качества образования (в части созданных условий) на уровне региона может использоваться (в качестве аналоговой модели) и при оценке деятельности муниципальных органов управления образованием по эффективному использованию ресурсов.

Динамику изменения индикативных показателей можно показать на основе результатов:

- мониторинга «Доля обучающихся в общеобразовательных учреждениях, отвечающих современным требованиям, предъявляемым к условиям образовательного процесса»;

- апробации в 30 общеобразовательных организациях из 10 муниципальных образований Челябинской области электронного мони-

торинга качества общего образования в части создания условий реализации основных образовательных программ;

- мониторинга реализации КПМО;
- контрольно-надзорной деятельности в сфере образования (в части выполнения лицензионных требований).

В завершении следует показать, как в системе образования области реализуется такой индикативный показатель как «Доля образовательных организаций, открыто предоставляющих достоверную публичную информацию о своей деятельности на основе системы автоматизированного мониторинга, в общем числе образовательных организаций».

В качестве вариативной части данного раздела доклада может быть представлена информация, касающаяся дополнительных эффектов, полученных системой образования области в части создания условий образовательного процесса.

Например: «...на базе ЧИПКРО создан Региональный Центр и утверждена Концепция научно-методического сопровождения обучения детей с ограниченными возможностями здоровья»; «...принята Концепция региональной системы оценки качества образования, план ее реализации, в соответствии с которым создан «Региональный центр оценки качества и информатизации образования».

В следующем разделе «Меры по развитию системы образования» следует показать не только традиционно принимаемые меры по развитию системы образования, дающие положительный эффект, но и инновационную деятельность Министерства образования и науки, ориентированную на совершенствование научно-педагогического, учебно-методического, организационного, правового, финансово-экономического, кадрового, материально-технического обеспечения системы образования и осуществляющуюся в форме реализации инновационных проектов и программ.

В этой части доклада целесообразно обосновать внесение изменений в государственный целевые программы, а также указать на возможности, которые дает: участие в федеральных целевых программах развития образования на территории области (например, ФЦПРО на 2016-2020 гг. по двум направлениям) [7]; участие в конкурсных отборах на получение субсидий из федерального бюджета.

Кроме того, важно отметить работу Министерства образования и науки Челябинской области по концептуализации инновационного опыта развития системы образования посредством конференций, публикаций в научных и методических изданиях, в средствах массовой информации. Например, организация и проведение Всероссийской научно-практической конференции «Государственно-общественное управление как механизм достижения современного качества образования в условиях действия нового законодательства».

Поскольку Публичный доклад отражает результативность деятельности Министерства образования и науки по решению поставленной стратегической и тактических целей, то целесообразно завершить его выводами о том, насколько успешно решены проблемы истекшего года и обосновать круг проблем и перспективных направлений развития на новый период.

Литература

1. Письмо Минобрнауки РФ от 28.10.2010 № 13-312 «О подготовке Публичных докладов» (вместе с «Общими рекомендациями по подготовке Публичных докладов региональных (муниципальных) органов управления образованием и образовательных учреждений»). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: КонсультантПлюс. http://konroo.ru/nezavis_ocenka_kach_obrazovaniya/pismo_MON_RF_13-312_281010.pdf (дата обращения 25.10.2017).
2. Постановление Правительства Челябинской области от 22 октября 2013 года № 338-П «О государственной программе Челябинской области «Развитие образования в Челябинской области» на 2014 – 2019 годы». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/460216332> (дата обращения 26.10.2017).
3. Постановление Правительства Челябинской области от 29 октября 2014 года № 522-П «О государственной Программе Челябинской области «Поддержка и развитие дошкольного образования в Челябинской области» на 2015 – 2025 годы». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/428624469> (дата обращения 26.10.2017).
4. Постановление Правительства Челябинской области от 22 октября 2013 года № 346-П

О государственной программе Челябинской области «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности» на 2014 – 2020 годы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/460207009> (дата обращения 26.10.2017).

5. Распоряжение администрации города Челябинска от 6 декабря 2016 года № 13558 «Об утверждении муниципальной программы «Профилактика преступлений и иных правонарушений в городе Челябинске на 2017 – 2019 годы». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/444913797> (дата обращения 26.10.2017).

6. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской

Федерации» (с изменениями и дополнениями).

– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/70291362/#ixzz4wbqtAtId> (дата обращения 26.10.2017).

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 мая 2015 г. № 497 г. Москва «О Федеральной целевой программе развития образования на 2016 – 2020 годы». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minoobrnauki.ru/%D0%B4%D0%BC%D0%BD%D1%82%D1%8B/83%D0%BC%D0%BD%D0%BC%D0%BD%D1%82%D1%8B/5930/%D1%84%D0%BD%D0%BD%D0%BD%D0%BB/4787/FCPRO_na_2016-2020_gody.pdf (дата обращения 27.10.2017).

Социолингвистический аспект билингвизма в Республике Саха (Якутия): хронология развития

Макарова Р.П.

В настоящей статье рассматриваются вопросы развития якутско-русского двуязычия в Республике Саха (Якутия), которое берет начало в XVII веке н.э. Даётся краткий обзор первых переводов текстов с русского на якутский. Приводятся статистические данные этнического состава населения Якутии. Автор знакомит с периодами распространения билингвизма и приводит краткий обзор каждого периода. Ключевые слова: язык, якутско-русский билингвизм, двуязычность, социолингвистика, межнациональное общение, государственный язык.

Makarova R.P.

Sociolinguistic aspect of bilingualism in the Republic of Sakha (Yakutia): history

This article discusses the development of the yakut-russian bilingualism in the Republic of Sakha (Yakutia), which originates in the XVII century. A brief review of the first translations of texts from russian into yakut. Statistical data of the ethnic composition of the population of yakutia. The author introduces the periods of the spread of bilingualism and provides a brief overview of each period.

Keywords: language, yakut-russian bilingualism, bilingualism, sociolinguistics, international communication, the official language.

Язык издревле является показателем развития общества, условием его существования. Управляя обществом и обслуживая его, язык меняется, развивается, обогащается, приспособливается к различным формам человеческого общения. Язык – динамичное, постоянно развивающееся, меняющееся явление. Постоянному развитию языка способствует общество, с которым язык сталкивается ежедневно. Ни один язык из ныне существующих не является окончательно сформировавшимся и его лексический состав, грамматические правила постоянно меняются. Якутский и русский языки не исключения, они, как и другие языки, изменяются, эволюционируют гораздо быстрее многих иностранных языков в силу своей природной гибкости.

По своему этническому составу Республика Саха (Якутия) – многонациональная республика, население которой составляет более 900 тысяч человек. В республике проживают представители более 122 национальностей, в т.ч. якутов в национальном составе населения – более 48%, русских – 46%, украинцев – 2%, эвенков – 2%, эвенов - 2%. К числу коренных жителей, населяющих Якутию, относятся якуты, эвены, эвенки, юкагиры, долганы. Якуты, в основном проживающие по всей территории Якутии, но в северных и южных промышленных районах (Нерюнгринском, Мирнинском, Ленском, Алданском) их численность не превышает 1/5 часть населения. Расселение народностей Севера носит раздробленный характер у эвенов и эвенков; юкагирское же население проживает компактно в Верхнеколымском (Нелемное) и Нижнеколымском (Андрюшко) районах.

В регионе активно функционируют два языка – якутский и русский. Языки коренных народов относятся к трем группам: якутский - к се-

верной ветви тюркских языков, эвенкийский, эвенкий - к тунгусской подгруппе тунгусо-маньчжурских языков, чукотский - к палеоазиатской семье, а юкагирский язык принято считать генетически изолированным, хотя некоторые исследователи относят его к древнему праурало-юкагирскому языковому единству. Именно поэтому вопросы поликультурного воспитания и образования являются столь важными в процессе обучения в вузе на территории республики. [1]

Русский язык впервые появился на земле саха с приходом русских в начале XVII века н.э. Появлению якутско-русского двуязычия способствовали очевидные факты: суровые природно-климатические, географические условия, изоляция и отдаленность Якутского края от остальной части России. Русские люди вынужденно вступали в языковой контакт с местными коренными жителями. Об этом свидетельствует история перевода и переводческой мысли в Якутии. В Якутии перевод имеет более 300-летнюю историю. Как свидетельствуют архивные данные еще в XVII в. казаки и стрельцы имели переводчиков (толмачей – в переводе с тюркского 'тыл'). Еще у стрелецкого сотника Петра Бекетова, основавшего город Якутск, был переводник – толмач Дунайко Петров, который «в якольском (якутском) языке горазд». По архивным документам видно, что с самого основания якутского острога были переводчики из числа местного населения. Одним из первых толмачей была Быгэя, жена стрельца Семена Чюфариста, который приехал с отрядом Петра Бекетова. В 1705 г. переведена молитва «Отче Наш» Николаасом Витсеном, она же считается первым зафиксированным на письме переводом. Русские якутским языком пользовались для межнациональных контактов, как бывает в большинстве случаев, более образованное население перенимало язык менее образованного. Так дореволюционное русское население со временем осваивало якутский язык, а часть его переходила полностью на якутский. Как говорит учений-социолингвист Т.В.Аргунова: «Наличие фактора двуязычности русских значительно облегчило и ускорило обратный процесс – распространение русского языка среди местного населения. Первоначально - в виде заимствованной в устной разговорной речи лексики, состав и объем которой позволяют исследователям говорить о массовом характере русских заимство-

ваний в якутском языке по сравнению с другими тюркскими языками. Затем – в виде относительно организованного процесса в связи с открытием первых школ в начале XIX в., обучение в которых велось на русском языке». [2] Все изменения, что происходили в языковом пространстве Якутского края с XVII века и до революции, ученые относят к первому этапу появления билингвизма в регионе.

Ко второму этапу относится короткий промежуток послереволюционного времени (1917-1929 гг.), именно в этот период билингвизм стал носить более осмысленный характер. Местное население стремилось к изучению русского языка, но носителем билингвизма оставалась все же та часть населения, которая получила образование в дореволюционное время. Сельское население не владело русским языком. Многие не умели писать и читать.

Следующий период (1930-1939 гг.) – период, когда стали широко распространять русский язык. Этому способствовал ряд факторов: обязательное служение в рядах Советской Армии, ликвидация безграмотности среди сельских жителей, открылись детские сады, школы, фельдшерско-акушерские пункты, производственные предприятия, куда приглашались на работу высококвалифицированные специалисты из центральных городов РСФСР. Русский язык стал преподаваться, начиная с 1 класса, и все больше проникал в якутскую национальную школу. Именно в этот период был осуществлен переход с латинского алфавита на кириллицу.

1940-1990 гг. – период наиболее широкого, повсеместного распространения русского языка. Развитие промышленности, обязательное среднее образование после школы, перевод преподавания некоторых предметов на русский язык – все это способствовало тому, что население стремилось к осознанному изучению русского языка. В центральных, промышленных районах, больших городах и части северных районов русский язык в какой-то мере даже вытеснил якутский. В институтах и университете открылись целые подразделения по изучения якутско-русского двуязычия, проблем методики преподавания русского языка и литературы в национальной аудитории. Именно в эти годы создаются первые учебники, учебные пособия и методические указания по русскому языку и литературе. Также этот период отмечен как пе-

риод, который, активно распространяя якутско-русский билингвизм, почти утратил родные языки (эвенкийский, эвенкийский, юкагирский, долганский) населения коренных жителей, населяющих северные районы республики. Эти народы стали считать родным языком якутский язык.

Следующий период – постсоветский (1990–1999 гг.) – продолжает сохраняться якутско-русский билингвизм. 27 сентября 1990 года была провозглашена Декларация о государственном суверенитете. В этот день Верховный Совет Якутской АССР объявил о преобразовании автономии в Якутскую-Саха Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР и СССР. Все больше стали говорить о государственном статусе якутского языка. Созданные 1989 году Общество «Саха тыла» начало работу по введению в программы школ обязательного изучения якутского языка. В повсеместно школы начали изучение национальной культуры народов Якутии.

Период с 2000 по настоящее время – современный. Создаются новые сети школ – гимназии, колледжи, лицеи, авторские школы, научно-образовательные центры, малые академии при университете. Изучение русского языка в школах остается доминирующим. Якутско-русское двуязычие продолжает функционировать в большинстве населенных пунктов республики, в особенности в городе Якутске, центральных, северных улуса и вилюйской группе улусов. Статистические данные показывают, 65 % свободно владеют русским языком, [3] по данным переписи 2010 года из 460 971 лиц якутс-

кой национальности 416 780 человек отметили владение русским и 401 240 – якутским. [4]

В Республике Саха (Якутия) русский язык является государственным языком и используется как средство межнационального общения. Таким образом, на территории Республики Саха созданы все условия для того, чтобы каждый пользовался тем языком, какой его устраивает больше всего.

Литература

1. Иванова Н.И. Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия)// Вестник Бурятского университета. №10. 2013. С. 79-83.
2. Аргунова Т.В. Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект): автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Якутск, 1993.
3. Антонов Н. К. Якутский язык // Языки мира: Тюркские языки / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Индрик, 1997. – С. 513-524.
4. Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. 7. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики (2001-2013).
5. Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. 9. Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку по субъектам Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики (2001-2013).

Тестологическая грамотность, или что должен знать о тестировании каждый преподаватель иностранного языка

Муратова И.А.

В статье проводится анализ подходов к формированию компетентности преподавателей иностранного языка в области такого метода контроля как тесты. Показано, что при составлении теста необходимо учитывать основные принципы контроля усвоения знаний, а также владеть концептом валидности теста и его надежности. Все это позволит преподавателю приобрести компетентность не только в области формирования навыков владения иностранным языком, но и навыками прохождения инструментов контроля, определяемых с помощью распространенных международных и российских тестов. Ключевые слова: языковая компетентность, надежность тест, валидность теста, международные языковые тесты, ЕГЭ

Muratova I.A.

Test literacy, or what each teacher of foreign languages needs to know about testing

This article analyzes the approaches to forming the foreign language teachers competence in the field of such method of assessment as tests. It is shown that a teacher when preparing a test needs to consider the basic principles of knowledge assimilation control as well as to know the concept of test validity and test reliability.

It is proved that all the above mentioned allows the teacher to acquire the competence not only in the process of skills formation in learning foreign languages but also for acquiring assessment skills in passing International and Russian tests.

Keywords: language competence, reliability of the test, test validity, International language tests, State Exam

Так сложилось в российской методической литературе, что тестирование либо просто упоминается как один из методов контроля при обучении, либо не упоминается вовсе. Тем не менее, с середины 90-х годов, когда стали стремительно развиваться потребности в получении международных сертификатов, подтверждающих уровень владения иностранным языком, а особенно с 2000 годов, по мере развития системы ЕГЭ, необходимость получения преподавателями определенных знаний и умений о тестах и тестировании стала очевидной.

Справедливо ради, следует отметить, что еще в конце прошлого века предлагались программы соответствующих курсов¹, но в программах подготовки специалистов дело не пошло дальше отдельных спецкурсов в отдельных вузах.

Однако, потребность дополнительной подготовки преподавателей в данной области сохранилась, о чем свидетельствует, например, популярность серии вебинаров Кембриджского синдиката с общим подзаголовком *What every teacher should know*.²

В своей статье мы предполагаем обозначить основные позиции содержания курса дополнительной подготовки преподавателей иностранных языков в области лингводидактического тестирования. Эти позиции определяются ответом на вопрос, для чего преподавателю нужны основы тестологической грамотности.

Нам представляется, что речь может идти о трех основных направлениях, которые можно обозначить в терминах ПОНИМАНИЕ, РАЗРАБОТКА, ОЦЕНКА,

В первую очередь преподаватель должен понимать основные принципы тестового конт-

Рис. 1

роля, уметь ставить и отвечать на такие вопросы как:

- Почему проводится тестирование
- Какая категория учащихся тестируется
- Что (какие знания и/или умения) тестируются
- Как эти знания/умения (конструкты) можно протестиовать
- Как можно оценить выполнение предлагаемых заданий
- Каким образом тест будет способствовать совершенствованию учебного процесса

Легко понять, что первый концепт, подлежащий в данной связи усвоению, является валидность теста или степень, в которой тест способен измерить именно то, что необходимо или предполагалось для измерения разработчиками.

Преподаватель должен понять связь концепта валидности с такими понятиями как

- Цель тестирования
- Характеристика тестируемых
- Тестовые конструкты (Объект тестирования)
- Тестовые задания
- Надежность тестирования
- Влияние теста на учебный процесс.

Кроме двух последних пунктов, мы видим, что, по сути, преподаватель должен знать, что такая спецификация теста и уметь готовить простейшие спецификации своих тестовых материалов.

Важно понимать связь валидности теста с постановкой цели тестирования. В сознании преподавателя должно четко сложиться представление о том, что тест не может быть валиден сам по себе. Он бывает валиден для определенной цели и именно поэтому цель тестирования должна быть четко обозначена. То есть,

преподаватель должен иметь представление о том с какими целями может проводиться тестирования, иметь понятие о констатирующих или диагностирующих тестах (не обязательной именно в этих терминах).

Преподаватель должен разбирать как в том, с какими тестами могут в жизни сталкиваться его учащиеся, так и в том с разработкой каких тестов он может сталкиваться сам в процессе своей профессиональной деятельности.

Необходимо иметь представление о разных категориях учащихся, их возрастных особенностях, особенностях когнитивных процессов, соответствующих определённым группам учащихся. Преподавателю необходимо учитывать как те или иные факторы, связанные с индивидуальными особенностями испытуемых могут влиять на результат тестирования и соответственно то, каким образом можно минимизировать нежелательные влияния, искажающие результат.

Это можно проиллюстрировать следующей схемой, в которой видно, что на результат тестирования с целью определения уровня языковой подготовки, могут влиять и другие факторы, влияние которых явно нежелательно.

Важно иметь представление и уметь формулировать основные конструкты, наиболее часто измеряемые в языковых тестах. О важности понятия «конструктивная валидность» мы писали отдельно³, здесь бы хотелось отметить то, что преподавателю следует уметь различать когнитивную составляющую конструкта (используемые для решения задачи когнитивные процессы) и элемент уровня задания (насколько применяемое задание способно воздействовать или включить необходимый когнитивные процессы).

Отсюда следует необходимость ознакомления преподавателей с различными типами тестовых заданий и особенностями их применения в разных типах тестов. Преподаватель должен понимать, что классифицироваться задания могут по разным признакам и смешивать их (что часто происходит на практике) не желательно.

Например, задания можно различать по способу фиксации ответа как задания с выбором ответа, задания с кратким ответом и задания с развернутым ответом. В то же время задания могут различаться по способу оценивания как дихотомические и полигомометрические. И, конечно, по способу выполнения:

- выбор готового ответа
- формулирование краткого ответа
- формулирование развернутого ответа (устного/письменного)
- дополнение/восстановление (например, cloze-test)
- трансформация (текста на разных уровнях)
- установление соответствия (между различными элементами)
- установление последовательности (событий, явлений)
- перенос информации (представленной в одном формате в другой формат) и т.д.

Преподаватель должен научиться понимать, какому конструкту будет соответствовать то или иное из них (представленное в анализируемом им teste или подготавливаемое им самим).

Не менее важно также и то, чтобы результаты тестовых измерений были последовательны, то есть надежны. Преподаватель должен понимать, насколько он может доверять результату тестирования. В соответствии с этим ему необходимо иметь представление об основных способах определения надежности и, что особенно важно, об основных способах обеспечения надежности на стадии разработки. Речь идет, в частности, о понимании роли в повышении надежности теста четких и ясных инструкций по выполнению как теста, так и отдельных заданий, а также наличия простых оценочных схем и критериев (а также подготовленных экзаменаторов при проведении крупномасштабных тестирований). Соответственно важно ознакомить преподавателей с различными типами оценочных шкал (аналитических и холисти-

ческих), и особенностями их разработки и применения.

Наконец, такой важный концепт, как влияние теста на учебный процесс. Здесь необходимо осознавать важность того, что тестирувать нужно стремиться те способности учащихся, над разработкой которых вы работаете, а не те, которые легче поддаются измерению.

Итак, можно заключить, что ознакомление преподавателей с перечисленными аспектами тестирования позволит им понимать суть происходящего при тестировании, уметь разработать материал для применения в непосредственных классных/аудиторных условиях, а также оценить, насколько целесообразно использовать в своей практике материалы, подготовленные другими разработчиками. Как справедливо отмечалось в указанной нами статье: «Если студент должен получить общее представление о проблемах, связанных с применением тестового контроля в преподавании, то преподаватель, кроме этого, должен получить ответы на возникшие у него в практической работе вопросы. Такие, например, как “Почему мне не нравится этот тест?” “Почему результаты моего теста так расходятся с предполагавшимися?” “Какие из опубликованных тестовых материалов и в каких случаях лучше использовать?”. В конце концов, любой пользователь должен иметь инструмент, с помощью которого сможет оценить качество предлагаемой ему продукции, и любой преподаватель должен уметь эффективно контролировать ход обучения с помощью самостоятельно подготовленных тестовых заданий».⁴

Преподавателю важно понимать, что «правильный» тест должен быть конструктивным, надежен, позитивно влиять на учебный процесс, а также удобен и практичен в разработке и применении.

Вооружить его средствами, дающими возможность определить такой инструмент, должен курс, направленный на развитие тестовой грамотности.

Литература

1. Bachman L. F., Lynch B. K., Mason M. Investigating variability in tasks and rater judgements in a performance test of foreign language speaking //Language Testing. – 1995. – Т. 12. – №. 2. – С. 238-257.

2. Erickson G., Eberg-Bengtsson L., Gustafsson J. E. Dimensions of test performance in English as a foreign language in different European settings: a two-level confirmatory factor analytical approach // Educational Research and Evaluation. – 2015. – Т. 21. – №. 3. – С. 188-208.
3. Grigorko E. L., Sternberg R. J., Ehrman M. E. A Theory-Based Approach to the Measurement of Foreign Language Learning Ability: The Canal?F Theory and Test //The Modern Language Journal. – 2000. – Т. 84. – №. 3. – С. 390-405.
4. Kunnan A. J., Carr N. A comparability study between the General English Proficiency Test-Advanced and the Internet-Based Test of English as a Foreign Language //Language Testing in Asia. – 2017. – Т. 7. – №. 1. – С. 17.
5. Saito Y., Samimy K. K. Foreign language anxiety and language performance: A study of learner anxiety in beginning, intermediate, and advanced?level college students of Japanese // Foreign Language Annals. – 1996. – Т. 29. – №. 2. – С. 239-249.
6. Van Hell J. G., Dijkstra T. Foreign language knowledge can influence native language performance in exclusively native contexts // Psychonomic bulletin & review. – 2002. – Т. 9. – №. 4. – С. 780-789.
7. Воронова Е. Н. Современные технологии и методы обучения иностранному языку в вузе / / ПНиО. 2014. №1 (7). С.189-194
8. Муратова И.А. О конструктной валидности лингводидактических тестов// Социология, № 2, с. 173-176
9. Симкин В.Н. Основы тестологии в курсе повышения квалификации преподавателей иностранных языков. Преподаватель, М., 1998 Выпуск 4 (6), стр. 62
10. Цой Е.Д. Тестовый контроль в процессе изучения иностранного языка // Известия ВГПУ. 2011. №6. С.88-91
11. Черноморова О. Н. Индивидуально-психологические и возрастные особенности студентов при обучении иностранному языку // Известия ЮФУ. Технические науки. 2011. №10. С.143-150

Ссылки:

- 1 Симкин В.Н. Основы тестологии в курсе повышения квалификации преподавателей иностранных языков. Преподаватель, М., 1998 Выпуск 4 (6).
- 2 <https://www.youtube.com/user/cambridgeenglishtv>
- 3 Муратова И.А. О конструктной валидности лингводидактических тестов// Социология, № 2, с. 173-176
- 4 Симкин В.Н. Основы тестологии в курсе повышения квалификации преподавателей иностранных языков. Преподаватель, М., 1998 Выпуск 4 (6), стр. 62

Транспарентность образовательных систем и качество профессионального образования (на примере развития специальности «Автомехатроник»)

Синяговская М.Б., Аринушкина А.А.

В статье рассматриваются проблемы субстанциональных вызовов в контексте развития системы профессионального образования, идея транспарентности представлена в системе ключевых показателей (индикаторов) качества образовательных систем. Национальная рамка квалификаций связана с разработкой образовательных стандартов, ориентированных на обучение регламентов, представляющих собой нормативные конструкты для контроля качества образовательных процессов.

Ключевые слова: профессиональное образование, разработка образовательных стандартов, worldskills, рабочие специальности, автомехатроник, развитие компетенций и квалификаций.

Sinyagovskaya M.B., Arinushkina A.A.

Transparency of educational systems and quality of professional education (on the example of development of specialty «Avtomekhatronik»)
In the article the problems of the substantial challenges in the context of the development of the vocational education system, the idea of transparency is represented in the system of key indicators (indicators) of quality of educational systems. The national qualifications framework associated with the development of educational standards focused on teaching regulations, which is a normative constructs for quality control of educational processes.

Key words: vocational education, development of educational standards, worldskills, worker, automatronic, development of competences and qualifications.

Введение образовательных стандартов направлено на видоизмененное, ориентированное на результат управление системами образования и предназначено для повышения качества образовательных процессов (Altrichter H., Abs H. J., Bellmann J., Schweizer S., Thiel C.)¹.

Образовательные стандарты следуют за фундаментальными изменениями в условиях «переаспектирования» целей обучения: вместо прежних предметно-ориентированных целей образовательных процессов усиливаются требования, обосновывающие содержание составной и функциональным требованиям жизни и условий труда.

Учебные планы и учебные программы должны быть ориентированы таким образом, на те компетенции, которые рассматриваются как центральные для ориентации в постоянно меняющихся профессиональных условиях «труда и жизни» («Arbeits- und Lebenswelt»²) и для расширения возможностей их участия. Достижение соответствующего («entsprechendes») уровня развития компетенций составляет одновременно и ключевые показатели (индикаторы) качества образовательных систем.

Введение компетентностно-ориентированного подхода может быть связано с тем, что процессы в системе образования и результаты обучения («Lernergebnisse») в различных сегментах становятся индикаторами, увеличивающими транспарентность и «проницаемость»³ / прозрачность внутри системы образования.

В какой степени профессиональное образование в контексте соответствия требованиям Outcome-системы⁴ (системы, ориентированной на результат) в перспективе позволяет подготовить специалиста? Отражает ли такое профессиональное образование требования эквивалентности, либо в данном случае представ-

ляет собой субстанциональный вызов? Так, например, немецкая рамка квалификаций позволяет создавать общую образовательно-социальную основу, направленную на компоненты компетентности, где образовательные стандарты, ориентированные на обучение регламенты, представляют собой нормативные конструкты для контроля качества образовательных процессов.

В послании Федеральному Собранию 4 декабря 2014 года Президентом Российской Федерации дано поручение, направленное на развитие системы подготовки рабочих кадров: «К 2020 году как минимум в половине колледжей России подготовка по 50 наиболее востребованным и перспективным рабочим профессиям должна вестись в соответствии с лучшими мировыми стандартами и передовыми технологиями...». В России направление развития современного образовательного контента обусловлено изменениями не только профессиональной среды, отраженной в нормативных документах и фундаментальных и прикладных исследованиях в области педагогики, но и популяризацией роли рабочих специальностей. Так, в 2017 году приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 13.03.2017 № 275н был утвержден профессиональный стандарт «Специалист по мехатронным системам автомобиля», которому предшествовали Приказ Минтруда России от 28.10.2014 N 812н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по мехатронике в автомобилестроении» и Приказ Минтруда России от 13.10.2014 N 715н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по мехатронным системам автомобиля» (Зарегистрировано в Минюсте России 17.11.2014 N 34742). Границы и направления развития компетенций по специальности «Автомехатроник» прослеживаются в конкурсных заданиях Чемпионата WorldSkills International⁵ и определены регламентами чемпионата рабочих профессий World Skills Russia⁶ (в области автомеханики, в частности по проведению работ, связанных с диагностикой, ремонтом и обслуживанием автомобилей – компетенции №33). (WSI tr. «Manufacturing and engineering» - Mechatronics).

Рассматривая отраслевые аспекты кадрового, методического и профориентационного обеспечения подготовки рабочих кадров и спе-

циалистов среднего звена, отметим выделение специальности «Автомехатроник в автомобилестроении» Национальным агентством развития квалификаций⁷, которым для актуализации ФГОС, ПООП, разработки нормативного и методического обеспечения использования НОК для итоговой аттестации, организации повышения квалификации педагогов, формирования информационных ресурсов, направленных на повышение престижа рабочих профессий, совместно с СПК отобрана и согласована с Минтрудом России 21 профессия из Справочника профессий.⁸

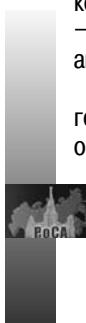
В части научных достижений реализации «новелл» учебного плана в контексте развития транспарентности образования, значимые исследования представлены на основе результатов диагностики компетенции и формирования межсекторального анализа и подходов к описанию, признанию и зачету компетенций.

Модификация образовательных процессов, вызванная изменением профессиональной среды в сторону ее «усложнения», привела к изменению уровня компетенций и профессиональной подготовки с точки зрения «входного контроля»: необходим уровень бакалавра для возможного получения специальности «автомехатроник». В России и за рубежом, учреждения СПО не могут обеспечить должную подготовку и условиях развития компетенций по ряду рабочих квалификаций (IT, мехатроник, автомехатроник). Возможные сценарии развития образовательных процессов в данном контексте могут быть следующими:

1. «выvesti» квалификацию из системы СПО
2. разделить на уровни квалификацию (например, разрядность).

Для мехатроника и автомехатроника недостаточно уровня знаний, который он может получить в колледже, это связано с тем, что должен быть априори высокий уровень технических знаний.

Таким образом, для повышения качества образования на практике необходимы дополнительные элементы: регулярный учет результатов обучения или компетенций, обеспечение устойчивости заявленных педагогических эффектов в процессе реализации программы и предварительного планирования развития компетенции, также разработка и реализация практических мероприятий, направленных на совер-

шествование образовательных процессов. Эти шаги должны сопровождаться профессиональной помощью, отраженной в результатах фундаментальных и прикладных исследований в области профессионального образования.

Литература

1. Altrichter H. Governance–Steuerung und Handlungskoordination bei der Transformation von Bildungssystemen //Governance im Bildungssystem. – Springer Fachmedien Wiesbaden, 2015. – С. 21-63.
2. Abs H. J. et al. (ed.). Governance im Bildungssystem: Analysen zur Mehrebenenperspektive, Steuerung und Koordination. – Springer-Verlag, 2014. – Т. 26.
3. Bellmann J., Schweizer S., Thiel C. Nebenfolgen Neuer Steuerung unter Bedingungen von „low-stakes“ und „no-stakes“ –Qualitative und quantitative Befunde einer Untersuchung in vier Bundesländern //Steuerung im Bildungssystem. – 2016. – С. 208.
4. Schneeweis S., Steiner K., Stark M. Paper 3.6-Bildungsangebote und der Kompetenzbegriff /Book of Abstracts. – 2014.
5. Oesch D. Potenzielle und realisierte Durchlässigkeit in gegliederten Bildungssystemen: Eine lokalstrukturelle Übertrittsanalyse in zwei Schulsystemen. – Springer-Verlag, 2017.
6. Däggeli A., Oesch D. Vergleichende Betrachtungen zur Nutzung der Durchlässigkeit in Bildungssystemen: Die Kategorisierung von Anschlusslösungen beim Übergang in die nachobligatorische Ausbildung //Tertium Comparationis. – 2016. – Т. 22. – №. 2. – С. 175.
7. Mengel T. Outcome-based project management education for emerging leaders –A case study of teaching and learning project management //International Journal of Project Management. – 2008. – Т. 26. – №. 3. – С. 275-285.
8. <http://www.worldskills.org>
9. <http://worldskills.ru/>
10. <https://nark.ru/>
11. http://center-prof38.ru/sites/default/files/one_click/8_klink.pdf
12. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 13.03.2017 № 275н об утверждении профессионального стандарта «Специалист по мехатронным системам автомобиля»
13. Приказ Минтруда России от 28.10.2014 N 812н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по мехатронике в автомобилестроении»
14. Приказ Минтруда России от 13.10.2014 N 715н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по мехатронным системам автомобиля» (Зарегистрировано в Минюсте России 17.11.2014 N 34742).

Ссылки:

- 1 Altrichter H. Governance–Steuerung und Handlungskoordination bei der Transformation von Bildungssystemen //Governance im Bildungssystem. – Springer Fachmedien Wiesbaden, 2015. – С. 21-63.
- Abs H. J. et al. (ed.). Governance im Bildungssystem: Analysen zur Mehrebenenperspektive, Steuerung und Koordination. – Springer-Verlag, 2014. – Т. 26.
- Bellmann J., Schweizer S., Thiel C. Nebenfolgen Neuer Steuerung unter Bedingungen von „low-stakes“ und „no-stakes“ –Qualitative und quantitative Befunde einer Untersuchung in vier Bundesländern //Steuerung im Bildungssystem. – 2016. – С. 208.
- Schneeweis S., Steiner K., Stark M. Paper 3.6-Bildungsangebote und der Kompetenzbegriff /Book of Abstracts. – 2014.
- Oesch D. Potenzielle und realisierte Durchlässigkeit in gegliederten Bildungssystemen: Eine lokalstrukturelle Übertrittsanalyse in zwei Schulsystemen. – Springer-Verlag, 2017.
- Däggeli A., Oesch D. Vergleichende Betrachtungen zur Nutzung der Durchlässigkeit in Bildungssystemen: Die Kategorisierung von Anschlusslösungen beim Übergang in die nachobligatorische Ausbildung //Tertium Comparationis. – 2016. – Т. 22. – №. 2. – С. 175.
- Mengel T. Outcome-based project management education for emerging leaders –A case study of teaching and learning project management //International Journal of Project Management. – 2008. – Т. 26. – №. 3. – С. 275-285.
- [5 http://www.worldskills.org](http://www.worldskills.org)
- [6 http://worldskills.ru/](http://worldskills.ru/)
- [7 https://nark.ru/](https://nark.ru/)
- [8 http://center-prof38.ru/sites/default/files/one_click/8_klink.pdf](http://center-prof38.ru/sites/default/files/one_click/8_klink.pdf)

Ценностные ориентиры, формирующие привлекательность получения военной специальности в гражданском вузе (на примере вузов Дальнего Востока)

Сокол Л.Н.

Ценностные ориентации образуют высший уровень социального регулирования, определяющий выбор жизненных стратегий, в том числе сферы профессиональной деятельности. Выбор военной профессии требует особого ценностно-мотивационного профиля, в котором существенную роль играют ценности воинской чести, долга, патриотизма, дисциплины. В современной системе военного образования в РФ помимо военных вузов военную специальность можно получить в учебных военных центрах (УВЦ) при гражданских вузах. Для выявления специфики ценностно-мотивационной структуры обучающихся в УВЦ был проведен социологический опрос среди студентов УВЦ при дальневосточных вузах. Хотя военно-корпоративные ценности и мотивы сохраняют свою значимость, более важными для студентов УВЦ являются профессионально-достижительные мотивы и ценности. Основными мотивами выбора военной специальности среди студентов младших курсов стали интересная и престижная профессия (55%), желание стать офицером (47%) и защита Отечества (37%), среди студентов старших курсов: интересная и престижная профессия (52%), желание стать офицером (38%), материальное благополучие (34%) и получение конкретной специальности (33%). Приоритетными жизненными ценностями в обеих группах стали семья и дружба, самореализация и престижная профессия. Таким образом, студенты УВЦ отличаются как от курсантов военных вузов, так и от остальных студентов, образуя самостоятельную группу, причем по мере профессиональной социализации наблюдается сдвиг в сторону более рациональных мотивов.

Ключевые слова: военное образование, учебный военный центр, ценности, мотивация, жизненные стратегии, студенты, курсанты

Sokol L.N.

Value orientations affecting attractiveness of military education in civil universities (an example of Far-East higher education institutions)
Value orientations are at the top of the social regulation system affecting the choice of individual's life-strategy and profession. The choice of military profession is based upon a specific set of values and motives including honor, duty, patriotism, and discipline. In contemporary Russian military education system, there are two main institutions: military institutions and military training centers (MTC) in civil universities. A sociological survey among Far-East MTC students was conducted to identify specific values and motives of this social group. The survey showed that MTC students differ from both the military institutions cadets and civil universities students. Whereas military-related values are important for MTC students, they are more motivated by professional and achievement-related values and motives. According to the survey, the choice of military profession among the junior MTC students is primary motivated by the interesting and prestigious profession (55% of all the respondents), the wish to become a military officer (47%), and defense of Motherland (37%). Intern, the senior students' choice is largely determined by the interesting and prestigious profession(52%), the wish to become an officer (38%), material well-being (34%) and achieving specific qualification (33%). Private values (family and friendship), self-realization and prestigious profession are among the highest priorities for both groups. It is concluded that the MTC students are a special social group with the unique value and motivation profiles. It is also concluded that their professional motivation evolves during professional socialization and becomes more rational and pragmatic.

Keywords: military education, military training center, values, motivation, life-strategy, students, cadets

В социологической теории ценности рассматриваются как высший уровень социальной регуляции как в структуре личности, так и в социальной системе в целом [4; 6]. Ценности формируют личные мотивации и установки, определяют жизненные приоритеты и стратегии, отличаясь при этом высокой степенью устойчивости как на индивидуальном, так и социальном уровне. Одним из важнейших направлений влияния ценностей является выбор сферы профессиональной деятельности.

В социальной структуре современного российского общества военные институты занимают верхние ступени, представляя собой привлекательные каналы социальной мобильности для молодых людей. Опросы ВЦИОМ показывают, что социально-профессиональная роль офицера в общественном сознании ассоциируется с высокими морально-этическими качествами и доверием со стороны населения [2]. Реформа Вооруженных Сил РФ и значительная поддержка со стороны государства привели к росту престижа военных институтов и военной службы в 2005 – 2016 гг. [7, с. 103-105]. Рост престижности военной службы во многом связан с модернизацией и ростом боеспособности ВС РФ, а также повышением материального благосостояния военнослужащих.

Важной особенностью военных институтов в целом и военного образования, в частности, определяющей их роль в социальной структуре общества, является высокая значимость не только профессиональных и экономических, но и ценностных, этических факторов, обобщаемых понятием «служения» как необходимого элемента ценностно-мотивационной структуры личности военнослужащего, и в особенности офицера [2]. Несмотря на профессионализацию ВС по мере перехода на контрактную систему, набор ключевых ценностей, таких как патриотизм,

честь, долг, чувство товарищества, дисциплина, верность, честность и др., играют ключевую роль в формировании нормативно-ролевой модели офицера и закреплены в том числе в воинских уставах.

Это, в частности, означает, что, в отличие от большинства других социальных институтов, ценностный аспект интегрирован в функционирование институтов военного образования в гораздо большей степени. Такая интеграция носит двойкий характер: во-первых, с точки зрения институциональной селекции, то есть, механизмов отбора обучающихся, обладающих соответствующим ценностно-мотивационным профилем, а во-вторых, с точки зрения результатов функционирования института, то есть, формирования и закрепления соответствующей ценностной модели.

Такая особенность института военного образования не является уникальной для России. Например, образовательная миссия ведущего высшего военного учебного заведения США, Академии Вест-Пойнт, включает в себя развитие личностных качеств, соответствующих «ценостям Долга, Чести и Нации», а в структуре подготовки разработана специальная программа развития и закрепления этих личностных качеств, так называемая «Золотая книга» [11]. Ценностные характеристики признаны значимым фактором результативности военного обучения в том числе в гражданских вузах США, в т.н. Корпусе подготовки офицеров запаса ROTC [9; 10; 12]. Таким образом, можно предположить, что специфические ценностные ориентиры внутренне присущи институту военного образования, а материальные мотивы не являются доминирующими для лиц, ориентированных на получение военной профессии.

Действительно, исследование Социологического центра Министерства обороны РФ, проведенное в 2014 гг. среди курсантов военных вузов МО, показало, что материальное благополучие находится лишь на 6 месте в иерархии мотивов выбора военной профессии, тогда как доминируют военно-профессиональные и статусно-ролевые мотивы: желание стать офицером (75%), причастность к защите Отечества (34%), желание стать грамотным специалистом (26%) и др. [8]. В качестве доминирующих ценностей курсанты выпускных курсов называли воинскую честь и достоинство (53%), интерес-

ную профессию, позволяющую реализовать жизненные потребности (49%) и возможность получить перспективную специальность (49%), что также можно интерпретировать как комбинацию статусно-ролевых, самореализационных и достижительных элементов ценностно-мотивационной структуры.

Приведенные данные подтверждают наличие институционально-специфических ценностно-мотивационных структур будущих офицеров. Вместе с тем необходимо отметить, что приведенные данные относятся к курсантам высших учебных заведений Министерства Обороны РФ и характеризуют, прежде всего, жизненные стратегии и ценности молодых людей, целенаправленно выбирающих военную карьеру и напрямую идентифицирующих себя с военными институтами. Однако современная система высшего военного образования, действующая в России, включает в себя и другой институт получения высшего военного образования – учебные военные центры (УВЦ) при гражданских вузах.

Такие центры начали создаваться на базе военных кафедр с 2008 г. при крупных федеральных вузах в рамках проводимой реформы системы военного образования. Студенты гражданских вузов проходят подготовку в УВЦ по наукоемким специальностям и заключают контракт с МО РФ после окончания учебы, а не при поступлении, как курсанты военных вузов. Сам процесс обучения в большей степени соответствует стандартам гражданского вуза, а повседневная жизнь не сильно отличается от жизни других студентов. В ряде вузов также сохранилось обучение на военных кафедрах, после которых студенты получают звание офицеров запаса и не обязаны заключать контракт на прохождение военной службы. Объем обязательств студента по отношению к требованиям военной подготовки в данном случае еще меньше.

Иными словами, военная подготовка в военном и гражданском вузе проходит в существенно различающихся институциональных условиях. Это приводит к закономерному вопросу: отличается ли ценностно-мотивационная структура студентов гражданских вузов, обучающихся в них военной специальности, от курсантов «полнозначимых» военных учебных заведений.

Современные студенты гражданских вузов являются социальной группой с высокой степе-

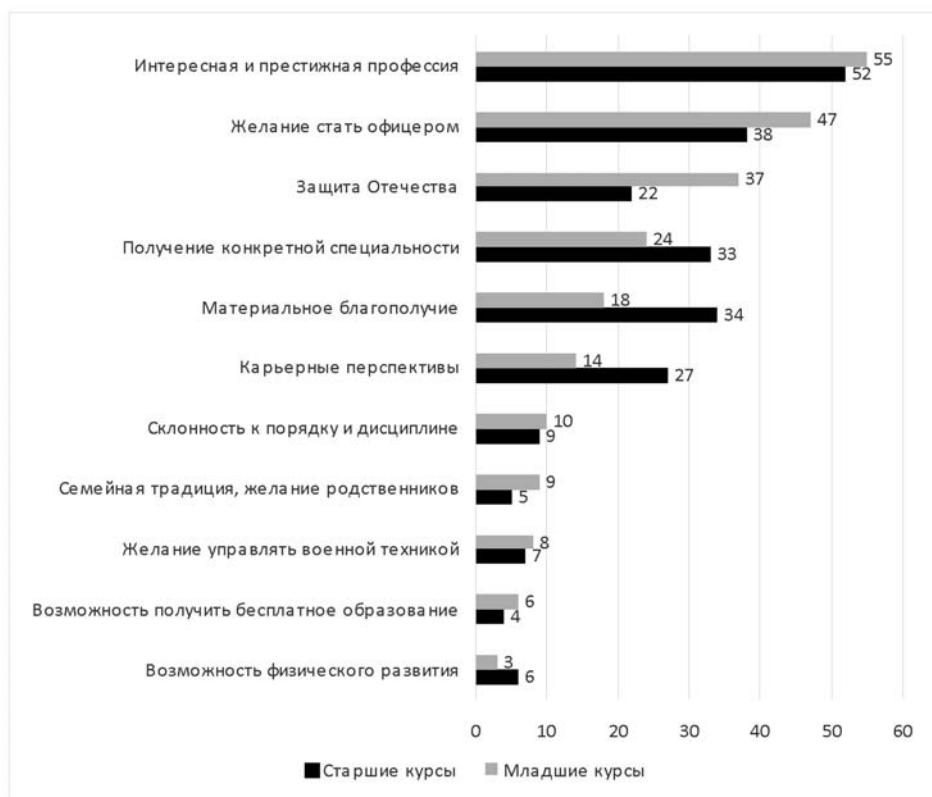
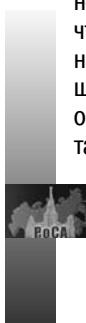

Рис. 1. Мотивы выбора военной специальности студентами дальневосточных УВЦ, % от общего числа респондентов (респонденты могли выбрать до трех вариантов ответа)

нью неоднородности. Социологические исследования показывают значительное разнообразие жизненных приоритетов, мотивов и ценностей, их динамичный характер (см., напр. [1; 3; 5]). В ряде исследований отмечается доминирование у студентов ценностей личной жизни, тогда как общегуманитарные и общественные ценности (патриотизм, свобода и др.) играют существенно меньшую роль [5]. Отмечается также значительный рост ценностей самореализации за последнее десятилетие, что может быть признаком изменения жизненных стратегий и отношения к образованию не только как к каналу социальной мобильности, но и способу личностного развития. То есть, можно заключить, что курсанты военных вузов и студенты обычных гражданских вузов представляют собой существенно различающиеся социальные группы, обладающие разными жизненными приоритетами и ценностями.

Студенты, получающие высшее военное образование в гражданском вузе, являясь своего рода «промежуточным звеном» между двумя названными группами, представляют тем самым особый интерес для социологического изучения. С целью изучения мотивационно-ценостной сферы данной группы нами был проведен социологический опрос студентов УВЦ трех дальневосточных вузов. В частности, нами была сформулирована общая гипотеза, согласно которой с точки зрения ценностно-мотивационного профиля, студенты УВЦ занимают промежуточное положение между курсантами вузов и студентами гражданских вузов. Более конкретно, мы предполагаем, что военно-корпоративные ценности, связанные со статусом офицера, играют заметную роль в мотивации студентов, однако не являются основополагающими. Мы полагаем, что данная социальная группа ориентирована в большей степени на воен-

но-профессиональные мотивы и ценности, связанные с достижениями. То есть, отказ от военного вуза в пользу УВЦ может быть связан со стремлением получить уникальный набор знаний и компетенций, способствующий не только материальному благополучию, но и самореализации. При этом, можно предположить, что самоидентификация студентов УВЦ с военной сферой не является доминирующей и студенты стремятся оставить себе более широкий простор для выбора жизненных стратегий в будущем.

В качестве альтернативной гипотезы, можно предположить, что студенты выбирают УВЦ вынужденно, из-за отсутствия возможностей поступления в военный вуз (отсутствие в регионе подходящего вуза, непрохождение конкурсного отбора и т.п.). В этом случае их ценностно-мотивационный профиль будет аналогичен ценностям и мотивами курсантов вузов МО РФ.

Социологический опрос проводился с использованием квотной выборки в сентябре-ноябре 2017 г. среди студентов трех дальневосточных УВЦ. Опрос студентов УВЦ стал частью более широкого социологического исследования, посвященного военной подготовке в гражданских вузах. Размер выборки составил 120 чел. В качестве критерия квотирования выступал курс обучения: младшие (1-2) курсы и старшие. В рамках квоты проводился сплошной опрос отдельных учебных групп. Хотя региональный срез исследования ограничивает возможности генерализации выводов, объем выборки обеспечивает высокую степень достоверности результатов.

В целях сопоставимости, в анкету были включены вопросы, позволяющие сравнить ценностно-мотивационный профиль студентов УВЦ и курсантов вузов МО. На вопрос о мотивах выбора военной специальности были получены следующие ответы (рис. 1):

Для измерения базовых жизненных ценностей студентам был также задан вопрос «Что Вы считаете самым важным в жизни?». Студентам было предложено оценить по 7-балльной шкале значимость следующих ценностей: «престижная профессия», «семья и дружба», «Долг и Честь», «служение Родине», «обеспеченность», «самореализация», «свобода», «здоровье», «творчество», «успех», «стабильность», «вера», «развлечения».

Результаты опроса показали высокую значимость большинства приведенных в списке ценностей. Тем не менее, использование 7-балльной шкалы позволило достаточно дифференцировать ответы, чтобы составить иерархию ценностей студентов УВЦ.

Своими главными ценностными приоритетами студенты считают семью и дружбу (6,4 балла), самореализацию (6,2 балла) и престижную профессию (6,1 балла), к числу наименее значимых, по самооценке респондентов, относятся «стабильность» (3,8 балла) и развлечения (2,7 балла). Ценности, имеющие ключевое значение для нормативно-ролевой модели офицера, заняли промежуточное положение: средняя оценка важности ценности «Долг и Честь» составила 5,6 балла, «служение Родине» – 5,2 балла. Различие между студентами младших и старших курсов в оценке значимости жизненных приоритетов оказалось несущественным, что, возможно, отражает более устойчивый характер базовых ценностей в сравнении с более частными мотивами выбора военной профессии.

В совокупности, результаты опроса соответствуют основной гипотезе исследования. В мотивационно-ценостной структуре курсантов УВЦ военно-корпоративные мотивы играют заметную роль, однако выражены не так явно, как у курсантов военных вузов. Более важное значение для них имеют мотивы, связанные с профессиональным развитием и самореализацией. Ценностные ориентации частной жизни имеют столь же важную роль, как и для студентов гражданских вузов, однако в отличие от последних студенты УВЦ более ориентированы на профессиональную деятельность и патриотические ценности. Альтернативная гипотеза, согласно которой студенты УВЦ выбирают эту форму получения военной профессии только из-за того, что не имеют возможность поступить в военный вуз, не подтвердилась.

Характерной является динамика ценностно-мотивационной структуры, непосредственно связанной с выбором военной специальности. Полученные данные позволяют заключить, что по мере профессиональной социализации мотивация студентов УВЦ становится более pragматичной и рациональной, они начинают рассматривать свое обучение с точки зрения не только базовых ценностей, но и с точки зрения их интеграции в жизненные стратегии.

Суммируя, можно заключить, что студенты, получающие военную специальность в гражданском вузе, образуют особую социальную группу, характеризующуюся ценностно-мотивационным профилем, который отличает их как от курсантов военных вузов, так и от «обычных» студентов. Если курсанты военных вузов обладают ярко выраженной военной идентичностью, то для студентов УВЦ она носит более размытый характер. Для них важнее само содержание профессии и связанные с профессиональной деятельностью преимущества, тогда как военные институции носят скорее инструментальный характер, а такие ключевые элементы нормативно-ролевой модели офицера как воинская честь, патриотизм и дисциплина, хотя и принимаются, но не играют безусловно доминирующую роль, как у курсантов военных вузов.

Выводы, полученные в ходе настоящего исследования, конечно, необходимо интерпретировать с определенной осторожностью. Региональный фокус исследования не позволяет на-прямую генерализовать полученные результаты на всех студентов, получающих военную специальность в гражданских вузах. Необходимы дальнейшие исследования, чтобы оценить влияние регионально-специфичных факторов на ценностно-мотивационный профиль студентов УВЦ.

Литература

1. Ермоленко Н.А., Низовкина Е.Н. Современный студент: ценностные ориентации // Труды РГУПС. – 2013. – №3. – С.40-44.
2. «Есть такая профессия – Родину защищать» / ВЦИОМ, пресс-выпуск №3042. – 19.02.2016. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115588>.
3. Макарова Н.Г. Изучение потребностей и ценностных ориентаций современного студента: факторный анализ // EuropeanSocialScienceJournal. – 2015. – №1-1. – С. 284-291.
4. Парсонс Т. Социальная система / Парсонс Т. О социальных системах. – М.: Академический проект, 2002. – С. 73-520.
5. Саганенко Г.И., Гегер А.Э. Сравнение ценностных ориентаций студентов на интервале в 10 лет: вопросы методологии и результаты // Высшее образование в России. – 2016. – №12. – С.22-33.
6. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция / Под ред. В.А.Ядова. – М.: ЦСПиМ, 2013.
7. Общественное мнение – 2016. М.: Левада-Центр, 2017.
8. Стать офицером – главный приоритет современного курсанта [Электронный ресурс]/ Социологический центр МО РФ. – Режим доступа: http://ens.mil.ru/science/sociological_center/army_in_numbers/more.htm?id=11933494@cmsArticle(дата доступа 21 ноября 2017).
9. Kreft N., Stoltzfus H., Tse L.M., Markham R.L. The perspective of college seniors in ROTC on becoming a commissioned officer [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://digitalcommons.cedarville.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1114&context=research_scholarship_symposium (дата доступа 21 ноября 2017).
10. Thomas J.L., Dickson M.W., Bliese P.D. Values predicting leader performance in the U.S. Army Reserve Officer Training Corps Assessment Center: evidence for a personality-mediated model // The Leadership Quarterly. 2001. Vol.12. Pp.181-196. Doi: 10.1016/S1048-9843(01)00071-6.
11. United States Military Academy: Character Program (Gold Book). – USMA, 2015.
12. Whittenberger K. We were cadets: ROTC Socialization vs. self-selection in the development of Army officers. – Ohio: The Ohio State University, 2006.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Образ Ленинграда в повести «На берегах Малой Юконды» М.П. Вахрушевой

Динисламова С.С.

В статье рассматривается образ города Ленинграда в повести М.П. Вахрушевой «На берегах Малой Юконды». Имя Матрены Панкратьевны стоит у истоков мансийской литературы. Перу автора принадлежат несколько стихотворений на мансийском и русском языках и повесть «На берегах Малой Юконды» (1949). Повесть автобиографична, состоит из маленьких историй, каждая из которых имеет свою тему. Объединяет все части образ центральной героини – девушки Моти из далеких берегов реки Малая Юконда. Цепочка основных и значимых событий в жизни героини повести происходит в разных местах: берег Юконды, деревня Хармпавыл, города – Ханты-Мансийск и Ленинград. Восприятие городов связано с историко-культурным контекстом эпохи. Для героини М.П. Вахрушевой Ленинград – это город сказки, город мечты, Город-герой. Несмотря на то, что первые годы ее жизни в Ленинграде пришлись на военные блокадные дни и на послевоенное время – эти невзгоды не смогли разрушить в ее сознании то, что Ленинград – это подлинная культурная столица для всех представителей коренных малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: Матра Вахрушева, мансийская литература, образ города, Ленинград, кондинские манси.

Dinislamova S.S.

The image of Leningrad in the story «On the banks of the Malaya Yukonda» by M.P. Vakhrusheva

The article considers the image of the Leningrad city in the story of M.P. Vakhrusheva «On shore of Small Yukonda.» The name of M.P. Vakhrusheva is at the origin of Mansi literature. It is the author of several poems on Mansi and Russian languages and the story «On the banks of the Malaya Yukonda» (1949). The story is autobiographical and consists of short stories and all of them has its own theme. The image of the main character – the young woman Motya and far banks of the Malaya Yukonda River units all these stories. The chain of main and significant events in the life of the heroine of the story takes place in different locations: the bank of the Yukonda River, the village Kharmpavyl, the town Khanty-Mansiysk and the city Leningrad. The perception of images of cities is connected with historical-cultural context of the epoch.

For the heroine Leningrad is the city of fairytale, the city of dream, and the city-hero. Despite the fact that the first years of her life she spent firstly in besieged Leningrad and in the postwar period, these hardships could not destroy in her mind the fact that Leningrad is a true cultural capital for all indigenous peoples of the Far North, Siberia and the Far East. In the story, conveying her emotions, her love to the city, M.P. Vakhrusheva shows recognizable architecture of the city: the Palace Bridge, Universitetskaya Embankment, the building of the Leningrad University, the Winter Palace, etc. In native literature M.P. Vakhrusheva is the first author who turned to the theme of the city.

Key words: Vakhrusheva Matra, Mansi literature, the image of the city, Leningrad, the Konda Mansi.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры в рамках научного проекта № 17-14-86002.

К письменному периоду мансийской литературы относятся авторские произведения, которые своим зарождением обязаны 30-м годам XX века. Первые литературные опыты принадлежат представителям кондинских манси. У истоков мансийской литературы стоят имена П.К. Чайметова (автор одного рассказа – «Два охотника», 1940), М.А. Казанцева (автор одного рассказа – «Рассказ о себе», 1949), М.П. Вахрушевой (автор нескольких стихотворений на мансийском и русском языках, стихотворения на русском языке изданы в коллективном сборнике «Хантыйская и мансийская поэзия» (1940); автор одной повести – «На берегах Малой Юконды», 1949). Повесть создана на кондинском диалекте мансийского языка, на русский язык переведена Г.С. Гором и А.Н. Баландиным. Повесть автобиографична, в ней рассказывается о судьбе девушки по имени Мотя (Матрена) с берегов Малой Юконды, для которой первым ключевым событием, заставившим ее иными глазами взглянуть на мир, стала встреча со школой. М.П. Вахрушева обстоятельно прослеживает путь своей героини: от школы до института. Автобиографические детали в произведении не изменены и не выдуманы, соблюдается хронология событий, что позволяет рассматривать ее не только интересным мемуарным свидетельством, но и зеркалом эпохи, отразившим действительность. Тематика повести связана с жизнью самого автора, с ее радостями, волнениями, переживаниями, горем. Каждая из маленьких историй в произведении имеет свою тему и заканчивается либо констатацией фактов, либо нотками радости и счастья. Цепочка основных и значимых событий в жизни мансийской девушки происходит в разных местах: это и берег

Юконды, и деревня Хармпавыл, и города – Ханты-Мансийск и Ленинград.

Обращаясь к теме «Образ Ленинграда в повести «На берегах Малой Юконды» М.П. Вахрушевой» прежде отметим, что в мансийской литературе первой изобразила городскую среду М.П. Вахрушева, ее по праву можно назвать первым автором, обратившейся к теме города. В своей повести она восторженно пишет о двух городах: Ханты-Мансийске и Ленинграде, в которых проходила курсы обучения ее главная героиня. Восприятие городов, конечно же, связано с историко-культурным контекстом эпохи. Приведем основные события биографии М.П. Вахрушевой: родилась в 1918 году, место ее рождения – село Карым (Харымпавыл) Кондинского района, семья была многодетной, дети воспитывались в традиционных условиях. Обучаясь в школе, начиная с 1927 года, М.П. Вахрушева с большой старательностью занималась в драматическом кружке, участвовала в школьных спектаклях. После окончания школы она приехала в Ханты-Мансийск, училась в педагогическом училище. Город только начинал строиться и для девушки, выросшей в глухом селе, городская жизнь напоминала сказку. Об этом она в дальнейшем напишет в своей повести. В годы учебы в Ханты-Мансийском педагогическом училище под руководством педагогов-наставников И.С. Гудкова и В.В. Сенкевич, как и многие другие учащиеся, М.П. Вахрушева собирала фольклорный и этнографический материал и пробовала силы в литературном творчестве. После завершения учебы в Ханты-Мансийске М.П. Вахрушева по направлению училища едет учиться в Ленинградский институт народов Севера. Когда она училась на третьем курсе, началась Великая Отечественная война, девушка пережила блокаду, защищала вместе с ленинградцами город, образование смогла продолжить после 1947 года. Училась на Северном факультете Ленинградского университета имени А.А. Жданова, с 1949 года (год создания повести «На берегах Малой Юконды») стала преподавать родной мансийский язык в университете.

В мансийской литературе М.П. Вахрушева – первый автор, обратившийся к теме города. Последователем – продолжателем данного опыта можно смело назвать Ю. Шесталова. Ю. Шесталов приходит в литературу в середине

1950-х годов, к этому времени повесть М.П. Вахрушевой уже издана. Более того, Ю. Шесталов учится в Ленинградском университете, лично знаком с автором, знаком с А.Н. Баландиным – литературным наставником М.П. Вахрушевой, в дальнейшем – наставником Ю. Шесталова. Образ города на Неве в творчестве Ю. Шесталова нами уже рассматривался, исследуя данный образ в повести М.П. Вахрушевой, мы находим преемственные связи в творчестве двух авторов, также в их произведениях прослеживается динамичность образа. Справедливо в данном случае высказывание О.И. Лыткиной, что «Изучение образов страны и народа не сводится только к изучению застывших мифов и стереотипов, поскольку образ/текст/концепт/миф динамичен, меняется вместе с самой действительностью. Однажды созданный, он не отменяется последующим, а продолжает работать на восприятие читателя, просвечивая сквозь новый. Вот почему изучение топосных текстов/концептов/мифов/образов будет иметь важное значение, несмотря на степень их изученности» [1]. О.И. Лыткина в своей статье рассматривает типологию топосных сверхтекстов в русской языковой картине, в частности говорит и о Петербургском тексте. Ленинград – «кузница кадров» для коренных малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока – в своей истории имел несколько названий. Т.о. нами рассматривается вклад в Петербургский текст одного из первых авторов в мансийской литературе, и эти страницы так же ценные и значимы, как страницы других авторов, например, А.С. Пушкина, А.А. Блока, Ф.М. Достоевского. Значимость вклада любого автора подчеркивает и высказывание Н.М. Меднис: «Существование внутри Петербургского текста отдельных больших и малых сегментов ни в коем случае не означает, что сверхтекст этот внутренне рыхл и держится как целое лишь на суммарности его составляющих. Напротив, все доселе сказанное с несомненностью показывает, что объемный Петербургский сверхтекст русской литературы целостен и отмечен большой силой внутренних скреплений, хотя, вместе с тем, он динамичен и, видимо, незавершим» [2]. Действительно, каждый из авторов Петербургского текста видит город по-новому и замечает то, чего раньше не видели другие. Исследуя творчество Ю. Шесталова мы отмечали, что писателем-манси

показан город, увиденный глазами северянина, который воплотился с одной стороны вполне конкретным городом с узнаваемой архитектурой: гранитными набережными, мостами, Эрмитажем, каменными сфинксами, с другой стороны – это город-Учитель, город пробуждения, город юности. Писатель неспеша ведет свой монолог с городом, доверяет ему сокровенные думы. Он признается в неприятии городской среды, но ищет пути примирения. Встретив возлюбленную, вмиг исчез негатив окружающей действительности и Ленинград показался понятным и родным. Через атрибуты города Ю. Шесталов умело передает состояние счастья своего героя.

Теперь рассмотрим, каким предстал город Ленинград перед героиней М.П. Вахрушевой – девушкой Мотей – чье детство и юность прошли в глухом таежном селе. После завершения учебы в Ханты-Мансийском педучилище Мотя отправляется в Ленинградский институт народов Севера. Она с грустью расставается со своими родными местами, ее тревожит еще неизвестное будущее. Путь в город Ленинград из Тюменского Севера был долгим и трудным: «Сначала плыла я на своей осиновой лодочке, потом на катере плыла, затем на пароходе, а с парохода вышла и села в поезд.

Поезд шел с Дальнего Востока. Много пассажиров возвращалось домой из разных экспедиций. Но меня этот поезд привез в будущее. Так мне хочется назвать и Ленинград с его улицами, и Институт народов Севера, где под одной крышей собирались юноши и девушки двадцати языков и наречий» [3, 16].

Не зря беспокоилась героиня М.П. Вахрушевой, ее первый приезд в город Ленина был недолгим. Довоенный период жизни в Ленинграде составил лишь два года. Началась Великая Отечественная война. Во время

войны вместе с ленинградцами Мотя пришлось пережить самые трудные месяцы блокады. Она вместе с другими жителями блокадного города копала окопы, дежурила на крыше, тушила зажигалки, работала в госпитале. О блокадном времени героиня вспоминает: «От дней, о которых я сейчас рассказываю, отделяют меня суровые годы, и многих из тех, чьи громкие, веселые голоса звучали в коридорах института, нет уже в живых. Всех лучших своих юношей, смелых стрелков, неутомимых лыжников, по-

слал институт защищать город Ленина, счастье и независимость любимой Родины» [3, 17]. Мотя, вместе с другими блокадниками, эвакуировали из города в феврале 1942 года, вернулась в Ленинград и продолжила образование в 1947 году.

В повести городу посвящается глава под названием «Путь в большую жизнь». Называя город – «Городом сказки», «Городом мечты», «Городом-героем», глазами героя читателю открывается послевоенный Ленинград, который еще не успел оправиться после тяжелых лет войны. То здесь, то там стоят некрашеные здания с обвалившейся штукатуркой. В некоторых местах окна забиты фанерой, и видны на стенах пробоины и глубокие царапины от осколков бомб и снарядов. Но героиня радуется новой встрече с городом юности: «Впередонки с ветром мчусь я на автобусе по твоим прямым, просторным, светлым, но чуть-чуть унылым улицам.

Вот и Васильевский остров: Нева, Дворцовый мост, Университетская набережная и совсем рядом, немного влево – здание Ленинградского университета, а в нем – Северное отделение. Мой новый дом. Моя новая жизнь.

В окружении старых друзей – инсовцев я вхожу в студенческое общежитие» [3, 34].

М.П. Вахрушева, показывая узнаваемую архитектуру города, тем самым раскрывает и послевоенную действительность. Несмотря на то, что город отчасти разрушен, но студенты-северяне живут в больших светлых комнатах, освещенных солнечным светом – не о такой ли судьбе они мечтали? Слушая плеск Невских волн, героине кажется, что она понимает язык волн, с благодарностью она восклицает: «Я б обняла вас и сказала, как хорошо жить всем народам на советской земле!

Свежий невский ветерок, как любящая мать, ласково треплет мои волосы, гладит и голубит их, и кажется мне, что Нева улыбается и нежно обнимает меня своим дуновением, и снова я дома, а вокруг – родные и близкие люди» [3, 35].

Показаны М.П. Вахрушевой и достопримечательности ночных городов. Вместе с Мотей читатель в мягком свете прожекторов видит Зимний Дворец, Адмиралтейство, Петропавловскую крепость и «весь ансамбль строений с прямыми и зубчатыми стенами, с лепными фигурами

ми на крышах выглядят величественным монументом, будто бы высеченным одними руками из одного материала.

А Дворцовая площадь!

И до этого много-много раз проходила я по ней, с чувством глубокого волнения ступала на ее камни. Это было до войны в дни революционных праздников и народных гуляний. Но теперь; после всего пережитого мною за минувшие годы, именно здесь я испытываю неведомое для меня раньше чувство внутреннего самосознания, и сердце мое наполняется гордостью за великий советский народ: ведь только он своей самоотверженной борьбой, своим героическим трудом спас культуру прошлого, отстоял настоящее и дал жизнь будущим поколениям» [3, 35]. Так небольшим абзацем М.П. Вахрушева упоминает о блокаде Ленинграда, которую пережила сама. Строки «именно здесь я испытываю неведомое для меня раньше чувство внутреннего самосознания, и сердце мое наполняется гордостью за великий советский народ» позволяют осознать, что блокада Ленинграда – это действительно образ вселенской катастрофы, которую смогли предотвратить путем неимоверных усилий только сами ленинградцы. В их числе были и студенты-инсновцы.

В послевоенные годы вместе с другими жителями, студенты-северяне восстанавливают город из руин: «Днем мы слушаем лекции, а на ночь отправляемся на товарные станции выгружать картофель. В летние каникулы трудимся на строительстве – восстанавливаем разрушенные дома, работаем в библиотеках, выезжаем в колхозы на сооружение районных гидроэлектростанций» [3, 35].

С большой любовью героя рассказывает и своей учебе, о том, что с далекой таежной реки Юконды она принесла на берега красавицы Невы звучную мансийскую речь и горячую любовь к своему родному языку: «Ты же, Нева, – самая мудрая среди рек текущих по необозримым просторам Родины, совершила благородный подвиг, сделав мое сердце крепким, как твои гранитные берега, а ум мой зрелым, как спелые ягоды черной смородины на берегу моей дорогой Юконды» [3, 37]. Вспомним, что в поэтическом произведении «Синий ветер каслания» Ю. Шесталова есть строки о Неве, одетой в гранит: «Оленеводам привезли кинопредвижку, показывают фильм о Ленинграде. Людям многое непонятно: поч-

му река одета в гладкий камень, а дома – словно каменные горы» [4, 418]. Сегодня гранитные набережные Невы мало кого смогут удивить, для многих могут остаться незамеченными, для писателей и поэтов – не отмеченными в литературном творчестве, но для своего времени для людей, выросших в сельской местности, город с гранитными набережными представлял собой совершенно особый тип пространства. Так для Ю. Шесталова он был поначалу непонятен и чужд, а для его предшественницы – М.П. Вахрушевой – сразу же показался родным: «Если бы о жизни своей я рассказала бабушке, матери и отцу, – для них все это было бы сказкой, несбыточной мечтой. Видеть меня фельдшерицей или учительницей был предел их понимания человеческого счастья. Не могли они допустить мысли, что их маленькая дочка так далеко улетит из своего родного гнездышка, с берегов Юконды к берегам Невы, и войдет в большую жизнь, в светлый мир науки; что на тридцатом году жизни окончит университет, станет ассистентом высшего педагогического учебного заведения, а затем старшим преподавателем кафедры языков народов Севера и аспиранткой, пишущей диссертацию о сложных словах кондинского диалекта мансийского языка.

Да и самой мне иногда многое в моей жизни кажется чудесным сном» [3, 36]. Героиня М.П. Вахрушевой тянется к знаниям, учеба в Ленинградском университете открывает перед ней путь в науку.

В целом, подводя итог, отметим, что образ Ленинграда не только для М.П. Вахрушевой, но и для всех северян – выпускников Института народов Севера, прежде всего, ассоциируется с символом высокой культуры, вбирающим в себя значительную часть русской культуры. В литературном творчестве, передавая свои эмоции, свою любовь к городу, писатели старались показать читателю и архитектуру данного культурного центра. Причем у первых авторов образ города воплощался только через узнаваемую архитектуру, например, у М.П. Вахрушевой: Дворцовый мост, Университетская набережная, здание Ленинградского университета, Зимний дворец, Адмиралтейство и др., и только в положительном свете: «Нева улыбается и неожиданно обнимает меня своим дуновением...» [3, 35], «Я любуюсь огнями ночного Ленинграда» [3, 35], «С чувством глубокого волнения ступа-

ла на ее камни (Дворцовой площади)» [3, 35]. Для сравнения приведем примеры из повести «Синий ветер каслания» Ю. Шесталова, которые имеют отрицательный оттенок в восприятии города: «Ты мне в первый раз показался жестоким и некрасивым» [4, 418], «Твои улицы кишили людьми, как муравейники – муравьями» [4, 418], «Глазел на разукрашенные витрины магазинов, на стены домов, на асфальт. В кино и на рисунках они были такими чистыми, красивыми, твои улицы, мосты, дворцы» [4, 419]. В дальнейшем, как известно, герой Ю. Шесталов уже иначе смотрит на город: «Я шел по своему воспетому поэтами Невскому» [4, 421], «Эрмитаж. Я и раньше слыхал об этом сказочном дворце искусства» [4, 421].

Для героини М.П. Вахрушевой – девушки Моти Ленинград – это город сказки, город мечты, Город-герой. Героиня прожила в городе не-долгое время, но это время пришло и на гололедные блокадные дни, и на послевоенное время, когда город восстанавливался от руин. Но даже эти невзгоды не смогли разрушить в ее сознании то, что Ленинград – это подлинная культурная столица для всех представителей коренных малочисленных народов Крайнего

Севера, Сибири и Дальнего Востока. Все, кто обучался, начиная с 1925 года при рабфаке Ленинградского государственного университета, а с 1930 года в Северном институте, навсегда пронесут в своем сердце любовь и благодарность городу Ленинграду. Многие дети охотников, рыболовов и кочевников стали учеными, художниками, писателями, и посвятили себя развитию и процветанию родного края.

Литература

1. Лыткина, О.И. Типология топосных сверхтекстов в русской языковой картине мира / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010. №4 (2). С. 607-610.
2. Меднис, Н.Е. Текст и его границы // Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. НГПУ, Новосибирск, 2003. [Электронный ресурс] // <http://rassvet.websib.ru>; http://knigorod.gmsib/files/3_5.rar (дата обращения: 06.09.2017).
3. Вахрушева, М.П. На берегах Малой Юконды. – Тюмень: Тюменское кн. изд-во, 1963. 43 с.
4. Шесталов, Ю. Синий ветер каслания. // Шесталов Ю. Собрание сочинений. СПб. – Ханты-Мансийск: Фонд космического Сознания, 1997. Т. 1. 480 с.

Вклад А.М. Обатина в хантыйскую филологию и фольклористику

Ерныхова О.Д.

В истории хантыйской филологии и фольклористики одним из деятельности личностей можно по праву назвать имя Обатина Алексея Максимовича – учителя Казымской школы. Именно он первый из среди коренного населения начал исследования казымского диалекта хантыйского языка и прилагать усилия для разработки единого литературного языка народа ханты. В процессе подготовки учебных пособий для хантыйских школ им был начат сбор фольклорных произведений на казымском диалекте. Деятельность Алексея Максимовича вызывает научный интерес еще и по той причине, что он относится к плеяде советских сказителей народа ханты, которые создавали эпические произведения, отвечающие идеологическим и эстетическим критериям советской власти.

Ключевые слова: ханты, казымский диалект хантыйского языка, хантыйский фольклор, лиро-эпические новообразования.

Ernykhova O.D.

A.M. Obatin's contribution to the Khanty philology and folklore studies In the history of Khanty philology and folkloristics Obatin Aleksey Maksimovich, the teacher of Kazym school, is rightfully considered as one of the dynamic personality. He was the first among the indigenous population who began to research the Kazym dialect of the Khanty language and started to work for development of unified literary language of the Khanty nation. During the preparation of workbooks for Khanty schools he started collecting of folkloristic works in the Kazym dialect. The work of Aleksey Maksimovich attracts scientific interest as well by reason that he belongs to the pleiad of the Soviet narrators of the Khanty men, who created epic works that meet the ideological and aesthetic criteria of the Soviet regime.

Key words: Khanty, Kazym dialect of the Khanty language, Khanty folklore, lyrico-epic innovations.

Источниками для анализа деятельности сельского учителя Алексея Максимовича Обатина послужили как архивные материалы государственного архива, так и неопубликованный личный архив дочери Обатина Алексея Максимовича Галины Алексеевны, бывшей учительницы хантыйского языка, проживающей в с. Казым Белоярского района ХМАО-Югры. В архив входит переписка Обатина Алексея Максимовича с его другом Молдановым Александром Ивановичем – бухгалтером оленеводческого совхоза «Казымский», переписка с издательствами, личный дневник и письма к потомкам.

Алексей Максимович родился 23 апреля 1926 года в семье рыбака-охотника в деревне Вуркум (по другим данным в д. Кислоры) Березовского (ныне Белоярского) района. Мать его умерла, когда он еще был младенцем, воспитывал Алешу и его сестер Ксению и Катю их отец. В 1933-34 гг. Алексей стал учиться в школе Казымской кульбазы. Случилось так, что окончание школы совпало с началом Великой отечественной войны. Он, как и другие труженики тыла, трудился на рыбозаготовках, вылавливая рыбу для фронта. Его труд во время войны был отмечен медалью «За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.». После войны он поступил в Ханты-Мансийское национальное педагогическое училище, одновременно совмещая работу с учебой в учебном заведении. В 1947-1949-м был заведующим Помутской начальной школы, в 1950-1954-м работал учителем начальных классов в Казымской школе Березовского района. По окончании училища (1953) продолжал учительствовать в начальных классах школ Кислора, Помута, Нумто и Казыма. В конце 1950-х гг. он получил инвалидность по причине тяжелой болезни и в 1961 году умер.

В период учительства Алексей Максимович столкнулся с проблемами преподавания хантыйского языка. В то время школы Обь-Иртышского Севера испытывали большие трудности при обучении родному языку из-за отсутствия адаптированных букварей и учебных пособий. Было доступно несколько устаревших учебников, нуждающихся в переработке и в переиздании. Самый первый букварь на языке народа ханты 1931 г. был издан под авторством П.Е. Хатанзеева. Он был подготовлен на основе латинского алфавита и не на казымском диалекте¹. Позже, в 1937 г. был издан букварь на основе кириллицы, автором букваря была Д.В. Зальцберг². Учебное пособие на казымском диалекте вышло пятитысячным тиражом в Ленинградской типографии «Коммунар». Позже был разработан и издан на казымском диалекте еще ряд учебников и учебных пособий, которые были предназначены помочь обучению родному языку сельскомуителю.

Для отражения объективной ситуации, сложившейся в преподавании хантыйского языка, обратимся к изданному букварю под авторством Д.В. Зальцберг. Это издание страдает массой этнографических неточностей и нарушением грамматических норм хантыйского языка. Например, на одной из страниц приводится пример: «Тата ар рат» - здесь 3 места для костра, на котором готовится пища³. В хантайской традиции это являлось недопустимым: на стойбище не могут располагаться рядом сразу три места для костра. Следующий пример: в рассказе «Ернас. Сеп.» слово «ернас» применяется без лично-притяжательного суффикса -лй⁴. Список допущенных ошибок в издании можно продолжать до бесконечности. Одним из явных преимуществ этого издания можно назвать то, что автор попытался ввести знаки, характерные для казымского диалекта, такие как «лй» и «нг». Можно утверждать, что выход именно этого издания можно считать точкой отсчета начавшегося процесса совершенствования письменности казымского диалекта хантыйского языка.

Возможно, словарь под авторством Д.В. Зальцберг мог вызывать у сельского учителя А.М. Обатина неприятие из-за указанных выше неточностей. Он с другими учителями школ округа был привлечен к процессу подготовки учебных пособий на хантыйском языке. Совместно с кандидатом филологических наук К.Ф. Хватай-

Муха и учителем начальных классов Н.М. Аксариной учитель Обатин начал создавать букварь, который бы позволил детям казымских хантов усвоить грамматику родного языка. Он был издан в 1958 году⁵, а в 1959 году были изданы «Поурочные разработки к букварю на языке казымских ханты», авторами которых явились К.Ф. Хватай-Муха и А.М. Обатин⁶.

Подготовленная рукопись букваря прошла своеобразную общественную экспертизу: во избежание ошибок и каких-либо неточностей данное учебное пособие неоднократно обсуждалась на собраниях и совещаниях Казымского сельского совета. В качестве примера можно привести протокол заседания исполкома Казымского сельского Совета, который состоялся 26 ноября 1953 года⁷. На нем присутствовали депутаты сельского Совета и приглашенные специалисты в количестве 20 человек. Повесткой заседания являлось обсуждение хантыйского букваря, подготовленного к публикации им и Н.М. Аксариной. К протоколу данного заседания прилагается подробный проект решения, в котором приведен не только положительный отзыв на издание, но и указаны правила графики и орфографии хантыйского языка. Очевидно, собравшиеся прекрасно осознавали, что грамматические правила в хантыйском языке необходимо утвердить хотя бы на уровне отдельно взятого сельсовета.

Результатом этого заседания по вопросам графики и орфографии явилось «решение о необходимости ввода новых знаков для обозначения звуков казымского диалекта:

- . ?, например, п?н – морда (ловушка), ?хыл?
- нарта;
- ? , например, ?м – черемуха, ?хыл? - лук, н?л?хы – лиственница:
- л?, например, л?ор, хул?;
- нг: хотынг, ангыт.
- . закрытое ?, например, п?шкан, ?пи – сестра, х?р – изображение обозначать буквой ?;
- . после твердого ш писать и, е, например, шенги, кеши;
- . э писать только в нач[але] и в конце слова и после твердых согласных л, л?, т, н., после всех остальных согласных писать е;
- . сложные слова, выражающие одно понятие писать слитно: шайпут, пил?хо, хэмсв?л?»⁸.

Сохранившиеся документы А.М. Обатина свидетельствуют о том, что он детально разби-

рался в вопросах теории, преподавания хантыйского языка, достаточно точно определяя проблемное поле деятельности сельского учителя и исследователя языка и фольклора маленько-го северного народа. Именно им впервые поднимается вопрос о необходимости перехода хантыйской газеты «Ленин пант хуват» со среднеобского диалекта на казымский диалект хантыйского языка. Об этом факте гласит его переписка с другом, Молдановым Александром Ивановичем (бухгалтером совхоза «Казымский»). В своем письме Алексей Максимович доказывает необходимость перехода с одного диалекта на другой. Первый номер газеты «Ленин пант хуват» вышел 1 ноября 1957 г., а также все последующие номера выходили на среднеобском диалекте хантыйского языка. Очевидно, это связано с тем, что редактором газеты в то время был поэт, писатель Григорий Дмитриевич Лазарев, выходец из среды среднеобских хантов. Он по праву является основоположником хантыйской литературы, и именно его труды издавались и тиражировались на среднеобском диалекте еще с 1937 г. И с этого же момента властями ведутся попытки ввести единый литературный язык на основе среднеобского для всех носителей хантыйского языка. По этой причине и газета на хантыйском языке, и другие издания выходили на среднеобском диалекте. Все работающие в редакции хантыйской газеты сотрудники, владеющие другими диалектами, были вынуждены перекладывать свои статьи на диалект среднеобских хантов. Это обстоятельство крайне затрудняло восприятие письменного текста носителями других диалектов и могло являться причиной неприятия родного языка молодым поколением в условиях распространяющегося билингвизма.

Социолингвистические проблемы побудили Обатина А.М. начать процесс обсуждения этого вопроса с людьми, которые представляли активную общественность; например, в своем письме Молданову А. И. он приводил следующие аргументы в пользу перехода на казымский диалект. По его мнению, «среднеобской диалект не может быть взят за основу литературного языка ввиду того, что в тех школах, где обучаются дети среднеобских хантов, не ведется преподавание хантыйского языка уже ряд лет. Да и нет необходимости учить детей этих мест, которые уже не знают своего языка, а говорят

«смешанным» языком. Как взрослые, так и дети среднеобских хантов утратили свой язык, т. е. язык деформировался, смешался с русским. Например: «Нанг зачем ситы говориттын, когда верыт наоборот угл? Ты зачем так говоришь, когда дело наоборот обстоит (из выступления на собрании). В приведенном примере видно, что из восьми слов в предложении 50%, то есть четыре слова из русского языка с хантыйскими суффиксами. Среднеобским хантам доступны радиопередачи на русском языке, понятны выступления на русском языке на лекциях, собраниях. Все это произошло в связи с тем, что среднеобские ханты издавна живут оседло, постоянно общаются с русскими. Второй причиной, по которой я не считаю среднеобской диалект брать за литературный по тому соображению, что этот диалект занимает территориальную немногочисленность, это деревни: Низямы, Мулигорт, несколько деревень возле Шеркал и все. В-третьих, очень много грамотных людей именно из среды казымских хантов⁹.

Позже, благодаря усилиям Алексея Максимовича и других исследователей-казымцев, газета на хантыйском языке «Ленин пант хуват» будет выходить на казымском диалекте хантыйского языка. Именно на нем в 1990-х гг. начались более активные исследования грамматики, синтаксиса, лексикологии, семантики казымского диалекта, а среднеобской диалект языка был полностью утрачен и лишился своих последних носителей. Еще в середине XX века Алексей Максимович предвидел данную языковую ситуацию, был озабочен нарастанием социолингвистических проблем северного народа.

Когда Алексей Максимович заболел и получил инвалидность II степени (в конце 1950-х гг.), он пытался наладить связь с издательствами для подготовки к изданию написанных им трудов по хантыйскому языку и фольклористике. В одном из писем Отделу национальной литературы Тюменского областного издательства учитель предлагает ряд рукописей для издания. В список подготовленных рукописей вошли:

- 1) сказки на хантыйском языке для младшего школьного возраста;
- 2) книга стихов (с картинками) для дошкольного и младшего школьного возраста;
- 3) азбука в стихах (с картинками),

4) рассказы из истории советского прошлого народа ханты (о борцах за становление Советов на Обском Севере, Казымском восстании 1933-1934 гг. и др.).

Кроме этого им были разработаны эскизы плакатов на политические и естественно-научные темы на хантыйском языке, были подготовлены иллюстрации к хантыйским детским сказкам и др.¹⁰.

Однако редактор Тюменского областного издательства И. Г. Истомин в своем письме А.М. Обатину ответил о невозможности приема его материалов ввиду сложившейся в то время системы публикации книг в издательстве: рукописи книг (с переводом и редактированием), адресованные для хантыйских и мансийских читателей, в то время готовил Ханты-Мансийский окружком КПСС. И именно он рекомендует издательству список литературы, который следует издать, а также этот комитет подбирает переводчиков и редакторов на месте, определяет диалект хантыйского языка и представляет издательству готовые рукописи. Обатину А.М. было предложено связаться с окружкомом партии и предложить свои услуги по подготовке рукописей на хантыйском языке¹¹.

К сожалению, представленные труды так и не были опубликованы, однако, благодаря тому, что эти рукописи, а именно сказки на хантыйском языке для детей, попали в руки хантыйского ученого Н.И. Терешкина, они не только сохранились, но и были впоследствии (в конце 90-х) переложены в финно-угорскую транскрипцию венгерской исследовательницей Евой Шмидт. В данный момент эти материалы хранятся в фольклорном архиве Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск). Указанные фольклорные произведения будут переложены на усовершенствованную графику хантыйского языка, переведены на русский язык и в скором времени, наконец, будут опубликованы. Им были записаны детские сказки «Куличок», «Мышонок», «Мышонок и лось» и многие другие. В общей сложности им было записано более 10 текстов на казымском диалекте хантыйского языка. Эти произведения представляют большой научный интерес по той причине, что были записаны в период наименьшего влияния русского языка и позволяют проследить эволюцию языка и детской хантыйской сказки.

Алексея Максимовича Обатина можно отнести к числу немногочисленных советских сказителей народа ханты, поскольку он писал стихи на хантыйском языке, некоторые из которых были переложены на народную музыку. Песни, автором которых он являлся, звучали со сцен домов культуры и сельских клубов. Надо сказать, что его творчество необходимо рассматривать в связи с той исторической ситуацией, которая сложилась на территории всей России. В то время происходила перестройка быта, экономики и мировоззрения всех народов, населяющих Россию. В период тотального контроля в области науки и культуры устное народное творчество решало задачи, которые ставились советской властью. Убедившись, что народ не слагает фольклорные произведения о советской действительности, нужно было помочь народным сказителям такие творения создать. Собиратели вынуждены были разъяснять исполнителям фольклора, о чем следует им слагать стихи и петь. В результате практически в истории каждого народа появились такие сказители и произведения, отражающие «счастливую жизнь» при советской власти. В фольклористике такие тексты получили определение ЛЭН (лиро-эпические новообразования)¹².

На Обь-Иртышском Севере к этому процессу были привлечены пишущие на родных языках образованные ханты, в том числе и А.М. Обатин. Кроме него известны такие имена советских сказителей как А.Ангащупов, В.Алачев, Г.Лазарев, К. Эмалев, С. Волдин, А. Сенгепов. Творчество хантыйских сказителей объединяло их советское содержание и ориентация на поэтические фольклорные жанры. Такие творения собирались в один сборник и печатались каким-либо издательством¹³. Надо заметить, что отчасти в эти сборники попадал и традиционный народный фольклор народа ханты: личные песни, народные сказки, загадки и т.д. Такие творения советских сказителей издавались окружной газетой «Ленин пант хуват», они разучивались населением, перекладывались на народную музыку и исполнялись фольклорными коллективами.

По мнению фольклориста И.В. Козловой, исследовавшей лиро-эпические новообразования в творчестве севернорусских сказителей, такие произведения к фольклору отнести сложно, поскольку создавались они по законам ли-

тературы и имели конкретного автора. Однако и в литературе они не нашли своего места, поскольку «сочинялись непрофессиональными писателями, не обладающими должным уровнем литературной рефлексии»¹⁴. Это положение, выносимое на защиту И.В. Козловой, можно применить частично и к лиро-эпическим новообразованиям народа ханты. Особенностью является то, что хантыйская литература начала свое развитие одновременно с разработкой письменности вначале 1930-х гг., и у народа не могло быть профессиональных писателей.

В фольклорном центре Обско-угорского института прикладных исследований и разработок на хранении имеются около полусотни песен, относящихся к ЛЭН, не имеющих конкретного автора. Выяснить авторство возможно путем сопоставления собранных материалов с издававшимися в то время фольклорными сборниками и архивом окружной газеты «Ленин пант хуват». Надо отметить, что столь небольшое количество ЛЭН в архиве фольклорного центра объясняется тем, что собиратели не уделяли должного внимания сбору такого рода фольклорных произведений.

Рассмотрим произведение, автором которого является А.Обатин «Песня, исполняемая на северной земле - Увас мун ариет»¹⁵. Она посвящена воспеванию советского образа жизни северных хантов. Песня исполнялась в виде частушки, была написана в форме четверостишия и представляет собой развернутое сравнение двух образов жизни северных народов, двух эпох: дореволюционного и советского периодов. В песне особое внимание уделяется позитивным изменениям, произошедшим в жизни коренного населения после прихода советской власти. Все старое в поэтическом произведении признается утратившим актуальность, духовность, и теперь подлежит забвению и считается пережитком прошлого. А современная жизнь воспевается, наполняя жизнь новым идеяным содержанием и смыслом. В песне перечисляются предметы и явления, нехарактерные для традиционного быта хантов: газета, план, орден, безграмотность, корова, хорошая жизнь. Песня фигурировала в разных вариантах под авторством А.М. Обатина в сборниках, в периодической печати. В архиве фольклорного центра имеется запись этой песни в исполнении фольклорного коллектива «Увас ариет». Она

была записана в с. Казым Белоярского района в 2006 году.

Деятельность Алексея Максимовича Обатина совпала с процессом включения хантыйской культуры в общесоветское пространство и это, несомненно, наложило свой отпечаток на его деятельность и творчество. Анализ его деятельности позволяет исследователям представить историю совершенствования хантыйской письменности, историю развития фольклористики и стихосложения, представить языковую ситуацию народа ханты, сложившуюся в середине XX века. Работая совместно с такими учеными как Н.И. Терешкин, Н.Ф. Пряткова, Ю.Н. Русская, КФ. Хватай-Муха он внес существенный вклад в становление и развитие хантыйского языкоизнания, в методику преподавания родного языка и в дело сохранения нематериального культурного наследия народа ханты. Его активная жизненная позиция может стать ярким примером для подражания нашим современникам, которые воочию столкнулись с проблемами преподавания, развития хантыйской письменности и сохранения родного языка.

Литература

1. Зальцберг Д.В. Ханти букварь. М.; Л., 1937. 88с.
2. Козлова И.В. Либо-эпические новообразования в творчестве севернорусских сказителей 1930-1950-х годов/ автореферат докторской диссертации на соискание ученой степени к.ф. н. Санкт-Петербург, 2012. 20 с.
3. Сборник хантыйских и мансийских песен и танцев. Сост. В.Муров. – Ханты-Мансийск:, 1959, 73 с.
4. Материалы Казымского сельского Совета. - Архив муниципального образования «Белоярский район», Ф. 4. Оп.1. Д. 13. Л.16-18 об.
5. Поурочные разработки к букварю на языке казымских ханты/ К. Ф. Хватай-Муха, А. М. Обатин. – Л. : Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1959. 187 с.
6. Нанть bukvar (Букварь на хантыйском языке). Л.: Учпедгиз, 1933. 72 с.
7. Хватай-Муха К.Ф., Обатин А.М., Аксарина Н.М. Букварь для подготовительного класса (на языке казымских ханты). Л.: Учпедгиз, 1958. 159 с.

Ссылки:

- 1Нанть bukvar (Букварь на хантыйском языке). Л.: Учпедгиз, 1933.

- 2 Зальцберг Д.В. Ханти букварь. М.; Л., 1937.
- 3 Там же. С. 10.
- 4 Там же. С. 47.
- 5 Хватай-Муха К.Ф., Обатин А.М., Аксарина Н.М. Букварь для подготовительного класса (на языке казымских ханты). Л.: Учпедгиз, 1958. 187 с
- 6 Поурочные разработки к букварю на языке казымских ханты/ К. Ф. Хватай-Муха, А. М. Обатин. – Л.: Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1959. 13. Л.16-18 об.
- 7 АМО «Белоярский район», Ф. 4. Оп. 1. Д. 8 Там же. Л. 17.
- 9 Из письма А.М. Обатина Молданову А.И. (хранится в личном архиве Г.А. Обатиной)
- 10 Из письма А.М. Обатина Отделу национальной литературы Тюменского областного издательства (письмо хранится в личном архиве Г.А. Обатиной)
- 11 Из письма И.Г. Истомина – редактора Тюменского областного издательства (хранится в личном архиве Г.А. Обатиной)
- 12 Козлова И.В. Лирико-эпические новообразования в творчестве северно-русских сказителей 1930-1950-х гг/ Автреферат дис. канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2012. С.3.
- 13 Сборник хантыйских и мансийских песен и танцев. Сост. В.Муров. – Ханты-Мансийск, 1959, 73 с.
- 14 Козлова И.В. Лирико-эпические новообразования... С.5.
- 15 Сборник хантыйских и мансийских песен... С. 17.

Информативно-концептуальная функция эпиграфа в романе «The House in Norham Gardens» П. Лайвли

Заморщикова Л.И., Дьяконова Е.С.

Статья посвящена анализу информативно-концептуальной функции эпиграфа в романе П. Лайвли «The House in Norham Gardens». Роман, в частности, повествует об изменениях в мировосприятии девочки-подростка после загадочной находки. Эпиграф предваряет каждую главу романа, организуя композиционную и смысловую структуру произведения, что позволяет выстроить сложное и многомерное повествование. Выявление ключевых слов в эпиграфах и их описание позволило определить семантику «время» как основную во всех эпиграфах произведения. Анализ диалогических отношений глав и соответствующих им эпиграфов позволил определить тему цикличности времени как один из сюжетообразующих элементов произведения.

Ключевые слова: роман, автор, текст, эпиграф, глава, функции, время
 Zamorshchikova L.I., Diakonova E.S.
 The informative-conceptual function of the epigraph in 'The House in Norham Gardens' by Penelope Lively
 The article is devoted to research on the informative- conceptual function of the epigraph in «The House in Norham Gardens» by Penelope Lively. The novel, in particular, is about how a teenager's view of life might change after an enigmatic finding. An epigraph precedes every chapter, thus organizing the compositional and semantic structure of the novel, which contributes to a complex and multidimensional narration. With the key words in the epigraphs analyzed, the semantics "time" was identified as the principal one in all the epigraphs of the novel. As a result of the research on the dialogical relationships between the epigraphs and chapters , the theme of cyclical nature of time can be considered as a plot-forming element in the novel.
 Key words: novel, the author, text, epigraph, chapter, functions, time

Роман «The House in Norham Gardens» Пенелопы Лайвли о жизни девочки-подростка – уникальное произведение современной британской литературы, актуализирующее ценностные концепты британской культуры. Местом действия романа становится викторианский особняк в Северном Оксфорде, где живет 14-летняя девочка-подросток Клэр Мэйфилд. Главная героиня после гибели родителей живет под опекой двух пожилых высокообразованных тетушек, которые, несмотря на почтенный возраст, весьма активны, занимаются исследованиями и переводами, пишут научные статьи. Хотя Клэр и выглядит обычным подростком, в свои 14 лет она выполняет обязанности взрослого человека: сама ведет хозяйство, занимается счетами и платежами, заботится о тетушках. Несмотря на взрослые для подростка суждения, Клэр по-детски боится любых перемен в жизни: ее пугает неизбежность смерти близких и любимых людей, ей трудно смириться с реальным и естественным ходом жизненного цикла. Но, пройдя на протяжении всего романа ряд серьезных испытаний, Клэр в конце концов начинает принимать реальность таковой, какая она есть, что позволяет ей найти гармонию с самой собой и окружающим миром.

Эпиграф играет важную роль в интерпретации художественного текста, в частности, для постмодернистского романа, к которому принадлежит роман «The House in Norham Gardens». К структурно-семантическим особенностям романа можно отнести ретроспективное повествование, перенос действия из одной реальности в другую, переплетение временных планов, двунаправленное сюжетное действие. Эпиграф как часть другого текста определяет специфику семантической структуры текста в целом, влияет на формы реализации лексических значений,

усложняет или облегчает процесс интерпретации и понимания текста читателем. Понимание смысла происходит благодаря жизненному, культурному и историческому опыту читателя. Под влиянием воспринятого читатель видит окружающий его мир в новом свете. Декодирование смысла эпиграфа – это расшифровывание переданного автором читателю сообщения. По мнению Т.Е. Литвиненко, ни один текст не может быть написан вне зависимости от того, что было написано прежде него; любой текст несет в себе, в более или менее зримой форме, следы определенного наследия и память о традиции. [1, с. 48].

Н.А. Кузьмина отмечает, что эпиграф обладает следующими основными функциями: диалогизирующей, информативной и формоопределяющей. Автор подчеркивает, что информативная и формоопределяющая функции представляют собой функциональные комплексы, а «информация, вводимая эпиграфом, может быть, по крайней мере, двух типов: информация об авторе (творческом субъекте), выбирающим эпиграф из определенной текстовой и культурной парадигмы, и информация о следующем за эпиграфом тексте» [2, с. 34].

Эпиграф может взаимодействовать не только со всем текстом, но и с отдельными главами. При этом важным объединяющим свойством становится препозиция эпиграфа по отношению к последующему тексту или отдельной главе [3, с. 511].

Роман П. Лайвли представляет собой закодированное произведение, поскольку обладает двухуровневой смысловой структурой: уровнем мировосприятия, доступного ребенку, и уровнем мировосприятия взрослого, недоступного ребенку. Однако Клэр, будучи не ребенком, а подростком, находится в стадии переходного состояния из мира детства в мир взрослых, подобно тому, как эпиграф занимает промежуточное положение между заглавием и собственно текстом.

Во всех двенадцати эпиграфах романа существует тема времени и цикличности жизни. В первом эпиграфе [4, с. 1] упоминается точный год начала повествования романа: «*The year is 1900: in England Victoria is a queen*», «*from England in distance <...> by five thousand years*». Включение точной даты и наименования временного отрезка в текст эпиграфа способствует более

четкому противопоставлению цивилизованной жизни в Англии простой и первозданной жизни на одном из островов в Новой Гвинее: по мировосприятию их разделяют пять тысячелетий. Стоит отметить, что завязка романа основана на эпизоде, когда Клэр находит дневник своего прадеда – антрополога о его исследованиях в Новой Гвинее, в котором он описывает жизнь, быт и культуру жителей острова, их нравы и обычаи. Во втором эпиграфе [4, с. 15] возникает своеобразный образ безвременья, или расщупленного настоящего: нет прошлого, не существует и истории (*«no past: no history»*), неизвестно, когда наступит будущее (*«the future is tomorrow, and perhaps the next day»*), и племя людей живет на острове одним сегодняшним днем (*«at midday»*). В третьем эпиграфе [4, с. 27] автор дает четко понять, что время на острове остановилось (*«time has stopped here»*). Четвертый эпиграф [4, с. 40] представляет мысль о том, что если времени как такового здесь не существует, то и смерть может настигнуть неожиданно, и вообще, жизнь на острове коротка и полна опасностей, от которых людей никто не спасет (*«die in the next five minutes, or tomorrow, or before the next moon»*). Главная мысль пятого эпиграфа [4, с. 52] в преемственности поколений в племени: быстро взрослеют дети, учатся видеть рождение и смерть, перенимают от своих предков обычай и ритуалы: *«One day, in a few years, they will become adult. Their childhood will end abruptly»*. В шестом эпиграфе [4, с. 65] повторяется мысль о том, что для племени не существует прошлого: люди не знают, сколько лет их племени (*«The valley is a place without a past. The tribe do not know how long they have been there: a hundred years, a thousand, five thousand»*). Жизнь на острове вечна лишь для духов племени, которые также и определяют их будущее (*«Their future is entrusted to the spirits of the ancestors»*). В племени издавна существовали определенные ритуалы, связанные с задабриванием и почитанием духов, и в связи с этим настораживающее незаметно появление в тексте эпиграфа чужеземцев, пришедших однажды на остров с щедрыми дарами и получивших от племени все, что они пожелали (*«One day, strangers come to the valley and the tribe welcome them as these spirits, returned with rich and wonderful gifts»*). В седьмом эпиграфе [4, с. 82] из слов, подходящих и близких по значению к понятию

«время» стоит отметить глагол «to await»: «*They talk to the ancestors, and remind them that they await a share of the riches they now enjoy.* Время в восьмом эпиграфе [4, с.92] представлено как время преходящее («*Time passes: much time*»), жизнь на острове идет своим чередом согласно этапам и циклам, определенным природой («*The old men of the tribe die. Babies are born, and grow up. The boys become men, and the girls women*»). В девятом эпиграфе [4, с.106] мы видим, как люди в других частях острова начинают подпадать под пагубное влияние цивилизации («*There are new things on the island now: money and Coca-Cola, and Lucky Strike cigarettes, and paraffin and rifles and penicillin*») Однако, племени это не нужно, они все еще пытаются задабривать своих духов и сеять вовремя картофель, идя, таким образом, по своему предначертанному жизненному пути («*sometimes they see and hear things that are strange, but they have always known the world to be an uneasy and unpredictable place, so they placate the spirits and plant the yams at the proper time*»). В десятом эпиграфе [4, с.119] мы видим, как серьезные перемены уже надвигаются на весь остров, и старшие люди племени в попытках сохранить свою культуру и традиции передают свои знания младшим поколениям («*The old men and women of the tribe tell stories to their children and to their grandchildren; stories of spirits and gods and of how the world began. ONE DAY, they tell them, the ancestors will come to us, bringing gifts*»). В одиннадцатом эпиграфе [4, с.134] говорится о том, что гости с другой земли вернулись вновь на остров, но на этот раз с другой целью: «*This time, they weigh them, and measure their height, and count their teeth, and peer into their eyes. They are asked their age (which they do not know) and their names, and the names of their husband and their wife and their father and father. Their throats are examined, and their fingernails, and the soles of their feet. They are injected and vaccinated and dosed with medicines*». Так, племя, которое никогда не сталкивалось прежде с такими неместными «ритуалами» людей с другой земли, из другого мира, узнали на себе, что такое «двадцатый век» («*The tribe have arrived in the twentieth century*»). В двенадцатом, заключительном эпиграфе [4, с.146] жизнь на острове изменилась до неузнаваемости, прошло уже достаточно времени с тех пор, как первопроходцы нашли и обосновали некогда неизвест-

ную землю («*Houses are built for the tribe, and roads <...> they make no more tamburans, but their nights are rich with dreams. One day, they will discover again the need for tamburans, and they will make a new kind of tamburan for themselves, and for their children, and their children's children*»).

Было выявлено, что лексика с семантикой «время» обладает определенной частотностью в романе П. Лайвли. Тема времени в романе выражена имплицитно и проявляется во всех двенадцати эпиграфах романа с помощью лексических единиц, называющих временной план (past, present, future), отрезки времени (year, day, month), времена года (winter, summer, spring), названия месяцев и дней недели (January, March, August, Sunday, Saturday, Monday), возраст (old, young, ancient), фазы процессов (beginning, end, cycle, half-moon), знаменательные даты (birthday, Christmas, Easter), время суток (morning, afternoon, evening, night). Таким образом, эпиграф, реализуя информативную и формоопределяющую функции, способствует раскрытию не только содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации, но также способствует раскрытию содержательно-подтекстовой информации, расшифровывая основные культурные коды произведения [5, с. 90].

Время, являясь одной из универсальных составляющих смысловой структуры романа, отражает соотнесенность событий, ассоциативные, причинно-следственные и психологические связи в тексте, и тем самым создает сложный ряд событий, выстраиваемых в ходе сюжетного развертывания произведения. Для персонажей романа время связано в первую очередь с этапами жизни. Есть взрослое состояние, которое резко отделяет человека от его детства. Для взрослого человека детство ассоциируется с «потерянным раем» – миром, в который нельзя вернуться. Дети, в свою очередь, должны мечтать о будущей взрослой самостоятельной жизни, которая, однако, вызывает у них страх, как у главной героини романа. Причина страха Клер кроется в том, что она в раннем возрасте уже потеряла родителей и боится не только испытать эту потерю вновь с неизбежным уходом тетушек, но и остаться совсем одна в холодном взрослом мире. Чтобы побороть этот страх перед будущим и смертью как естественным этапом жизненного цикла, Клер придется преодо-

леть себя, проникнув глубоко внутрь своего сознания. Эпиграф становится той ступенькой в сознании Клэр, которая помогает ей познать реальную суть вещей, цикличность жизни, неизбежность смерти, течение времени, необходимость перемен, однако память о близких людях остается навсегда внутри самого человека, в его воспоминаниях. К концу романа с Клэр происходит неприятный случай: она падает с велосипеда и ломает руку («*She went home, sitting up in an ambulance like a little bus, her plastered arm in a sling. Something has happened to the outside world while she had been away*») [4, с. 141]. Тем временем на улицы Лондона пришла весна («*It's beginning of something. Anything might happen*») [3, с. 149]. Весеннее солнце озарило все вокруг («*It had turned green and brown. The snow had all gone <...> Everything seemed brightly covered – the red brick houses, green grass, the shiny brown buds tipping the chestnut branches that overhung a wall*») [4, с. 142]. Падение с велосипеда, таким образом, помогает Клэр взглянуть на привычные вещи по-новому, принять мир взрослых («*How odd, Clare thought, to sit here talking about me as though I were another person. Some quite different. She tried to project herself forwards in time to meet her, this unknown woman with her name and her face, and failed. She walked away, the woman, a stranger, familiar and yet unreachable. The only thing you could know about her for certain way that all this would be part of her: this room, this conversation, the aunts*») [4, с. 154]. Клэр осознает, что не может повернуть время вспять, остановить или замедлить его ход, поскольку все этапы в жизни идут своим чередом, постепенно сменяя друг друга: подобно тому, как после весны приходит лето, а осень сменяется зимой, ребенок становится подростком, а подросток – взрослым («*She looked at them, intently, at their faces and their hands and the*

shape of them. I'm learning them by heart, she thought, that's what I'm doing, that's all I can do, only that») [4, с. 154].

Дневник прадеда открывает Клэр глаза на многое, в частности, на то, как воспринимали время жители Новой Гвинеи. Для них жизнь – это цикл, в котором рождение, зрелость и смерть представляют собой вечный круг. Со временем старики умирают, но рождаются дети, вырастают и в свою очередь передают своим детям знания и опыт, традиции и обычай, которые получили от своих предков. Цикличность жизни выступает основой жизни человека, и эту простую истину понимают жители племени на острове: «*They know only the cycle of a man's life: birth, and maturity, and death*» [4, с. 27]

Таким образом, эпиграф в романе П. Лайвли позволяет не только вводить информацию, которая затем представлена в последующем тексте, но и раскрыть содержательно-концептуальную информацию романа, которая заключается в единстве времен, вечности жизненного цикла и преемственности поколений и традиций.

Литература

1. Литвиненко Т.Е., Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста: монография, Иркутск: ИГЛУ, 2008. – 308с.
2. Кузьмина Н.А., Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 272с.
3. ?Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
4. Lively P. The House in Norham Gardens – E.P. Dutton & Co. Copyright. – 1974. – 168 p.
5. Толстых О.А. Функции эпиграфа в романе Д. Лоджа «Хорошая работа» // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2007. №1 (73). С.87-90.

«Своё» пространство Н. Абгарян: к вопросу о специфике воплощения архетипа матери в современной литературе

Николаева Е.А.

Женское литературное творчество выступает вербальным воплощением женской ментальности посредством системы культурно-опосредованных символов женственности, основанием которой является архетип Матери, выделенный К.Г. Юнгом. В пространстве литературы архетип проявляет себя в трех активных универсалиях: «Дом», «Ребенок» и «Мужчина». Статья посвящена изучению специфики художественной трансформации данного архетипа в романе Н. Абгарян «Понаехавшая», вызванной влиянием современного культурно-исторического пространства.

Ключевые слова: Культурное пространство; архетип Матери; текстовый ген; культурная память.

Nikolaeva E.A.

«Own» space N. Abgarian: the question of the embodiment's specific particularity of mother's archetype in modern literature
Female literary creativity is a verbal embodiment of the female mentality through a system of culturally-mediated symbols of femininity, the basis of which is the Mother archetype singled out by K.G. Jung. In the space of literature, the archetype manifests itself in three active universals: «House», «Child» and «Man». The article is devoted to the study of the specificity of the artistic transformation of the given archetype in N. Abgarian's novel «Failed», caused by the influence of modern cultural and historical space.
Keywords: Cultural space; the archetype of the Mother; text gene; cultural memory.

Женское литературно-художественное творчество в России в настоящее время находится на пике своего развития, поражая многогранностью своего существования. Пожалуй, вряд ли найдется жанр, не освоенный женщиными-писательницами. Вот уж действительно окончательное и бесповоротное опровержение мнения критиков XIX столетия, отказывающих писательницам в уме и талантах.

Среди произведений, уже признанных читателями и гармонично вписавшихся в дискурс современного отечественного литературного пространства, творчество Наринэ Абгарян привлекает внимание удивительной беззащитностью, мягкостью, юмором и глубиной творческого переживания, казалось бы, совершенно обыденных ситуаций. Как раз всё это и присуще в полной степени ее роману «Понаехавшая», опубликованному в 2011 г. Таково впечатление после первого знакомства с книгой. Более глубокое прочтение произведения (а точнее, «вживание в роман», потому что ему присуще нечастое в современной русской литературе свойство погружать читателя в читаемое) заставляет нас сопереживать героям и проживать с ними жизнь, протекающую в рамках, строго заданных автором, выявляя четко структурированное пространство, развивающееся в соответствии с замыслом писателя.

Пространство, созданное Н.Абгарян, исторически и географически маркировано: Москва девяностых годов, во всем ее нестабильном великолепии и великолепной нестабильности; пространство, в котором еще только обозначились ориентиры новой эпохи; пространство, наполняющее новым смыслом традиционные категории, составляющие систему жизненных ценностей человека.

Героиня покидает родину в результате тяжелой экономической и политической ситуации: «Это был великий и страшный исход своей страны в Россию и дальше, за рубеж, туда, где можно было хоть как-то прокормиться и не бояться за будущее своих детей» [1, с. 17]. Человек, взращенный в лоне семьи (теплой, разумной и патриархальной), она отчаянно цепляется за ориентиры, к которым ее приучили с детства. И эти традиционные ориентиры настолько сильны и проверены временем, что неудивительно, что ее новая жизнь, ее собственное пространство начинает складываться в рамках этих духовно-нравственных ценностей, невзирая на царящую вокруг неразбериху и сумятицу.

Что же является для героини краеугольным камнем, на котором базируются ее представления о жизни? По нашему мнению, это архетип Матери/некая константа, которая в контексте данного произведения наделена значением 'человек, проявляющий заботу о ребенке или младшем родственнике'. И таких людей, выполняющих эту функцию по доброй воле в отношении Понаехавшей, немало.

Во-первых, это О.Ф., начальник обменного пункта, первого официального места работы геройни, женщина энергичная, наслаждающаяся жизнью и готовая приобщить к этому наслаждению других, порой не принимая во внимание их мнение и желание. Так, например, она решается «окультурить» внешний вид Понаехавшей: « - Пойдем завтра покупать тебе одежду, заодно в парикмахерскую сходим, - огордила Понаехавшую О.Ф.» [1, с. 40]. Воспринимая своих подчиненных как младших членов «служебной» семьи, она пытается не дать их в обиду ни руководству банка, отчаянно отстаивая необходимость реорганизации рабочего места (кассы в гостинице «Интурист»), ни сотрудникам гостиницы, включая «представительниц древнейшей профессии». Она защищает их отчаянно, искренне, по-матерински мгновенно реагируя: «...впереди летела О.Ф. с недокрашенным глазом и большим темным пятном на юбке – накладывала макияж и пила кофе, да так и подорвалась, поднятая тревогой, опрокидывая на себя все, что было под рукой» [1, с. 46].

Еще одним таким же неравнодушным и значимым человеком стала для героини ее квартирная хозяйка тетя Поля: «Но она мне открыла – совсем теплая, совсем родная, смешной обо-

док в волосах, сразу побежала чайник ставить, потом спохватилась, вернулась, расцеловала в обе щеки. Мне всегда везло на людей» [1, с. 197]. Это женщина с нелегкой судьбой, пережившая тяжелые послевоенные годы, сумела подарить девочке-эмигрантке всю не растратенную на нерожденного ребенка любовь. Именно к ней бежит Понаехавшая, узнав о смерти близкого человека: «Когда бабуля умерла ... Я прибежала к ней, слова сказать не могу, а она все поняла, напоила меня валерьянкой, уложила в постель, а сама молилась до утра...» [1, с. 199]. Именно с ней продолжает она поддерживать отношения, несмотря на противостояние родни тети Поли. Именно она, официально чужой человек, занимает в сердце девушки место ближайшего родственника.

Среди людей, составляющих «своё» пространство Понаехавшей, совершенно разные люди, которых объединяет одно: все они так или иначе помогают ей, пытаясь иногда убедить ее в несостоятельности ее духовно-нравственных основ, оставшихся неизменным ориентиром и в пространстве нового государства. Это и просто случайные люди, как сердобольная тетечка в метро, «отодравшая» ее от двери в вагоне с грозной надписью «Не прислоняться», возле которой Понаехавшая крепко заснула в первые дни акклиматизации. Это и девочки-коллеги по обменному пункту, предлагающие ей нехитрые советы по решению житейских проблем и значительно дополняющие представления Понаехавшей о жизни. И, конечно, это ее соотечественники, «редкие угнездившиеся в Москве земляки». Героиня наделена редкой способностью впитывать знания, и она учится всему: домовитости, работоспособности, жалости, умению поддержать и выручить человека в непростой ситуации, умению поддерживать самые обычные общечеловеческие отношения, быть посредником (и в ситуациях с разгулявшейся О.Ф., и при зарождающемся романе Варшака с Трепетной Натальей, когда Понаехавшая в прямом смысле слова выступает переводчиком своего дальнего родственника («тройродного кузена крестного сына тети Светы»), объясняя коллеге значение идиом армянского языка).

Все эти знания близки набору тех качеств, которыми, как правило, характеризуется архетип Матери (Великой Матери), лежащий в ос-

нове женской ментальности. Согласно схеме разноуровневого деления, в развитии исторического времени ментальных процессов выделяют несколько стадий: поверхностные и кратковременные, которые касаются индивида, средние по продолжительности, которые связаны с областью форм чувствования и образов мышления, непосредственно менталитет (или устойчивые модели поведения, не изменяющиеся в течение длительного времени) и наиболее глубокий ментальный слой, который связан с биологическими свойствами человека и выражается в архетипических образах: «В каждом отдельном человеке помимо личных воспоминаний есть великие «изначальные» образы, т.е. унаследованные возможности человеческого представления в том его виде, каким оно было издавна» [2, с. 71]. Изначальные образы – это наиболее древние и наиболее всеобщие формы представления человечества, являющиеся как чувством, так и мыслью; они даже имеют нечто подобное собственной, самостоятельной жизни, по мнению швейцарского психоаналитика и философа культуры К.Г. Юнга, сделавшего на основании рассказов пациентов вывод о существовании архетипа и выделившего архетипы *Anima* (Души), старого мудреца, Матери-земли, героя-богатыря, демона, тени (теневой стороны личности). В определенных условиях архетипы способны не только активизироваться, но и побуждать к повторению тех же самых опытов, поскольку любое проявление архетипа в жизни обязательно несет в себе некоторое влияние, придающее его воздействию побуждающий к действию характер.

Архетип Матери или Великой Матери очень важен в человеческой жизни, поскольку неизмеримо важен и сам феномен материнства. По сравнению с другими, этот архетип более сложен, отличается конкретной амбивалентностью и оказывает влияние на формирование личности. Кроме того, он способен к автономному существованию, создавая на своей основе разветвленную систему культурных символов (что можно наблюдать в женском литературно-художественном творчестве). По мнению Юнга, исследовавшего этот архетип на мифологическом материале, архетип может активизироваться в самых разных ситуациях: «Его суть – магический авторитет всего женского, мудрости, чего-то благостного, магического возрождения

и темно-древучего, захватывающей бездны...» [3, с. 211].

Древняя эпоха – эпоха матриархата, когда женское божество считалось основным в пантоне и существовало в большинстве мифологий мира. Образ Великой богини изначально полисемантичен, однако чаще всего связан с образом Матери, Матери-Земли, а более широком смысле – с женским творческим началом в природе. В основание женской ментальности вошли две основные функции, ставшие основополагающими: функция созидания (участие в творении мира, покровительство плодородию почвы, скота и т.д.) и функция покровительства семье и домашнему очагу (то есть зарождение жизни и ее воспитание). Таким образом, синонимом понятия «женское» в культурном пространстве является понятие «материнское». К тому же основное отличие женщины - в способности зачатия и выносить ребенка, продолжить род. «Мать» - это архетип, который относится к месту зачатия, к природе... Он также обозначает и бессознательное, нашу естественную и инстинктивную жизнь, физиологическую сферу, тело, в котором мы живем или в которое мы заключены; так как и матка, полая форма, сосуд, который вынашивает и кормит, и таким образом, он (архетип) психологически стоит у истоков сознания» [4, с. 14].

Обладая способностью выносить ребенка, ухаживая за своим потомством, женщина раньше, чем мужчина, постигает сложную науку: как любить другое существо и заботиться о нем. Материнская любовь - это любовь к беспомощным, к тому, кто нуждается в ее заботе. В этом и заключается загадка женщины: она способна относиться к любому человеку, как к своему потенциальному ребенку, более эмоционально и открыто. Не подвергается сомнению утверждение философа В.А. Рамих, согласно которому материнство представляет собой «условный код, систему знаков, продиктованных этнографически данной средой и соответствующим историко-культурным пластом, который гарантирует стабильность данного социума, самой культуры» [5, с. 92]. И не только гарантирует стабильность именно данного социума и данной культуры, но и выступает в качестве системы межкультурных символов, осуществляющих успешную коммуникацию и адаптацию к иному культурному пространству, как это произошло

с героиней Н. Абгарян. Воспитанная семьей в традициях этих символов, она на уровне бессознательного выделяет их в новой для нее среде и генерирует вовне свое, уже дополненное спецификой нового социума отношение, воспринимая людей как членов сети отношений, от которых они зависят, а не как оппонентов в соревновании прав.

Архетип Матери, крайне важный в психической жизни человека, в художественной литературе выступает в виде своеобразного текстового гена, аккумулирующего культурную память, раскрытие которой происходит по мере развертывания сюжета. Являясь частью архетипического ядра культуры, архетип Матери обладает большой культурно-смысловой ценностью, его саморепрезентация в литературе происходит по различным сценариям, одним из которых и является создание архетипических универсалий «Дом», «Ребенок», «Мужчина», как наиболее характерных для женской культуры в целом, и женской литературы, в частности [6]. Именно универсалия «Дом», на наш взгляд, является наиболее сформированной в романе Н. Абгарян. Определим ее значение как 'создаваемое женщиной пространство, существующее согласно правилам, ею установленным' [6, с. 46]. Как раз такое пространство и создает героя романа, вбирая в себя духовный и жизненный опыт женщин, которые встречаются на ее пути, перерабатывает и усваивает его, постепенно

превращаясь из Понаехавшей в человека, не только благодарно принимающего заботу окружающих, но и способных позаботиться о них по-матерински: «Это большое счастье – знакомиться с новыми людьми, улыбаться, держать их за руки, заглядывать в глаза. Но как больно потом с ними расставаться!» [7, с. 200].

Но вряд ли можно так уверенно говорить о расставании. Ведь каждый из встреченных людей оставляет частицу своей любви в душе Понаехавшей, позволив природно и генетически заложенному в ней архетипу Матери создать «свое» пространство, органично соединившее культурные традиции разных времен и народов.

Литература

1. Абгарян Н. Понаехавшая. – М.: АСТ, 2016.
2. Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М.: АСТ-ЛТД, Канон +, 1998.
3. Юнг К. Душа и миф. – Киев, 1996.
4. Цит. по Уайли Дж. В поисках фаллоса: Приап и Инфляция Мужского. – М.: Азбука-классика, 2008.
5. Рамих В.А. Материнство как социокультурный феномен: Дис. ...докт.филос.наук. – Ростов-на-Дону, 1995.
6. Николаева Е.А. Архетипическая информативность женского литературного творчества в России. – Саранск: Тип. «Рузаевский печатник», 2008.
7. Абгарян Н. Понаехавшая. – М.: АСТ, 2016.

Вербализация концепта «пространство» мифологических персонажей ТӨРӨМ и ХИНЬ (на материале хантыйской сказки)

Дядюн С.Д.

Изучение вербализации концепта «Пространство» в сказочном тексте представляет значительный интерес, так как сказки отражают видение мира древним человеком. Разумеется, это отражение носит опосредованный характер, подчиняясь в свою очередь сказочным законам. Понятие пространства возникло как обобщение понятия места, которое включает в себя как представление о положении какого-либо тела относительно других, так и представления о протяженности тела, его размере и т.д. В традиционном религиозно-мифологическом сознании вселенная делится на три горизонтальные зоны (верх-низ), кроме этого, существует еще и вертикальное деление пространства (членение мира относительно течения реки). В данной статье будет описано представление хантыйского человека о пространствах мифологических персонажей бога Төрэма и жителя подземного мира Хинь в картине мира народа ханты.

Ключевые слова: фольклор, ханты, сказка, концепт, вербализация, пространство, небо, подземный мир, Торум, Хинь.

Dyadyun S.D.

The verbalization of the concept "space" of mythological characters ТӨRӨM and CHINЬ (on the material of the khanty tale)

The study of the verbalization of the concept of "Space" in the fairy-tale text is of considerable interest, since tales reflect the vision of the world by an ancient person. Of course, this reflection has an indirect character, obeying in turn fairy-tale laws. The concept of space arose as a generalization of the notion of place, which includes both the concept of the position of a body relative to others, and the notion of the extent of the body, its size, etc. In the traditional religious mythological consciousness, the universe is divided into three horizontal zones (top-bottom), in addition, there is also a vertical division of space (the division of the world relative to the flow of the river). This article will describe the representation of the Khanty man about the spaces of the mythological characters of the god Terem and the inhabitant of the underworld Khiva in the picture of the world of the Khanty people.

Key words: folklore, khanty, fairy-tale, concept, verbalization, space, sky, underground world, Torum, Khin.

Понятие Пространство возникло как обобщение понятия места, которое включает в себя как представление о положении какого-либо тела относительно других, так и представления о протяженности тела, его размере и т.д. [1, 1].

В современном представлении пространство – это важнейшая онтологическая категория, форма существования материи, характеризующая ее протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие ее элементов. Пространство и время являются теми категориями бытия, которые служат неиссякаемым источником для размышлений человека вообще, не только для философов. Категория пространства и времени «входит в число главных бытийных категорий, являя собой две важнейшие из познанных человеком форм существования материи, введенные им в язык как для того, чтобы говорить о сложнейших тайнах вселенной, так и для того, чтобы постичь простые формы ориентации человека в конкретном месте и конкретном времени (2, 27).

Ориентация в пространстве является одним из самых важных этапов в познавательной деятельности человека,участвующего в формировании сознания. Рассматривая явления восприятия как один из важнейших когнитивных механизмов человеческого существа,

говоря о биологических предпосылках строения языковых систем, Е.С. Кубрякова считает, что необходимо учитывать и то, как оказались на их организации принципы восприятия мира. По мнению ученого, «у человека в ходе его эволюции формируются две относительно автономных системы виденья мира – так называемая ЧТО-система (what-system) и ГДЕ-система (where-system)» [3, 88]. Первая система является своеобразным идентификатором окружающей среды, направленным на противопоставление различных объектов по параметрам фигуры и фона. Вторая система занимается определением расстояния до предметов или объектов, находящихся в пределах видимого обзора. Благодаря второй системе формируются представления об абсолютном расстоянии до какого либо предмета и об относительном соположении предметов друг относительно друга. Вторая автономная система виденья мира (ГДЕ-система) является первоначальным перцептивным основанием для формирования и понимания концепта Пространство [1, 2]. Е.С. Кубрякова справедливо полагает, что наивное представление о пространстве сформировалось раньше, то есть предшествовало научному осмыслению пространственных категорий. Также исследователь говорит о вторичности концепта Пространство по отношению к базовым концептам Объекта и Предмета [3, 87].

Целью данного исследования является описание основных представлений о пространстве в хантыйской языковой картине мира, которые прослеживаются в хантыйских народных сказках.

Как считает Е. А. Алещенко, «понятие картины мира, в том числе языковой, строится на изучении представлений человека о мире. В фольклоре эти представления реализуются своеобразно, преломляясь через призму мифологического, наивного, а затем и религиозного мышления. Наряду с отражением в фольклорной языковой картине мира народного опыта в ней заключается достаточно древний взгляд на мир, воплотившийся в многочисленных условностях, которыми изобилует сказка [4, 25].

Феномен пространственной ориентации относится к параметрическому типу концептов, который представляет собой универсальное видение мира, некие основные координаты измерения или ориентации человека и потому лишен какой-либо оценочности или экспрессивности. Это несуществующий в природе концепт-конструкт, который накладывается на действительность. Представление о пространстве, производным от которого является пространственная ориентация, зависит от уровня развития человеческого сознания, в связи с чем, в работе дается краткое описание генезиса понятия «пространство». Отмечено, что современная концепция о пространстве предопределена первоначальным, мифopoетическим пространством, наделенным одухотворенностью и качественным богатством и породившим множество бинарных пространственных оппозиций и основные параметры членения мира (небо-земля, внутренний-внешний, высокий-низкий, далекий-близкий и т.п.) [5, 226].

Одним из базовых противопоставлений в параметризации кон-

цепта «Пространство» в русском фольклоре является верх-низ. Так Р. Гжегорчикова предлагает следующую категориальную структуру оппозиции Верх-низ [6, 78]. В хантыйском представлении о мире Вселенная делится на три зоны: *төрәм* 'небо'; *мүв* 'земля'; *мүв илпи, пәтлам мүв* 'подземный мир'. «В соответствии с этим троичным членением выделяются три главных божества. Пантеон возглавляет небесный бог, его самые известные названия – *Төрәм* (*Тором, Турым, Торэм*) и *Нүм-Торум*. Слово *Төрәм* имеет несколько значений 'небо', 'вселенная', 'край', 'погода', 'эпоха', 'высшее существо'; *нүм* 'верхний', 'южный'; *Нүм Төрәм* 'верхний бог'... Небесный бог является создателем земли, подателем дневного света, охранителем морали и миропорядка» [8, 14]. Описание жителя нижнего мира, описано там же у Н.В. Лукиной: «Нижний мир – мир мертвых, царство болезней и смерти, место обитания брата (или сына) *Нум-Торума*, известного под именами *Куль, Кынь-лунк* (хант.), *Хуль-отыр* (манс.). В космогонических мифах он выступает то, как партнер *Нум-Торума*, то, как носитель враждебного людям начала» [7, 15].

Наряду с горизонтальным членением мира в мифах имеется и вертикальное, отражающее вероятно более ранние взгляды. «Как пространственный архетип река маркирует направление север-юг, но иногда и запад-восток. Северная и западная стороны ассоциируются с миром мертвых («ночная сторона»), юг и восток – стороны поддержания жизни («дневная, солнечная сторона»)» [8, 37].

В каких пространствах представляют *Төрәм* и *Хинь* у народа ханты,

что их окружает, мы увидим в следующих текстах народных хантыйских сказок: *Йа, ин Төрәм ики йухи щи мүвәла мәнәс, вәлты шушәл, вәлты тәрмала. Йа, ин ләхсәл – Хињ ики – хүв-ван вәс, щи ин нүмәс вәрәс па Төрәм ләхсәл хуща щи мәнәл.* 'Ну вот, этот мужчина Торум домой на свою землю, на свое небо пошел, на место своего обитания. А через некоторое время его друг – мужчина Хинь – надумал навестить Торума. Поднялся на землю, поднялся на небо, к другу Торуму пришел'. Таким образом, представитель подземного царства поднялся в другое пространство. В данном же тексте также имеется и вертикальное деление Вселенной: *Увәс щәрәс лухән Төрәм ләхәс тайәл* 'В заливе Северного моря, у Торума друг есть'; «В заливе Северного моря, мужчина Хинь ики жил» [9, 38]. На севере, в низовьях Оби, по представлениям обских угров, располагается царство холода, болезней и смерти. Его хозяином считается Хинь ики 'Дух смерти и болезней', он же Увәс вот ики 'Северного ветра мужчина'. Таким образом, верхний и нижние миры относятся к области «духовного бытия».

Поскольку восприятие человека рисует в его голове пространство простирающимся во вне, то рассмотрим описание пространства, окружающее Торума: *Хүв мәңсәүән, ван мәңсәүән мүв илпи зәәлт тылщәү төрәм, хәтләү төрәма нүх щи питсаүән* 'Долго ли ехали, быстро ли ехали из под земли на лунное небо, на солнечное небо вверх прибыли'; *Төрәм ләхсәл вәлты ииүкән, вәлты мүвән мухәлайа вантыйәл.* *Төрәм ләхсәл вәлты мүвәл щи: лапәт ов хәрәп и сорни хот, вух хот па нәмәлт ан*

тăйэл. Мухэлдайа вантыйллэллэ: ипӯша па сэй, ипӯша па хиш па нэмэлтты нүхлы лольщи турэн антө, варэс антө 'Осмотрелся мужчина Хинь вокруг. Видит Хинь: на земле стоит только один золотой дом, серебряный дом с семью дверями и больше ничего нет. Еще раз кругом осмотрел: крупный песок, мелкий песок и ни кустарника, ни травинки нет, одна пустыня'; Хотэл, мăттырэн, ай лор, ай ас малаткем: щимэц вен сорни хот, вух хот вэлмал. Хот хэрэл, хот луваттыйэн хулыйэва сэмэн төтлэсслэ. Хот хăры күтэлэн нэмэлтт сэма питты утт антө. Нэмэлтт таш ён тăйэл, вүнш ён тăйэл ин Торэм лөхсэл ики 'Дом, оказывается, как маленькое озеро, как маленькая речка величиной: такой большой золотой дом, серебряный дом был. Пол, внутри дома, все обвел глазами. Посреди пола ничего не попалось на глаза. Никакого богатства не имеет, никаких вещей нет у его друга Торума'. На первый взгляд, открываются качества характера и равнодушное отношение к роскоши Торума, его умеренность к излишествам характеризует древнего хантыйского человека.

Следующий текст, явно, позднейшая вставка рассказчика, так как он не совпадает с картиной жизни хантыйского человека, живущего традиционной жизнью: *Ким ётсэн, ин Хинь икэл вантыйэл: щи венэт ощэт тăйтэл, олёндлал тэл кăллэл – ипӯша вэлтты нүви кăрты, нүви вух ощэт. Мулт арэт щурсал щирэн мис, мăттырэн, тăйтал ин Тэрэм лөхсэл ики. Лестут кавэрты йох щата рөпитетлам, мис йинук пёстры ненэт. Ин Тэрэм икэл пощкайэн кăрты*

йүх телэн вош хүват вантыйэл: вошэл мүлтты вушн суханл, кимжал паан кăл, вутаттэл па ан кăл. Инмэнтты йүхэттмалэн, вантэл: ипӯша вэлтты сэй, ипӯша вэлтты хиш. Нэмэлтт пурмэс, нэмэлтт утт сэма па ан хойэс. Көрт, вош па ан тайэл. Вам, митра па митра Ѣи 'Вышли на улицу, мужчина Хинь смотрит и удивляется: такие большие огорода из белого железа, нет им ни конца, ни края. Несколько тысяч коров, оказывается, у его друга Торума. Повара там работают, доярки. По большому городу мужчины Торум, построенного из бочкового железного дерева идет Хинь, смотрит: нет городу ни конца, ни края. Такой большой город! А ведь когда пришел, то увидел всюду вечный песок-пустыню. Никакого имущества, никаких предметов в глаза не попадалось. Деревни, города даже в глаза не видел. Вот это диво так диво, чудо так чудо!. Пространство Торума на лексическом уровне прописано детально, фактически точно. Обживание территории, постепенное превращение его в жилую площадь (реалии быта даны в нарастании) осуществляется при параллельном, столь же детализированном движении времени. Обратим внимание на место, где обитает Хинь ики (мужчина подземного мира): Ин Хинь лөхсэл ики щитлан вэлтты пăтлам щэрэс лухала Ѣи мэнэс. Уээс щэрэс лухалэн, антэм па нэмэн, мүв илпийэн, ин па Ѣи вэл... 'И друг – мужчина Хинь – с этим в темное моря залива вернулся. В Северном море залива, не на земле, а под землей до сих пор живет...'; Йа, Ѣи, ин тăлта, – лупийэл, – лапэт щорэс тăмпийа питсумэн. Хынь ики иллы йăхийэлтты йөш хүват

щи иллы лўйлумән па Хыњ вossa йўхатлумән ‘Ну, вот, – говорит, – оказались мы за семью морями. Сейчас по дороге Хиня, уходящей под землю, все вниз пойдем и приDEM в город Хиня’. Соотношение двух этих «миров» – верхний и нижний (комплементарные антонимы, подчеркивающие невозможность одновременного существования в рамках заданного пространства) – создают параллельные линии. Несовместимость параллельных пространств.

Выше названные примеры, свидетельствуют о том, что это не тот мир, в котором живет сказитель. В любом случае этому миру противопоставлен другой, который находится «на небе» или «под землей». В текстах мы не нашли подробного описания города или описания дома Хинь ики. Очевидно, что рассказчики, исходя из элементарных правил этикета, определенных запретов, касающихся хантыйского народа, не касаются этой темы вообще. Перемещение из верхнего мира в нижний и наоборот является основой многих мифологических мотивов.

Расстояние до небесных дверей весьма неопределенно: *Хўв мэнсанүэн, хўйэн вёлы, ван мэнсанүэн, хўйэн вёсы* ‘Долго ли ехали, никто не знает, коротко ли ехали, никто не знает’; *Йа, щи, ин тაлтма, – лупийэл, – лапэт щэрэс тумпийа питсумэн*. *Хыњ ики иллы йайхийэлты йөш хўват щи иллы лўйлумән па Хыњ вossa йўхатлумән* ‘Ну, вот, – говорит, – оказались мы за семью морями. Сейчас по дороге Хиня, уходящей под землю, все вниз войдем и приDEM в город Хиня’; *Хўв төрэмэн хўв мэнсэллэ, ван төрэмэн ван*

мэнсэллэ, тўукән лупасүэн хотыйэ омәсәл ‘Долго ли шла, коротко ли шла, вышла к лабазу’ [11, 14]. Данное словосочетание «долго ли шла, коротко ли» указывает на пространственную неопределенность.

Место в сказке весьма специфично. Обозначение бытия обычных сказочных героев, не принадлежащих к главным божествам, встречаются в зинах: *Имен-икенүэн вөнтән вөлләүэн* ‘Муж с женой живут в лесу’ (глагол настоящего времени); *Төрэм вош, хон вош вўтпийэн пирәц имен-икенүэн вәснүэн* ‘За небесным городом, за царским городом жили старые муж с женой’ (данная формула уже подтверждает, что если муж с женой жили за царским городом, то они не относились к царскому словищу, и жили небогаты); *Атэлт лөүх йўх авәтән, атэлт кајт йўх авәтән имен-икенүэн вәснүэн* ‘В отдаленном месте, где находятся мужские божества, в отдаленном месте, где находятся женские божества, муж с женой жили’. Ведущую роль играет здесь определение *атэлт* ‘отдаленный, отдельный’, которое, будучи неопределенным, позволяет сказочному действию развиваться в особом, «другом» мире. Его иородность и подчеркивает *лөүх йўх авәтән, кајт йўх авәтән* ‘где находятся мужские божества, где находятся женские божества’. И если рассказчик добавляет подобное словосочетание, то это снова попытка доказать возможность происходящего, если не реальность его.

Следующий текст сформирован в процессе познания окружающей действительности, природы и ее явлений: «*Йайнүэн, мүн муй вўрән атэлт вөлләв тәм атэлт*

көртэвэн, атэлт луваттэвэн? Па нын тäm йиңкөй пелек көрөтлатэн, хүлты муй хানты вөлты мүв, хানты йাঞхты пানт ѣн пелы мутшийэллэтэн? «Йайнэл лупләнән: «Муйкем ńөрөм хор күр эвэлтләмэн, муйкем вөнт хор күр эвэлтләмэн, йাঞхты пантэмэн вүшн нэмэлт мүлты хানты вөлты щупщөй ѣн мутшэлман, хানты вөлты вэр ѣн мутшэлман». – «Йа, йайнэн, йাখа вөнта мэнлэв». Йайнэл лупләнән: «Па хуты, йাঞхты вэрэн ки вөл, мэнлэв вөнта. Йивэв йис эвэлт, ацэв йис эвэлт хাঁщэм и вөнт иса мин ѣн вөнтыйлләмэн. Питы ńухэс, питы вой, алпа, тайлэл. Тäm иса кানшты мүвэвэн, вантэ, питы ńухэс, питы войэл иса шимла йис». – «Йа, па щимэш мүв тайлэтэн ки, вантэ, хөләм хө мэнты, – апалэл луплэл, – муй атум». – «Па хуты, хөләм хө мэнлэв, йайнэл лупләнән, – иса ѣнт йাঞхийлэм мүвэва. Мин па пирща ѿты щи питсүмэн. Йাঞхтэв муй атум». «Братья, почему мы одни живем в этой одиночной юрте, совершенно одни? Вы обходите водную сторону, вы обходите лесную сторону. Неужели не встречали нигде обжитой земли, следа ходячего человека?» Братья в ответ: «Сколько лет добываем тундрового быка, сколько лет добываем лесного быка, нигде не встречали даже следа человеческого». – «Братья, ну пойдем вместе лесовать». Братья отвечают: «Что ж, если есть желание, пойдем! В дальнем лесу, оставшемся со времен начала рода нашего, от отца нашего, мы никогда не промышляли. Черный соболь, черный зверь есть, наверное, в том лесу. В близ-

нем лесу совсем мало стало черного соболя, черного зверя». – «Ну, если есть такая земля, то трем мужчинам, – говорит младший брат, – идти разве плохо?» – «Ну, конечно, – говорят старшие братья, пойдем втроем на совсем нехоженную землю. Надоело нам сидеть на одном месте, скоро состаримся. А сходить вместе совсем неплохо. Покажем тебе родовые земли». Текст указывает на необжитую землю, о том, что кроме братьев, других людей нет на земле. Данные пространственные категории, как объект, форма, место находятся в неразрывной связи друг с другом, так и с пространством как таковым.

Таким образом, можно говорить о большей значимости концепта «Пространство» в хантыйской языковой картине мира. Он активно презентируется на различных языковых уровнях и позволяет осмысливать другие физические явления, человеческие качества, ментальные характеристики. Рассмотренные выше пространственные параметры, характеристики, а также их проекции, обозначившиеся в процессе изложения, могут служить методологической базой исследования.

Литература

- Сонник, Н.С. Концептуализация пространства в русской языковой картине мира [Электронный ресурс] // <http://docplayer.ru/45035203-Konceptualizaciya-prostranstva-v-russkoj-yazykovoy-kartine-mira.html>. (дата обращения: 1.10.2017).
- Кубрякова, Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке вопроса) / Е.С. Кубрякова // Известия АН. Сер. Литература

- и язык. – 1997. – Т. 56. – № 3. – с. 22-31.
3. Кубрякова, Е.С. О понятиях места, предметах и пространства / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.В. Левонтина. – М.: Языки русской культуры. 2000. – С. 84-92.
4. Алещенко Е.И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки): дисс. ... канд. ист. н. [Текст] / Е. Алещенко – Волгоград, 2008. – 432 с.
5. Евтушенко Е. Н. Пространственная ориентация // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 2. Волгоград: Парадигма, 2005. – 356 с.
6. Гжегорчикова Р. Понятийная оппозиция верх – низ (пол. ‘wierzch’ - ‘spryd’) и языковая модель пространства / Р. Гжегорчикова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. Ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 413-424.
7. Мифы, предания, сказки хантов и манси. Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков. Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под общей редакцией Е. С. Новик. – М.: Наука. – 1990. – 568 с.
8. Волдина Т. В. «Долгой жизни вековечный танец»: реинкарнация в контексте мифоритуальных традиций обских угров. – Ч. I. – Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2016. – 206 с.
9. Рассказы старого ханты [Текст] / Сенгепов А.М. – СПб.: «Просвещение», 1994. – 175 с.

Образ ветра в фольклоре казымских ханты

Каксина Е.Д.

Предметом исследования является образ ветра в хантыйском фольклоре. Основным источником нового материала являются фольклорные материалы информантов: бытовые рассказы, рассказы-былички, рассказы, вошедшие в легенды. В статье наиболее ярко и объемно даются определения по отношению к ветру, относительно сторон света, а также названия, зависящие от сезонных природных явлений. Кроме того, в ходе исследования было выявлено культовое место духа-покровителя ветра, имеющего несколько образов, представлены обряды, связанные с ним. Данный образ является не только природным явлением, но и важным действующим лицом в фольклоре. Статья написана на основе полевых материалов, собранных на территории бассейна реки Казым и полноватского Приобья. Таким образом, вводимый в научный оборот полевой материал открывает перспективы для продолжения исследований представлений обских угротов об образе Ветра.

Ключевые слова: фольклор; ханты; Ветер; образ; обряд; Небесный Отец; природные явления.

Caxino E.D.

Image of the wind in the folklore of the Khanty kazymskih

The subject of research is the way the wind in hantyjskom folklore. The main source of new material are folkloric materials informants: domestic stories, stories-bylichki, stories included in the legend. Article most clearly and vividly defined relative to the wind, to the sides of the beam, as well as the names, depending on the seasonal natural phenomena. In addition, the study identified the cult place of the spirit-the patron saint of rain that has multiple images presented rituals associated with it. This image is not only a natural phenomenon, but also an important actor in folklore. Article written on the basis of field material collected on the Kazim River basin and polnovat'skogo Priobja. Thus, the input field into scientific circulation material opens up perspectives for further research submissions ob Ugrians about the wind.

Key words: Wind, look, folklore, cult place, heavenly father.

С научной точки зрения ветром называется перемещение воздушной массы из зоны высокого давления в зону пониженного давления. Ветер невидим, он существует в природе незримо, но последствия данного природного явления очевидны. В метеорологии все признаки возникновения ветра: направление, сила, скорость, продолжительность определяют специальными приборами.

А.Н. Ракин в своей статье на материале удмуртского языка рассматривает обозначения ветров. Как он отмечает, что «Корпус названий ветров удмуртского литературного языка состоит из 79 обозначений, относящихся к 32 объектам номинации. Количественная разница по данным показателям обусловлена тем, что в речевой практике для одного и того же обозначаемого может быть использовано несколько названий...» [1; 52-56].

Понятие ветер на диалекте хантыйского языка обозначается термином *вот*. По предположениям информантов, ветер является служой Торума, и действует по его велению. Например: *Төрәм Ащэн, тови мар и пунәм вотәл, атәл-хәтәл щи хәвнәлләллә* 'по установлению Небесного Отца, всю весну, день и ночь, ветер дует не переставая'. *Төрәм Ащэн вотәл щиви нъамәрсәллә*, *нәмасыяа войәл-хуләл лапәтты щира* 'Небесный отец приостановил ветер, (букв.: зажал) специально, чтобы накормить насекомых (букв.: животных-рыбу)'. *Төрәм Ащэн нъур катлы-пәтлы вотәл иса кәт-мүв*

кутэн щи тэйлэллэ, вот рүөл тэлтэ-туулта щи хойльийэл 'Небесный Отец без особого стремления, нехотя управляет ветром, его порывы идут неопределенno, то в одном, то в другом направлении'. Тэрэм Ацэн сүс пела щи кэрлэс, ишкү вотэл щи ёсэлсэллэ лоњщ сэмэл пила 'Небесный Отец повернулся к осени, выпустил холодный ветер со снежными крупинками'.

По представлениям ханты, ветер может быть одним из сыновей Верховного божества *Тэрэм ащи*. В предании, из полевых материалов Пятниковой Т.Р. от информанта И. П. Лельховой, жительница деревни Пашторы рассказывает: «Давно это было, когда жизнь на земле появилась. Плыл Мужчина с темной длинной бородой со стороны Сосьвы на плоту, с земли, где живут манси. На плоту соорудил шалаш, прикрытие от непогоды. Приехал в селение Березово, вышел на берег. Позже, на том месте, где ступила его нога, появилась святилище *Нэйк Лай* 'Лиственничная роща'. По словам рассказчика, может, ему кто-то посоветовал, спуститься ниже по течению. Он сел на плот, поплыл дальше и пристал к берегу у слияния двух рек, где Северная Сосьва впадает в Малую Обь. Там он обосновался и стал местным духом-покровителем. Его хранителем был дедушка из рода Непкиных. По сведениям информанта, у Мужчины с длинной бородой, который именуется, как дух Ветра, было семеро сыновей, всех он их распределил духами-хранителями поселений по течению реки Обь: Суреи, Резаны, Чуэли, и другие бывшие поселения полноватского Приобья. А младший сын - дух хранитель деревни Тугияны. Гене-

тическое родство духов-покровителей связывало жителей этих селений между собой – они устраивали общие моления духу Ветра. Информант Никон Григорьевич Лельхов из д. Пашторы рассказывал, что местонахождение духа-покровителя Ветра находится на Малой Оби *Ай Ас хэр* вблизи окрестностей бывших юрт Непкинские. Жители с семи поселений Оби вместе с казымскими хантами перед рыбным промыслом ездили на лодках, гребя веслом с жертвоприношением к *Ай Ас ики* 'Мужчина Малой Оби', он же и *Вот ики* 'Мужчина ветер', с каждого селения везли жертвенных животных (с Оби - жеребят, с Казыма – годовалого телёнка оленя). Общее количество, как объясняет информант: (семь по семь) сорок девять жертвенных животных ставили для обряда. Люди, едущие с разных селений, ждали друг друга у местечка, называемого *Кирн ас* (*Кирнас хуща*), это место находится на Тогодской Оби близ селения Пашторы, с того места мужчины ехали соревнуясь до определённого места, чтобы показать свою ловкость и быстроту, подобно ветру. Затем, в пути оставались женщины и дети, на святилище ездили только мужчины. Обряд проводили для безопасности на воде в летнее время, чтобы ветер с жалостью относился к людям, после открытия самой широкой реки Обь, которая была основной кормилицей людей. С установлением советских норм бытия, с введением запретов на проведение обрядов, люди посещали святые места тайно, вместе не собирались. По воспоминаниям старожилов, последние обряды с жертвоприношениями проводились в 60-ые годы 20-го века.

По рассказу информанта А. Г. Ерныховой: «Дух-покровитель Ветра *Па мүв ики*, ‘Мужчина с чужой земли’, как поясняет она «*мањици мүв лөүх ики*» ‘дух-покровитель с мансийской земли’. По её сведениям его местонахождение – на Малой Оби *Ай Ас хар хуша*. Она приводит примеры из старинных сказаний: «Видно, Небесный Отец *Тэрэм Ащи*, когда сотворил жизнь на земле, отправил одного из своих сыновей повелителем, который, связанный со стихией с перемещением воздушных масс. Ханты называют его: *Уәәс мүв тәры вәт вәрт, нүм мүв тәры вәт вәрт, лоњщ похәл тәммыт хә, йәрт шиев тәммыт хә. Тәл хәтәл ки вәрәл, түрәл эвәлт лоњщ ким пул, лүү хәтәл ки вәрәл – йәрт ким пул. Муй тәхи пәја нумсәл питәл, щиевәлт па щи пул.* ‘Северной земли веющий ветер дух, с южной земли веющий ветер дух, мужчина, метающий комья снега, мужчина, распыляющий моросящий дождь. Если настанет зимний день, выдувает из горла своего снег, если настанет летний день, то выдувает из горла дождь. В какую сторону надумает, туда и дует’. И поэтому, при проведении жертвоприношений, часто упоминают имя этого божества, так как ханты живут в гармонии с природой. Информант Н. Е. Тарлина сообщает: «*Ләв хуша хәләм хә вәлләт: Ай Ләв, Вән Ләв па Күтәп Ләв лавәлттыйох, Лыв йайа-апәлыйа вәлләт. И йайәл вәт хүрән йәңхәл, Вәт икийа вәл. Щиты хүлтты са ма нәмийәлләм.* ‘На Сосьве живут трое мужчин: Малую Сосьву, Большую Сосьву и Среднюю Сосьву охраняющие духи-покровители. Они приходятся друг к другу братьями. Один из братьев перемещается в образе

ветра. Мужчина ветра – так я что-то припоминаю’». К сожалению, информант не уверена, где находится его культовое место. Похожее описание образа духа-покровителя и его культовое место, упоминается в литературных источниках: «Сяхыл-Торум-ойка – бог грома (он же Ай Ас Торум), пятый сын Нум – Торума; один из духов-покровителей сосьвинских манси. Его культовое место – недалеко от Березово» [2,543]. В работе К. Карьялайнена имеется подобное упоминание места нахождения божеств: «Бог Малой Оби в дер. Непкин» [3. 156]. Информацию учёных исследователей культуры обских угров, подтверждают сведения информантов.

В хантайской религиозно-мифологической картине мира существует несколько вариантов описания образа ветра. Например, по сведениям некоторых информантов, ветер имеет облик халея (речной чайки), и символизирует негативную, разрушительную сторону. По представлениям ханты, халей – представитель мужского пола, разгуливающий по озёрам, ворующий у рыбаков снасти, уничтожающий птенцов. Представим некоторые его фольклорные эпитеты : *Лор хәләв нүви хә, Ас хәләв нәмпи нүви хә. Лорәт са кәлы хә, Ас күтәл кәлы хә.*‘С именем озерной чайки светлый мужчина, с именем Обской чайки светлый мужчина. По озёрам скитающийся мужчина, в середине реки Обь крутящийся мужчина’. По представлениям ханты, когда на озёрах, на Оби подымается сильный ветер, когда поднимаются высокие волны, чайки, садятся на гребни волн и качаются на них. По второй версии, ветер летает в образе полярной чайки *каръорәү,*

которая чаще кружится на озёрах в открытой местности, в тундре. По сведениям информанта Пяк С. М.: «В традиционной культуре лесных ненцев считается, что *тäläлько* 'ветер' находится в облике насекомого – кузнечика. Его резкие скачки сравниваются с порывами ветра. Как он утверждает, у некоторых групп хантов, ветер тоже в этом образе. В мифологии ханты, у Ветра есть сын *Вот пух* 'Сын ветра', который существует в образе щуки. И поэтому, щуку считают сильной и быстрой рыбой, как ветер. Щука, как и ветер в хантыйской мифологии имеет образ мужчины, в преданиях часто выступает в роли храброго героя. Как считают ханты, щука поддерживает связь с Небесным божеством. Существуют некоторые приметы, например: когда просят хорошую погоду, берут именно щучьи зубы (челюсть), бросают в огонь со словами: *Хälэвәт, Тәрәм Аици, сорт пئүк лампа етәр хәтәл өәра!* Небесный отец, отправь нам завтра ясный день, как «щучьи зубы»! А также в представлении ханты есть выражение: *тарәм вот похәл* (букв.: сильный ветер ком), чаще, во время грозы, порывы которых проходят узкой полосой. По словам информантов, такое явление бывает в образе священной гагары, которую называют, *Тухләң ики* 'Крылатый старик'. Есть примета, если гагара издает ноющие звуки, говорят, будто, «ветер зовёт ненастье». Подобные сведения упоминаются в работе К. Карьялайнена, так божеством Грома у ханты является Тохтэн-Ики, 'Крылатый старик' или 'Старик Грома бури' [3, 221]. Например, у хантов выражение: *Тухләң ики мәнәм пәнт* (букв.: след Крылатого мужчины). Так говорят о

просеке, или точнее участок леса с поваленными деревьями, вывернутыми с корнями во время ураганного ветра (чаще всего во время грозы). Ханты называют просеку *Тухләң ики тухәл тый щүртәм пос* (букв.: след, оставленный кончиками крыльев крылатого мужчины) [4, с.49].

Из высказываний А. А. Ерныхова: в воззрениях ханты ветер - существо мужского пола, имеющее огромную силу. Его дом находится на макушках веток деревьев, чаще на соснах, где встречаются *шәмпәль нүвәт* близко расположенные друг к другу ветки с густо растущей хвоей, напоминающие гнезда птиц. Эти ветки ломать нельзя. Особо запрещалось бросать их в огонь – ветер накажет, может всё стойбище сгореть. Представим бытовой рассказ из жизни людей, рассказчик С. М. Пяк : «В молодости промышляли с моим родственником белку. Возвращаясь обратно с охоты, я увидел, рядом с нашей палаткой росла сосёнка, на макушке которой ветки расположены близко друг к другу, смотрелось как гнездо птицы. Из любопытства, я взял да сломал эту ветку, раскидал полностью их. Вечером вернулся мой дядя, сели пить чай. И тут неожиданно поднялся ветер. Затем, ветер так разбушевался, началась выюга, и нашу палатку полностью всю разорвало. Мы кое-как остались живы. Наверное, благодаря молитвам дяди мы выжили, я видел, как он обращался к ветру».

Ветер в жизни человека играет важную роль. Он как повелитель природной стихии воздуха, управляет тучами на небе, перемещая их в зависимости от того, куда он захочет. Например, говорят: *Вотэн*

пälлëнжал увса ѹи төллэ ‘Ветер, тучи на север ведет’. *Вот акэн ики, пälлëнжал ара мäншäслэ, ётэр хэл ѹи вëрэс* ‘Дядя ветер тучи разогнал (букв.: разорвал), прояснилось. *Вот акэн ики пälлэн хүшижал пиrëtsäллэ, пäста ѹи мäнлëт* ‘Дядя ветер погнал слои перистых облаков, так они быстро мчатся’. Ветер – непредсказуемое природное явление, которое, в зависимости от степени интенсивности может нести на поверхности земли свои разрушительные действия. Сильный ураганный ветер *тарэм вот*, который бывает чаще весной, дующий с севера, а летом, во время прохождения грозовой тучи – *пälлëн вот*.

В хантыйской метеорологии направлением ветра принято считать направление, откуда дует ветер, учитывая четыре основные стороны света. Например: *увëс вот* ‘северный ветер’; *нум вот* ‘южный ветер’; *кэв вот* (букв.: каменный ветер) ‘западный ветер’; *хäлэвэт вот* (букв.: ветер завтрашнего дня) ‘восточный ветер’. Главными сторонами горизонта направления ветров являются север и юг. Восток и запад являются промежуточными направлениями. На хантыйском языке не называли меж горизонтальные промежутки направления ветра. В русском языке говорят «северо-западный ветер», то в хантыйском языке чаще будет *увëс вотэн, кэв вот пёла кёрлэс* ‘ветер с севера на запад повернулся’; *нум вотэн хäлэвэт вот пёла кёрлэс* ‘южный ветер в сторону востока повернулся’, (букв.: завтрашнему ветру повернулся) и т.д.

Каждое название ветра имеет свою черту характера. Самым сильным и суровым считается се-

верный ветер, приносящий сильные холода и морозы. Есть выражение *кувщëн ишки, молэпщëн ишки* ‘букв.: мороз в малице с мехом наружу, мороз в малице’. Когда дует северный ветер, невозможноходить в одежде без меха. В хантыйской мифологической картине мира он представлен *хүв питы түшэп пиrещ аки* ‘в облике великолепного старца с черной длинной бородой’. При резких сильных порывах северного ветра говорили: *Увëс вот акэн ики тушэл ѹи хäньщäрсäллэ* ‘Дядя Северный ветер свою бороду приподнял’. *Увëс вот акэн ики йэрэл щимурт вен, хен тушэл хäйцрэмталэн, сом вэс нух алэмэл имэхты йош тыйа*. ‘Настолько сила велика у Северного ветра, говорят, когда приподнимет он свою бороду, сто водных мамонтов поднимет вверх одной рукой’.

Северный ветер у обских угров как природная стихия воздуха, наделенная большой могущественной силой, воспринимается как небесное божество и мифологический персонаж. Существует немало легенд, связанных с ним: Например, у народа манси есть такая легенда: В начале времен Северный ветер – Луивот-оика – дул не переставая, зимой и летом. Каждый день люди умирали от холода. Наконец некий охотник решился вызвать стихию на поединок. Северный ветер в ответ на вызов схватил лук и стрелы, и соперники принялись стрелять друг в друга. Охотник изловчился и попал стрелой в нижнюю челюсть ветру. Тот долго не мог дуть, и люди стали умирать от жары. Так продолжалось, пока у Северного ветра не зажила челюсть. Но дуть в полную силу он уже не мог – с той поры люди стали жить хорошо[2, 297]. В другом мифе: «Старику, кото-

рый не мог даже раскрыть дверь своего дома, пришлось отдать в жены Северному ветру свою младшую дочь: тогда в его доме стало тепло. В хантыйской сказке *Тепэлле* «Желудочек», герой ходит в поисках самого сильного существа на свете, и в фольклоре ханты им оказался Северный ветер.

Западный ветер называют ханты *Кэв вом* ‘каменный ветер’. На западе проходит Уральский каменный хребет, его местные этносы называют поясом Небесного Отца Торума. Информант П. М. Каксин рассказывал: Небесный Отец Торэм когда-то опустил свой ремень на землю, чтобы живущие люди на земле знали и верили, что он самый могущественный и великий мужчина во Вселенной. И его ремень, с каменными заклепками протянулся на тысячи километров по земле и превратился в горную полосу. Появились высокие красивые горы, вершины которых покрыты снегом. Они перекрыли пути перелета птицам с запада на север. И люди обратились к Небесному отцу, чтобы он *васы йиты пилт хэр ат вэрэл* ‘птицам лететь просеку сделал’. И Небесный отец сделал на самой высокой горе отверстие, просеку, по которой полетела на север огромная стая перелетных птиц. И в этот момент через это отверстие подул прохладный ветер с каменными крупинками, которые падали в виде мелкого ледяного града. Ханты назвали его *кэв вом* ‘каменный ветер’. Этот ветер приносит много осадков, зимой в виде снега, летом в виде дождя, и поэтому получил второе название *пёкатьи вом* ‘ветер ненастья’.

Восточный ветер называют *халэвэйт вом* ‘ветер завтрашнего

дня’. По одной версии, на востоке происходит восход солнца, начинается новый день, и от этого произошло название ветра. Характер этого ветра всегда уравновешен: летом – дожди, зимой – снегопады, всегда тихо. Южный ветер *нүм вом*, его еще называют *мэлэк вом* ‘теплый ветер’, дующий с теплого края.

В языковой картине мира ханты некоторые названия ветра зависят от сезонного характера, например: *Морт пулты вом* ‘Снежные комья с деревьев сдувающий ветер’. Его называют: «Иух-йэнк мил, пос маншаты вом. ‘С деревьев (букв.: деревья-льдинки) шапки, рукавицы сдёргивающий ветер’. С открытием водоемом появляется ветер, который называют *йэнк мэншаты вом* ‘лёд ломающий ветер’. Осенью, во время листопада бывают сильные осенние ветра, их называют ханты *лыпэйт мэншаты вом*, (букв.: листва отрывающий ветер).

По народным представлениям, одним из повелителей ветров выступает божество гром. По словам информантов *Палэу акэн ики* ‘Дядя гром’ появляется весной с южным ветром, Когда возвращается обратно, его сопровождает северный ветер. В летний период, когда подымаются грозовые тучи, они имеют свое направление ветра: *Палэу акэн ики луй вомэн йайхты хө, муй тахи эвэлт нумсэл па питэл, щэлта па щи вомэл пунлэллэ*. ‘Дядя гром проходит со своим ветром, в каком направлении надумает, оттуда и выпускает его’. Существует выражение: *Палэу вом акэн ики пэлна-вой хүлэн йуха-йэнка Ѣи сенклайат, ньорэлтайт*. ‘Дядя мужчина ветер грома ударяет комаров-зверей об деревья-лёд, уничтожает’. В этот период гнус

идет на убыль. Бывают, когда грозовые тучи проходят без ветра, говорят: *Паләү акэн ики өтәл щиви кәтүсәлләэ* 'Дядя гром, ветер свой не выпускает'. В представлениях ханты, грозовая туча с сильными раскатами грома и молнией без шквалистого ветра, выступает как нависшая на одном месте.

В представлениях народа ханты, ветер имеет два противоположных влияния на жизнь и на окружающую среду. Положительное: человек пользуется его силой, использует в качестве источника экологически чистой энергии, спасение от летнего зноя, жары. Ветер нужен в летний период для народов, живущих на стойбище, как спасение от сопутствующего гнуса. Оленеводы, для летнего пастбища выбирали обычно открытую, продуваемую местность. Разжигали дымокуры в зависимости от направления ветра, чтобы дым шёл в сторону оленей. С другой стороны, ветер является разрушительной силой, несущий угрозу для жизни людей и окружающей среды. Сильные ветра ломают хозяйствственные постройки, срывают крыши домов, происходят трагедии на воде, смертоносные волны переворачивают лодки, тонут люди, выбрасывают мальков на берег, погибают птенцы водоплавающих птиц; смывают прибрежные деревья. Ураганные ветры ломают деревья, разрушаются гнёзда птиц, норки зверей и т.д.

Таким образом, ветер является одним из особо почитаемых божеств обитателей Верхнего мира, вступающим в контакт со Средним миром – как людьми, так и сверхъестественными существами. Согласно фольклорным материалам и актуальным поверьям хантов, ветер – как дух-хранитель занимает одно из почтенных мест в обрядовой традиционной культуре, также и в фольклоре казымских ханты.

Литература

1. Ракин А.Н. Метеорологическая лексика удмуртского языка (обозначения ветров) // Вестник угроведения. –2015. –№ 1 (20). – с. 52-56.
2. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Том 2. Томск, 1996. С. 221-222; С. 156.
3. Мифы, предания, сказки хантов и манси : пер. с хант., манс., нем. Языков / сост. Предисл. И примеч. Н.В. Лукиной. М. Наука, 1990. С. 543., с. 297.
4. Каксина Е.Д., Бурыкин А.А. Представления о Громе и грозе в культуре казымских ханты // Вестник Угроведения научно-теоретический и методический журнал № 2 (21), 2015, Ханты-Мансийск. 46-52

Риторическая аргументация как дискурсивная практика рекламной коммуникации

Пригарина Н.К.

В статье рассматривается риторическая аргументация как особая дискурсивная практика рекламной коммуникации, устанавливаются важнейшие риторические параметры аргументации текстов коммерческой и некоммерческой рекламы: ценностная ориентация и полкодовость, определяется их специфика.
Ключевые слова: Рекламный текст, аргументация, риторическая аргументация, дискурсивная практика, ценностная ориентация, полкодовость.

Prigarina N.K.

Rhetorical argumentation as a discursive practice
advertising communication

The article considers rhetorical argumentation as a specific discursive practice of advertising communication, set the most important parameters rhetorical argumentation texts, commercial and non-commercial advertising: value orientation and polkadot, is determined by their specificity.

Keywords: Advertising text, argumentation, rhetorical argumentation, discursive practice, value orientation, polkadot.

В настоящее время сформулированы и обоснованы различные научные подходы к изучению аргументации: логический, когнитивный, когнитивно-психологический, социально-психологический, риторический и др. [Баранов 1990, Брюшинкин 2006, Волков 2009, Хазагеров 2004].

В современных условиях, характеризующихся интенсивным развитием систем массовой информации и коммуникации, особенно актуален риторический подход к анализу аргументации, известный еще со времен Аристотеля.

В нашем исследовании под риторическим подходом понимается рассмотрение аргументации как способа речевого воздействия на адресата, осуществляемого в соответствии с замыслом адресанта на основе риторических (ценностно-этических, рациональных и эмоциональных) аргументов, предъявляемых и организуемых с помощью риторических стратегий и тактик [Пригарина 2015, 117].

Таким образом, риторическую аргументацию мы определяем как аргументацию, обладающую ценностно-познавательным содержанием и осуществляющую с опорой на ценности с целью убеждения адресата посредством риторических (ценностно-этических, рациональных, эмоциональных) аргументов, стратегий и тактик [Пригарина 2010, 7].

Задача настоящей статьи – рассмотрение риторической аргументации как базовой дискурсивной практики текстов коммерческой и некоммерческой рекламы.

Материалом для исследования послужили 156 текстов коммерческой и некоммерческой рекламы, размещенных на русскоязычных интернет-сайтах. Сбор материала осуществлялся

автором, аспиранткой А. М. Курочкиной и соисследователем М.В. Серебряковой.

Анализируя риторическую аргументацию как дискурсивную практику рекламной коммуникации, мы учитываем, что в науке существуют различные определения дискурсивных практик.

По мнению социологов, дискурсивная практика – «категория, которая обозначает речевую деятельность, осуществляющую в соответствии с требованиями определенного типа дискурса в процессе его производства и воспроизведения» [Сарна, 288].

Исследователи текстов СМИ называют дискурсивными практиками «специфически организованные способы передачи смыслов в медиатекстах» и считают их промежуточным звеном, профессиональным механизмом, встроенным между работой журналиста «в поле» и написанием текста» [Автохутдинова, 3].

Для нашей работы значимо понимание дискурсивной практики как части социальной практики, ключевое положение в которой занимают речевое поведение членов социума и формы коммуникации. «Дискурсивная практика – это динамическая организация коммуникативных систем внутри социума, которая, с одной стороны, отражает характерные для данной социальной общности речевое поведение и мышление, а с другой – формирует новые формы коммуникации в данной социокультурной реальности» [Иссерс, 58].

Рассмотрим риторическую аргументацию как дискурсивную практику текстов коммерческой и некоммерческой рекламы.

Аргументация традиционно исследуется в рамках определенных дискурсов. Анализ дискурса, в поле которого возникла та или иная аргументация, делает возможным содержательное исследование этой системы, определяющей «влиятельность аргументации» в конкретном социокультурном сообществе [Волков, 238].

Риторическая аргументация используется в риторическом дискурсе, или метадискурсе, по определению А. В. Голоднова. «Риторический метадискурс является особым типом дискурса, интегрирующим тексты различных типов, которые относятся к различным коммуникативным сферам, но объединяются общей персузазивной целеустановкой адресанта на побуждение recipiента к совершению выгодного адресанту коммуникативного действия в ситуации свобод-

ного выбора» [Голоднов, 83]. Рекламные тексты А.В. Голоднов включает в риторический метадискурс. Это, на наш взгляд, верно: их риторическая природа несомненна, в них целенаправленно осуществляется определенный замысел адресанта, направленный на адресата, реализуемый посредством системы риторических аргументов, стратегий и тактик.

Анализ нашего материала показал, что аргументация, используемая в текстах коммерческой и некоммерческой интернет-рекламы, характеризуется двумя важнейшими риторическими параметрами: *ценностной ориентацией* и *поликодностью*.

1. Ценностная ориентация как риторический параметр аргументации

Некоммерческая (социальная) реклама актуализирует систему социально значимых нравственных ценностей, установок, моделей поведения:

- крепкие семейные отношения (*Семья бесцenna, когда полноцenna; Семья надежнее банковских вкладов*);

- здоровый образ жизни (*Быть здоровым – модно; Здоровый образ жизни – выбор молодых; Здоровая еда – твой зонтик от любого дождя*);

- освобождение от вредных привычек (*Пьянство отрывает от семьи – остановись!; Вдыхая – убиваешь себя, выдыхая – других; Решай сегодня, каким ты будешь завтра – не пей!*);

- рождение детей (*Впусти меня в свое сердце. Сохрани мне жизнь; Выбери жизнь! Последствия абортов непоправимы; Подумайте сердцем. Отказ от абортов – билет в будущее; Дождись его улыбки. Последствия абортов непоправимы*);

- благотворительность (*Спасти всех легко. Регулярные пожертвования помогут сотням детей; Одно московское окно не горит. Мы собираем деньги, чтобы создать музей А. Сахарова; Благотворительность – это когда ты не думаешь, как это выглядит со стороны, а просто делаешь то, что считаешь правильным; Помоги ему подняться. Ты можешь помочь детям с ДЦП*);

- охрана природы (*В следующей жизни я стану елкой; Ваша помощь – не мелочь. Поддержи Гринпис через СМС*);

- обеспечение безопасности на дорогах (*Дайте перейти дорогу. 49 детей пострадали в ДТП в 2014 году; Бойся детей. Их тянет на дорогу*) и др.

На актуализацию ценностей адресата всегда направлена и коммерческая реклама. В любой коммерческой рекламе учитывается целевая аудитория и проводится ее сегментирование: учитываются ценности потребителей с разным уровнем достатка [Пригарина, Курочкина, 186]:

Например, обращение к ценностям потребителей, предпочитающих дорогой элитный отдых в рекламе гостиничных услуг, позволяет получить наиболее вероятную обратную связь: «Роял Сервис». Отель *Paradisus Princessa Del Mar* – «драгоценный камень» короны наших отелей в Варадеро. Услуги «Роял Сервис» дают возможность заблестеть ему еще ярче, еще роскошней. Любая мелочь доведена до совершенства и таит в себе удобство и комфорт

Или: Сеть отелей *Rixos Lake Borovoe* – изысканная роскошь и чуткая забота.

Ср. также: Для Вас от чистого сердца. *Shangri-La, Bosphorus, Стамбул* – новейший отель нашей роскошной группы – одарит вас самым теплым приемом. Он расположен рядом с дворцом Долмабахче на берегу легендарного Босфора. Да будет каждая минута вашего пребывания согрета нашим сердечным гостеприимством.

Таким образом, *ценностная ориентация* – важный риторический параметр аргументации, который, собственно, и делает ее риторической. Именно ценности определяют отбор и соотношение компонентов риторической аргументации, являются фундаментом всей системы.

2. Поликодовость как риторический параметр аргументации

Еще одним значимым риторическим параметром аргументации текстов коммерческой и некоммерческой рекламы является *поликодовость*.

Рекламные тексты, как известно, весьма часто содержат как вербальные, так и визуальные знаки и символы. Тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)», называют «*креолизованными*» [Сорокин, 23] или поликодовыми [Чернявская 2009, 28].

Риторика еще с античных времен предполагала «не только собственно языковое измерение, но еще и визуальные, кинетические и другие составляющие» [Чернявская 2013, 124].

В последние десятилетия появилось новое научно-практическое направление – *визуальная риторика* («visual rhetoric»), в котором с функцией убеждения связывается визуальная сфера [Лапшина, 2015].

О визуальной риторике можно говорить «в отношении образов, которые созданы (либо использованы) для того, чтобы кого-то в чем-то убедить, а также именем визуальной риторики обозначить тексты, которые изучают этот тип визуального сообщения» [Гербовицкая и др. www].

На наш взгляд, поликодовость усиливает риторический характер рекламного текста и в связи с этим может быть осмысlena как риторический аргумент, обеспечивающий эффективное воздействие на мнения, оценки, представления адресата, утверждающий социально значимые ценности и модели поведения, побуждающий к ответной реакции

Поликодовость передает сложную ценностно-ориентированную мысль о действительности, включающую в себя информацию, авторскую интенцию и эксплицитную или имплицитную оценки и реализуется в текстах коммерческой и некоммерческой рекламы с помощью «*побуждающего*» информирования и «*побуждающего*» оценивания [Пригарина, Серебрякова, 149].

«*Побуждающее*» информирование представлено случаями, когда:

1) визуальный компонент иллюстрирует рекламный текст, не внося элемента дополнительной информации (*Они переживают своих внуков. Не делай из леса помойку.* На фотографии изображены валяющиеся на лесной полянке пустые бутылки, пакеты и т.п.);

Или: *Рождество в Emirates Palace. Отпразднуйте Рождество в окружении раскидистых садов, на берегу девственного пляжа протяженностью 1,3 км, наслаждаясь превосходным видом на Аравийское море* (текст рекламы проиллюстрирован изображением матрешки, раскрашенной в золотые и черные цвета с арабскими узорами, то есть посредством иллюстрации передается основной смысл текста: реклама предлагает проживание в отеле в арабской стране – узоры, украшающие куклу, во время православного Рождества – матрешка);

2) визуальный компонент акцентирует тезис рекламного текста (*Еще одна прекрасная*

весна... Спасибо! На фотографиях изображены мирно играющие дети, счастливые семьи и т.п. – серия социальной интернет-рекламы, посвященная Дню Победы);

Или: *Иногда нужно просто расслабиться. Живи настоящим. One & Only* (на фото символы отдыха: море, шезлонги, девушки, лежащие на них с закрытыми глазами. И только из традиционного адресного блока можно понять, что речь идет о рекламе отелей);

3) визуальный компонент актуализирует один из аспектов информации (*Родила царица в ночь не то сына, не то дочь.* На фото изображена курящая беременная женщина);

Или: *Наше «Добро пожаловать» – это только начало. The Residence является воплощением роскоши и комфорта и включает в себя лимитированное количество роскошных пляжных люков на курорте Palm Tree Court* (на фотографии бассейн отеля и часть его здания);

4) визуальный компонент противоречит содержанию информации. (*Симпатичная девушка ищет друзей. Умная. Стойкая, в еде непривередливая.* На фотографии изображена собака, которой подыскивают хозяина).

«Побуждающее» оценивание представлено случаями, когда:

1) визуальный компонент подкрепляет оценочное суждение, высказанное в рекламном тексте (*Колешься? – лох! На фото изображен опустившийся молодой человек отталкивающей внешности*);

2) визуальный компонент содержит оценку, которая не выражена прямо в рекламном тексте (*Ты тот, каким тебя видят.* На фото изображена свинья в мужской одежде, сидящая в троллейбусе рядом со стоящей беременной женщиной).

Итак, поликодовость в текстах коммерческой и некоммерческой выполняет функцию риторического аргумента. Поликодовый рекламный текст представляет собой сложноорганизованное явление, в котором вербальные и визуальные элементы образуют единое смысловое и функциональное целое, комплексно воздействующее на конечного потребителя, адресата рекламы.

Таким образом, ценостная ориентация и поликодовость являются важнейшими параметрами аргументации текстов коммерческой и некоммерческой рекламы, определяют ее рито-

рический характер, позволяют считать риторическую аргументацию базовой дискурсивной практикой рекламной коммуникации.

Литература

- Автохутдинова О. Ф. «Другой» как персонаж в СМИ: дискурсивные практики конструирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. 29 с.
- Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 50 с.
- Брюшинкин В. Н. Обобщенная системная модель аргументации / Аргументация и интерпретации. Исследования по логике, истории философии и социальной философии: сб. науч. ст. / Под общ. ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта. 2006. С. 105 – 121.
- Волков А. А. Теория риторической аргументации. М.: Изд – во Моск. ун.-та, 2009. 398 с.
- Гербовицкая М. Ф., Корчалова Н. Д., Полонников А. А. Аналитический обзор № 21 «Иконический поворот» в культуре и трансформации образования» (2014г.) // <http://elib.bsu.by/handle/123456789/111588> (Дата обращения 17 декабря 2017 года).
- Голоднов А. В. Риторический метадискурс: основания прагмалингвистического моделирования и социокультурной реализации (на материале современного немецкого языка). Спб: Астерион, 2011. 344 с.
- Иссерс О. С. Дискурсивная практика: к определению понятия // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики / отв. ред. О. С. Иссерс. Омск, 2011. С. 37 ? 61.
- Лапшина Ю. Ю. Визуальная риторика в американской традиции изучения ораторского искусства // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2015. Т. 25. Вып. 3. С.109 – 115.
- Пригарина Н. К. Аргументация судебной защитительной речи: риторическая модель: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2010. 34 с.
- Пригарина Н. К. Риторические характеристики аргументативных моделей некоторых видов дискурса // Границы познания. Февраль 2015. №1(35). С.116 – 121.
- Пригарина Н. К., Курочкина А. М. Рекламный текст: риторический подход (на мате-

риале текстов гостиничной рекламы) // Инновационные исследования: теория, методология, практика: сборник статей XI Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч.1. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. С. 185 – 188.

12. Пригарина Н. К., Серебрякова М. В. Поликодowość социальной рекламы: риторический аспект // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингво-культурологические, дидактические, ценностные аспекты. Материалы международной научной конференции. 2015. С. 148 – 150.

13. Сарна А. Я. Дискурсивные практики // Социология: энциклопедия. Мн.: Книжный Дом, 2003. 1312 с. С. 288.

14. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / / Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.

15. Хазагеров Г. Г., Лобанов И. Б. Риторика. Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 384 с.

16. Чернявская В. Е. Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Выпуск № 2 (23). Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2013. С. 122 – 127.

17. Чернявская В. Е. Поликодовое пространство текста: лингвосемантическая парадигма языкоznания // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. СПб., 2009. С. 23 – 35.

Этика классической йоги в орбите Л.Н. Толстого

Сат Н.Д.

На рубеже XIX – XX вв. в России наблюдается рост интереса к метафизическим аспектам бытия как реакция на затянувшийся социально-политический и духовный кризис в стране. Л.Н.Толстой, стремясь преодолеть кризисные явления, предлагает оригинальное вероучение, разрабатывавшееся им с юности и до преклонного возраста. В последние десятилетия в орбите толстовской жизни всё чаще и чаще оказываются произведения ведийско-брахманской духовности, наложившие свой отпечаток на мировоззрение, вероучение и на характер позднего творчества писателя.

В данной статье представлен опыт сравнительного анализа принципов Ямы, Ниямы и вероучения Толстого. Доказывается, что Яма и Нияма как этические практики классической йоги являются методологической основой вероучения Л.Н.Толстого.

Ключевые слова: Яма и Нияма; этические йогические практики; духовно-созидательный человек; гармоничное поведение; Абсолют.

Sat N.D.

The ethics of classical yoga in the orbit of I.N. Tolstoy

At the turn of the XIX - XX centuries in Russia there is a growing interest in the metaphysical aspects of being as a reaction to the protracted socio-political and spiritual crisis in the country. Leo Tolstoy, trying to overcome the crisis, offers an original doctrine, developed by him from his youth to his advanced age. In recent decades, in the orbit of Tolstoy's life, the products of the Vedic-Brahman spirituality have appeared more and more often, leaving their imprint on the world outlook, dogma and the nature of the writer's late creative work.

This article presents the experience of a comparative analysis of the principles of Yama, Niyama and the dogma of Tolstoy. It is proved that Yama and Niyama as ethical practices of classical yoga are the methodological basis of Leo Tolstoy's doctrine.

Keywords: Yama and Niyama; ethical yogic practices; spiritually-creative person; harmonious behavior; Absolute.

Возросший интерес Толстого к буддизму, индуизму, джайнизму, брахманизму, ведизму на рубеже веков продиктован в основном внутренним кризисом, который писатель пытался преодолеть.

· «Я не христианин в общепринятом смысле этого слова. Я не принадлежу ни к какой церкви» [74, с.211]¹.

· «Очень меня занимает теперь не только Будда, но и браманизм» [19, с.114].

· «Я очень интересуюсь индусской философией» [77, с.114].

Знакомство в оригинале и опосредованно с классическими произведениями Древней Индии, с трудами индийских философов в итоге сформировало ведическое мировоззрение писателя, повлиявшее на характер вероучения и позднего творчества.

Метафизический аспект вероучения Толстого соотносится с метафизическими разделом Вед – Ведантой. Так, основной целью вероучения Толстого является формирование духовно-созидательного человека на основе осознания адептом Высшей Реальности (учение Адвайта-Веданта), проявления любви к Богу-Абсолюту (учение Вишишта-Адвайта) и преданного, бескорыстного служения Ему (учение Двайта-Веданта).

Этический аспект вероучения Толстого соотносится с этическим разделом классической йоги, основоположником которой считается Шримад Патанджали (II в. до н.э.). Патанджали систематизировал теорию и опыт ведических йогических практик; философски обосновал их и изложил в тексте «Йога-сутра».

В парадигме восьмиричного пути классической йоги – Яма, Нияма, Хатха-Йога, Пранаяма, Пратьяхара, Дхарана, Дхьяна, Самадхи – первые ступени в духовном восхождении адепта занимают системы моральных наставлений – Яма (избавление от пороков) и Нияма (культурирование добродетелей).

Своё духовное восхождение адепт может начать в любой момент повседневной жизни, прилагая нравственные усилия по соблюдению наставлений, исходящих от Бога (воспринимая их как волю Бога), упорядочивающих и гармонизирующих жизнь. Гармоничное поведение очищает карму, душа освобождается от груза кармических реакций, сансарических перерождений и, наконец, обретает свою истинную божественную природу. Этическая практика (Яма, Нияма) классической йоги тесно связана с её ментальной практикой (Дхарана, Дхьяна, Самадхи). В частности, ментальная практика способствует стабилизации и фокусировке ума на Высшей Реальности, что помогает освобождённой душе идентифицироваться с Абсолютом.

С целью выявления содержательных параллелей сопоставим заповеди Ямы и Ниямы Патанджали (Глава II, стихи 30, 32, 35 – 44 трактата «Йога-сутры») с подборкой высказываний Толстого (книга «Путь жизни») на такие темы, как: «Вражда», «Ложь», «Воровство», «Блуд», «Стяжательство»; «Очищение», «Равновесие», «Отстранение», «Самопознание», «Служение».

Йога Патанджали

Яма

30. Яма (самоконтроль и сдержанность) включает в себя²

- Ахимса (ненасилье)
- Сатья (правдивость)
- Астея (неприсвоение чужого)
- Брахмачарья (безбрачие и целомудрие)
- Апариграха (непринятие даров).

Нияма

32. Нияма (или соблюдение требований) – это

- Чистоплотность
- Удовлетворённость
- Аскетичность
- Изучение писаний
- Преданность Ишваре.

35. Когда человек утвердился в ненасилии (ахимсе), враждебность ослабевает в его присутствии.

36. Когда человек утвердился в правдивости, последствия его поступков подвластны ему.

37. Все сокровища приходят к тому, кто утвердился в честности.

38. К тому, кто утвердился в брахмачарье, приходит сила.

39. Тот, кто утвердился в необладании собственностью, приобретает знание о том, каковы были и будут перерождения.

40. За очищением следует выход из тела, а так же прекращение контактов с другими.

41. Результатом удовлетворения являются чистота ума, односторонность, контроль чувств и способность видения Атмана.

42. Высшее счастье достигается через удовлетворение (сантоша).

43. Посредством тапаса (очистительных действий), вследствие устранения нечистоты возрастают силы в теле и чувствах.

44. Благодаря изучению возникают общность с Богом, проявляющегося в той форме, которая вам больше подходит.

Вероучение Толстого

Вражда

· «Чтобы спасти себя, свою душу от тлена, человек должен перестать³ делать зло, совершая насилие, в том числе и прежде всего тогда, когда он сам становится объектом зла и насилия. Не отвечать злом на зло, не противиться злу насилием».

· «Для того же, чтобы научится любить людей неприятных нам, надо прежде всего удерживаться от всякого недоброго слова и поступка, когда сходишься с таким человеком. Когда же один сам с собою думаешь недоброе о таком человеке, то отгони от себя недобрые мысли и постараися найти то хорошее, что есть в человеке. Только поступай так, и то, что казалось трудным, с каждым днем будет казаться всё легче и легче».

· «Есть только один способ положить конец злу – делать добро злым людям».

Ложь

· «Говорить и делать правду нужно всегда, даже в самых пустых делах не позволять себе лжи. Не то важно, что большое или малое зло произойдет от твоей неправды, а то дорого, чтобы самого себя никогда не осквернять ложью».

· «Мы все любим истину больше, чем ложь, но когда дело касается нашей жизни, то мы ча-

сто предпочитаем ложь истине, потому что ложь оправдывает нашу дурную жизнь, а истина обличает ее».

· «Ложь закрывает от нас бога и в нас самих и в людях, и потому нет ничего дороже истины, возвращающей нас к любви к богу и ближнему».

Воровство

· «Не присваивать себе того, что считается другими их собственностью».

· «Не воруй чужого добра и не упускай своей собственной работы».

· «Наживи себе такое богатство, чтобы никто не мог отнять его от тебя, чтобы оно и по смерти осталось за тобою и никогда бы не убавлялось и не тлело. Богатство это – твоя душа».

Блуд

· «Если цель брака есть семья, то тот, кто захочет иметь много жен и мужей, может быть, получит много удовольствия, но ни в коем случае не будет иметь семьи».

· «Закон бога в том, чтобы любить бога и ближнего, то есть всех людей без различия. В половой же любви мужчина любит больше всех других одну женщину и женщина одного мужчина, и потому половая любовь чаще всего отвлекает человека от исполнения закона бога».

· «Берегись сладострастия, потому что его плодами будут хворь и раскаяние».

Стяжательство

· «Чем больше человек дает людям и меньше требует себе, тем он лучше; чем меньше дает другим и больше себе требует, тем он хуже».

· «Чем больше ты приучаешь себя к роскоши, тем больше подвергаешься рабству: потому что чем в большем ты будешь нуждаться, тем больше сократишь свою свободу. Совершенная свобода в том, чтобы вовсе ни в чем не нуждаться, а следующая за нею – нуждаться в немногом».

· «Чем меньше потребностей, тем счастливее жизнь, – старая, но далеко не признанная всеми людьми истина».

Очищение

· «Каждый человек – алмаз, который может очистить и не очистить себя, в той мере, в которой он очищен, через него светит вечный свет, стало быть, дело человека не стараться светить, но стараться очищать себя».

· «Человек радуется, когда тело его освобождается из плена или тюрьмы. Как же не радоваться человеку, когда он освобождается от

грехов, соблазнов и суеверий, которые держали в плену его душу»?

· «Тело человека связывает тот дух, который живет в нем. Но дух пробивается через тело и всё больше и больше освобождается».

Равновесие

· «Если жизнь не представляется тебе огромной радостью, то это только потому, что ум твой ложно направлен».

· «Чтобы стать счастливым, нужно постоянно стремиться к этому счастью и понимать его. Оно зависит не от обстоятельств, а от тебя».

· «Умиление и восторг, которые мы испытываем от созерцания природы, – это воспоминание о том времени, когда мы были животными, деревьями, цветами, землей. Точнее: это – сознание единства со всем, скрываемое от нас временем».

Отстранение

· «Ничего не желать – это самое большое блаженство, и для того, чтобы приблизиться к этому высшему счастью, надо приучить себя нуждаться в немногом».

· «Главное усилие [для добродой жизни] только в том, чтобы не делать тех дел, которые противны воле бога, нашей совести и любви. И в воздержании от этих дел ничто нам помешать не может».

· «Усилия для освобождения себя от грехов, соблазнов, суеверий и лжеучений всегда такие, что ему [человеку] надо только воздержаться: не делать, не говорить, не думать, не верить».

Самопознание

· «Когда дождевая вода течет по желобам, то нам кажется, что она вытекает из них. Но ведь вода падает с неба. То же и с поучениями святых и мудрецов: нам кажется, что поучения идут от них, а они идут от Бога».

· «Всякая Истина от Бога. Она только проходит через человека. Если она проходит через этого, а не другого человека, то это только от того, что этот человек сумел сделать себя настолько прозрачным, чтобы Истина могла проходить через него».

· «Надо душу очищать от того, что затемняет, оскверняет ее, просвещать ее для того, чтобы Бог всё больше и больше проходил через нее».

Служение

· «Познавать Бога можно тем, чтобы исполнить то, чего Он хочет от нас. Хочет же Он от нас доброй жизни. И потому, только когда живем

доброй жизнью, мы познаем Бога. Без доброй жизни нельзя познать Бога».

· «Бог желает блага всему, и потому, если ты желаешь блага всему, то в тебе живет Бог».

· «Жить по-божьи значит быть подобным Богу. А чтобы быть подобным Богу, надо ничего не желать для себя. А для того, чтобы ничего не желать для себя, надо только любить».

Результаты сравнительного анализа подводят нас к определённым выводам.

1. Выявленные содержательные параллели позволяют утверждать об активном восприятии Толстым этических принципов Ямы и Ниямы.

2. Практика Ямы реконструируется в вероучении Толстого как преодоление человеком скверного образа жизни (вражда, ложь, воровство, блуд, стяжательство), порождающего зло, угнетающего его душу, причиняющего страдания, наносящего вред и самому человеку и окружающему миру на уровне мыслей, речей и поступков. Следствием скверного образа жизни является нарастание негативных наслоений в кармическом теле человека, без отработки которых духовная реализация невозможна.

3. Практика Ниямы реконструируется в вероучении Толстого как культивирование боголюбивого образа жизни (очищение, равновесие, отстранение, самопознание, служение), кардинально и качественно меняющего природу человека, раскрывающего в нём божественную суть.

Боголюбивый человек старается быть нравственно чистым и безупречным. Очищение от скверны (пороков) альтруистическими помыслами, речами и делами освобождает его душу от кармических последствий, и она устремляется в высшие сферы бытия, чтобы «соединиться с Богом и стать Богом».

Боголюбивый человек испытывает состояние душевного равновесия независимо от обстоятельств, он находится в постоянно умиротворённом, благостном, счастливом состоянии.

Боголюбивый человек отстраняется от соблазнов, искушений; легко обуздывает, пресекает в себе излишние желания, материальные привязанности, эгоистические порывы, тягу к скверне. Он способен сам регулировать функции своего ума, тела, поведения, речи в нужном ему направлении, в направлении боголюбия.

Боголюбивый человек стремится познать Истину, смысл бытия и законы Вселенной. Он

расширяет свой кругозор, самосовершенствуется, изучает духовную литературу, общается с духовными учителями, приобщается к тайным знаниям и познаёт свою божественную природу.

Боголюбивый человек принимает Бога как идеал и цель жизни, он ментально фокусируется на Абсолюте, гармонизируется с Абсолютом и проявляет любовь к Богу благими помыслами, речами и делами, т.е. служением Ему.

Таким образом, цель классической йоги – достижение гармонии души, ума и тела с Абсолютом –озвучна цели вероучения Толстого. Этические инструменты Толстого генетически связаны с ведической духовной традицией.

Литература

1. Бурба Д.В. Толстой и Индия. Прикоснение к сокровенному. – С-Пб.: Фэн-шуй центр, 2000. – 240с.
2. Бхагавадгита /Пер. ссанскрита В.С. Семенцова. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 256с.
3. Гусейнов А.А. Учение Л.Н. Толстого и современные дискуссии о ненасилии // Сибирские философские школы. – Новосибирск, 2002. – С. 33 – 48.
4. Данделкар Р. Н. От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология. – М.: Вост. лит., 2002. С. 85 – 103.
5. Йога-сутра Шримад Патанджали /Англ. пер. ссанскрита К.Свенссон. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ashtanga-yoga.guru>
6. Классическая йога /Пер. ссанскрита, введ., коммент. и реконструкция системы Е.П. Острожской и В.И.Рудого. – М.: Наука, 1992. – 263с.
7. Лев Толстой. Путь жизни. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works>
8. Мартынов Б.В. Упанишады. Йоги и тантры. – С-Пб.: Алетейя, 1999. – 78с.
9. Посова Т.К., Чижикова К.Л. Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 168с.
10. Свами Вивекананда. Афоризмы Патанджали из классической «Йога-сутры». – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 448с.
11. Свами Сатьянанда Сарасвати. Йога-сутра Патанджали. Комментарии. – Минск: Изд-во «Ведантамала», 2006. – 388 с.

12. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Юбил. изд. – М.: Л.: Художественная литература, 1928–1958.
13. Шри Шри Анандамурти. Руководство к поведению человека /Пер. с англ. – М.: Издательство «Публикации Аナンда Марги (Россия)», 2002. – 44с.
14. Эдел Д. Яма и Нияма. Исследование этических основ практик йоги. – М.: София, 2014. – 192с.
15. Эккирала Кришнамачарья. Уроки по йоге Патанджали. – М.: Амрита, 2016. – 176с.

Ссылки:

1 Ссылки на ПСС Л.Н.Толстого (№12 в списке литературы) даются с указанием в скобках тома (на первом месте) и страницы.

2 Ссылки на текст Ш. Патанджали даются по интернет-источнику (№5 в списке литературы, английский перевод ссанскрита К. Свенсон).

3 Ссылки на книгу «Путь жизни» даются по интернет-источнику (№7 в списке литературы)

Проблемы нарушения границ телесности в родах

Шалыгина Н.В.

В статье рассматриваются возможные причины появления эмоциональных переживаний молодых россиянок в процессе ведения естественных родов. Автор полагает, что основной причиной данного феномена являются общие изменения в социокультурной самоидентификации российских женщин, и, в том числе, изменения восприятия ими своей телесности. Кратко рассматривается история изучения телесности в мировой науке и делается вывод о вторичности телесности в советской культуре, по сравнению с духовностью советского человека.

Ключевые слова: роды, материнство, естественные роды, биоглобусфера, целостный подход, феноменологический подход, дихотомический подход, менталитет, глобализация, практика акушерства, альтернативные роды, психопрофилактика родов.

Shalygina N.V.

Problems of violation of limits of corporality in labor
In the article, possible causes of the emotional experiences of young Russian women in the process of conducting natural births are considered. The author believes that the main reason for this phenomenon is the general changes in the socio-cultural self-identification of Russian women, and, in particular, changes in their perception of their corporeality. The history of the study of corporeality in world science is briefly examined and a conclusion is drawn about the secondary nature of corporality in Soviet culture, in comparison with the spirituality of the Soviet man.
Keywords: childbirth, motherhood, natural birth, holistic approach, phenomenological approach, dichotomous approach, mentality, globalization, obstetrics practice, alternative births, psycho prophylaxis of childhood.

Практики ведения родового процесса в России за последнее время стали включать в себя качественно новые эмоциональные переживания. Воспринимая роды как естественный процесс, отличающийся по множеству параметров от экстренного медицинского вмешательства, женщины приводят такие аргументы, как существование пакета ведения родов, заранее предусматривающего перечень медицинских манипуляций. Согласно этому пакету, все действия медицинского персонала требуют согласия роженицы и предоставляют ей право самостоятельно исключать некоторые пункты (например, число необходимых осмотров, контролирующих родовую деятельность). В этом случае врач-акушер, по мнению сегодняшних российских рожениц, должен использовать другие, косвенные признаки, не требующие многократного осмотра женщины и "несанкционированного" вторжения в ее телесность.

Актуализация этой проблемы в настоящее время имеет глубокий подтекст, который, возможно, связан с общими изменениями в социокультурной самоидентификации женщин, и, в том числе, в восприятии ими своей телесности. Ценность человеческого тела как культурного феномена рассматривалась на протяжении эпох, и на сегодняшний день изучается в рамках самых различных подходов и междисциплинарных парадигм. Классические исследования телесной организации человека в структуре социального пространства проводились французским этнографом и антропологом Марселем Моссом [Мосс, 1996], британским антропологом Мэри Дуглас [Douglas, 1966] британским социологом и антропологом Брайаном Тернером [Тернер, 1994: 137-167] и другими известными учеными.

ми. В большинстве классических исследований телесность человека рассматривается в рамках так называемого холистического подхода, сформировавшегося еще в эпоху античности и понимавшего тело как неотъемлемую часть мира и природы в целом.

Одним из основных направлений социокультурного анализа телесности является также и феноменологический подход, предложивший воспринимать телесность как некую структуру, которая находится в пограничной зоне между социальной системой и субъективным миром человека. Этой тематике посвящены, например, концептуальные разработки «феноминального тела» французского философа Мориса Мерло-Понти (1908–1961 гг.), выявляющие непродуктивность противопоставления «духового» и «телесного» [Мерло-Понти, 1999].

Кроме того, тело изучалось и как средство передачи информации в ходе социализации и формирования социальной памяти [Кон, 2001], и как знаковая система [Юнг, 1998], и как структурный элемент экологических систем [Пасскомор, 1998] и др.

Но в контексте рассматриваемой темы особое место следует, очевидно, отвести так называемому диахроматическому подходу к пониманию человеческого тела, в основе которого лежит рационалистическая традиция, противопоставляющая “человека телесного” “человеку духовному” и сформировавшаяся еще на заре возникновения христианства. Одним из логических вариантов развития рационалистического подхода к телесности стала идея о том, что человек должен рассматриваться как средство для достижения высоких, “надчеловеческих” целей, а само человеческое тело следует воспринимать как один из инструментов достижения этих целей.

Доминирование такой мировоззренческой установки в политике государства неизбежно должно было приводить к игнорированию многих потребностей человеческого тела, включая, в том числе, и родовую деятельность. Этим, вероятно, можно объяснить и те негативные черты советского роддома, которые сегодня активно воспроизводятся аудиторией Рунета (орфография, лексика и стилистика авторов постов сохранены):

“...Никакой своей одежды иметь не разрешалось, белья тоже. Жуткий больничный халат

на завязочках и омерзительные тапочки – вот что нам, быдлу немытому, было положено. – пациент виноват по умолчанию – в том, что отнимает у врачей и медсестер драгоценное время, которое они могли потратить с большей пользой. Еще пациент обворовывает государство и занимает место в больнице – женщина, которая рожает, виновата еще больше – во-первых нечего тут трахаться и залетать, во-вторых нечего тут орать и мешать персоналу, в -третьих балованные все стали, а надо терпеть – если женщина, которая рожает, не замужем – это пипец и финиш. Такие тетки будут с ней разговаривать как с пьяной бомжихой – еды с собой брать нельзя, передач нельзя – нахруться не пойми чего, а потом болеть будут” [Ужасы советского роддома, 2017].

«Средства гигиены после родов – больничные многоразовые салфетки-пелёнки, зажатые между ног: почему-то запрещалось одевать трусы:(((. Никаких прокладок тогда ещё не было. Вот это вспоминается с ужасом... Негативные воспоминания о роддоме у меня вот именно о средствах гигиены» [Ужасы советского роддома, 2017].

«Зима 1984 года. Отношение ужасное, все разговаривают свысока, всем некогда. Было очень холодно, на улице -25. Воды горячей не было, кипятильник передавать родственникам не разрешали. Мне мама передала в пачке сахара, пользовались тайком всей палатой. В палате нас было 12 человек. Ванной нет, в туалете все на честном слове. Страшно вспоминать...» [Ужасы советского роддома, 2017].

Откровенное пренебрежение к телу рожающей женщины сохранялось в нашей стране на протяжении десятилетий. Сегодня российские женщины, сравнивая свой собственный опыт, полученный в медицинских учреждениях других стран, с практиками родовспоможения в отечественных роддомах, фиксируют “мелкие”, но чрезвычайно значимые детали, которые свидетельствуют о глубоких культурных различиях в этой сфере, и которые в итоге оказываются явно не в пользу отечественных практик родовспоможения.

Так, россиянки, обращаясь за мед услугами за рубежом, отмечают особо внимательное отношение врача к их телу: “... Каждый раз, возвращаясь ко мне и собираясь провести какую-то манипуляцию, меня сначала предупреждали

об этом голосом, еще до прикосновения... У нас же женщины практически чувствуют себя изнасилованными после регулярных осмотров в процессе схваток... Женщины после родов переживают нарушение интимности своего тела, потому что "кто в нем только не копался за время родов!"... Потому что «без спроса, как к себе домой», потому что одновременно много разных людей, потому что не заботливо и не мягко, потому что банально – без смазки, – это же невозможно больно, когда туда что-то входит «насухо», почему мы об этом по-человечески знаем и помним во время секса, и почему забываем, что и во время родов – это также больно!...» [Право на прикосновение, 2015].

Нарушение границ телесности во время родов, остро осознаваемое современными женщинами как насилие, на самом деле, стало проблемой, которая требует своего объяснения, в том числе, и с позиций культурной антропологии. В каждую историческую эпоху в жизни человечества возникали и выходили на первый план такие формы насилия, которые в наибольшей степени соответствовали специфике социокультурной действительности (например, биологические, экономические, политические формы насилия). Сегодня речь, по-видимому, идет о доминировании таких форм насилия, которые отражают характер и тенденции изменений? информационно-символической? стороны жизни современного общества. Насилие все более приобретает трудноуловимый, гибридный, не поддающийся осознанной рефлексии характер. Информационное общество, располагая бесконечным множеством коммуникативных инструментов, предоставляет человеку, по сути, неограниченные возможности для манипуляций сознанием других людей, событиями, ценностями, обычаями, традициями и т.д.

На наших глазах едва ли не ежедневно происходит переформатирование привычной реальности и создание новых форм человеческого взаимодействия, к которым традиционно ориентированное общество не всегда способно быстро адаптироваться. Роды как коммуникативный акт, насыщенный культурными традициями и символическими знаками, очевидно, представляют собой одну из тех чувствительных точек в жизни социума, которые наиболее болезненно реагируют на изменения знакового обмена в процессе коммуникации/Так, в совет-

ское время женщины, идеологически подготовленные к восприятию «вторичности» своего тела по отношению к высоким целям и достижениям, не были склонны возводить, например, бытовые несовершенства роддома до уровня общественно значимой проблемы. Все, что в процессе родов советских женщин не устраивало, они обсуждали на уровне личных разговоров и «кухонных рассказов», даже не пытаясь в то время что-то изменить или хотя бы понять, почему все происходит так, как происходит.

Новый формат социально-политической и экономической реальности современной России, наполненный феминистскими идеями, снятием всевозможных запретов, формировавшихся веками, либеральными нормами поведения и ценностями общества потребления способствовал появлению принципиально иного отношения человека к своему бытию в целом и к собственной телесности, в частности. Для современного человека его тело становится тем существенным условием, которое во многом определяет профессиональную, социальную и даже личностную успешность. Этот стереотип ежедневно «просачивается» в наше сознание через средства массовой информации (различного рода реклама, в том числе и социальная, разнообразные теле- и радиопередачи, посвященные проблемам здоровья, и т.п.). Налицо бурное развитие телесно ориентированных социальных практик (модели тела и красоты, здоровый образ жизни, правильное питание, увлечение физической культурой) и поток различных концепций тела и телесности [Беркут, 2011: 55-57].

Общественно значимые идеалы советского периода практически полностью утратили приоритетность в сознании большинства молодых россиян и уступили место «очеловеченным» радостям повседневного комфорта, ориентированным на технологически продвинутые ценности западной цивилизации. На основе такого эффективного инструмента работы с общественным сознанием, как агрессивная реклама, человеческому телу (и, прежде всего, женскому) стали отводиться передовые позиции в развитии всего культурного прогресса [Грошев, 2002: 119-133].

Ценность женского тела в российском менеджменте в очередной раз поменяла параметры и обрела качественно иную, по сравнению с

советским периодом, социальную стоимость. Произошел отказ от не отрефлексированной маргинальности телесности, свойственный советской идеологической системе, и женское тело, по сути, стало самоценным и дорогостоящим продуктом рыночного обмена, наполненным характерными знаково-символическими характеристиками. «Язык тела», по сути, был перекодирован на «язык рынка». В результате заметно усилилась объективизация телесности, которая в итоге привела к тому, что в сознании молодых россиянок детородного возраста тело как дорогостоящий продукт получило и новые границы, сопоставимые с символами частной собственности [Беккер, 1994: 12-13]. На этом фоне любое несанкционированное предварительным договором (разного свойства) вторжение действительно может восприниматься как насилие, о чём и свидетельствуют теги Рунета, посвященные родам.

Возник своего рода конфликт интересов между современными российскими роженицами и традиционными акушерскими практиками отечественных роддомов. Современные молодые россиянки 20-30 лет о советском опыте родовспоможения в большинстве своем знают лишь понаслышке. Но зато имеют возможность фактически «с чистого листа» активно воспринимать все инновационные технологии родового процесса, существующие в глобальном мире. Результаты социологического исследования, проведенного сотрудниками Благотворительного фонда «Новая жизнь» совместно с Лигой акушерок России, подтверждают этот тезис: «Институциональное разнообразие и наличие «альтернативных» дискурсов по вопросам репродукции привели к тому, что женщины получили возможность выбора разных практик родов, стали более информированы, а потому и более рефлексивны в отношении своего опыта рождения детей. Постсоветское поколение женщин теоретически может иметь совершенно отличный от советского поколения опыт родов» [Социологическое исследование российских врачей..., 2014].

В отличие от быстро набирающего обороты и глобалистски ориентированного опыта рожениц, акушерские практики российских роддомов в значительной степени сегодня сохраняют свою «преданность» традициям, основанным на межпоколенной преемственности. Как

правило, медперсонал российских роддомов – это женщины старше 45 лет (79%), которые получили образование в советское время и в большинстве своем сегодня не готовы выслушивать пожелания рожениц и тем более считаться с их стремлением руководить самим процессом родов (88,1%). [Социологическое исследование российских врачей..., 2014].

Кроме того, советские практики родовспоможения не учитывали психопрофилактические маркеры ведения родов. Статистика СССР отражала множество количественных показателей беременности (рост количества койко-мест в роддомах, увеличение числа медицинского персонала, количества женских консультаций и т.п. [Женщины и дети в СССР..., 1969:167-169]. Однако важнейшие для будущей жизни матери и ребенка психопрофилактические показатели практически не учитывались. Мониторинг психологического состояния рожениц был попросту не востребован советскими практиками родовспоможения. Хотя, справедливости ради, следует сказать, что теоретические разработки этой сферы в СССР были на весьма высоком уровне. Еще в 1928 г. советский психиатр И.З. Вельцовский разработал глубоко обоснованное практическое руководство для медиков «Психопрофилактический метод обезболивания родов», практически тогда же нашедшее себе самое широкое применение в западных клиниках [Вельцовский, 1963]. Система психопрофилактического обезболивания родов Вельцовского (С.П.О.Р.) предусматривала комплекс мер и приемов, направленных на предупреждение нарушений физиологического течения беременности, максимальное избавление женщин от ложных тревог, страхов и связанных с ними отрицательных эмоций, а также ознакомление рожениц с основными физиологическими закономерностями родового акта и приемами, которые способствуют активному поведению женщин в родах. Но самое главное состояло в том, что система психопрофилактического обезболивания должна предусматривать перестройку традиционных взглядов и представлений о неизбежности страданий в родах. Вельцовский, по сути, предложил внедрять психопрофилактическую практику в роддомах и женских консультациях путем просвещения врачей акушеров-гинекологов и среднего медперсонала, а также с помощью повышения уровня врачебной

этики в целом. Неосторожные высказывания медперсонала, делал вывод ученый, способны вызвать психопатологические реакции у беременных, вплоть до прерывания беременности, если учесть к тому же, что период раннего материнства филогенетически характеризуется повышенной ранимостью, впечатлительностью и внушаемостью женщин.

Однако именно этот пункт психопрофилактической работы в советских роддомах оказался одной из самых трудноразрешимых задач. Следует, очевидно, сделать вывод, что рекомендации Вельтовского, предлагавшего воспитание персонала учреждений родовспоможения в духе «стерильности слова и поведения», «не вписывались» в советские традиции того времени, а, значит, и не подвергались какой-либо профессиональной рефлексии.

Таким образом, противоречия между традициями советского родовспоможения и современными практиками ведения естественных родов являются одной из первопричин возникновения у молодых россиянок ощущения нарушения границ их телесности и несанкционированного вторжения в их частное пространство.

Литература

1. Беккер. Г. Выбор партнера на брачных рынках. THESIS. 1994. №6. С. 12-13.
2. Беркут А. В. Телесность и социальная политика // Молодой ученый. 2011. №4. Т.2. С. 55-57
3. Вельтовский И.З. Система психопрофилактического обезболивания родов. М.: Медгиз. 1963. С. 308.
4. Грошев И.В. Половые стереотипы в рекламе / И.В. Грошев // Психологический журнал. 2002. – № 3. – С.119-133.
5. Женщины и дети в СССР. Статистический сборник. М. Статистика, 1969 г. С. 167-169
6. Кон И.С. Битва за штаны: этикет, мода, политика, идеология// Человек, 2001, №3.
7. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти; пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. - СПб.: Ювента; Наука, 1999. - 603 с.
8. Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996
9. Пассомор Дж. История философии. Прогресс-Традиция. 1998. С.496
10. Право на прикосновение (Электронный ресурс) URL: <https://svitmam.ua/user/marinafedko/posts/243847> (17.02.2015)
11. Социологическое исследование российских врачей, акушерок и рожениц. Состояние сегодня // «Аушерство сегодня». Апрель 2014. (Электронный ресурс) <http://www.midwifery.ru/today/opros.htm>
12. Тернер Б. Современные направления развития теории тела//THESIS. Женщина, мужчина, семья. М., 1994. - Вып. 6. - С. 137-167
13. Ужасы советского роддома (как рожали наши мамы и бабушки) <http://razumama.0pk.ru/viewtopic.php?id=118#p565> (2010-08-23 18:32:27). (Обращение 06.10.2017 19:40)
14. Юнг К.Г. Человек и его символы. <http://knigosite.org/library/read/52694>
15. Douglas M. Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. 1966. 340 p.

Специфика социальной адаптации пожилых людей

Бажутова О.А.

С увеличением продолжительности жизни возрастает гетерогенность социальной группы пожилых людей. К тому же социальная адаптация пожилых в нашей стране осуществляется к требованиям транзиторного, изменяющегося, неустоявшегося общества. Таким образом, деятельность институтов, содействующих социальной адаптации пожилых, должна быть дифференцированной в зависимости от состояния здоровья, интересов и потребностей индивидов старшего возраста.

Ключевые слова: социальная адаптация пожилых, переходный период, дифференциация социальной поддержки, социальное обслуживание.

Bajutova O.A.

The specificity of the social adaptation of the elderly people
The Institute of additional professional education of social workers
In the process of life expectancy there increasing heterogeneity of social groups of older persons. Besides the social adaptation of the elderly in our country is carried out to the requirements of a transitory, changing society. Thus, the activity of institutions that promote social adaptation of the elderly must be differentiated depending on the health status, interests and needs of older individuals.

Key words: social adaptation of elderly people, transitional period, differentiation of social support, social services.

Социальная группа пожилых людей является гетерогенной по разным основаниям классификации. Соответственно не может быть единой адаптационной стратегии для всех лиц старшего возраста.

В связи с ростом числа и доли индивидов старящихся возрастных групп структура общности пожилых людей усложняется; внутри нее формируются отдельные возрастные когорты, или страты. Так, Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года¹ указывает: «...к гражданам старшего поколения относятся:

- граждане с 60 до 64 лет — это достаточно активные в экономическом и социальном плане люди, продолжающие осуществлять трудовую деятельность;

- граждане с 65 лет до 80 лет — это, как правило, люди менее активные, многим из которых требуется медицинская помощь и социальные услуги;

- граждане старше 80 лет — это, как правило, люди имеющие множественные проблемы со здоровьем и зачастую нуждающиеся в уходе и помощи».

В документе отмечается, что «такая градация является достаточно условной, так как граждане старшего поколения в любом возрасте могут быть физически и социально активными либо нуждающимися в уходе и помощи, материально обеспеченными либо нуждающимися в финансовой поддержке, осуществляющими трудовую деятельность либо нет, проживающими в семье, получающими помощь от родственников либо одинокими, имеющими либо не имеющими инвалидность. Политика в отношении граждан старшего поколения должна учитывать это разнообразие. Меры в отношении таких граждан должны быть дифференцированы в зависимости от потенциала и потребностей

различных возрастных групп граждан старшего поколения».

С точки зрения формирования социальной политики как минимум необходимо обеспечивать дифференцированный подход в зависимости от принадлежности к возрастным группам в отношении «молодых» пожилых; в отношении лиц, нуждающихся в посторонней помощи, в отношении престарелых граждан, имеющих totalную потребность в уходе.

Понятие адаптации относится к числу центральных в социологии, ряде других социальных наук. По мнению Т. Парсонса, важнейшим условием социализации является процесс адаптации индивида к социальной среде, так как «адаптивные механизмы должны обеспечить человеку его адекватность и социальную желаемость»². Адаптационная функция социализации позволяет людям реализовывать свои потребности, возможности, способности, вступать во взаимоотношения с другими членами общества, социальными группами, институтами, организациями и обществом в целом.

Проанализировав содержание процесса адаптации, можно сделать вывод, что, во-первых, в ней всегда имеет место субъект адаптации, индивид, семья или группа, которым необходимо приспособиться к окружающей социальной среде для того, чтобы иметь возможность наилучшим образом функционировать в ней, достигнуть желанного результата в этом функционировании. Цель этой адаптации может быть разнообразна – возможно, достижение наибольшего успеха, возможно, только минимального соответствия требованиям среды (ритуализм, в трактовке Р. Мертона³). Возможно, наконец, целью этой адаптации предполагается только минимизация ущерба, потенциального вреда.

Во-вторых, среда адаптации, то внешнее окружение, к которому нужно приспособиться. Для самого процесса адаптации и достижения ее адекватного результата имеют значение также характеристики этого общества, его соответствия или несоответствия внутренним ожиданиям и установкам индивида: «Адаптация представляет собой баланс между взаимными ожиданиями индивида и социальной среды»⁴. Нормы и представления этого общества могут быть не вполне приемлемы для субъекта адаптации; возможно также, что эти нормы являются объективно антисоциальными.

Например, нормы тоталитарного режима, принудительные для большинства индивидов и групп, предусматривали отказ от гуманистических представлений, демократических ценностей. Их принятие, как показывает опыт ряда обществ XX века, приводило многих индивидов к серьезному внутреннему конфликту, ценностному и поведенческому. В то же время практика идеологического и социального реформирования конца века в нашей стране показывает, что объективно прогрессивные ценности индивидуальной социальной свободы и ответственности могут противоречить внутренним экспекциям достаточно больших групп индивидов, целых социальных слоев, которые предпочут несвободу и в силу этого – стабильность или безответственность⁵.

В-третьих, элементом адаптационного процесса является само взаимодействие субъекта и среды. Учитывая постоянную изменчивость двух первых элементов, можно считать, что адаптация имеет начало, но не имеет конца. Действительно, первоначально в этот процесс вступает индивид с определенными свойствами, которые изменяются под влиянием возраста, социальных трансформаций, самовоспитания, результатов адаптации. На промежуточных этапах процесса условия этого взаимодействия изменяются, следовательно – меняется процесс и его ожидаемые или действительные результаты. Например, если для «молодого» пожилого человека желаемой целью адаптационной деятельности является сохранение социальных связей, высокая самооценка после завершения процесса трудовой деятельности, то для индивида из старших возрастных когорт приемлемым результатом может стать приспособление к скратившимся физиологическим возможностям, поддержание жизнедеятельности в условиях дефицита ресурсов.

Как указывал С.Д. Артемов, под адаптацией мы понимаем «не просто приспособление личности к окружающей среде, но и активный процесс воспитания личности социумом, процесс, в котором и личность, и социум играют активную роль»⁶. Однако и среда, к которой необходимо приспособиться, также постоянно изменяется, причем иногда в очень значительных масштабах. Эффективная адаптация к динамической среде должна включать в себя способность к дальнейшему личностному и социальному развитию⁷.

Более того, социальная деятельность индивидов и групп ведет не только к адаптации их к социуму, но также и к преобразованию конкретной социальной среды в соответствии с потребностями взаимодействующих сторон: под влиянием адаптации изменяется не только индивид, но также и социум⁸.

Наконец, в каждом моменте социального изменения можно видеть взаимодействие двух масштабных социальных процессов – адаптации и трансформации социальных систем различного ранга. Эти метатехнологии⁹ проходят сквозь все социальные процессы.

Как указывает П.М.Козырева в анализе адаптационных изменений российского общества в эпоху перемен, адаптация личности есть двуединый процесс объективации и субъективации, который реализуется путем социализации (процессы интериоризации и экстериоризации) и практических действий, направленных на изменение социальной среды. В процессе адаптации происходит освоение людьми новых социальных ролей, глубокие изменения мотивационной сферы, восприятия индивидами себя и своего окружения¹⁰.

В соответствии с осознанной или неосознанной целью адаптации формируется адаптационная стратегия, реализуемая посредством конкретных социальных действий, поступков в новых, неопробованных ситуациях. Способы адаптации - это действия или поведенческие реакции, которые позволяют реализовать, пусть частично или ограниченно, адаптационный потенциал, укрепить адаптационные ресурсы, достичнуть состояния адаптированности. Учитывая важность социально-экономических условий жизнедеятельности, следует отметить то большое внимание, которое оказывают исследователи проблемам экономической адаптации граждан, достижения состояния адаптированности в данной сфере¹¹.

Адаптация в первичном представлении – активное приспособление самоорганизующихся систем к изменяющимся условиям среды. Это одно из функциональных условий существования социальных субъектов и систем. Адаптация в биолого-психологическом смысле является ответом живой системы на наличие или воздействие факторов внешней среды. По мере усложнения живой системы более многосторонним, избирательным и комплекс-

ным становится ее реактивная способность, чувствительность к воздействию агентов внешней среды и, соответственно, изменяются, усложняются цели, механизмы, результаты процессов адаптации.

Во взаимодействии двух или более социальных субъектов можно видеть либо деятельность по адаптации одного субъекта к другому, либо их взаимную адаптацию. Приспособление индивида к социальной среде можно рассматривать как частный случай такой ситуации, ибо как правило среда выдвигает агента адаптации (лицо, орган или учреждение, которое побуждает или вынуждает его к адаптации), либо индивид сам осознает необходимость приспособления и побуждает себя к нему.

Для этого необходимо изменение - сознательное или бессознательное, - адаптирующегося субъекта, перестройка структуры личности, пересмотр взглядов на себя или на свое окружение. Разумеется, это предъявляет высокие требования к субъектному потенциалу, адаптационным ресурсам данного человека. Во многих случаях слабость личности, которая может быть связана с возрастом, ослаблением физического и психического здоровья и т.д., блокирует возможности самопроизвольного внутреннего изменения, и человеку для трансформации необходим внешний стимул, постоянное стороннее воздействие.

Особенности внешних условий и факторов, к которым требуется приспособление, и характеристик субъекта, который должен осуществлять это приспособление, дают основание сформулировать понятия: восходящая адаптация или нисходящая адаптация. В случае, если индивиды достигают адаптации путем достижения уровней, видов жизнедеятельности, социальных статусов, более высоких, по сравнению с их первоначальным состоянием, можно говорить о восходящей адаптации. В современных обществах такая деятельность может осуществляться через использование признанных социальных лифтов, из которых наиболее массовым и значимым является образование.

В то же время невозможность или нежелание предпринимать адаптационные усилия могут привести к дезадаптации, распаду адаптационных достижений, или же выразиться в снижении притязаний, «опрощении», предпочтение адаптированности на самом низком из возмож-

ных уровне. Такая «нисходящая адаптация» возможна либо в период застоя и стагнации общества без перспектив изменений к лучшему, либо для индивидов, которые по свойствам личности, уровню развития, состоянию своих внутренних ресурсов не способны к «достижительной» деятельности.

К сожалению, социальная группа пожилых людей, при недостаточном уровне помощи со стороны масштабных агентов адаптации (или в отсутствие таких агентов) имеет определенную тенденцию скорее к нисходящей адаптации в силу ограниченности социальных, физиологических и психологических ресурсов.

Пожилые люди, в особенности пользовавшиеся высоким престижем в период трудовой деятельности, болезненно воспринимают изменения, связанные с незначительными размерами коэффициента замещения и ограниченностью денежных средств, но, вероятно, в большем мере – со снижением престижа, прimitivizацией социальных ролей на склоне лет.

В случае исследования адаптационного потенциала такой объективно слабеющей группы населения, как пожилые люди, необходимо принимать в расчет также деградационные¹² процессы, которые с разной скоростью происходят с пожилыми индивидами, воздействуют на темпы, глубину и характер их адаптации к условиям окружающей среды и требуют наличия асистивных технологий, элементов или систем для обеспечения их максимально возможной социальной адаптации.

Самое главное – адаптация пожилых людей не является одномоментно совершившимся и завершенным процессом – в силу изменений в каждой возрастной группе нужно адаптироваться снова и снова.

Существует также важный специфический фактор, влияющий на адаптацию пожилых в современных условиях. Помимо типичного для всякой развитой страны приспособление пожилых к своей старости, должна осуществляться также адаптация к кардинальным социально-экономическим преобразованиям, скорее незавершенным и требующим серьезной внутренней перестройки со стороны всех граждан, чей менталитет, ценностные представления, система установок и представлений сложились в предшествующий период.

Таким образом, процесс социальной адаптации пожилых людей в современной России имеет следующие специфические черты:

- он происходит в условиях увеличения продолжительности жизни населения, что приводит к формированию нескольких страт, «поколений» пожилых с различными интересами и потребностями;

- социальная адаптация осуществляется к требованиям транзиторного, изменяющегося, неустоявшегося общества;

- социальная адаптация протекает в дефицитных для пожилых условиях, при остром недостатке ресурсов, что в императивном порядке требует не просто поддержки этой адаптации со стороны семьи, друзей, соседей и пр., но и обеспечения функционирования институционального агента адаптации, которым в условиях российской практики является система социального обслуживания.

Литература

1. Авраамова Е. М. Время перемен: социально-экономическая адаптация населения. - М.: ИСЭПН РАН, 1998.
2. Готлиб А. С., Запорожец О. Н., Хасаев Г. Р. Социально-экономическая адаптация в постсоветской России: публичные и приватные практики // Социологические исследования. 2004. № 8.
3. Капица С.М. Формирование механизмов социальной адаптации трудоспособного населения к изменениям современного российского рынка труда. - СПб.: Изд-во СЗТУ, 2009.
4. Козырева П.М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период. // Социологические исследования. 2011. № 6.
5. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 2–4.
6. Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. - М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996.
7. Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 5 февраля 2016 г. N 164-р.
8. Теория социальной работы. Учебник / Под общей редакцией Е.И.Холостовой, Е.Г.Студеновой. – М.: ИД «Дашков и К°», 2018.

9. Шабанова М.А. Ценность и «цена» свободы в процессе социальной адаптации // Социологические исследования. 1995. - № 4.

Ссылки:

¹ Утв. распоряжением Правительства РФ от 5 февраля 2016 г. N 164-р.

² Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. - М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. – С.462-525.

³ Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 2–4. – С. 111.

⁴ Parsons T. Societies: evolutionary and Comparative Perspectives. – Englewood Cliffs, 1966. – P. 112.

⁵ Шабанова М.А. Ценность и «цена» свободы в процессе социальной адаптации // Социологические исследования. 1995. - № 4. – С. 88.

⁶ Артемов С.Д. Социальные проблемы адаптации молодого рабочего на промышленном предприятии // Молодежь и труд / Под ред. Ядова В.А. – М., 1970. – С. 135.

⁷ Битянова М.Р. Адаптация ребенка в школе: диагностика, коррекция, педагогическая поддержка. – М., 1997. Хотя в данной работе адаптация отнесена только к проблемам детей-школьников, однако содержание ее аналогично можно рассматривать также в приложении к любой другой категории индивидов.

⁸ Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация: сущность, направления, механизмы реализации. – Кемерово, 1992.

⁹ Лекции по технологии социальной работы. В 3-х частях. – М., 1998. – Ч. 1. – С. 12.

¹⁰ Козырева П.М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период. // Социологические исследования. 2011. № 6. – С. 25.

¹¹ Авраамова Е. М. Время перемен: социально-экономическая адаптация населения. - М.: ИСЭПН РАН, 1998; Гордон Л. А. Социальная адаптация в современных условиях // Социологические исследования. 1994. N 8 - 9; Готлиб А. С., Запорожец О. Н., Хасаев Г. Р. Социально-экономическая адаптация в постсоветской России: публичные и приватные практики // Социологические исследования. 2004. N 8; Капица С.М. Формирование механизмов социальной адаптации трудоспособного населения к изменениям современного российского рынка труда. - СПб.: Изд-во СЗТУ, 2009; Козырева П. М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX-XXI веков. - М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004; Шабанова М. А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. № 3, и др.

¹² В данном случае термины «деградация», «деградационный процесс» применяются без всякого морально-оценочного суждения, исключительно в смысле ослабления физиологических, психологических и социальных ресурсов по мере старения индивидов.

Роль стратегической составляющей коммуникативной компетенции в обучении академическому письму

Путиловская Т.С.

Целью статьи является описание разработанной автором модели обучения студентов высших учебных заведений навыкам академического письма, в частности письменной реферативной деятельности. Построение модели предполагает необходимость проведения теоретического анализа стратегического компонента коммуникативной компетенции, который функционально основан на стратегическом мышлении, а структурно реализуется через широкую номенклатуру стратегий, используемых в различных видах речевой деятельности. Теоретический анализ стратегической компетенции лежит в основе описания сложной иерархической структуры навыков, необходимых для написания реферата, что дает возможность преподавателю иностранного языка организовать процесс целенаправленного формирования способности овладения искусством академического письма. На основе навыковой структуры была также разработана пошаговая инструкция для студентов, цель которой состоит в том, чтобы способствовать формированию их стратегической компетентности и развитию осознанных навыков эффективного академического письма.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, стратегическая компетентность и компетенность, стратегическое мышление, стратегия, навыковая модель реферативной деятельности, пошаговая инструкция написания реферата.

Putilovskaya T.S.

The role of strategic component of communicative competence in teaching academic writing

The aim of the article is to describe the model worked out by the author for teaching the students of higher educational institutions to acquire the skills of academic writing, in particular writing a synopsis. The model is based on the theoretical analysis of the strategic component of communicative competence, which functionally relies on strategic thinking and structurally is implemented by means of a wide range of strategies in various types of speech activity. The theoretical analysis of strategic competence is essential for describing a complex hierarchical structure of skills necessary for writing a synopsis, which allows foreign language teachers to organize the process of purposeful development of the ability to acquire the art of academic writing. The structure of skills was also used as the foundation for working out a step-by-step instruction for the students aimed at developing the students' strategic competency and conscious skills of effective academic writing.

Key words: communicative competence, strategic competence and competency, strategic thinking, strategy, skill-based model of synopsis writing, step-by-step instruction for synopsis writing.

Коммуникативная компетенция является, как известно, сложным многоуровневым образованием, в состав которого входят различные составляющие, в том числе и стратегическая компетенция [8; 12; 11; 7; 4; и др.]. Согласно разработанной нами классификации [3] стратегическая компетенция относится к группе лингводидактических компетенций, в состав которой входят также компенсаторная и когнитивная компетенции. Стратегическая компетенция является одной из наиболее важных в структуре коммуникативной компетенции, т.к. именно она позволяет осуществлять планирование, организацию и реализацию коммуникативной деятельности субъекта наиболее эффективным способом. В самом общем виде стратегическую компетенцию можно определить как умение планировать, совершать, оценивать и корректировать свои речевые действия, добиваясь их перехода на уровень автоматически совершаемых операций.

В литературе используются два термина: «стратегическая компетентность» и «стратегическая компетенция», которые соответствуют английским терминам «strategic competence» и «strategic competency». Они, хотя и тесно взаимосвязаны, обозначают различные понятия. Для того чтобы определить разницу между ними обратимся к исходным основополагающим понятиям «компетентности» и «компетенции», которые определяют сущность компетентностного подхода в образовании.

Большинство авторов под «компетентностью» понимают готовность и способность человека к осуществлению какой-либо деятельности, а «компетенция» рассматривается как некое требование к образовательной подготовке студентов, т.е. стандарт. Иными словами, термин «компетентность» понимается как интегративное свойство личности, совокупность интеллектуальных, личностных, поведенческих

качеств, которые позволяют ему действовать в определенной ситуации и успешно осуществлять деятельность. «Компетенция» - это основное дидактическое понятие, совокупность знаний, умений, навыков и способов деятельности, т.е. то, на что должен быть направлен образовательный процесс. Из понимания этих терминов вытекает трактовка понятий более низкого порядка, а именно: «коммуникативная компетентность» и «коммуникативная компетенция», а также «стратегическая компетентность» и «стратегическая компетенция», которые мы будем толковать аналогичным образом, учитывая при этом разнообразие трактовок, представленных в научной литературе.

Так, Л. Бэчман [7] характеризует стратегическую компетенцию как способность использовать всевозможные средства решения задач общения, как совокупность стратегий и когнитивных процессов высшего порядка, которые связаны со знанием языка и умением применять его практически. Вместе с тем, многие исследователи связывают стратегические свойства личности с компенсаторными механизмами и даже сводят стратегическую компетентность к компенсаторной [10]. Другие считают стратегическую компетентность аналогичной дискурсивной и определяют ее как способность продуцировать устный или письменный текст наиболее эффективным способом [9].

Важно подчеркнуть, что стратегическая компетентность основана на способности личности планировать собственную деятельность и находить наиболее эффективные способы решения коммуникативных задач в различных ситуациях общения, предвосхищая возможные реакции партнеров общения и возможные пути развития ситуации. Соответственно, исследователи выделяют базовые сферы проявления стратегической компетентности: постановка цели деятельности, планирование и оценка ее эффективности [20]. В материалах Совета Европы, в которых описываются отдельные стратегии, реализующие стратегическую компетентность [16], упоминается также стадия коррекции деятельности, которая логически завершает весь цикл. При этом степень контроля сознания зависит от степени сформированности стратегической компетентности: чем выше степень ее сформированности, тем больше контроль осуществляется на подсознательном уровне.

Стратегическая компетенция в коммуникативной деятельности является достаточно сложным и структурированным понятием, что показано в исследовании Т.И. Тимофеевой [4]. Она выделила три структурных компонента стратегической компетенции: 1) когнитивный (способность приобретать знания, самосовершенствоваться, ставить цели, решать проблемы и предвосхищать результаты деятельности), 2) мотивационный (основанный на мотивах аффилиации и достижения) и 3) интерактивно-деятельностный (связанный с сотрудничеством, взаимодействием и взаимопониманием партнеров общения в любом виде деятельности).

Помимо структурных компонентов Т.И. Тимофеева выделила функциональные компоненты стратегической компетенции, которые соотносятся с базовыми элементами коммуникативной деятельности: 1) ориентировочным, 2) операциональным и 3) рефлексивным. Ориентировочный компонент связан с анализом ситуации общения и выбором стратегии поведения. Операциональный компонент подразумевает сознательный и целенаправленный выбор средств и способов осуществления деятельности. Рефлексивный компонент подразумевает умение сознательно контролировать и оценивать результаты собственной деятельности.

Продолжая психолингвистический анализ сущности стратегической компетентности, необходимо отметить, что ее функциональной основой является стратегическое мышление, которое изучалось преимущественно в рамках теории и практики менеджмента. Стратегическое мышление, реализующееся в сложнейших когнитивных процессах, является опорой процесса принятия управлеченческих решений, обеспечивающих успешное функционирование любой компании с ориентацией на достижение высоких результатов в будущем.

Как и любой мыслительный процесс, стратегическое мышление использует механизмы анализа и синтеза, благодаря которым происходит сканирование ситуации, оценка основных факторов и тенденций, а затем делается вывод относительно возможностей ее дальнейшего развития. При этом, как отмечают некоторые авторы [15], процессы синтеза имеют большее значение при принятии решения, чем процессы анализа.

Важно также подчеркнуть, что стратегическое мышление не следует отождествлять со стра-

тегическим планированием, поскольку первое позволяет оценить ситуацию в самых общих чертах, тогда как второе дает возможность сконструировать детальное видение будущего [14]. Это, однако, не означает, что стратегическое мышление и планирование представляют собой различные процессы, а в реальном общении они часто неотделимы одно от другого. При этом выделенные автором пять ключевых характеристик стратегического мышления можно рассматривать не только как компетенции управленческой, но и коммуникативной деятельности, особенно необходимые участнику делового и профессионального общения. К ним относятся способность создавать ценностно-ориентационную модель, умение сосредоточиться на главной цели деятельности, способность постоянно держать в поле зрения прошлое, настоящее и будущее, умение выдвигать гипотезы и определять стратегию деятельности, способность адекватно оценивать все имеющиеся возможности и отвечать на возникающие вызовы.

Если с функциональной точки зрения основой стратегической компетентности является стратегическое мышление, то главной структурной единицей можно считать отдельные стратегии, владение которыми предопределяет успешность верbalного и невербального поведения личности. Понятие «стратегия» используется главным образом в теории и практике менеджмента, военном деле и теории игр. Поэтому в существующих определениях присутствуют такие понятия, как планирование, алгоритм действий, достижение цели, минимальные ресурсы и т.д.

Стратегия представляет собой модель деятельности, которая подразумевает участие стратегического мышления и стратегического планирования. Запускаемые мыслительные процессы анализа и синтеза позволяют оценить ситуацию, рассмотреть ее во временном плане и начать процесс поиска оптимальных путей решения задач и дальнейшего планирования деятельности с целью достижения наилучшего результата. Умение правильно оценить ситуацию и выбрать нужную стратегию может зачастую компенсировать недостающие знания, навыки и опыт.

В сфере изучения иностранного языка термин «стратегия» обусловлен такими понятиями, как «общение» и «взаимодействие», а выбор

стратегии верbalного поведения в процессе общения связан с анализом ситуации и партнеров общения, выбором наиболее эффективного способа взаимодействия и способа решения тех коммуникативных задач, которые необходимо решить в данной конкретной ситуации. Иноязычное общение предполагает владение несколькими группами стратегий: лингвистическими, когнитивными, учебными, социокультурными и другими. Стратегическое поведение опосредовано участием всех высших психических функций, мотивационной, волевой, эмоциональной и ценностно-ориентационной сферами личности. Оно основано на богатом опыте верbalного и невербального поведения, системе знаний, умений и навыков, которые его образуют.

Существуют различные классификации стратегий, которыми необходимо овладеть в процессе изучения иностранного языка. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет классификация, предложенная Ребеккой Оксфорд [17], которая выделила шесть групп стратегий (мнемические, когнитивные, компенсаторные, метакогнитивные, отвечающие за координацию процесса обучения, аффективные и социальные).

Большое внимание стратегиям уделяется в материалах Советы Европы [16], где они оцениваются даже выше, чем навыки и рассматриваются в ряду таких взаимосвязанных понятий, как «задача» и «текст». Выбор стратегии обусловлен поставленной задачей и может требовать разной степени языковой и речевой активности. Так, чтение лекции или комментирование прочитанного текста предполагает высокую степень речевого и языкового участия. Приготовление блюда по рецепту требует частичного участия языковых и речевых процессов. Установка палатки может быть произведена либо в полной тишине, либо может сопровождаться беседой, которая не имеет никакого отношения к этому процессу. Связь с текстом является еще более сложной. Так, в речевой рецепции текст во многом определяет выбор стратегии и характер решаемой коммуникативной задачи, а в речевой продукции коммуникативная задача и выбранная стратегия ее решения предопределяют характер текста как продукта речевой деятельности.

Соответственно, все стратегии делятся на четыре группы в зависимости от характера деятельности участника общения: 1) рецептивные;

2) продуктивные; 3) смешанные (диалог, беседа, интервью, обмен мнениями и т.д.); 4) медиационные (все виды устного и письменного перевода, перефразирование, обобщение и т.д.). Каждая группа стратегий, в свою очередь, проходит четыре стадии формирования: планирование, исполнение, оценка и коррекция [16]. Хотя все стратегии имеют одни и те же стадии, содержательно они отличаются друг от друга.

Так, для рецептивных видов речевой деятельности **планирование** включает в себя схематическое отображение мира в тексте и в реальной действительности, их сопоставление и формирование системы ожиданий. Эта стратегия может успешно реализовываться с помощью методики денотатных карт, которая неоднократно описывалась в отечественных исследованиях [5; 6; 1 и др.] и широко используется в практике преподавания языка. **Исполнение** предполагает использование системы подсказок, которые облегчают понимание текста. На этапе **оценки** используется стратегия проверки гипотез на основе поиска соответствий между подсказками и схематическим представлением текста. На этапе **коррекции** происходит проверка гипотез.

Продуктивные виды речевой деятельности характеризуются своим специфическим набором стратегий. На этапе **планирования** происходит подготовка и проигрывание самой деятельности, распределение имеющихся ресурсов, рассмотрение особенностей аудитории, учет коммуникативных задач, которые предстоит решить, и подготовка самого сообщения с учетом всех перечисленных параметров общения. На этапе **исполнения** включаются компенсационные механизмы, происходит опора на имеющиеся знания и предпринимается попытка продуцирования высказывания. **Оценка** осуществляется путем мониторинга успешности собственной деятельности, который имеет определенный характер: результативность оценивается по реакции партнера общения, его мимике и жестам, по тому, как развивается беседа и т.д. На этапе **коррекции** происходит исправление собственных ошибок и оговорок. При этом коррекция собственной деятельности касается только тех ошибок, которые осознаются говорящим или пишущим как нарушения нормы.

Значительно более сложными являются стратегии в ситуации речевого взаимодействия.

Помимо перечисленных выше стратегий, используемых в рецепции и продукции, задействованы еще специфические стратегии, отвечающие за управление процессом взаимодействия, необходимость которых возникает, как правило, спонтанно. Так, **планирование** должно учитывать всю схему возможного построения диалога с учетом дистанции между партнерами общения, включать в себя адекватную оценку обмениваемой информации, содержать выдвигаемые предположения и иметь представление о тех шагах и поворотах в беседе, которые могут быть предприняты. На этапе **исполнения** происходит продуцирование текста, межличностное и когнитивное речевое взаимодействие, решение внезапно возникающих задач, обращение за помощью. Этап **оценки** представляет собой мониторинг процесса обмена информацией, а также мониторинг эффективности взаимодействия. **Коррекция** включает в себя либо запрос на уточнение, либо уточнение по запросу, а также исправление ошибок верbalного взаимодействия коммуникативного и языкового характера, исключение случаев недопонимания и т.д.

Помимо стратегий, соотносимых с видами речевой деятельности, в материалах Совета Европы описаны стратегии, определенная номенклатура которых характеризует каждый из шести уровней владения языком (A1 – C2), что очень важно для организации процесса обучения иностранному языку. Это позволяет преподавателям и обучающимся ориентироваться не только на определенные навыки, составляющие суть коммуникативной компетенции, но и на стратегии, которые необходимы для их овладения.

Известны многочисленные попытки систематизировать коммуникативные стратегии и разработать их классификацию [19; 13], которые представляют большой теоретический и практический интерес. Рамки данной статьи не позволяют рассмотреть их подробно. Отметим только, что выделенные авторами стратегии имеют интерактивный, социолингвистический, психолингвистический, лингвистический и экспрессивистический характер. Наибольший интерес представляет, на наш взгляд, классификация, разработанная Р. Джонстоун [13]. В ней представлены восемь стратегий речевой продукции: 1) переключение кодов и жестикуляция, 2) дословный перевод с родного языка

на иностранный или наоборот, 3) калькирование, 4) симплификация (упрощение), 5) генерализация (обобщение), 6) перефразирование, 7) перезапуск и аппроксимация (приближение) и 8) установление иноязычной идентичности. Данные стратегии очень напоминают приемы, которыми пользуются переводчики в своей профессиональной деятельности и рекомендуют их тем, кто обучается основам перевода.

Овладение стратегиями вербального поведения предполагает осознание тех факторов, которые предопределяют выбор стратегии [18]. Среди них называют отношение обучающегося к конкретной стратегии, его квалификацию, личностные качества, ситуацию и контекст общения. Выбор той или иной стратегии является прерогативой самого обучающегося и носит вполне осмысленный, осознанный и целенаправленный характер. Миссия преподавателя заключается в том, чтобы познакомить обучающихся со всеми существующими стратегиями, способами их использования и критериями выбора подходящей стратегии.

Проведенный выше обзор и анализ исследований стратегической компетенции, ее функциональной основы, в качестве которой выступает стратегическое мышление, а также основной структурной единицы, которой является стратегия, позволяет разработать рекомендации по практическому применению рассмотренных явлений, процессов и механизмов в практике преподавания иностранного языка. При этом, рекомендации касаются как преподавателей, которые организуют образовательный процесс и работают над формированием стратегической компетенции студентов, так и самих обучающихся, основная задача которых заключается в овладении стратегической компетентностью, что позволит им успешно осваивать особенности иноязычного общения.

Используя описанные выше особенности и закономерности формирования и функционирования стратегической компетенции и компетентности, мы разработали модель обучения различным видам речевой деятельности и рассмотрим ее на примере овладения навыками академического письма, а именно: составление письменного реферативного изложения текста (написание реферата).

Известно, что способность к осуществлению реферативной деятельности, т.е. состав-

лению рефератов и аннотаций, является одной из основных компетенций на всех этапах системы высшего образования. Это одна из наиболее важных компетенций современного специалиста, проходящего подготовку в любой сфере знания. Реферативная деятельность является сложным и комплексным видом речевой деятельности, который включает в себя рецептивные (различные виды чтения) и продуктивные способности, опосредованные работой всех высших психических функций и механизмов: восприятия, памяти, внимания, мышления, прежде всего аналитико-синтетической деятельности, вероятностного прогнозирования и т.д. Аннотирование и реферируемое предполагают высокий уровень развития коммуникативной компетенции и всех ее составляющих, в том числе и стратегической компетенции.

В самом общем виде компетентность в составлении рефератов и аннотаций формируется путем развития и постоянного совершенствования навыков чтения и анализа специальной научной литературы, а также навыков логико-смысловой обработки прочитанного материала и изложения его с той или иной степенью компрессии. Для обучения реферируемому мы разработали навыковую модель реферативной деятельности, которая, в первую очередь, предназначена для преподавателя, а также пошаговую инструкцию осуществления реферативной деятельности, которая ориентирована в большей степени на студента. Пошаговая инструкция включает в себя не только номенклатуру действий и операций, которые необходимо совершить студентам, но и определенную, достаточно логичную последовательность их осуществления.

Рассмотрим сначала иерархическую модель реферативной деятельности, представляющую собой совокупность отдельных навыков, которые необходимо сформировать в процессе обучения. Все перечисленные навыки организованы в четыре группы: навыки необходимые студенту на этапах 1) планирования, 2) исполнения, 3) оценки и 4) коррекции.

Планирование:

- способность планировать деятельность в соответствии с определенным учебным заданием;

- способность построить образ результата реферативной деятельности;

- способность сформулировать коммуникативные задачи, которые должны быть решены;
- способность определить цель чтения и письма при написании реферата;
- способность искать и находить подходящий материал для написания реферата, используя различные источники информации (научную и научно-популярную литературу, статьи, справочники, публикации в интернете и т.д.);
- способность использовать поисковое и просмотровое чтение найденных источников с целью выявления подходящих по тематике, постановке проблемы, новизне и т.д.
- способность использовать изучающее чтение с целью более тщательного отбора значимой информации и отказа от ненужных деталей, фактов и примеров;
- способность конспектировать основные идеи вручную или на компьютере, используя стратегию поиска ключевых идей и ключевых слов;
- способность определить содержание реферата;
- способность разработать структуру реферата и составить его план;
- способность выбрать надлежащий стиль реферата и соответствующую ему лексику и грамматику;
- способность установить объем реферата и не выходить за его рамки в процессе написания (обычно реферат составляет одну треть от используемых текстовых материалов);
- способность планировать процедуру, способ и время написания реферата.

Исполнение:

- способность воспроизводить информацию, полученную из источников, отобранных для составления реферата, концентрируясь на содержательной стороне;
- способность использовать конспекты источников, составленные на предыдущей стадии;
- способность использовать механизмы компрессии и (в случае необходимости) расширения;
- способность создавать логически структурированный письменный текст, придерживаясь традиционной структуры (введение, основная часть, заключение);
- способность продуцировать содержательную часть реферата;

- способность надлежащим образом составить введение, в котором обосновываются выбор темы и предмет исследования, оценивается значимость данной темы исследования, формулируется цель написания реферата, его содержание и структура;

- способность построить основную часть реферата логически последовательно в соответствии с намеченным планом (содержанием реферата), подготовленным на предыдущем этапе;

- способность создать связный текст, используя лексические средства связности;

- способность составить заключение, в котором обобщается вся информация, содержащаяся в основной части, и делаются выводы;

- способность использовать языковые средства (лексические и грамматические) в соответствии образом результата и пониманием коммуникативной задачи, которую необходимо решить;

- способность соблюдать стилистические требования, придерживаясь формального стиля речи;

- способность выбрать наиболее эффективный способ написания реферата;

- способность делать ссылки на оригинальные источники и точно передавать точку зрения автора;

- способность высказывать свое собственное мнение;

- способность компенсировать недостающие знания и навыки теми, которыми студент владеет;

- способность использовать, в случае необходимости, вспомогательный материал (словари, справочники, учебные пособия и т.д.);

- способность контролировать объем реферата;

- способность правильно использовать терминологию;

- способность составить список используемой литературы (монографии, статьи, интернет источники и т.д.) и библиографически точно оформить его.

Оценка:

- способность оценить точность выполнения задания по написанию реферата;

- способность оценить содержание (хват информацией, точность ее передачи, степень сжатия текста, соответствие коммуникативной задаче, ссылки и т.д.);

- способность оценить логическую структуру и связность текста реферата;
- способность оценить правильность составления введения и заключения и наличие логико-смысловой связи между ними;
- способность оценить объем реферата и степень сжатия информации;
- способность оценить стиль реферата и используемые лексические и грамматические средства;
- способность оценить лексическую и грамматическую правильность текста, включая орографию, пунктуацию и другие аспекты.

Коррекция:

- способность осуществить редакторскую правку текста реферата;
- способность сжать или расширить текст реферата;
- способность изменить логическую структуру текста реферата и усилить его связность;
- способность исправить введение и заключение с точки зрения соответствия друг другу и тексту основной части реферата;
- способность исправить языковые (лексические, грамматические и стилистические) ошибки, отмеченные на предыдущем этапе.

Данная модель представляет собой иерархическую структуру навыков, которые должны быть сформированы в процессе обучения. Даже если студенты имеют большой опыт написания рефератов, это не гарантирует то, что все нужные навыки у них сформированы. О необходимости некоторых навыков студенты вообще не подозревают. Это касается, прежде всего, стадии планирования, многие аспекты которой студенты иногда вообще игнорируют. Миссия преподавателя заключается в том, чтобы остановиться на каждом навыке и показать, каким образом он формируется и какие стратегии необходимы для этого. Каждый из них должен стать объектом осознания и целенаправленного формирования на основе овладения наиболее эффективными стратегиями.

Так, способность использовать механизмы компрессии предполагает овладение механизмом сворачивания информации на уровне абзаца и на уровне каждого отдельного предложения. Для осуществления компрессии на уровне абзаца необходима стратегия опоры на логико-смысловую обработку текста и умение выделять в каждом абзаце предикации первого, второго

и более высоких порядков. При этом предикации первого порядка являются самыми значимыми и соотносятся с основной идеей абзаца, тогда как предикации более высоких порядков раскрывают, уточняют и детализируют эту идею. Именно от них можно отказаться и за их счет осуществить компрессию текста. Данная методика логико-смысловой обработки текста восходит еще к работам Н.И. Жинкина, В.Д. Тункель и их последователей [2].

Компрессия на уровне предложения осуществляется с помощью анализа грамматической структуры предложения, в котором субъект и предикат всегда несут основной смысл предложения, а его второстепенные члены раскрывают, уточняют, детализируют и эмоционально окрашивают то, что передают главные члены предложения. Кроме того, компрессия осуществляется за счет отказа от придаточных предложений, усложненных грамматических конструкций и сворачивания сложносочиненных предложений в одно простое. Таким образом, владение стратегией компрессии текста на основе его логико-смысловой и грамматической обработки является важным навыком, необходимым для эффективного осуществления реферативной деятельности.

Описанная выше навыковая модель является своего рода дорожной картой для организации процесса обучения. Ее можно развернуть в еще более подробную карту, в которой каждый отдельный навык описывается с помощью совокупности стратегий, необходимых для его формирования. Данная модель предназначена, прежде всего, для преподавателя и предназначена для того, чтобы помочь ему организовать процесс обучения наиболее эффективным образом.

Для студента мы разработали другую дорожную карту для подготовки, организации и осуществления реферативной деятельности: пошаговую инструкцию для написания реферата. В ней перечислены все шаги, которые необходимо предпринять студенту при работе над рефератом, и предлагается определенная последовательность, которая делает его реферативную деятельность осмысленной, целенаправленной и логически организованной. Все шаги также разделены на четыре этапа: планирование, исполнение, оценка и коррекция.

Планирование:

Шаг 1.: Выберите тему реферата или изучите предложенную преподавателем тему.

Шаг 2.: Сформулируйте для себя представление о том результате, к которому должно привести написание реферата (например, сделать обзор научных исследований по данной теме, или всесторонне проанализировать взгляды одного автора и дать им оценку).

Шаг 3.: Определите точно цель написания реферата. Например, рассмотреть весь спектр взглядов на исследуемую проблему или тему реферата.

Шаг 4.: Представьте себе, кому адресована данная работа, и спланируйте ее, ориентируясь на потенциальных читателей.

Шаг 5.: Определите коммуникативные задачи, на решение которых направлен реферат.

Шаг 6.: Найдите материал для реферата, используя различные методики поиска (изучение списка литературы и ссылок на работы, представленных в исследованиях наиболее авторитетных авторов, и последующий поиск этих работ в интернете и других источниках и т.д.).

Шаг 7.: Просмотрите найденный материал с целью отбора информации, необходимой для реферата.

Шаг 8.: Составьте список основных идей, которые необходимо осветить в реферате.

Шаг 9.: Составьте оглавление своей работы, используя разработанную ранее структуру реферата.

Шаг 10.: Спланируйте введение и постарайтесь предвосхитить характер заключения.

Шаг 11.: Определите стиль написания реферата и выберите лексические и грамматические средства, соответствующие данному стилю.

Шаг 12.: Спланируйте объем реферата, принимая во внимание два соображения: 1) объем реферата составляет обычно одну треть от объема всех используемых источников; 2) чем больше источников будет проанализировано в реферате, тем менее подробным будет анализ каждого из них.

Шаг 13.: Разработайте наиболее эффективный и удобный способ написания реферата.

Важно подчеркнуть, что выполнение всех операций на стадии планирования существенно сокращает время и усилия, которые потребуются от учащихся на стадии исполнения. Не выполнение той или иной операции ведет к снижению качества конечного результата всей дея-

тельности. Однако, как показывает опыт обучения студентов академическому письму, именно на этой стадии происходит больше всего сбоев. Многие операции, например шаги 4 и 5, студентами не выполняются или игнорируются, о необходимости совершения других они просто не задумываются, например шаги 10 и 13. В результате очень часто процесс написания реферата сводится студентами к банальному скачиванию материала из интернета без всякого осмысливания и анализа содержательной стороны работы, что существенно снижает качество работы.

Исполнение:

Шаг 1.: Подготовьте оригинальный материал, который будет использован при написании реферата, а также сделанные заранее записи (конспекты) основных положений, включая цитаты, ссылки и т.д.

Шаг 2.: Напишите введение, которое включает в себя представление темы реферата и предмета рассмотрения, значимость и актуальность данной темы академического исследования, цель реферата и его структурированное содержание.

Шаг 3.: Придерживайтесь плана написания реферата, разработанного на предыдущей стадии.

Шаг 4.: Составьте логически структурированный связный текст в соответствии с планом, написанным на предыдущем этапе. Следите за делением текста на абзацы, имея в виду, что каждый абзац выражает одну ключевую идею, которая в нем обсуждается и раскрывается. Помните над тем, где лучше расположить основную идею абзаца: в начале, в конце, или в середине.

Шаг 5.: Постоянно контролируйте содержательную часть с точки зрения объема.

Шаг 6.: Делайте правильные ссылки на точку зрения автора. Сформулируйте в случае необходимости свою точку зрения на данную проблему.

Шаг 7.: Следите за использованием лексических и грамматических структур в соответствии со стилем написания реферата. Обратите особое внимание на использование терминологии.

Шаг 8.: Страйтесь использовать компенсаторные навыки, заменяя незнакомые языковые структуры теми, которые не вызывают сомнений.

Шаг 9.: При написании реферата используйте все возможные дополнительные ресурсы (словари, справочники, учебные пособия и т.д.) и обращайтесь к ним, чтобы исключить любые сомнения.

Шаг 10.: Напишите заключение, используя механизм обобщения. Сделайте все необходимые выводы и не забудьте отметить значимость данной работы. Следите за соответствием содержания введения, основной части и заключения. Помните, что введение и заключение должны фокусироваться на одной и той же идее.

Шаг 11.: Составьте библиографический корректный список используемых источников.

Отметим, что выполнение всех рекомендаций на стадии исполнения позволяет минимизировать количество операций, которое необходимо будет выполнить на следующих двух стадиях.

Оценка:

Шаг 1.: Оцените соответствие написанного реферата полученному заданию.

Шаг 2.: Оцените содержание реферата (окхват информации, адекватность воспроизведения информации в реферате тексту исходных материалов, степень компрессии, правильность решения коммуникативной задачи).

Шаг 3.: Проверьте адекватность всех ссылок на точку зрения автора. Проверьте все случаи высказывания своей точки зрения.

Шаг 4.: Оцените логическую структуру и связность текста. Проверьте правильность и частоту использования языковых средств для осуществления внутритекстовой связности.

Шаг 5.: Оцените правильность написания введения и заключения, и их соответствие друг другу, а также их содержательное соответствие основной части реферата.

Шаг 6.: Оцените объем текста, соотношение между логическими частями реферата и степень компрессии информации.

Шаг 7.: Оцените адекватность стилистики текста и проверьте соответствие используемых лексических и грамматических средств стилистике реферата.

Шаг 8.: Проверьте правильность использования лексики и грамматики, включая орфографию, пунктуацию, лексическую насыщенность текста, отсутствие сокращенных форм и т.д. Для этого прочитайте собственный текст несколько раз, обращая особое внимание на наличие лексических и грамматических ошибок.

Шаг 9.: Проверьте наличие повторов.

Опыт практической работы показывает, что студенты не просто недооценивают стадию оценки, но и относятся к ней достаточно формально в силу, прежде всего, того, что им трудно объективно оценить написанный им текст. Они очень часто не видят содержательных и логических ошибок, например рассогласование между введением, основной частью текста и заключением. Еще реже они замечают собственные языковые ошибки, а, следовательно, не могут исправить их на последней стадии своей работы. Умение видеть языковые ошибки, осознавать ошибочность использования тех или иных языковых структур требует специальной целенаправленной работы преподавателя, нацеленной на формирование языковой составляющей коммуникативной компетенции студентов. Этот аспект, требующий отдельного более детального рассмотрения, остается за рамками данной статьи.

Коррекция:

Шаг 1.: Скорректируйте объем текста, используя механизмы компрессии или расширения.

Шаг 2.: Исправьте все случаи нарушения точности передачи информации.

Шаг 3.: Измените логическую структуру и последовательность изложения путем перестановки абзацев из одного места текста в другое.

Шаг 4.: Исправьте введение и заключение так, чтобы они соответствовали друг другу и основной части реферата.

Шаг 5.: Исправьте все обнаруженные на предыдущей стадии языковые ошибки, в первую очередь орфографические, ошибки в структуре предложения, согласовании между подлежащим и сказуемым, порядке слов в предложении, пунктуации, стилистические ошибки и т.д.

Все действия и операции на данной стадии выполняются только в случае обнаружения ошибок на предыдущей стадии. Опыт показывает, что коррекция также представляет сложность для студентов, тем более в случае языковых ошибок. Даже если студент увидел ошибку, это не значит, что она будет исправлена им правильно. Здесь очень важна роль преподавателя, который при проверке реферата не просто подчеркивает в тексте сделанные лексические и грамматические ошибки, но и маркирует на полях и комментирует их, помогая студентам осуществлять коррекцию.

Подводя итог проведенного исследования, можно сказать, что оно, с одной стороны, описывается на результаты обобщения теоретических исследований стратегической компетенции как составляющей коммуникативной компетенции, стратегического мышления как ее функциональной основы и широкой номенклатуры стратегий, посредством которых реализуется речевая деятельность в процессе общения. С другой стороны, наше исследование имеет ярко выраженную pragматическую ориентацию и нацелено на упорядочение процесса обучения иностранному языку, в частности академическому письму.

Реферативная деятельность, выступающая для нас в качестве главного объекта изучения, является одним из основных видов речевой деятельности в высших учебных заведениях, который связан не только с иностранным языком, а со всеми учебными дисциплинами. Именно с умения написать реферат начинается собственно научная деятельность, способность провести научное исследование, сделать обзор литературы, написать статью и даже диссертацию. Несмотря на то, что овладение практически всеми учебными дисциплинами, преподаваемыми в вузе, предполагает наличие способности написать реферат, сегодня мы можем констатировать, что практически отсутствуют специально разработанные курсы обучения реферированию и аннотированию. Только в рамках изучения иностранного языка происходит настоящий целенаправленный процесс овладения всеми необходимыми навыками подготовки и написания реферата. Именно поэтому навыковую модель, разработанную для организации процесса обучения, можно рассматривать как дорожную карту, с помощью которой должен осуществляться образовательный процесс в самом широком контексте. При этом, каждый отдельный навык в описанной модели требует особого внимания, осознания и целенаправленного формирования как под руководством преподавателя, так и в режиме самостоятельной работы студентов.

Разработанная на основе навыковой иерархической структуры пошаговая инструкция осуществления реферативной деятельности, ориентированная, в первую очередь, на студента, призвана правильно и эффективно организовать его реферативную деятельность. Она пока-

зывает, что подготовку и написание реферата можно осуществить, выполняя сложную логически выстроенную последовательность шагов, каждый из которых соотносится с определенным навыком. Подобная дорожная карта предполагает активное участие преподавателя, миссия которого заключается в том, чтобы описать наиболее эффективный способ выполнения каждой операции и достижения наилучшего результата.

Таким образом, предлагаемые нами модель обучения и пошаговый алгоритм ее реализации, основанные на стратегической компетентности студентов, предназначены упорядочить процесс обучения студентов реферативной деятельности, а, следовательно, и основам академического письма, сделав его более осмысленным, целенаправленным, осознанным и эффективным. Студенты вырабатывают стратегическое отношение к собственной реферативной деятельности как к сложному многоэтапному процессу, тщательно планируя каждый этап и организуя свое вербальное поведение, нацеленное на достижение наилучшего результата.

Литература

- Богословская И.В. (2011). Денотатная структура содержания текста. – М: Вестник ВЭГУ №5 (55), 2011. – С. 60-66.
- Доблаев Л.П. (1982). Смыловая структура учебного текста и проблема понимания. - М.: Педагогика, 1982. - 176 с.
- Л.В. Дудник, Т.С. Путиловская (2015). Структура иноязычной коммуникативной компетенции. – В сб. Межкультурная бизнес-коммуникация и инновационные проекты в обучении: Монография / колл. авторов. – М.: РУСАЙНС, 2015. – С. 31-37.
- Тимофеева, Т. И. (2011). Формирование коммуникативной компетенции студентов в коммуникативной деятельности в процессе обучения иностранному языку / Т. И. Тимофеева. – Ульяновск : УлГТУ, 2011. – 136 с.
- Чистякова Г.Д. Предметное содержание текста как способ представления знаний [Текст] / Г.Д. Чистякова // Науч. тр. МГПИИ им. М. Тореза. – М., 1985. – Вып. 207. – С. 16–25.
- Шелудько Н. И. (1986). Виды денотатных карт в профессионально-ориентированном обучении // Профессионально ориентированное взаимосвязанное обучение всем видам иноязыч-

- ной речевой деятельности в не языковом вузе.
– Пермь : Пермский политехнический институт, 1986 – С. 93–97.
7. Bachman, L. F. (1990). Fundamental Considerations in Language Testing / L. F. Bachman. – Oxford, – 118 p.
8. Canale M. and Swain M. (1980). Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing. *Applied Linguistics*. Vol. 1. – Mass, MIT, 1980. – Pp. 27-31.
9. Charaudeau P. (1983). *Language et discours*. / P. Charaudeau. – Paris: Hachette. – 154 p.
10. Ek, J. A. van. (1992). Threshold Level Cambridge / J. A. van Ek, J. L. M. Trim. – Great Britain: CUP. – 104 p.
11. Ellis, R. (1987). Understanding second language acquisition / R. Ellis. – Oxford: Oxford University Press. – 529 p.
12. Hymes, D. (1984). Vers la compétence de communication / D. Hymes. – Paris: Hetier, 1984. – 219 p.
13. Johnstone, R. (1988). “Communicative methodology: second generation”, in P. Kingston (ed.) *Languages Breaking Barriers*, selected proceedings from The Joint Council of Language Associations’ Annual Course / Conference March 1988, London: CILT, pp. 12–21.
14. Liedtka J. (1998). “Linking Strategic Thinking with Strategic Planning”, *Strategy and Leadership*, 264, pp. 30-35
15. Mintzberg, H. (1994). The fall and rise of strategic planning. *Harvard Business Review*, (1994, January-February), pp. 107-114.
16. Modern Languages: Learning, Teaching, Assessment. A Common European Framework of Reference. Council for Cultural Co-operation. Education Committee. Strasbourg. (1998). – 224 p.
17. Oxford, R. (1990). Language learning strategies: What every teacher should know. New York: Newbury House. ARECLS, 2010, Vol.7, pp. 132-152.
18. Putri L.A. (2013). Communication strategies in English as a second language (ESL) context. *Advances in Language and Literary Studies*, Vol. 4 No. 1; January 2013 – URL: <http://dx.doi.org/10.7575/aiac.all.v.4n.1p.129>
19. Tarone, E. (1980). Communication strategies, foreigner talk, and repair in interlanguage language learning / E. Tarone // *TESOL Quarterly*. – 1980. – № 30. – Pp. 417–431.
20. Verhoeven, L. & Vermeer, A. (2002). Communicative competence and personality dimensions in first and second language learners. *Applied Psycholinguistics*, 23(03), pp. 361-374.

Кибербуллинг как фактор риска суицидальных тенденций в школьной среде

Измайлова Е.В.

Статья посвящена рассмотрению активности пользования детей интернетом и взаимосвязи психологического насилия, проявляющегося в угрозах, оскорблении и других его проявлениях с фактором суицида у детей школьного возраста. Рассмотрены особенности кибербуллинга, как один из факторов толчка к суицидальной деятельности.

Ключевые слова: интернет, кибербуллинг, безопасность интернет пространства, суицид, суицидальные тенденции, «группы смерти», школьный возраст.

Izmaylova E.V.

Cyberbullying as a risk factor for suicidal tendencies in the school environment

The article is devoting to the study of the activity of using children by the Internet and the relationship of psychological violence manifested in threats, insults and other manifestations with a suicide factor in children of school age. Features of cyberbullying are considering as one of the push factors to suicidal activity.

Key words: Internet, cyberbullying, security of the Internet space, suicide, suicidal tendencies, «death groups», school age.

С развитием информационных технологий и их доступностью каждый год пользователей интернет пространство становится все больше. Значит и тема становится все более актуальной, а также порождает как свои плюсы, так и свои минусы. Практически каждый ребенок, который пошел в первый класс умеет обращаться с телефоном/ноутбуком/планшетом, а главное пользоваться на этих девайсах интернет-серверами. Виртуальный мир меняет специфику взаимодействия между людьми, виртуальная коммуникация имеет ряд особенностей: анонимность, большойхват население, неконтролируемость. Через интернет мы можем формировать свое личное пространство, находить друзей/любовь, открыть для себя новые знания и возможности, услуги становятся более доступные, но и безопасность становится под угрозой. Не зря «В соответствии с решением парламентского слушания Совета Федерации от 12 марта 2014 года во всех школах Российской Федерации 30 октября 2016 был проведен Единый урок по безопасности в сети». В рамках данной программы был разработан международный квест по цифровой грамотности. В него включены 4 тематические викторины (техническая, коммуникационная, потребительская, информационная грамотность), функция родительского контроля, а также интернет-голосование, выбор лучших образовательных сайтов, а также премии и победители. Квест разделен на несколько уровней: воспитанники детских садов, школьники и студенты.¹ Что нам еще раз говорит о том, что уже дети, которые ходят в детский сад подвержены влиянию интернета.

«Изучи Интернет – управляй им!» – это социально-образовательный проект для школьников, разработанный Координационным центром национального домена сети интернет. Проект состоит из нескольких модулей, где мы можем ознакомиться с принципами устройства

сети интернет, его работы и пройти онлайн чемпионат для школьников². А также 2009 год в России был годом безопасного интернета.

Опираясь на эти данные, мы можем сделать вывод, что школьники умеют и активно пользуются интернет пространством, а если есть конференции и конкурсы посвященные безопасности в интернет пространстве, значит существует угроза нарушения этой безопасности. И одной из этих угроз является кибербуллинг. В первые определение кибербуллинга дал Билл Белсей. «Кибербуллинг- намеренные оскорблении, угрозы, травля и сообщение другим компрометирующих данных с помощью современных средств коммуникации, как правило, в течение продолжительного периода времени».

Одним из последствий кибербуллинга является суицид. Согласно определению ВОЗ (1982), «суицид – акт самоубийства с фатальным исходом; покушение на самоубийство – аналогичный акт, не имеющий фатального исхода». В докладе о состоянии здравоохранения в мире в 2001 г. («Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда») говорится, что «самоубийство есть результат сознательных действий со стороны определенного человека, полностью осознающего или ожидающего летального исхода», и что «самоубийство является сегодня одной из основных проблем общественного здравоохранения».

Травля в интернете может происходить по-разному. Это и травля через социальные сети, создаваемые специальные страницы и домены с агитацией травли над определенной личностью. Размещение обидных фотографий, фраз, распускание слухов, придумывание несуществующих историй. Часто размещают сведения с целью шантажа. Иногда атака идет напрямую, когда человеку пишут личные сообщения, либо публичные комментарии³. В последнее время у всех на слуху стали распространены «группы смерти», а также онлайн игры с руководством к самоубийству.

По данным исследований, Россия занимает одну из лидирующих позиций по уровню кибербуллинга среди школьников. Исследования были проведены компанией Майкрософт в 2012 году⁴ почти половина опрошенных российских детей и подростков в возрасте от 8 до 17 лет заявила, что они становились объектами травли. По этому показателю Россия заняла пятое место среди 25 государств.

Второе исследование, но не менее популярное было проведено организацией ВОЗ в 2013-2014 годах. Исследование проводилось среди детей 11-15 лет. В рамках исследования была доказана связь кибербуллинга и суицидальных наклонностей жертвы. И, к сожалению, в возрастной группе 11 лет мы заняли первое место, среди детей 13 и 15 лет третьи места⁵.

Третье исследование было проведено в России «Дети России онлайн» среди детей 9-16 лет. В среднем 23% детей были жертвами кибербуллинга. При этом было выявлено, что каждая десятая девочка переживает последствия кибербуллинга несколько месяцев, что может привести к суицидальному фактору⁶.

Любая травля, в том числе и кибербуллинг опасна для психологического здоровья жертв. По данным исследования американского журнала «The psychiatrist» было выявлено, что кибербуллинг является частой причиной депрессии, снижении самооценки, а также суицидов среди школьников. Но не мало важной особенностью было выделено то, что люди, которые травят также склонны к депрессии, пониженной самооценке и суицидальными мыслями⁷.

Особенности кибербуллинга, порождающие суицидальные факторы:

1. Одной из особенностей кибербуллинга в социальной сети является то, что личность киберпреступника является не всегда является истиной, за картинкой может скрываться любой человек. Выдержка из хроники управления МВД России. Ноябрь 2015 «Сотрудниками Управления «К» МВД России...был задержан заместитель директора по воспитательной работе одной из подмосковных школ, осуществлявший развратные действия в отношении несовершеннолетних. Злоумышленник регистрировался в социальных сетях под вымышленными именами, искал несовершеннолетних девушек и заводил с ними переписку...устанавливал с ними доверительные отношения, после чего за денежное вознаграждение или угрозы предлагал им разделиться перед веб- камерой или прислать ему откровенные фотографии. В отношении задержанного избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 242.2 УК РФ⁸.

К сожалению, некоторые случаи таких переписок заканчиваются суицидальными послед-

ствиями. Один из таких случаев произошел в Самаре с девочкой 13-летнего возраста. В 10 лет девочка завела знакомство с парнем через социальную сеть. Парень под различными фразами и комплементами смог выманить у девочки откровенные снимки. Девочка покончила жизнь самоубийством.⁹

2. Быстрота распространения информации. Кибербуллер может за несколько минут распространить информацию в сети и сделать так, чтобы за минуты это увидели тысячи людей.

3. Присутствие сексуального подтекста. В интернете мы можем быть более раскрепощенными и говорить на те темы, о которых мы бы стеснялись говорить, будучи лицом к лицу с собеседником. Для школьников это запретная тема, поэтому она порождает желание и в некоторой степени игру. А анонимность в данном случае придает только долю азарта.

3. Безнаказанность. Так как мы уже говорили ранее, что кибербуллер(киберхакер) может иметь другое имя и другие информационные данные, отличающиеся от реальных, то проблема вычислить кто стоит за тем или иным аккаунтов является и по сей день очень проблематичной как для следственных органов, так тем более и для подростка. А если мы не можем вычислить преступника, то никакие меры пресечения применить к нему мы не можем тоже.

Отдельно выделим «группы смерти». С появлением интернета секты, которые существовали множество веков теперь могут распространяться с очень быстрой скоростью. Это могут быть сторонники героев, убивающих людей, мультипликационные персонажи. В 2016 году было произведено расследование журналистов издания «Новая газета». Журналисты произвели мониторинг социальной сети «Вконтакте» и нашли родственников жертв, покончивших жизнь самоубийством. В результате они озвучили страшные цифры-более 130 школьников. Одной из популярных групп стала группа: f57 и знаменитая игра «Синий Кит». Но официальной подтвержденной информации на данный момент в публикациях не представлено, но правила игры и бурное обсуждение ее последствий в сети интернет происходят и по сей день.

В марте 2017 года было взято интервью у известного врача-психотерапевта Тины Берадзе. В своем интервью она отметила, что с каждым годом проблема только усугубляется. И

опираясь на исследования Американских коллег в сфере психиатрии обозначила, что «суицид стал второй по распространению причиной смертности среди подростков, и львиная доля здесь приходится как раз на социальные сети. Чаще всего подростки, решившие свести счеты с жизнью, подвергались буллингу. Вторая причина суицида – участие в так называемых «группах смерти»¹⁰.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что проблема кибербуллинга как фактор суицидальных тенденций среди школьников на данный момент стоит очень остро и мы должны создавать, внедрять и пропагандировать программы с целью профилактики безопасности интернет пространства. Работа должна производиться двусторонняя, как в отношении тех, кто является киберхакерами, так и в отношении тех, кто является их жертвами. Иногда ребенок имеет двойственные позиции и может находиться в двух ролях одновременно, являться как киберхакером перед одним субъектом, так и жертвой для другого субъекта. Не маловажной является и работа четырехсторонняя: родитель-учитель-ребенок-интернет. Все эти звенья должны быть четко взаимосвязаны, и структура работы должна создаваться с целью информирования через все четыре системы взаимодействия.

Литература

1. Блайа, К. Кибербуллинг и школа // Дети в информационном обществе. 2012. № 10. С. 40–46.
2. Вураско А. За картинкой в сети дети не видят злоумышленника // Дети в информационном обществе. 2017. № 4. С. 20-23.
3. Исследование компанией Microsoft [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.google.lv>
4. Кибербуллинг-это преступление. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vk.com/public29165258>
5. Солдатова Г, Зотова Е. Агрессоры и жертвы // Дети в информационном обществе. 2012. № 11. С. 42-51.
6. Премия сетевичок. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://2017.xn--b1afaandokxclpo7exf.xn--p1ai/>
7. Социально образовательный проект «Изучи интернет-управляй им» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://xn-->

7sbikand4bbbyfwe.xn--p1ai/about/

8. Cowie Helen. Cyberbullying and its impact on young people's emotional health and well-being //The psychiatrist. 2013. № 5. С. 36-44

9. Jo Inchley and others. Буллинг: Кибербуллинг//Политика здравоохранения в отношении детей и подростков. 2016. № 7. С. 207-210

10. Khetsuriani M. Суицид в сети: Кибербуллинг и «группы смерти». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.likar.info/psihologicheskie-problemy/article-79130-suitsid-seti-kiberbulling-i-gruppy-smerti/>

11. Sourander A. Psychosocial risk factors associated with cyberbullying among adolescents / Arch Gen Psychiatry. 2010. № 67: 720c.

Ссылки:

1Премия сетевичок. [Электронный ресурс]
– Режим доступа: <http://2017.xn--b1afaandokxclpo7exf.xn--p1ai/>

2Социально образовательный проект «Изучи интернет-управляй им» [Электронный ресурс]
– Режим доступа: <http://xn--7sbikand4bbbyfwe.xn--p1ai/about/>

3 Блайа, К. Кибербуллинг и школа // Дети в информационном обществе. 2012. № 10. С. 42.

4Исследование компанией Microsoft [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.google.lv>

5 См.: Jo Inchley and others. Буллинг: Кибербуллинг//Политика здравоохранения в отношении детей и подростков. 2016. № 7. С. 207-210

6 См.: Солдатова Г, Зотова Е. Агрессоры и жертвы // Дети в информационном обществе. 2012. № 11. С. 42-51.

7 Cowie Helen. Cyberbullying and its impact on young people's emotional health and well-being //The psychiatrist. 2013. № 5. С. 36-44

8Вурако А. За картинкой в сети дети не видят злоумышленника // Дети в информационном обществе. 2017. № 4. С. 23.

9Кибербуллинг-это преступление. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vk.com/public29165258>

10 Khetsuriani M. Суицид в сети: Кибербуллинг и «группы смерти». [Электронный ресурс]
– Режим доступа: <http://www.likar.info/psihologicheskie-problemy/article-79130-suitsid-seti-kiberbulling-i-gruppy-smerti/>

В поисках истоков формирования социального сопровождения как социальной практики

Старикова Е.А.

В статье представлены трактовки исторического и современного понимания «сопровождения». Исследование основано на теоретических взглядах известных социологов XX века – британского социолога Э. Гиддена, французского социолога П. Бурдье, а также изложена точка зрения Ю. М. Резника, известного российского социолога относительно формирования социальных практик. На основе проведенного исследования автором выделяются основные элементы социальной практики, в том числе социального сопровождения с точки зрения современных социологических теорий – «Теория структурации» Э. Гиддена, «Теория структурирующих структур» П. Бурдье. Рассматривается характеристика социального сопровождения детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц, из числа детей, оставшихся без попечения родителей, как социальной практики.

Ключевые слова: сопровождение, социальная практика, «Теория структурации» Э. Гиддена, «Теория структурирующих структур» П. Бурдье.

Starikova E.A.

In search of sources of formation of social maintenance as social practice Recently in scientific literature even more often it is possible to meet the works devoted to a maintenance research in the field of pedagogics, psychology. However, in scientific literature the researches considering social maintenance as social practice from a position of sociological science aren't revealed. Interpretations of historical and modern understanding of «maintenance» are presented in article. The research is based on theoretical views of the famous sociologists of the 20th century – the British sociologist E. Giddens, the French sociologist P. Burdyyo and also the point of view of Yu.M. Reznik, famous Russian sociologist concerning formation social the practician is stated.

On the basis of the conducted research the author allocates basic elements of social practice, including social maintenance from the point of view of modern sociological theories - «The theory of a strukuration» of E. Giddens, «The theory of the structuring structures» of P. Burdyyo. The characteristic of social escort of children without parental support, and persons, from among children without parental support as social practice is considered. Keywords: escort, social practice, «The theory of a strukuration» of E. Giddens, «The theory of the structuring structures» of P. Burdyyo.

Рассматривая социальное сопровождение как социальную практику, необходимо учесть, что современное понимание этого процесса появилось в литературе сравнительно недавно. Долгое время синонимичным ему считалось понятие «социальная помощь», которое рассматривалось как общественное явление. В свою очередь, определение сущности понятия «социальная помощь» входит в поле интересов различных наук, таких как социология, философия, право и т.д. «Социальная помощь в философском понимании – это специфическая деятельность и особенное отношение, которые находятся в диалектическом единстве друг с другом и всей системой общественных связей и отношений. Целенаправленное удовлетворение наущной потребности, осуществляемое в особых обстоятельствах общественной жизни и выраженное в специфическом отношении между двумя сторонами данного процесса, составляет сущностную определенность социальной помощи как общественного явления, которое в своем развитии принимает многообразные формы»¹.

Однако, если обратиться к одному из первоисточников, становится известно, что «сопровождение» имеет давнюю историю возникновения, одно из первых упоминаний о нём было описано в Ветхом Завете, и сводилось лишь к одному пониманию – помоши ближнему².

В дальнейшем, в связи с появлением и развитием научного знания, понятие «сопровождение» стало использоваться в естественных науках, позднее, уже в XX веке, термин «сопровождение» стал использоваться в гуманитарных науках, например, таких как: психология, педагогика, социология и т.д.

Само же понятие «сопровождение» введено в науку петербургскими учеными Л.М. Шипицкой, Е.И. Казаковой и трактуется ими как по-

мощь ребенку в принятии решений в проблемных ситуациях, ответственность за действия в которых несет он сам.

В целом же, само понятие «сопровождение» является междисциплинарным, вследствие чего употребляемо как в психологическом, педагогическом, так и акмеологическом контекстах, поэтому, как в науке, так и в практической деятельности, встречаются следующие понятия сопровождения: «психологическое сопровождение», «педагогическое сопровождение», «социально-педагогическое сопровождение», «правовое сопровождение» и т.д. Так, в своей работе Л. Э. Панкратова пишет о том, что «термин «социальное сопровождение» как технология помочь людям в сложной жизненной ситуации появился и в теории социальной работы. Но все активнее его стали использовать именно практики социального обслуживания населения в нашей стране»³.

Современное понимание социального сопровождения – вид социальной деятельности; профессиональная деятельность; оказание специалистом/или специалистами (в случае необходимости) конкретному лицу или группе (семье) комплекса социально-педагогических, социально-психологических, социально-экономических, социально-медицинских, правовых, информационных услуг на протяжении определенного периода времени, длительного периода (в случае необходимости). Из определения становится очевидным, что сопровождение предполагает комплексный и системный характер. Однако, следует отметить, что данное определение применимо лишь в сфере социальной работы, что подтверждает тот факт что термин «сопровождение» в большей мере раскрыт в педагогике, психологии нежели в социологии, что говорит об актуальности анализа «сопровождения» с позиции социологической науки.

«Отмечается, что исследования социальных практик как самостоятельного социального феномена и понятия начались сравнительно недавно, со второй половины XX века, однако социальные практики достаточно быстро приобрели статус социального явления, обусловленного деятельностным аспектом. Методология деятельностного подхода позволяет рассматривать категорию общественно-исторической практики применительно ко всем областям бытия человека: природному, индивидуально-лич-

ностному и социальному, что доказывает универсальный характер деятельности. Во всех сферах общественной жизни как раз и происходит реализация деятельностного потенциала, а результатом такой реализации являются социальные практики. Социальная практика – вид практики, в ходе которой конкретно-исторический субъект, используя общественные институты, организации и учреждения, воздействуя на систему общественных отношений, изменяет общество и развивается сам»⁴.

В одной из своих работ Э. Гидденс писал, что «предметом социальных наук... являются социальные практики, упорядоченные в пространстве и во времени»⁵. Соответственно, нами будут рассмотрены взгляды крупнейших социологов XX в. – Э. Гидденса и П. Бурдье – на социальные практики.

В частности, интерес для нас представляет «Теория структуриации» Э. Гидденса, известного британского социолога, в которой под обществом он понимает совокупность социальных систем.

«Социальные системы для Гидденса – «не каркас здания или скелет человеческого тела», а регулярные отношения взаимозависимости между индивидами и группами. Социальные системы охватывают реальные действия людей, расположенные во времени и пространстве.

Эту взаимозависимость Гидденс называет интеграцией. Она бывает двух видов: социальной и системной. Эти два вида интеграции предполагают друг друга.

Социальная интеграция – взаимозависимость в непосредственном взаимодействии и системная интеграция – взаимодействие людей в раздвинутых пространственно-временных промежутках как связь с теми, кто физически отсутствует во времени и пространстве.

На основе интеграции организуются и воспроизводятся регулярные социальные практики (бытие в пространстве и во времени), которые создают социальные системы.

Социальные практики следует анализировать как используемые людьми методы и техники. Поэтому для осуществления практик требуются определенные умения и ресурсы»⁶.

Также он говорит о том, что «социальные практики многообразны, возникает проблема их упорядочения. И именно это делают люди как социальные агенты, активные социальные

деятели благодаря своим действиям. Тем самым создавая структуры, которые выступают как образец социальных отношений, существующий в данном времени⁷.

Не менее значима рассматриваемая нами в дальнейшем «Теория структурирующих структур» П. Бурдье, известного французского социолога.

П. Бурдье описывает 3 измерения, неразрывно связанные друг с другом:

Первое измерение – «социальное пространство», в котором он представляет общественную жизнь;

Второе измерение – возникает когда автор теоретически «симвещает» «социальное пространство» и отдельных индивидов – агентов.

Третье измерение – возникает когда автор переходит к рассмотрению «физического», материального мира, где и происходит соединение «социального пространства» и действующих агентов.

«Социальное пространство» не совпадает с живой социальной жизнью и наоборот: социальные связи – не взаимодействия людей, а агент – не позиция поля. Эти два типа реальности не сводимы друг к другу. Данное обстоятельство Бурдье раскрывает через понятия «практики»⁸.

Особое значение в его теории приобретает понятие «габитус» (habitus).

«Габитус – это система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления. Он позволяет агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать более или менее адекватно на события и ситуации. За этим стоит огромная работа по образованию и воспитанию в процессе социализации индивида, по усвоению им не только эксплицитных, но и имплицитных принципов поведения в определенных жизненных ситуациях. Интериоризация такого жизненного опыта, зачастую оставаясь неосознаваемой, приводит к формированию готовности и склонности агента реагировать, говорить, ощущать, думать определенным – тем, а не другим – способом.

Габитус, по Бурдье, есть в одно и то же время порождающий принцип, в соответствии с которым объективно классифицируется практика, и принцип классификации практик в представлениях агентов. Отношения между этими двумя процессами определяют тип габитуса:

способность продуцировать определенный вид практики, классифицировать окружающие предметы и факты, оценивать различные практики и их продукты. (то, что обычно называют вкусом), что также находит выражение в пространстве стилей жизни агентов. Связь, устанавливающаяся в реальности между определенным набором экономических и социальных условий (объем и структура капиталов, имеющихся в наличии у агента) и характеристиками занимаемой агентом позиции (соответствующим пространством стилей жизни), кристаллизуется в особый тип габитуса и позволяет сделать осмыслившими как сами практики, так и суждения о них⁹.

Соответственно, можно говорить о том, что согласно теории П. Бурдье социальная практика возникает в результате деятельности людей в «социальном пространстве», где агент опирается на поведение в определенных жизненных ситуациях, жизненный опыт, не последнее место играют нормы и правила принятые в обществе.

Кроме того, Пьер Бурдье считал, что «социальные практики имеют двойственную структуру: с одной стороны, они детерминируются социальной средой, с другой – воздействуют на среду, изменяя ее структуру»¹⁰.

Основываясь на рассмотренных выше теориях - «Теория структурации» Э. Гидденса и «Теория структурирующих структур» П. Бурдье, попробуем выделить основные элементы социальной практики, (в том числе социального сопровождения как социальной практики):

- социальная среда («В социологии социальная среда - это социальный контекст в том смысле, что она служит общим фоном не просто поведения, но обитания человека, его жизнедеятельности»¹¹);

- индивид (как субъект и объект социальной активной деятельности); агент (согласно теории П. Бурдье);

- система ценностей, отношений, традиции и обычай, принятые в обществе; (согласно теории П. Бурдье);

- технологии и ресурсы (согласно теории Э. Гидденса).

Анализируя различные трактовки данного понятия, можно выделить следующие характерные черты:

Социальное действие. Одна из ключевых характеристик, основанная, прежде всего, на совместной социальной активной деятельности людей, ориентированной на других людей. В своей теории социального действия, созданной немецким социологом М. Вебером еще в конце XIX – начале XX в., автор говорил об исследовании именно рационального поведения, при котором индивид, осуществляющий деятельность осознает смысл и цель своих поступков, при этом не оставляя места эмоциям и чувствам. Сопоставляя типы социального действия, выделенные автором с современным пониманием социального сопровождения, можно говорить о том, что оно, прежде всего, относится к целерациональному действию, то есть, осознанному действию, направленному на достижение определенной цели, где цель выступает в качестве мотива. В данном случае, если говорить о социальном сопровождении детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из их числа, целью выступает создание условий, способствующих мобилизации человека на активизацию скрытых ресурсов и его способности самостоятельно справляться с возникающими у него проблемами.

Высокая степень приспособленности к любым изменениям, обусловленная интенсивностью социальных изменений в непрерывном процессе трансформации культуры, общества в целом. Данная характеристика тесна связана с понятием преемственности, означающим процесс передачи и усвоения определенных социальных и культурных ценностей от поколения к поколению, от одной стадии развития общества к другой. Изменение навыков, обычаяв ценностей в повседневной жизнедеятельности людей способствует не только трансформации традиционных, но и возникновению новых форм социально-помогающих практик.

Нормативность. Под «нормативностью» нами понимается способность упорядочения общественных отношений, отношений, несущих как субъект-субъектный, так и субъект-объектный характер. Говоря о социальном сопровождении как о социальной практике, отношений между специалистом, то есть, лицом, осуществляющим сопровождение на профессиональной основе и ребенком (субъект-объектный характер) и отношений между специалистами, осуществляющими социальное сопровождение

по отношению к ребенку (субъект-субъектный характер). В свою очередь, в качестве инструментов регулирования и упорядочения отношений в социальной сфере выступают обычаи, традиции, совершенствование нормативно-правовой базы и т. д.

Воспроизведимость. Так как сопровождение это вид социальной деятельности, предлагающей взаимодействие различных членов общества, где последнее рассматривается как «живая» целостная социальная система, то способность ее воспроизведения, является функциональной составляющей, показывающей жизнеспособность модели социального сопровождения в целом.

Тиражируемость. Возможность распространения и трансляция полученного опыта (чаще всего положительного) является неотъемлемой характеристикой социальной практики, показывающей с одной стороны ее значимость и актуальность в настоящее время, а с другой стороны – эффективность и результативность ее применения¹². Справедливо отметить, что данное утверждение применимо и к социальному сопровождению детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц, из числа детей, оставшихся без попечения родителей. Результатом двойственной природы данной социальной практики является трансформация социального сопровождения, как социальной практики.

Интересна также точка зрения Ю. М. Резника, известного российского социолога относительно формирования социальных практик.

По мнению Ю. М. Резника, «социальные практики формируются в ходе совместной деятельности людей, направленной на изменение качества их социальной среды (жизни) в соответствии с их установками (интенциями), социальным капиталом и другими ресурсами. При определении практик такого рода необходимо учитывать в первую очередь их последствия и результаты»¹³.

Как показывает мировой опыт, рассмотрение социального сопровождения, как социальной практики с точки зрения социологической науки имеет относительно молодую историю (изучение социальных практик началось лишь с первой половины XX века), что с одной стороны говорит об интересе ученых к данной теме и сравнительно небольшом количестве исследований, а с другой стороны, предоставляет воз-

можность изучения данного понятия с различных сторон, тем самым рассматривая социальное сопровождение как междисциплинарный предмет исследований, прежде всего социологии как науки.

Литература

1. Дудкин А.С. Философские основания социальной помощи в ее сравнении с социальной работой / А.С. Дудкин // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2006. - № 2. – С.12.
2. «Пастырское и психолого-педагогическое сопровождение подростков в Церкви» [Электронный ресурс]. URL: http://social-orthodox.info/pages/5_4_artyuuhov.htm (дата обращения: 28.04.2017).
3. Панкратова Л.Э. Социальное сопровождение в современной образовательной парадигме и социальной практике / Л.Э. Панкратова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 2-2. – С.124.
4. Глушко И.В. Осмысление феномена социальных практик и возможностей их развития // Общество: философия, история, культура. – 2011. – № 1-2. – С. 32-36.
5. Юревич А.В. Социальная релевантность и социальная ниша психологии // <http://psyfactor.org/lib/yurevich2.htm>
6. Общая социология: учебное пособие / под ред. В.И. Игнатьева. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. – 286 с. - С. 152-153.
7. Гидденс Э. Социология/ При участии К. Бердсона: Пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. - М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с. – С.123.
8. Общая социология: учебное пособие / под ред. В.И. Игнатьева. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. – 286 с. - С. 150-151.
9. Бурдье П. Социология политики: Пер. с фр./Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко./ – М.: SocioLogos, 1993. – 336 с. // <http://library.khpg.org/files/docs/1333091162.pdf>
10. Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 276-280.
11. Осьмук Л.А. Взаимодействие социальных миров: К проблеме конвенциональности отношений. – Новосибирск: Наука, 2004. – 290 с. - С. 50.
12. Старикова Е. А. Сопровождение детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц, из числа детей, оставшихся без попечения родителей, как социальная практика / Е.А. Старикова / / НАУКА. ТЕХНОЛОГИИ. ИННОВАЦИИ // Сборник научных трудов в 10 ч. / под ред. ст. препод. Цыганковой О. Е. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. – Часть 8. – С. 579-583.
13. Резник Ю. М. Человек и его социальные практики // http://www.intelros.ru/pdf/chelovek/2008_4/6.pdf

Ссылки:

- 1 Дудкин А.С. Философские основания социальной помощи в ее сравнении с социальной работой / А.С. Дудкин // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2006. - № 2. – С..12.
- 2 «Пастырское и психолого-педагогическое сопровождение подростков в Церкви» [Электронный ресурс]. URL: http://social-orthodox.info/pages/5_4_artyuuhov.htm (дата обращения: 28.04.2017).
- 3 Панкратова Л.Э. Социальное сопровождение в современной образовательной парадигме и социальной практике / Л.Э. Панкратова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 2-2. – С.124.
- 4 Глушко И.В. Осмысление феномена социальных практик и возможностей их развития // Общество: философия, история, культура. – 2011. – № 1-2. – С. 32-36.
- 5 Юревич А.В. Социальная релевантность и социальная ниша психологии // <http://psyfactor.org/lib/yurevich2.htm>.
- 6 Общая социология: учебное пособие / под ред. В.И. Игнатьева. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. – 286 с. - С. 152-153.
- 7 Гидденс Э. Социология/ При участии К. Бердсона: Пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. - М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с. – С.123.
- 8 Общая социология: учебное пособие / под ред. В.И. Игнатьева. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. – 286 с. - С. 150-151.
- 9 Бурдье П. Социология политики: Пер. с фр./Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко./ – М.: SocioLogos, 1993. – 336 с. // <http://library.khpg.org/files/docs/1333091162.pdf>
- 10 Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание.

Умение. – 2012. – № 2. – С. 276-280.

11 Осьмук Л.А. Взаимодействие социальных миров: К проблеме конвенциональности отношений. – Новосибирск: Наука, 2004. – 290 с. - С. 50.

12 Старикова Е. А. Сопровождение детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц, из числа детей, оставшихся без попечения родите-

лей, как социальная практика / Е.А. Старикова / /НАУКА. ТЕХНОЛОГИИ. ИННОВАЦИИ // Сборник научных трудов в 10 ч. / под ред. ст. препод. Цыганковой О. Е. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. – Часть 8. – С. 579-583.

13 Резник Ю. М. Человек и его социальные практики // http://www.intelros.ru/pdf/chelovek/2008_4/6.pdf

Функционирование Центра Российской ассоциации содействия ООН в МАДИ в контексте отечественной государственной информационной политики

Судоргин О.А.

В данной статье на основе анализа семантики и структуры понятия информационной политики рассматриваются перспективы открытия и функционирования Центра Российской ассоциации содействия ООН в МАДИ (Московском автомобильно-дорожном государственном техническом университете). Данный центр позиционируется его основателями как одна из институциональных составляющих государственной информационной политики. Цель и вытекающие из нее задачи функционирования Центра определены с учетом основных норм международного информационного права, а также исходя из приоритетных задач внешнеполитической деятельности Российской Федерации, как страны, продолжающей традиции одного из учредителей ООН – СССР.

Ключевые слова: Информационная политика, компоненты информационной политики, информационное право ООН, Российская ассоциация содействия ООН

Sudorгин О.А.

Functioning of the Center of the Russian association of assistance of the UN in Moscow Administrative Road Inspectorate in the context of domestic state information policy

In this article on the basis of the analysis of semantics and structure of a concept of information policy prospects of opening and functioning of the Center of the Russian association of assistance of the UN in Moscow Administrative Road Inspectorate (Moscow automobile and road state technical university) are considered. This center is positioned by its founders as one of institutional components of the state information policy. The purpose and problems of functioning of the Center following from it are defined taking into account the main standards of the international information law and also proceeding from priority problems of foreign policy activity of the Russian Federation as the country which is carrying on traditions of one of founders of the UN – the USSR.

Keywords: Information policy, components of information policy, information right of the UN, Russian association of assistance of the UN

Формирование и реализация государственной информационной политики Российской Федерации связаны с наличием различных компонентов (элементов), обеспечивающих развитие и регулирование социума посредством тех или иных информационных средств. Эти информационные средства, в свою очередь, обеспечивают функционирование и эффективное развитие информационного пространства современного российского общества [8]. Информационная политика нашего государства имеет следующие направления: мировоззренческо-ценностное, нормативно-правовое, институционально-организационное и функционально-деятельностное [7].

Роль мировоззрения как обобщенного взгляда человека на окружающий мир в современных условиях исключительно важна, поскольку мир существенно изменился и продолжает меняться под воздействием революционных технологий в области коммуникации и информации. Новые процессы должны быть не только правильно восприняты людьми, социальными общностями и государствами, но и преобразовываться в целях прогресса и общекультурного развития. Человек, получая ту или иную информацию из внешней среды, перерабатывает ее и, таким образом, формирует и развивает свои представления об окружающем мире, своей роли и месте в нем.

Возникновение в психике людей различных образов и устойчивых представлений, процессов мышления и познания, целеполагания и саморегуляции, чувств и эмоций, в конечном итоге, приводит к формированию убеждений, социальных установок, мотивов поведения и деятельности. Мы понимаем мировоззрение как способ взаимодействия человека с миром, от-

крыости миру, как попытку осмыслить себя и свое место в мире.

Личностное мировоззрение отличается самостоятельностью, критическим восприятием условий и традиций социального бытия, способностью к творчеству. «Личностное мировоззрение предполагает самосознание и самопознание, взгляд внутрь себя, пристальное внимание к динамике развития внутреннего мира» [10, С. 217], - пишет выдающийся философ, психолог и культуролог Н.В. Хамитов.

Важным следствием перехода от индустриального к информационному обществу является превращение масс в тотальный и фактически пассивный объект воздействия со стороны политических лидеров. При этом «непосредственная, или буквальная толпа становится толпой виртуальной, или коммуникативной». Психология толп прошлого столетия, пытаясь ответить на вопрос, что такое масса, исследовала, в основном, массы, соединенные между собой материально. В настоящее время толпы разобщены, распылены в пространстве, поэтому обращение к ним возможно только через СМИ» [3, С.15]. Информационное пространство на сегодня представляет собой неограниченное поле для манипуляций общественным сознанием. Внушение, работа с человеческой психикой осуществляются при помощи различных технологических средств.

Второй компонент государственной информационной политики – нормативно-правовой. Данный компонент связан с комплексным и централизованным международно-правовым регулированием [6]. Так, в ст. 19 «Всеобщей декларации прав человека», принятой Генеральной ассамблей ООН в 1948 г., закреплена свобода искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами, независимо от существующих государственных границ [2]. Значение данной нормы трудно переоценить, она очень важна для формирования и реализации информационной политики государства. Потребность человека в информации в настоящее время является насущной, такая потребность является основой функционирования информационного общества.

Приведенное выше положение Декларации является необыкновенно важным для формирования правовых отношений государств в мировом информационном пространстве. В ин-

формационном плане основной задачей международно-правового регулирования является координация усилий государств, связанных с организацией международного информационного обмена.

Поскольку международное информационное право неотделимо от общей системы международного права, общепризнанные нормы и принципы последнего действуют и в сфере информационного пространства каждой отдельно взятой страны. Так, принцип суверенного равенства государств гарантирует каждому государству возможность на равных участвовать в мировом информационном обмене, в установлении правил подобного обмена.

В зарубежной научной литературе присутствуют как традиционные для международного права, так и новые подходы к рассматриваемой теме. Так, например, в работе Даррела Менте [13] рассматриваются телекоммуникации как некая новая реальность, которая активно влияет на развитие системы международного права.

Правовым регулированием телекоммуникаций занимается Международный союз электросвязи (UIT). Штаб-квартира этой организации расположена в Женеве. Деятельность самого Союза регулируется Уставом и Конвенцией – документами, ратифицированными Российской Федерацией в 1994-1995 гг. Данный Союз входит в систему Объединенных наций в качестве специализированного учреждения. В Уставе Союза закреплены наиболее важные правовые положения, имеющие непосредственное отношение ко всем государствам, входящим в эту организацию.

Так, например, граждане государств-членов данной организации имеют право пользоваться международной службой электросвязи. В рамках международного права существует тайна сообщений электросвязи, приоритет сообщений электросвязи, относящихся к безопасности человеческой жизни. Международным правом на сегодня регламентируется использование радиочастотного спектра и орбиты геостационарных спутников.

Важным документом, в котором прописаны и разъяснены многие вопросы практической организации информационной политики, является принятая в 2000 г. Хартия глобального информационного общества. В Хартии отмечается, что информационно-коммуникационные

технологии (ИТ) являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI в.

Информационно-коммуникационные технологии активно влияют на образ жизни людей, на взаимодействие государственной власти и гражданского общества. В Хартии глобального информационного общества прописано, что современное общество зиждется на таких стимулирующих развитие человека демократических ценностях, как свободный обмен информацией и знаниями, взаимная терпимость и толерантность. Всестороннее политическое сотрудничество между государствами – субъектами международного права – также является одним из важнейших моментов функционирования информационного общества.

Еще одним важным компонентом государственной информационной политики является институционально-организационный. Функционирование этого компонента связано с тем, что субъекты политики и социальные субъекты заинтересованы в реализации своих интересов в мировом информационном пространстве. При этом основным институтом организации и управления в информационном пространстве следует считать органы государственной власти [7]. Поэтому государственная информационная политика должна быть активной, эффективной и целесообразной.

Функционально-деятельностный компонент государственной информационной политики указывает на различную степень активности субъектов информационного пространства. Анализ роли и основных принципов действия этого компонента осуществляется путем рассмотрения принципов информационной деятельности, а также процесса выработки, принятия и выполнения решений в сфере информационной политики. Данный компонент наиболее сложный по своему содержанию и менее других поддается формализации [7].

Элементами практической реализации информационной политики государства можно назвать системы мобильного правительства и электронного правительства, действующие в ряде развитых государств. В нашей стране «развитие коммуникационных связей и технологий активно осуществляется в секторе государственного управления на федеральном уровне (например, государственные автоматизированные

системы – «Выборы», «Правосудие»). Предполагается при реализации программ развития информационных технологий в сфере принятия и реализации государственных решений охватить в первую очередь более 84 тыс. автоматизированных рабочих мест федеральных судов общей юрисдикции» [1, С.84]. Отметим заинтересованность государства в эффективности расходования средств, выделяемых на модернизацию федеральных органов государственной власти.

В настоящее время в жизнь российского общества, равно как и в деятельность различных органов власти активно внедряются передовые информационные технологии. «Если в предшествующую эпоху открытость власти для населения проявлялась лишь в отражении деятельности министерств, ведомств, высокопоставленных государственных чиновников в средствах массовой информации, то в информационную постиндустриальную эпоху открытость политической системы означает, помимо посреднической роли СМИ между властью и обществом, установление прямой и обратной связи органов власти и населения. И ключевую роль в этом звене играет организация доступа граждан к общественно значимой, политической информации, то есть обратная связь» [5, С.48].

Итак, как мы уже говорили выше, основными компонентами (слагаемыми) механизма формирования и реализации государственной информационной политики в нашей стране являются мировоззренческо-ценостный, нормативно-правовой, функционально-деятельностный и институционально-организационный [7]. При этом главным при формировании государственной информационной политики является мировоззренческо-ценостный компонент, как непосредственно связанный не только с целеполаганием, но и с реализацией гражданских прав и свобод человека. Однако, именно нормативно-правовой компонент влияет на формирование правовых норм реализации государственной информационной политики.

В этой связи особое внимание обращает на себя доклад Председателя Исполкома Федерации содействия ООН, Первого заместителя Председателя Правления РАС ООН о взаимосвязи Всеобщей декларации прав человека с Моделью ООН, филиал которой открывается в структуре формируемого в ВУЗе Центра РАС ООН [11].

Следует указать, что Центр Российской ассоциации содействия ООН в МАДИ будет иметь непосредственное отношение к функционированию институционально-организационного компонента государственной информационной политики. Деятельность Центра будет связана как с работой РАС ООН, так и с реализации целей развития МАДИ.

Миссия Центра Российской ассоциации содействия ООН в МАДИ заключается в использовании наработок более сорока пяти различных международных институциональных структур, обеспечивающих унификацию и стандартизацию транспортно-логистических процедур в сфере функционирования наземного транспорта. Помимо этого происходит накопление и обработка поступающего информационного обеспечения, которое возможно использовать как в учебном процессе МАДИ, так и в качестве учебно-методических рекомендаций для других учебных заведений страны.

Наиболее существенная роль в разнообразии получаемой информации принадлежит источникам, связанным с деятельностью Экономического и социального совета ООН (ЭКОСОС), в рамках которого, как известно, функционируют пять региональных Экономических комиссий. Одним из таких органов является Координационный комитет по наземному транспорту Европейской экономической комиссии ЭКОСОС, располагающейся в Женеве, где также находится и Европейское бюро ООН [12].

Установление прямых и тесных контактов с данным Координационным комитетом является актуальным по нескольким мотивам. Во-первых, деятельность Комитета связана не только с нормативно-правовым обеспечением автомобильного транспорта европейских государств, что напрямую затрагивает интересы отечественных международных автоперевозчиков, но и с координацией работы различных видов наземного транспорта. И, что важно подчеркнуть, автомобильного и железнодорожного, а, значит, – с развитием такого перспективного направления, как мультимодальные перевозки.

Во-вторых, следует учитывать существующее на сегодня повышенное внимание к сектору мультимодальных перевозок, развитие которых в текущем столетии станет доминирующим направлением на всем Евразийском пространстве. В данном контексте актуальность сотрудниче-

ства Центра с Комитетом возрастает, что связано с прохождением большей части мультимодальных коммуникаций по территории Российской Федерации.

Необходимо учитывать также следующее обстоятельство: до распада СССР, представлявшего в институциональных структурах ООН все нынешние страны - члены СНГ, именно Москва обеспечивала реализацию решений ООН на территории советских республик (за исключением Белоруссии и Украины, которые, как известно, были наравне с СССР в числе стран-учредительниц ООН, а также имели в этой организации свои постпредства). Когда после 1992 г. Беларусь и Украина стали независимыми государствами и вступили в ООН, ситуация коренным образом изменилась.

Эти изменения оказались связанными с отсутствием должного практического опыта во взаимодействии с институциями ООН у большинства постсоветских республик. В связи с этим перед Центром, функционирующем на базе МАДИ, открывается перспектива оказаться связующим звеном между образовательными учреждениями не только России, но и другими странами – членами СНГ.

В данном контексте МАДИ может стать координатором автодорожного образования на всем постсоветском пространстве. В силу своих функциональных особенностей именно Центр может стать связующим звеном между МАДИ, на базе которого он функционирует, и другими образовательными организациями постсоветских республик, специализирующимися на подготовке специалистов автомобильно-дорожного комплекса. Речь идет также о перевозочно-логистическом и транспортно-дорожном секторе, включающем в себя строительство и эксплуатацию мостов, тоннелей и прочих инженерно-дорожных сооружений, а также наземную транспортную структуру аэропортов.

Таким образом, функционирование Центра направлено на содействие реализации государственной информационной политики в условиях санкционного противостояния. В данном контексте основной международной трибуной для реализации внутриполитического, а также глобального внешнеполитического вектора государственной политики Российской Федерации становится Организация Объединенных Наций.

При этом, не будучи аффилированной структурой Объединенных Наций, Центр, в силу своего статуса автономной организации при Российской ассоциации содействия ООН, органично встраивается в систему международной информационной политики, реализуя все три очерченных выше направления. К числу данных направлений относится укрепление взаимосвязей в сфере автомобильно-дорожного образования в государствах-членах СНГ. Укрепление подобных взаимосвязей позволит МАДИ включиться в международный образовательный процесс, продемонстрировав при этом особенности и преимущества отечественной образовательной высшей школы.

Кроме того, функционирование Центра связано с поддержкой мультимодального проекта «Один пояс – Один путь», предполагающего стратегическое транспортное сотрудничество Российской Федерации и КНР на всем евразийском пространстве. Информационная активизация в данном направлении будет способствовать привлечению дополнительного внимания к оговору «Путин – Хуциньтао», заложившему в начале 2000-х гг. фундамент стратегического партнерства Российской Федерации и Китайской Народной Республики. И, наконец, Центр сможет обеспечить реализацию запросов отечественных ВУЗов, связанных с направлением учащихся на стажировку в ведущие научно-практические международные структуры, одной из которых является Комитет по наземному транспорту при Европейской экономической комиссии ЭКОСОС.

Литература

1. Вахромеев В.В. П целесообразности информационной активности политической элиты современной России // Власть, №7, 2008, С.83-86.

2. Всеобщая декларация прав человека // Российская газета, 1995 г., 5 апреля.
3. Ворожцова Е.А. Механизмы оптимизации внешнеполитической деятельности Российской Федерации на постсоветском пространстве: автореферат дис. ... кандидата политических наук. М., 2006. - 27 С.
4. Окинавская Хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. // Дипломатический вестник, 2000. № 8, С. 22.
5. Смагин В.А. «К вопросу об информационной открытости политической системы России» // Власть, №10, 2007, С. 47-48.
6. Собакина Е.В. Международная коммуникация и международное право. // Государство и право. 1990, № 6. С.140
7. Судоргин О.А. Современная информационная политика государства : мировой опыт и российская практика: автореферат дис. ... доктора политических наук . М., 2011. - 40 С.
8. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Электронный ресурс: [<http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1>]
9. Устав международного союза электросвязи от 22.12.1992 //Бюллетень международных договоров. 1997, № 3, С.3-29.
10. Хамитов Н. Мировоззрение личностное //Хамитов Н., Крылова С., Т., Минева С., Лютый Т. Философская антропология. Словарь. Киев: КНТ, 2011.
11. Электронный ресурс: [<https://mgimo.ru/about/news/main/generalnaya-konferentsiya-rossiyskoy-assotsiatsii-sodeystviya-oon/>]
12. Электронный ресурс: [<https://www.un.org/ecosoc/ru/home>]
13. Menthe D. Jurisdiction In Cyberspace: A Theory of International Spaces 4 Mich.Tel.Tech.L.Rev.3 (April 23, 1998).

Методологический потенциал андрагогического подхода в системе повышении квалификации педагогических кадров

Абзалимов Р.Р., Козлов О.А.

В статье рассматриваются основные положения андрагогического подхода и его результативности в системе повышения квалификации педагогических кадров. При этом, системообразующим принципом андрагогического подхода является ведущая роль обучающегося в процессе обучения.

Ключевые слова: непрерывность, андрагогический подход, андрагогическая модель, повышение квалификации, концептуализация опыта, цикловая модель обучения

Abzalimov R.R., Kozlov O.A.

Methodological potential of andragogichesky approach in system professional development of pedagogical shots

In article basic provisions of andragogichesky approach and its effectiveness in the system of professional development of pedagogical shots are considered. At the same time, the backbone principle of andragogichesky approach is the leading role of the student in the course of training.

Keywords: continuity, andragogichesky approach, andragogichesky model, professional development, experience conceptualization, cyclic model of training

Реформы, как часть образовательной политики государства, должны привести к достижению нового качества образования, которое определяется тем, в какой мере его качество соответствует динамично меняющимся запросам общества и государства.

Необходимым условием результативности осуществляемых образовательных реформ, является совершенствование качества педагогических кадров, соответствующих этим запросам и требованиям.

В соответствии с этим, системе повышения квалификации принадлежит центральная роль в перестройке профессионально-педагогического опыта учителя, его адаптации к изменяющейся действительности образовательной деятельности и мотивации к профессионально-личностному совершенствованию.

Современная система повышения квалификации педагогических кадров по своему содержанию и функциям, а также научно-методическому обеспечению, является вполне самостоятельной образовательной структурой в отечественной системе образования, цель и задачи которой - повышение профессионального уровня педагогов, а также формирование готовности педагога к инновационному типу профессионально-педагогической деятельности.

В тоже время, сформировавшаяся организационно-дидактическая система повышения квалификации педагогических кадров, как и образование в целом, тяготеет к определенной замкнутости и консервативности, что затрудняет освоение нового знания, лежащего в основе профессионально-личностного развития педагога.

Так, субъективно-личностный аспект развития активности педагога в самообразовании в

процессе профессионально-педагогической деятельности, не получил достаточного методологического обеспечения. То же касается научного обоснования особенностей повышения квалификации педагогических кадров как процесса обучения взрослых.

Теоретические и практические проблемы обучения и образования взрослого человека как процесс непрерывного образования, сформировали во второй половине XX века новую отрасль педагогического знания, получившую название андрагогика.

М.Матюшкина называет андрагогику «наукой, познающей и обобщающей практику образования взрослых... теорией и практикой образования взрослых» [5].

Методология андрагогики имеет свою структуру, понятийный и терминологический аппарат. «Андрагогика как отрасль педагогического научного знания использует педагогические дефиниции, смысловое наполнение которых требует уточнения, корректировки с учетом специфики образования взрослых» [2].

Основное положение андрагогики, как теории и практики обучения взрослых, в отличие от классической дидактики, заключается в том, что ведущая роль в процессе обучения принадлежит обучающемуся.

Основоположник андрагогического подхода М.Ш.Ноулс сформулировал ряд положений, которые легли в основу модели обучения взрослых:

1. «Обучающийся обладает жизненным и профессиональным опытом, который может быть использован в качестве важного источника содержания обучения».

2. «Взрослый обучается для достижения конкретной цели и решения актуальных жизненных и профессиональных проблем».

3. «Обучающийся рассчитывает на безотлагательное применение полученных в ходе обучения знаний, умений и навыков».

4. «Процесс обучения взрослого организован в виде совместной деятельности обучающегося и обучающего на всех его этапах: целеполагания, планирования, реализации, оценивания результатов обучения» [8].

В свете наших рассуждений, более глубоким является определение обучение взрослых, которое дает П.Джарвис: «процесс преобразования опыта, получаемого в настоящий момент,

в знания, умения, отношения, ценности, эмоции и т.п.» [7].

Таким образом, согласно андрагогического подхода, функцией обучающего является содействие обучающемуся в выявлении, систематизации и концептуализации его личного жизненно-го и профессионального опыта, корректировке и пополнении знаний и умений обучающегося.

Построенную на указанных принципах модель обучения, М.Ш.Ноулс называет «андрагогической процессуальной моделью для учения», которая принципиально отличается от содержательных моделей традиционного обучения.

Таким образом, андрагогическая модель обучения М.Ш.Ноулса - это система принципов, которые реализуются в процессе обучения при соблюдении определенного набора условий - процессуальных элементов андрагогической модели.

При этом, «процессуальная модель включает последовательность процедур, позволяющих обучающемуся самостоятельно приобретать знания и умения» [8].

Поскольку повышение квалификации рассматривается как составная часть непрерывного образования и, соответственно, процесс обучения взрослых, целью повышения квалификации является обновление и углубление полученных ранее профессиональных знаний специалиста, удовлетворение образовательных потребностей, связанных с его профессиональной деятельностью.

Ввиду отсутствия теоретических разработок по дидактике повышения квалификации, в настоящее время процесс обучения в системе повышения квалификации педагогических кадров представляет собой, в значительной мере, копию принципов, форм и методов обучения, принятых в системе высшего педагогического образования.

Как констатирует М.Т. Громкова, «привнесенные в систему повышения квалификации педагогических кадров классические модели обучения, порождают множество противоречий: не учитываются образовательные потребности обучающихся, их интересы, намерения, проблемы; содержание обучения не актуализируется до состояния нового опыта продуктивной педагогической деятельности и др.» [3].

Это дало основание А.Ю.Панасюку вполне обоснованно утверждать, что «педагогика повышения квалификации как самостоятельная

отрасль педагогической науки пока не существует, хотя уже имеются отдельные работы по дидактике этого процесса» [6].

Таким образом, сегодня существует проблема перехода системы повышения квалификации педагогических кадров к андрагогической модели обучения, т.е. «...необходимость последовательно все больше применять в обучении собственно андрагогический подход, обеспечивать соответствие андрагогическим принципам обучения...» [1].

Андрагогическая модель обучения, как отмечает С.И.Змеев, представляет собой «систематизированный комплекс основных закономерностей деятельности обучающегося и обучающего при осуществлении обучения, т.е. представляет собой систему, то правомерно говорить о том, что система изменяет свои свойства, если изменяются ее элементы» [4].

Закономерности, на которых построена андрагогическая модель обучения, характеризуют идеальное представление о процессе обучения, которое формируется с точки зрения андрагогического подхода.

Существенной отличительной особенностью андрагогической модели является наличие опыта обучающихся, который может быть использован в качестве источника содержания обучения. При этом, в андрагогической модели цель обучения направлена на переоценку сложившейся системы профессиональных знаний, умений, опыта обучающегося.

По мнению Б.Уилсона и Дж.Теслоу, «знание не передается, оно строится из опыта обучающихся. Следовательно, обучение - это совместная деятельность, во время которой знание вырабатывается из многих точек зрения» [11].

В таком случае, эффект повышения квалификации – как результат взаимодействия с новым для обучающегося опытом – проявляется в виде новых личностных установок, позиций, стратегий мышления, отношений, новых качеств осуществления жизнедеятельности и др.

Модель обучения Д.Колба и Р.Фрая, которая реализует базовые принципы андрагогического подхода, сформулированные М.Ш.Ноулзом, имеет ряд ключевых особенностей:

1. «Обучение организуется как циклический процесс с последовательно взаимосвязанными этапами, причем каждый пройденный цикл является началом следующего».

2. «Циклы не только сменяют друг друга в известной последовательности, но и попарно противостоят друг другу, когда опыту противостоит концептуализация, а экспериментированию – рефлексивное наблюдение».

3. «Обучение помещено в контекст профессионального опыта обучающихся».

4. «Обучающиеся обладают разными предпочтительными для них стилями обучения» [9].

Начальным этапом реализации циклического процесса обучения является исследование профессионального опыта обучающегося, который дает материал для рефлексивного наблюдения.

Обобщив новые данные и интегрировав их в систему имеющихся знаний, обучающийся формирует систему абстрактных представлений и соответствующих понятий, что соответствует этапу концептуализации опыта. Новые знания-концепты представляют собой гипотезы, которые проверяются в ходе этапа активного экспериментирования в новых ситуациях.

Опыт реализации цикловой модели обучения в системе повышения квалификации педагогических кадров, показывает, что наиболее эффективными показали себя два варианта цикла, различающиеся целями, которые ставятся перед участниками образовательного процесса:

Вариант I

личный опыт → осмысление опыта → концептуализация → применение → рефлексивный анализ

Вариант II

практика → рефлексивный анализ → концептуализация → экспериментирование → осмысление

Каждой фазе цикла обучения соответствуют определенные виды учебной деятельности.

Например, практический опыт, лабораторные работы, сбор информации и чтение первоисточников, используются для того, чтобы обучающиеся актуализировали свой личный опыт.

Диалогическое взаимодействие побуждает обучающихся рефлексировать по поводу своего опыта и опыта других участников образовательного процесса.

Задания на построение концептуальных моделей, написание исследовательских работ или лекции, побуждают обучающихся к абстрактной концептуализации.

Симуляции и проекты побуждают обучающихся применять модели к проблемным ситуациям.

Таким образом, чтобы совершить полный цикл, обучающий должен выбрать какой-то из видов деятельности из каждой фазы и провести их с обучающимися, сохраняя указанную последовательность.

В теории и практике обучения взрослых модель циклического обучения Д.Колба и Р.Фрея использует в качестве основы при разработке андрагогических моделей обучения взрослых [10].

Модификация цикловой модели обучения взрослых на основе деятельностного подхода, позволяет обучающему сконцентрироваться на опыте обучающихся, который выполняет некоторые учебные действия (например, решает ситуационную задачу), сталкивается с затруднением, что побуждает его занять рефлексивную позицию и последовательно осуществить три процесса:

1. Анализ собственных действий с целью поиска момента затруднения.

2. Обнаружение момента затруднения, обращение к прошлым знаниям и обнаружение их несоответствие задачи.

3. Поиск способа снятия затруднения, как предпосылка формирования нового знания.

Модифицированная цикловая модель способствует более полному пониманию, как разворачиваются этапы рефлексии и абстрактной концептуализации в базовой модели цикла обучения Д.Колба и Р.Фрея.

Кроме того, цикловая модель служит основанием для построения комплекса методов и педагогических технологий, включая их отбор и оптимальное сочетание. Так, например, на первом этапе цикла обучения целесообразно использовать технологии проблемно-поискового обучения, кейс-технологии, чтобы обеспечить сбор данных и фиксацию опыта обучающихся. На втором этапе целесообразно использовать технологию диалога. Третий этап сопровождается привлечением педагогических технологий объяснительно-иллюстративного и проектного обучения. На четвертом этапе цикла обучения наиболее приемлемым являются технологии ситуационного обучения.

Таким образом, модель обеспечивает функциональную схему для систематического отбора видов учебной деятельности.

Анализ результатов построения повышения квалификации педагогических кадров на основе андрагогической модели обучения, позволяет утверждать, что, в первую очередь достигается индивидуализация обучения в режиме «обучение в действии и обучение действием», что, повышает результативность учебной деятельности, мотивирует учителя на непрерывное и целенаправленное профессиональное самообразование.

Таким образом, реализация андрагогической модели обучения в системе повышения квалификации педагогических кадров позволяет устранить противоречие между инновационно ориентированной практикой и недостаточной научной обеспеченностью современной образовательной практики.

Литература

1. Андрагогика постдипломного педагогического образования: Научно-методическое пособие /Под ред. С.Г.Вершловского, Г.С.Сухобской. - СПб.: СПБАППО, 2007. - 196 с.
2. Громкова, М.Т. Андрагогическая модель целостного образовательного процесса. Автореф. Дис... док-ра пед. наук -М.: 2006 – 372 с.
3. Громкова, М.Т. Андрагогика: теория и практика образования взрослых: /М.Т.Громкова. Учеб. пособие для системы доп. проф. образования; учеб. пособие для студентов вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 495 с.
4. Змейёв, С.И. Технология обучения взрослых: /С.И.Змейёв. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2002. - 128 с.
5. Матюшкина, М. Не пора ли нам повзрости? / М.Матюшкина //Новые знания.-2005.- №1. – С.14-18.
6. Панасюк, А.Ю. Система повышения квалификации и психологическая перестройка кадров. /А.Ю.Панасюк - М.: Высшая школа, 1991. 79 с.
7. Jarvis, P. Adult and Continuing Education: Theory and Practice. London, N.Y.. 1995. p. 67.
8. Knowles, M. Andragogy. An Emerging Technology for Adult Learning // Edwards R., Hanson A.. Raggatt P. (eds). Boundaries of Adult Learning. London; N.Y.. 1996.
9. Kolb D.A., Fry R. Towards an Applied Theory of Experiential Learning // Cooper C. L. (ed). Theories of Group Processes. London, 1975.

10. Nottingham Andragogy Group. Towards Developmental Theory of Andragogy. – Nottingham: University of Nottingham, 1986. – 48 p.
11. Wilson, B., Teslow, J., & Osman-Jouchoux, R. (1995). The impact of constructivism (and postmodernism) on ID fundamentals. In B. Seels (Ed.), Instructional design fundamentals: A reconsideration (pp. 137-157). Englewood Cliffs NJ: Educational Technology Publications.
12. Абзалимов Р.Р. Управление качеством образовательной деятельности в условиях деятельностного подхода // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». - №6 - 2017. С.54-58.
13. Абзалимов Р.Р. Концептуальные положения управления качеством образовательной деятельности // Монография. - М.: Палеотип, 2016. – 148 С.
14. Абзалимов, Р.Р. Сетевая модель дистанционного обучения в системе ПК педагогических кадров // Инновации и инвестиции. - №8 – 2016. С.188-191.
15. Абзалимов Р.Р. Проблемы педагогического оценивания в структуре образовательной деятельности // Инновации и инвестиции. - №6 – 2016. С.216-220.
16. Козлов О.А., Полякова В.А. Непрерывная подготовка профессорско-преподавательского состава вуза в области использования информационных и коммуникационных технологий // В сб. «Вопросы методики преподавания в вузе», СПб, Изд-во Политехнического университета, № 5(19-1) – 2016. С. 216-228.
17. Козлов О.А., Белова С.Н. Подготовка преподавателей высшей школы к внутривузовскому оцениванию качества образовательного процесса // Педагогика. - № 1 – 2017. С. 83-89.
18. Козлов О.А., Ундозерова А.Н. Информационная культура личности в контексте развития современного информационного общества // Человек и образование. - № 4 (53) – 2017. С. 46-52.

Начала немецкой философской социологии: вклад В. Дильтея

Михайлов И.А.

Предметом исследования статье рассматриваются причины, способствовавшие обособлению философского и социологического подходов в рамках немецкой философии гуманитарных наук и наук о культуре. Показывается связь между философской и социологической постановкой вопросов в первые десятилетия XX в. Даётся краткая характеристика основных отличий немецкой социологии от французских и англоязычных социологических исследований. Показываются интеллектуальные связи между проектом «наук о духе» В. Дильтея и последующим развитием социологии в Германии.

Ключевые слова: культурология, науки о культуре, философия, социология, гуманитарное знание, марксизм, труд, экономика, В. Дильтей, Г. Зиммель, М. Вебер, Ф. Тённис, М. Шеллер

Mikhaylov I.A.

The Origins of German sociology: Wilhelm Dilthey's legacy
The article examines the reasons that contributed to the differentiation of the philosophical and sociological approaches within the framework of German philosophy and "Geisteswissenschaften". The connection between the philosophical and sociological research attitudes in the first decades of the 20. Cent. is shown. A brief description of the main differences between German sociology and French and English-language sociological research is given.

Key words: philosophy, cultural studies, Geisteswissenschaften, sociology, human studies, marxism, Dilhey, Simmel, Weber, Scheler

Введение

Анализ развития немецкой философии от второй половины XIX века до начала 30-х гг. XX в. обнаруживает несколько примечательных особенностей. Во-первых, институциональное размежевание между собственно «социологическим» подходом и философской проблематикой, в рамках которой первоначально ставятся социальные вопросы, происходит сравнительно поздно – его следует отнести к 1909–1910 гг., когда сперва создается «Немецкое общество социологии», а годом позже, 19–22 октября во Франкфурте проходит Первый конгресс немецких социологов. Таким образом, немецкие социологи формируют собственное профессиональное сообщество по крайней мере на пять лет позже немецких психологов¹, а если учесть тот факт, что по крайней мере за пару десятилетий до 1904 г. по всей Германии существовало несколько психологических лабораторий (аналогичные «социологические» кафедры в то время отсутствовали) то обозначенная нами временная разница в формировании профессионального самосознания психологии и социологии станет еще более очевидной. Во-вторых, можно заметить, что, даже после «разделения» наук, социологическая постановка вопросов присутствует в немецкой философии XX в. значительно большей степени, нежели «психологическая»: по крайней мере для четырех крупнейших мыслителей первого ранга – Макса Шелера (1874–1928), Гельмута Плеснера (1892–1985), Макса Хорхаймера (1895–1973), Теодора Адорно (1903–1969) и Юргена Хабермаса (род. 1929) работы по социологии и участие в спорах с социологами было само собой разумеющимся делом. К упомянутым фактам добавим также, что и те немецкие мыслители, которые в большей мере склонялись к самоидентификации себя в качестве социологов

(напр., Георг Зиммель, 1858–1918), продолжая активно публиковаться и по традиционным философским вопросам. Другие же – как Карл Ясперс (1883–1969) – считали работы классиков немецкой социологии формообразующими для собственных философских идей.

Для того, чтобы вполне понять особенность философских усилий этих немецких мыслителей, чаще всего представлявших свои идеи в качестве целостных, взаимосвязанных проектов, необходимо конкретизировать историю становления социологических воззрений в Германии, помня о том, что современная англоязычная социологическая наука к этой истории относится без особыго интереса. История взаимного развития и разграничения гуманитарных дисциплин немецкоязычного мира приведет к тому, что именно в немецком пространстве были сформулированы некоторые ключевые для современности идеи (напр., социологии знания). Однако из-за господства нацистов в 1934–1945 гг. инициатива, ранее исходившая от немецкой социологии, в значительной мере перешла к англо-американской и французской науке. Сегодня, обращаясь к некоторым вехам в развитии немецкой социологии, мы рассчитываем сделать в большей степени понятной специфику немецкого гуманитарного знания. Социология берется нами в аспекте происходивших процессов разделения наук, а интерес определяется соответственно основными ключевыми «игроками» на этой сцене: Тённисом, Зиммелем и Вебером.

1. «Откуда есть пошла» немецкая социология?

Социальная и историческая мысль XIX в.

При современном разделении дисциплин философы редко высказываются по вопросам смежных наук гуманитарного ряда. В частности, о социологии, которая сегодня практикуется в основном как *прикладная социология*. Однако на рубеже XIX–XX вв. ситуация была иной. Начало XX в. – время интенсивного формирования социальной и политической социологии, как она известна нам сегодня. Эти процессы идут значительно более интенсивно, нежели в первой половине XIX в. Происходит окончательное оформление структуры главных проблем области, что затрагивает как саму философию, так и частные науки. Для понимания истории становления социологии нам необхо-

димо рассмотреть ее более широком контексте: религии, социальных учений, теории общества.

Если между нашим современным пониманием социологии и пониманием социологии того времени обнаруживаются расхождения, то представляется интересным, по каким причинам те или иные продуктивные идеи не оказались вос требованными в современной версии дисциплины. В рамках магистральной линии развития социологических идей (Сен-Симон – Конт – Маркс и его последователи: Миль и Спенсер) (см.: Давыдов Ю.Н. 2002 (1.) немецкая социология заметно находится в тени французской и особенно английской традиции. Если до определенного этапа (становления «основ» теоретической социологии) различия между национальными традициями не столь важны и французские, британские и немецкие теоретики выступают «единым фронтом», то последние десятилетия XIX в. (время становления национальных социологических школ) демонстрируют все большее стремление разделить развитие социологических идей по национальному признаку. Эти области знания добиваются легитимации в последние десятилетия XIX–первые годы XX в. Именно тогда достигает окончательного институционального оформления социология как наука, дисциплина. Отдельные дисциплины претендуют теперь на самостоятельность, на право не входить в состав философии (метафизики), а наоборот, определять понимание философии. Другим, причем значительно более важным для самосознания социологии, становится организация общества. В). Этот процесс идет в самых разных направлениях – тех, что станут впоследствии основными «школами» или «традициями».

Богатое и разнообразное движение, которое находит свое наиболее знаменитое и влиятельное продолжение в институционализации немецкой социологии в начале XX века, имеет несколько источников. С одной стороны, проникновение идей историчности, развитых Гегелем, а затем его последователями (присоединявшихся ныне к т.н. «немецкой исторической школе»), приводит к процессам историзации христианства. Здесь были свои крайние формы (А. Гарнак, Э. Ренан). Иисус Христос представляется теоретиками этой линии преимущественно как историческая личность². С другой стороны,

как под влиянием этих идей историчности, так и отвечая на критику религии со стороны просветителей, христианские мыслители во второй трети XIX в. занимаются исследованием исторических форм различных ее типов. С конфессиональной точки зрения в этом более всего заинтересованы протестанты. Не будем забывать: практически вся немецкая философия начиная с Канта есть скорее мысль протестантская. Философия стремительно теряет свое влияние в обществе; вскоре ей придется доказывать свой статус, апеллируя к модным словам современности, главное из которых – «Наука», только понимаемая теперь не в духе Фихте или Гегеля, а с учетом требований, задаваемых естествознанием.

Для всей последующей социологической традиции в Германии оказалось крайне важным определить свой источник, т.е. вполне локализовать свое начало (как традиции) не только начиная с того времени, когда был поставлен вопрос о конкретной *институциональной форме*, в рамках которой начали практиковаться теории общества. Принципиальным было также и соревнование национальных социологических традиций³. Социологию как науку принято возвращать к работам Огюста Конта. Сегодня отсылка к французскому мыслителю зачастую выступает в качестве способа ограничить притязания философии на участие в обсуждении социологических проблем. Любопытно, однако, что на начальном периоде становления немецкой социологии такое видение отнюдь не было доминирующим⁴. Говоря становлении немецкой социологии, в качестве ее родоначальника обычно вспоминают Фердинанда Тённиса (1855–1936) (24, с. 340 сл.; ср. (22), (23)), в 1887 г. предпринявшего первую систематическую попытку определения основных понятий социологии и, в частности, сформулировавшего фундаментальное для последующей социологии различие между «общностью (сообществом)» и «обществом». Далее мы остановимся на несколько менее изученном аспекте развития немецкой социальной мысли – роли В. Дильтея.

2. Значение В. Дильтея для немецкой социологии

Для немецкой философской социологии стало значительно большее влияние имели ра-

боты Вильгельма Дильтея (1833–1911). Социология О. Конта имела ограниченное влияние на немецкую традицию. Главная линия критики проходит по линии понимания наук об обществе, или, в терминологии Дильтея, «наук о духе», причем последнее понятие выступает в качестве синонимичного к «наукам об обществе»⁵. Принципиальное значение В. Дильтея для немецкой социологии следует усмотреть в трех идеях (проектах) его философии, которые в разной степени закладывали основы для последующей «философской» социологии: 1. Идея «наук о духе» как взаимосвязанной системы дисциплин; его критики в связи с этим попытки Конта подчинить изучение социального мира методам естествознания. 2. Теории понимания в ее применении к гуманитарным наукам. 3. Теория типов и универсальных структур духовного.

2.1. Проблематика «наук о духе». Еще в 1883 г. Дильтей негативно высказывался против этого проекта Конта и Спенсера. По сути, «Введение в науки о духе» начинается как критика позитивизма О. Конта и его представления о науках (20, с. 271 сл. / 2, с. 48). Идея «наук о духе» Дильтея достаточно хорошо изучена; известно, что она представляет собой полемику как с немецким идеализмом, так и с французским и британским позитивизмом. Однако не так часто обращают внимание на то, что это есть полемика с гуманитарной линии XIX в. с идеей социологии. Вообще, вся вторая половина XIX в. может быть рассмотрена как битва между различными трактовками понимания общества. Стороны Дильтея это означает не только демонстрацию несостоятельности естественнонаучного подхода к исследованию общества, но и продвижение в открытии закономерностей общества. Итак, концепцию социологии Конта Дильтей считает не адекватной гуманитарному знанию. Что же предлагается взамен? Дильтей говорит о семействе «наук об обществе» – довольно пестрая компания, включавшая грамматику, риторику, логику, эстетику и юриспруденцию. Сегодня вряд ли кто предложит подобный список – слишком уж разнородными и разноуровневыми представляются собранные в нем дисциплины. Важны, однако, несколько обстоятельств.

Дильтей первым предложил принципиально новый вариант соотношения больших групп

дисциплин, и именно это предложение подготавливает появление классического варианта немецкой социологии, как он известен нам по работам Зиммеля и Вебера. Во-вторых, этот вариант заменяет существовавшее в немецком идеализме разделение на «теоретическую» и «практическую» философию. Группу наук, основоположением которой был озабочен В. Дильтея, – с некоторыми изменениями по составу – с тех пор называют в Германии *Geisteswissenschaften* (т.е. науки о духе)⁶. В-третьих, разнородность наук, входящих в группу *Geisteswissenschaften*, объясняется как раз тем, что многие научные методики в то время еще только возникают; их взаимные отношения будут устанавливаться в последующих дискуссиях. Эта разнородность дисциплин, входящих в конгломерат «наук о духе», даст повод как спорам о «единстве метода» гуманитарного знания, так и предопределят последующие сражения наук за роль главной методологии этой группы. В-четвертых, прототипом дильтеевской группы служат, как известно, *“moral sciences”* Дж.Ст.Милля и, соответственно, проблема разграничения между собственно «общественными» и «моральными» дисциплинами станет в последующие десятилетия для немецкой философии крайне актуальной.

Помимо общей проблематики наук о духе, две идеи могут быть условно отнесены к методологии. Разрабатываемая В. Дильтеем методология наук о духе предложила несколько принципов, которые были затем – разумеется, в существенно иной трактовке – использованы в социологии Вебера. Первая касается понимания и его роли в гуманитарных науках, а вторая – типологии.

2.2. Понимание. Следуя традиционному для прежней философии делению на «дух» и «природу», Дильтея полагает, что познание внутреннего, психического, отличается принципиально большей достоверностью и надежностью, нежели познание внешнего мира, никогда не данного человеку «целиком», но всегда лишь частями, фрагментами. Мир души дан нам изначально, и мы продвигаемся в его познании аналитически-описательным методом. Основная операция здесь – понимание. Мир же внешний мы объясняем. Понимание выполняет функцию доступа к «духу» на различных уровнях: индивидуальной психики, сравнительной психоло-

гии (психологии индивидуальности) и на уровне сложных форм «объективаций духа», к которым относятся искусство, науки, мировоззрение, философия и, в том числе, общество. Конкретизируя эти различные уровни понимания, Дильтея говорит об «элементарных» и «высших» формах понимания. Первые вырастают в первую очередь «из интереса практической жизни» (21, с. 255) и представляет собой истолкование отдельных проявлений жизни, элементарных актов, из которых складываются связные поступки. Благодаря работам Дильтея понимание стало основной процедурой доступа к области духовного. Важность этой новации трудно переоценить, поскольку лишь после этого стало возможным говорить о «понимающей» (или «интерпретирующей») социологии.

Вместе с тем именно трактовка понимания Дильтеем зачастую давала повод ученым характеризовать его философию как «холистскую» или даже «иррационалистическую» ориентированную. Дело в том, что научное истолкование, или, что для Дильтея синонимично, интерпретация, есть «художественно воссоздающее понимание», и как таковое, оно «всегда содержит в себе некий элемент гениального», иначе говоря, «высокой степени совершенства оно достигает лишь благодаря внутреннему родству и симпатии» (3, с. 278). Если нам покажется, что акценты, который Дильтея делает на проблеме художественного (здесь он следует традиции Шлейермахера) излишне расходятся с идеалами научного исследования, то для немецкого мыслителя это кажется вполне естественным. И вот почему. Дильтея находится в ситуации, когда религия утратила силу метафизической убедительности в отношении бытия Бога и души человека, и потому для большей части современных людей идеальное постижение значения своей собственной жизни обнаруживается лишь в искусстве и поэзии. Поэзии овладевает убеждение, что именно ей надлежит дать аутентичную интерпретацию жизни; примерно такие же умонастроения владеют и французскими романристами XIX века (Флобер, Золя), соревнующихся с социальной наукой (4, с. 237). Но если в борьбу за интерпретацию социального вступают различные формы культуры, то не должно удивлять обоснование в одной из этих форм, науке, отдельного научного направления. Однако столь же очевидно, что подобный «психо-

логизм» (точнее: негарантированность, неустойчивость познания ввиду этого обстоятельства) и стала одним из вызовов для Макса Вебера, постаравшегося, потому, перенести акцент рассмотрения не на проблемы «духа», но на рациональность человеческого действия.

2.3. Универсальные структуры, типология. Отчетливое различие между Дильтеем и Вебером по линии понимания «типа» заключается в том, что Дильтея не ограничивает область его применимости только лишь структурами той высокой степени общности, каковой являются мировоззрения. Выделение «типического» есть для него, по-видимому, принципиальный элемент, который отделяет различные формы объективаций духа (напр., искусство) «от опыта самой жизни» (3, с. 278). Любое воссоздание чужого образа художником основывается на выискивании «особых черт»; возможность же их обнаружить основывается, в свою очередь, на распознании универсальных «единобразных» структур нашей душевной жизни, «типических основополагающих форм» душевной жизни» (3, с. 241) которые мы коррелятивно обнаруживаем в индивидуальной, сравнительной психологии, или же в анализе произведений искусства.

Обыкновенно полагают, что «раннему» Дильтею был присущ «субъективизм и релятивизм», объяснявшийся его «психологическим познанием» и что в последующие годы он был преодолен в значительной степени под влиянием «Логических исследований» Э. Гуссерля (ср.: 24, с. 37, 39–40; ср. также: 1, с. 6). Это видение, конечно, излишне упрощает идеи Дильтея. Уже в таком «психологическом» трактате как «Работы по изучению индивидуальности» (1895/96; известен также под названием «О сравнительной психологии») Дильтея ставит вопросы, к которым подобный упрек уже не применим. Речь идет не только о типе личности как индивида, но уже и о «типе научных личностей» и соответствующем ему типе познания (подразумевается естественнонаучный) (3, с. 259). Как индивид, так и способ познания может быть непостоянной, исторически изменчивой переменной⁷, однако форма связи между этими «переменными» вполне может оказываться устойчивым и постоянным. Собственно, в 1920-х гг., выясняя закономерности между социально-классовой структурой общества и наклонностью к

тому или иному типу познания, Макс Шелер будет опираться на тот же подход, вполне следуя идеям как Дильтея, так и Вебера. Отношение человека к миру реализуется «всякий раз различным способом в зависимости от сущностной структуры группы», именно эти способы Шелер называет «идеальными типами» (28), ср. также: (17, с. 190)

При очевидном сходстве используемой Дильтеем и Вебером терминологии («понимание», идея «типов»), прямая линия рецепции по линии понятия «типа» между обоими мыслителями по всей видимости отсутствует. Во-первых, понятие «типа» начинает использоваться в социологических работах по крайней мере лет за 10 до того, как становится популярным благодаря работе Дильтея «Типы мировоззрения и их обнаружение в метафизических системах» (1911) (5). Во-вторых, она впервые начинает использоваться в работах немецких историков на рубеже XIX–XX веков.

Продолжателем линии Дильтея среди самостоятельных и оригинальных философов первого ранга чаще всего считают Макса Шелера. Однако влияние методики гуманитарных наук⁸ Дильтея на немецкую социологию было самым непосредственным, оно не ограничивалось той дополнительной известностью, которую приобретал Дильтея благодаря развитию его проблематики в трудах Шелера и Хайдеггера.

3. Рецепция Дильтея в социологии

Именно в университете Берлина в 1876 г. начал свое обучение восемнадцатилетний Георг Зиммель (1858–1918). Там же (в 1881) он защитил докторскую диссертацию, а позднее и габилитационную работу (1885) – спустя два года после выхода «Введения в науки о духе» Дильтея. Более того, без научной и организационной поддержки Дильтея, габилитация Зиммеля вряд ли состоялась бы. Примерно в те же годы в Берлине обучается другой мыслитель, оказавший значительное влияние на социологию и психологию – Дж. Г. Мид.⁹. Одна из первых книг Зиммеля, «О социальной дифференциации» (1890) во многом перекликается с работами Дильтея. Однако, как отмечает Х.-Ю. Хелле, отношения учителя и ученика вскоре превратились в научную конкуренцию за влияние в профессиональном мире, что имело различные причины, но не в последнюю очередь разный

академический статус обоих ученых (независимый приват-доцент Зиммель и нагруженный обязательствами ординарный профессор Дильтея), а также разное количество публикаций (24 книги и более 200 статей, опубликованных Зиммелем против 3-х книг, множества манускриптов и статей Дильтея, которые все-таки не давали полного представления о масштабе таланта автора). Есть основания полагать, что в лекционном плане Зиммель был более привлекателен для слушателей. Теория общества чаще изучалась по Зиммелю, а не по Дильтею. Эти обстоятельства прекрасно сознавались обоими мыслителями. В приватных высказываниях и оценках Зиммель часто иронизировал: «в Берлине есть два профессора философии. Один (Целлер) вообще не знает, что такое философия, другой (Дильтея) хотя и знает, но никому этой тайны не выдает»¹⁰. Не известно, доходили ли эти отзывы до Дильтея, однако историки имеют основания полагать, что карьере Зиммеля тот в дальнейшем прелятствовал. Сам Зиммель, как представляется, не следил за публикациями Дильтея после работ 80-х, тогда как для неокантианцев и для М. Вебера его труды неизменно представляли интерес. Рецепция Шелером идей Дильтея и Зиммеля была непосредственной (он посещал лекции обоих мыслителей).

Не более многочисленны упоминания Вильгельма Дильтея в работах Вебера (1864–1920), хотя современные исследования и отмечают, что к концу жизни он со всеми с большим уважением относился к взглядам своего старшего коллеги. Знакомы они были задолго до того, как Вебер предложил концепцию социологии, во многом расходящуюся с направлением исследований Дильтея. В 1869 г. семья Веберов переселяется в Шарлоттенбург, тогда еще пригород Берлина (ставшего столицей Германии Бисмарка спустя всего два года), где проживало на то время достаточно большое известных политических деятелей, а также ученых. С немецкими историками и Г. фон Трейчке (1834–1896) и Теодором Моммзеном (1817–1903) и самим Вильгельмом Дильтеем молодой Макс Вебер знакомится еще в отцовском доме¹¹.

Вплоть до конца XIX в. эмпирические исследования М. Вебером самых различных сторон западноевропейской культуры – социальных основ заката античной культуры, исто-

рии торговых обществ средних веков или положения рабочих, проживавших в районах восточнее Эльбы и др., – в большинстве своем вполне могли быть отнесены к политической экономии, социальной и экономической истории; самого автора можно было счесть одним из последователей К. Маркса. Для второй половины XIX в. это стало уже совершенно естественным делом: работы Вебера, Зомбарты, Шелера, Манхайма и, наконец, самого Дильтея были бы невозможны без открытия Марксом взаимосвязи между экономическими и духовными формами (11, с. 103). Когда же, начиная с какого момента ведущиеся Вебером исследования начинают приобретать характер социологических? Детальное теоретическое обоснование понятий М. Вебер предпринимает, начиная с 1910–1911 гг., и тогда выясняется, что его концепция обнаруживает значительные проблемно-содержательные пересечения как идеями Дильтея, так и других современных философов – в первую очередь Г. Риккerta.

В отечественной социологической науке сложилась практика довольно отчетливого противопоставления Дильтея и Вебера. Это отчасти выражается уже в композиционном построении истории развития социологических идей («История теоретической социологии», Т.1): немецкую социологию ведут от Тённиса и его работы “Gemeinschaft und Gesellschaft” (выходит она в 1887 г., спустя 4 года после дильтеевского «Введения в науки о духе»). Еще более отчетливым такое противопоставление становится во втором томе этого фундаментального труда, где одним из главных ключевых слов, характеризующих вклад Дильтея, оказывается «иррациональность переживания» (26, с.). Этой иррациональности философии Дильтея внутренняя логика истории теоретической социологии противопоставляет затем рационализм М. Вебера. Оправдывать подобную оценку вклада Дильтея не только не входит в наши задачи, но, пожалуй, даже и невозможно – она должна вытекать из иной интерпретации философии Дильтея в целом.

4. Проблемные выводы из новой конфигурации наук. Социология и теория познания

Задумываясь о том, как были связаны основные тенденции философии начала XX в., мы неизбежно обратим внимание на то, что для многих мыслителей того времени связка «тео-

рия познания – социология» представлялась совершенно естественной. Именно к социологии как одной из парадигм нового знания в конечном счете устремилась программа борьбы за научную философию Р. Авенариуса и его коллег. Аналогичная связка может быть продемонстрирована и на примере многих других ученых, сегодня более известных как социологи. Так, например, К. Мангейм, эмигрировавший в 1919 г. из Венгрии, до того принадлежавший эстетически-философскому кругу Г. Лукача, считал своей первой задачей переориентацию собственных интеллектуальных интересов от «чистой философии» в направлении эпистемологии и теории познания. Именно в этом направлении он двигался под руководством Альфреда Вебера в годы своего обучения в Гейдельберге (1922–28). – От А. Вебера Мангейм взял ориентацию на проблемы социологии культуры и цивилизации.

Между социологией и теорией познания существовало одна показательная общая черта: т.н. «эмпиризм». К началу XX в. социология уже стала одним из философских, выросших из недр самой философской рефлексии проектов реанимации философского знания, находления новых для него тем. Ее эмпиричность заставляла полагать, что социология обладает иммунитетом против главных бед традиционной спекулятивной философии. Она (как и психология), казалось, справится с новыми широкими горизонтами, открывавшимися тогда философскому и научному миру: опыту чуждых культур (и вообще проблематике чужой, другой индивидуальности), т.е. станет одним из основных инструментов этнографии и антропологических исследований. Главными же новыми предметами этой науки должны были стать социальные феномены, до того мало замечаемые в культуре: бюрократии, возраста, власти, философии феминизма, философии политики (она обновляется до политики философии). Хотя эмпиричность социологии поначалу определяет ее близость к теории познания, таким образом обосновывая (в некотором смысле) место социологии в семействе гуманитарных дисциплин и ее родство с философией, у Шелера она никаким образом не имеет эмпирического характера.

Популярность социологии и вообще социальной философии росла также за счет порою

не всегда заметного смещения смысла некоторых традиционных философских понятий. Так, например, если еще со временем И.Г. Фихте *“Wissenschaftslehre”* было именно *наукоучением*, т.е. философски основанной теорией о науке и знании вообще, то уже благодаря работам М. Вебера то же самое понятие могло означать не только теорию науки, но и «социологию знания».

Многие темы, развивавшиеся в то время в рамках того, что у нас сегодня известно как социология, имели крайне важное значение для философии. Так, например, в работе 1930 г. «О природе и значении голода для экономического успеха» Мангейм задается вопросом: что произойдет, если экономическая сфера производит собственные ценности, не охватываемые моральными и политическими соображениями? (Именно в русле этого интереса социология все чаще обращалась к обсуждению проблем в экономическом аспекте – проблема анонимности денег у Зиммеля). В итоге, к середине 20-х гг. в социологии основными именами уже считались Эрнст Трёльч, М.Шелер и М. Вебер. Эти мыслители понимали, что социология должна быть академически признана и уважаема. Задача эта была выполнена вполне успешно, социологический подход становился все более привлекательным для современников (из крупных философов он в наибольшей степени оказал влияние на К. Ясперса).

Если сегодня в отношении социологии как науки приоритет М. Вебера, Г. Зиммеля и других немецких социологов совершенно несомненен, то в том направлении социологии, которое называют социологией знания М. Шелер почти безоговорочно признается первоходцем, хотя в понимании социологии знания существует довольно широкий разброс позиций, и далеко не все из них совпадают с шелеровским пониманием целей социологического исследования. Кроме того, интерес современной социологии знания совершенно отчетливо смещается с фундаментально-типологических проблем, как они были сформулированы М. Шелером – в направлении частных и прикладных вопросов социологической теории: власти, дискурса, политики и т.п. – тогда как социологию знания в той форме, в которой она практикуется Шелером, можно рассматривать как продолжение и развитие идей Дильтея, высказанных

во «Введении в науки о духе» и в «Типах мировоззрения».

Социология (знания) становится столь успешным начинанием в немецкой традиции социальной философии, поскольку оказывается одним из результатов поисков нового опыта в теории познания. Уже на протяжении предшествующих пятидесяти лет немецкая философия настойчиво искала новый облик философии. – Ту ее версию, которая позволила бы открыть путь к принципиально новому опыту. Однако теперь, в трудах младших современников Гуссерля (Шелер, Хайдеггер), опыт, который не сводится только к научному познанию]. «Новизна» опыта понимается также и в том смысле, что он должен быть предельно широк и всеохватывающ – так идеи фундаментализма реализуются теперь уже не в философии (метафизике), но дисциплинах, предлагающих себя на замену.

Общее движение к социальному заметно во многих новых течениях немецкой философской мысли первых двух десятилетий XX века – в том числе, для феноменологии, философии экзистенции К. Ясперса. В 30-40-х гг. проблема социального становится центральной для многих последователей «феноменологов первого поколения» (Гуссерля, Шелера, Хайдеггера). В работах А. Шюца, М. Фарбера и др. Оно, далее, характерно не только для феноменологии, но и для той социально ориентированной мысли, которую мы называем сегодня «социологией» в узком смысле.

Поскольку основное историко-культурное значение движения к социологии для немецкой философии начала XX в. мы определили как поиски нового опыта, теперь более понятно, какое проблемное единство она образует с основными темами (аспектами), через которые мы рассматриваем философию Шелера: феноменология, философия жизни, антропология и т.д. Как и феноменология того времени, социология (по крайней мере, немецкая) принципиально фундаменталистична. Как и философия жизни (витализм, органицизм) она претендует на открытие принципиально нового опыта. Как и этика (практическая философия), она желает не только указать причины кризиса и наметить путь выхода из него, но и стать фундаментом для этики (Дюркгейм об этике как «задаче нашего дня»).

Заключение

До определенного момента социальная философия и социология развиваются как взаимозаменяемые обозначения для ориентации философов и ученых на проблемы общества. Эта неопределенность сохраняется до тех пор, пока одна из групп (Вебер и коллеги) не предпринимает усилия по институционализации своего интеллектуального союза. На почве взаимодействия между историей, наукой о государстве и социальной наукой с одной стороны и традиционными философскими системами с другой, социология успешно утверждает себя как новая дисциплина, давая затем рождение отдельным оригинальным ответвлениям, напр., социологии знания М. Шелера), впитавшей в себя идею гуманитарного знания как идею наук об обществе, а также стремление к построению универсальной типологии исторически и классово различных типов познания.

При очевидных связях новой науки с философским знанием, уже в 20-30-х гг. очевидным стало также и обратное позитивное влияние социологии на философскую мысль. Полемизируя с «умозрительными», «метафизическими» конструкциями философии, социология все же заимствует создаваемую философами терминологию (напр., понятие «интерсубъективности»), способствуя уточнению и конкретизации философского понятийного аппарата. Социология также способствует закреплению в философии идеи «разделения труда» и – через идеи «призвания» и «профессии» – осмыслению роли философа в современном обществе.

Литература

1. Bollnow O.-Fr. Dilthey. Eine Einführung in seine Philosophie. Stuttgart, 1955.
2. Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. I: Einleitung in die Geisteswissenschaften. Göttingen, 1990.
3. Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. V: Die Geistige Welt. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. - 442 S.
4. Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. VI: Die geistige Welt. Einführung in die Philosophie des Lebens. Zweite Hälfte. Abhandlungen zur Poetik, Ethik und Pädagogik Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1994. 7. Aufl.

5. Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. VIII: Weltanschaungslehre. Abhandlungen zur Philosophie der Philosophie. Göttingen, 1931
6. Gerth H.H., Mills C.W. Introduction. The man and his work // From Max Weber: Essays in Sociology. N.Y.: Oxford University Press, 1946. P. 1–74.
7. Helle H.J. Soziologie und Erkenntnistheorie bei Georg Simmel. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1988.
8. Höffe O. Praktische Philosophie, das Modell des Aristoteles. Berlin: Akademie-Verlag, 2008. 3. Aufl.
9. Oakes G. Rickerts Wert/Wertungsdichotomie und die Grenzen von Webers Wertbeziehungslehre // Max Webers Wissenschaftslehre. Interpretation und Kritik. Hrsg. v. G. Wagner u. H. Zipprian. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1994. S. 146–166.
10. Opielka M. Gemeinschaft in Gesellschaft. Soziologie nach Hegel und Parsons. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006.
11. Plessner H. Gesammelte Schriften. Bd. X. Schriften zur Soziologie und Sozialphilosophie. Frankfurt a.M., 1985. 345 S.
12. Rossi P. Weber, Dilthey und Husserls Logische Untersuchungen // Max Webers Wissenschaftslehre. Interpretation und Kritik. Hrsg. v. G. Wagner u. H. Zipprian. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1994. S. 199–223.
13. Simmel G. Bemerkungen zu sozialem Problemen // Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1888. Bd. 12. S. 32–49.
14. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte / Hrsg.v. M. Weber. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1924 (1988).
15. Weber M. Soziologie. Politik. Weltgeschichtliche Analysen. Hg. v. J. Winckelmann. Stuttgart: Kröner, 1956.
16. Weber M. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik / Hrsg.v. M. Weber. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1924 (1988).
17. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1968. 3. Aufl.
18. Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии в 4-х тт. Т. 1. Социология. М.: Высшая школа экономики, 2016. – 445 с.
19. Гергилов Р.Е. Немецкое социологическое общество перед Первой мировой войной // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 3. С. 31–39.
20. Дильтей В. Собрание сочинений. Т. I. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории / Пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. 2000
21. Дильтей В. Собрание сочинений. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе / Пер. с нем. В.А. Куренного. М., 2003.
22. Добреньков В.И., Кравченко А.И. - Фундаментальная социология: В 15 т. Т. 1. Теория и методология. М.: ИНФРА-М, 2003. – XXII, 908 с.
23. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. Т. 2: Эмпирическая и прикладная социология. - М.: ИНФРА-М, 2004. - VI, 986 с.
24. Ионин Л.Г. Понимающая социология. М., 1979.
25. История теоретической социологии. В 4-х т-х / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов, М.: Канон+, Т. 1. 2002.
26. История теоретической социологии. В 4-х т-х / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов, М.: Канон+, Т. 2. 2002.
27. Полякова Н. Л., Афанасьев В. В. Немецкая социология: Учебное пособие. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – 448 с.
28. Шелер М. Проблемы социологии знания /Пер. с нем. А.Н. Малинкина. М.: Институт обще-гуманитарных исследований, 2011. – 320 с.

Ссылки:

1 История современного «Немецкого психологического общества» (Deutsche Gesellschaft für Psychologie) восходит к 20 апреля 1904 г., когда в Гисене было основано «Общество экспериментальной психологии»; его инициатором стал немецкий психолог Георг Мюллер (1850–1934), учившийся у Р.Г. Лотце, Г. Т. Фехнера и Г. Гельмгольца (1880 занял кафедру Лотце). Из наиболее известных (сегодня) психологов того

времени в Конгрессе приняли участие Г. Эббингауз (1850–1909) и О. Кюльпе (1862–1915).

2 Сам этот процесс, конечно, имеет предшествующую стадию. В философии Шеллинга и Гёльдерлина происходит открытие культурного мира античности как мира специфической греческой религиозности, выраженной в *мифологии*. Происходит это не без влияния Просвещения, но во многом с противоположными интенциями: *не* для того, чтобы показать миф как заблуждение (подобное намерение характерно, скорее, для нарождающейся в то же время теории идеологии – она впоследствии задействует миф как *пра-идеологию*), т.е. не как не-истинное, не как заблуждение.

3 Так, например, Г. Плеснер полагает, что немцам *ничemu* было научиться у своих американских и французских коллег: «все, что пришло к нам из-за океана после войны – нашего же, немецкого происхождения», немецкие социологи довольно критически отзываются о претензиях на первенство своих американских и французских коллег (11, с. 207) – здесь Плеснер солидаризируется с Леопольдом фон Визе.

4 Подробнее о теоретических спорах и практических проблемах при формировании Немецкого социологического общества см.: (19).

5 Так, разъясняя замысел своей книги, он пишет: «Из ощущения этой сложившейся в науках о духе ситуации у меня выросло намерение попытаться философски обосновать принцип

исторической школы и деятельность отдельных наук об обществе...» (20, с. 273).

6 Вряд ли подобная категориальная замена может считаться бесспорно и *только* положительным результатом: во второй половине ХХ в. некоторые процессы приведут к тому, что различие между «теоретической» и «практической» философией вновь окажется востребованным. Именно под шапкой «практической философии» философия как таковая присутствует в *гимназическом образовании*, а кроме того, она объединяет в своих рамках современные исследования в области *этики*, да и наследие самого Дильтея осмысливается часто именно в этих рамках.

7 Дильтей приводит здесь классический пример индивидуальной неповторимости природных явлений, приводя известную легенду о Лейбнице, который в саду Шарлоттенбурга просил придворных дам на дереве два одинаковых листика (3, с. 271).

8 Далее я буду использовать термин «гуманитарные науки» в качестве эквивалентной замеры «наукам о духе», хотя за различием этих понятий и скрываются серьезные проблемы.

9 Более подробное обсуждение отношений Дильтея и Зиммеля, а также самого факта обучения Мида у Дильтея (на этот счет у исследователей нет единого мнения) см. в издании (7, с. 41)

10 Цит. по: (7, с. 43).

11 Биографические сведения см. в: (6), (12)

Проблемы формирования готовности преподавателей иностранного языка к работе в условиях инклюзивного обучения студентов вузов

Харченко Н.Л.

В статье рассматриваются некоторые проблемы формирования готовности преподавателей иностранного языка к работе в условиях инклюзивного обучения. Решение выявленных проблем видится в создании в рамках существующей системы дополнительного образования и повышения квалификации образовательной программы подготовки профессиональных педагогов-консультантов (тьюторов) для работы со студентами с ОВЗ, обучающимися в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: инклюзия, инклюзивное образование, индивидуальный стиль, лица с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), образовательная программа, социально-педагогические модели, педагог-консультант, тьютор.

Kharchenko N.L.

Problems of forming the readiness of teachers of foreign language to work in the conditions of inclusive education of students of high schools. In this article are considered some problems of formation of readiness of teachers of a foreign language for work in conditions of inclusive education. The solution of the identified problems is seen in the creation within the existing system of an additional education and professional development of an educational program for the training of professional teacher-consultants (tutors) to work with disabled students studying in higher educational institutions.

Key words: inclusion, inclusive education, individual style, persons with disabilities (with limited health opportunities), educational program, social and pedagogical models, teacher-consultant, tutor.

В настоящее время во многих странах, в том числе и в России, инклюзия рассматривается в качестве одной из стратегических задач развития системы образования, направленной на гуманизацию общества. Это обусловлено социально-педагогическими и законодательно-нормативными реформами образовательной системы.

Среди приоритетов развития современной системы образования особое место занимает образование лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Несмотря на интеграционные тенденции в образовательной сфере, проблема обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья остается сложной.

В России по данным Л.И.Акатова лица с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), которые нуждаются в специальном образовании, отвечающем их особым образовательным потребностям, составляют 4,5% популяции[1].

Лица с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) – «это люди, имеющие недостатки в физическом и (или) психическом развитии, имеющие значительные отклонения от нормального психического и физического развития, вызванные серьезными врожденными или приобретенными дефектами и в силу этого нуждающиеся в специальных условиях обучения и воспитания»[3].

Существует эффективное средство компенсации дефекта лиц с ограниченными возможностями здоровья, в основе которого лежит принцип, предполагающий, что обучение и воспитание строятся на выявлении и развитии личностных качеств и способностей обучающихся. А, поскольку учебная деятельность каждого человека, независимо от его социального статуса – нормально развивающийся или имеющий отклонения – занимает большой отрезок жизненного пути, то именно инклюзивное образование призвано выявить возможности и развить

способности лиц с ограниченными возможностями здоровья.

С.В.Алёхина определяет инклюзивное образование как, - «результат развития идей гуманизма, основывающихся на исключительной ценности человеческой личности, ее уникальности, праве на достойную жизнь, каким бы ни было ее физической состояние»[2].

Инклюзивное образование рассматривается с позиции современной методологии, поскольку инклюзивное образование в целом и сам термин «инклюзия» в мировом и отечественном профессиональном сообществе появился сравнительно недавно.

Соотнесение теоретико-методологических основ отечественной инклюзии с мировой образовательной интеграцией является первым шагом к осмыслению инклюзивного образования в России, переходу к системным изменениям на институциональном уровне. Однако, самым сложным в этих изменениях являются изменения в профессиональном мышлении педагогов, подготавливаемых для работы с лицами с ограниченными возможностями здоровья.

«Инклюзивное («включающее») образование – социально-педагогический феномен, ориентированный на изменение системы образования в целом и формирование инклюзивного общества»[5].

Методологические основания инклюзивного образования в педагогической науке не имеют однозначного определения. Каждый из существующих методологических подходов позволяет рассматривать инклюзивное образование как системное и развивающееся явление.

При этом, данное явление рассматривается не только как педагогический, но и как социальный феномен.

С педагогической точки зрения инклюзивное образование предполагает такую организацию образовательного процесса, при которой все обучающиеся с ОВЗ, независимо от их психических, физических и иных особенностей развития, включены в общую систему обучения. Кроме того, обязательными условиями являются учет особых образовательных потребностей обучающихся с ОВЗ и обеспечение специального педагогического сопровождения.

С точки зрения социальной организации, инклюзивное образование предполагает формирование в социально-педагогической среде особой культуры отношений к обучающимся с

ОВЗ, создание условий, обеспечивающих их социализацию.

Современные социально-педагогические модели инклюзивного обучения приобретают все большую популярность в современных образовательных системах, поскольку важнейшей задачей инклюзивного образования является восстановление социального статуса лиц с ограниченными возможностями здоровья и включение их в систему общественных отношений в ходе специально организованного образовательного процесса и создания для этого соответствующих условий.

При этом, процесс социализации лиц с ограниченными возможностями здоровья средствами специально организованного обучения и воспитания должен осуществляться с учетом ряда постоянно действующих факторов.

1. Так, современная методология инклюзивного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), строится на принятии в качестве определяющего, того факта, что основными ограничениями для этой категории обучающихся являются коммуникация и доступ к информации. Очевидно, что эти проблемы приобретают решающее значение в условиях интегрированного обучения и профессиональной деятельности лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Решение этой проблемы видится в обеспечении обучающихся с ОВЗ печатными и электронными образовательными ресурсами в формах, адаптированных к ограничениям их здоровья, а также технологических средств электронного обучения, позволяющих осуществлять прием-передачу информации в доступных формах в зависимости от нозологии.

2. Индивидуальный подход постулирует, что система инклюзивного обучения должна учитывать индивидуально-психологические особенности обучающихся с ОВЗ.

Индивидуальный стиль учебной деятельности является одним из интересующих нас подходов в рамках исследования инклюзивного образования, когда образовательный процесс рассматривается как взаимодействие различных индивидуальных стилей педагога и обучающихся, что служит условием индивидуального подхода в инклюзивном обучении.

Стиль трактуется как единство трех компонентов: направленности личности, степени сознательного владения ею своими психическими

процессами и техническими приемами педагогической деятельности[4].

Дело в том, что в настоящее время успех должен быть достигнут каждым обучающимся и основной задачей педагога становится помочь ему наиболее результативно усвоить информацию и научить применять ее на практике. А для этого необходим индивидуальный подход к каждому.

Внимательное отношение к стилям учебной деятельности - не самый простой способ помочь обучающимся, но он самый эффективный из всех известных. Он гораздо более продуктивен, чем поиск совершенной методики.

Работа в условиях инклюзивного образования требует от преподавателя иностранного языка не только изменения профессиональных приоритетов, но и изменение стиля работы. Обучение студентов в инклюзивной группе требует от преподавателя профессиональной и личностной опытности, выдержки, готовности к решению возникающих проблем, умения выстроить индивидуальную образовательную траекторию не только для обучающихся с ОВЗ, но и организовать самообразование.

На помощь преподавателю иностранного языка, работающего в инклюзивном образовании, придет технология «портфолио». Она позволяет качественно и тактично реализовать дифференцированный подход, осуществлять индивидуализацию образовательного процесса с учётом умственных, физических данных студентов, не акцентируя на этом их внимание, не выделяя их «ограниченные возможности».

Работа в условиях инклюзии требует от преподавателя иностранного языка изменения профессиональных приоритетов, изменение стиля педагогической деятельности.

Организация инклюзивного обучения иностранному языку требует от преподавателя и личной и профессиональной опытности, выдержки, готовности к решению возникающих проблем, умения выстроить индивидуальную образовательную траекторию для каждого обучающегося с ОВЗ.

Учет индивидуальных учебных стилей студентов позволяет планировать цели, задачи обучения иностранному языку, делать опору на самостоятельную учебную деятельность, развивать у них интерес к предмету.

3. Данное видение особенностей педагогической деятельности в организации инклюзивного обучения предполагает изменение в системе подготовки педагогов для осуществления инклюзивного образовательного процесса, поскольку ключевую роль во внедрении, применении и осуществлении играет именно педагог инклюзивного образования, который должен обладать не только толерантностью, но и определенным набором профессиональных компетенций.

Создание в рамках системы образования условий для инклюзивного образования, ставит перед педагогической наукой и практикой конкретные задачи, одной из которых является задача теоретико-методологического обоснования подготовки педагогов к работе в условиях инклюзивного образования.

Решая эту задачу, наука и инновационная педагогическая практика берут на себя функцию построения и апробации перспективных образовательных моделей инклюзии.

При этом современные педагогические технологии (моделирование, проектирование, консультирование и др.) становятся основными предметами подготовки педагогов в системе дополнительного образования.

Анализ состояния современной системы дополнительного образования педагогических кадров фиксирует следующие проблемы:

- репродуктивный характер содержания образовательных программ;
- догматическая форма построения содержания обучения;
- отсутствие гибкости в выборе слушателями содержания и возможности самостоятельно формировать индивидуальную программу обучения;
- недостаточное использование современных информационно-коммуникационных технологий, сетевых форм организации обучения.

Очевидно, что без решения этих проблем невозможно ликвидировать разрыв между требованиями инновационной педагогической практики к уровню готовности педагогов к работе в условиях инклюзивного образования и реальным уровнем подготовленности выпускников курсов повышения квалификации.

При разработке образовательной программы повышения квалификации педагогов к работе в условиях инклюзивного образования следует исходить, прежде всего, из целей, структуры и содержания профессионально-педагогической деятельности, ее функций и класса решаемых педагогических задач.

Образовательную программу следует рассматривать как инновационный проект подготовк

ки педагогических кадров нового типа, целью которого являются концептуальные изменения в подходах к содержанию педагогической деятельности в системе инклюзивного образования.

Концептуальная модель, на основе которой строится программа подготовки педагогов к работе в условиях инклюзивного образования, направлена на реализацию таких ценностей, как индивидуальность каждого участника инклюзивного образовательного процесса, осмысленное взаимодействие обучающегося с культурой через освоение базовых способов деятельности.

Реализация модели открытой образовательной среды в рамках системы повышения квалификации позволяет выстроить образовательный процесс как процесс концептуализации опыта его участников.

Образовательная программа повышения квалификации открытого типа должна:

- опираться на осознаваемые цели всеми участниками процесса повышения квалификации и формировать их новые образовательные потребности;
- обеспечивать возможность участия участников в различных организационных формах индивидуального и коллективного взаимодействия в исследовательских и проектных разработках;
- включать в содержание обучения педагогические проблемы мирового, национального, регионального уровней;
- предусматривать решение таких учебно-педагогических задач, которые имеют статус актуальных (практически значимых) для всех участников образовательного процесса.

Целостность образовательной программы достигается, прежде всего, за счёт использования каждым слушателем в процессе обучения всех ресурсов образовательной программы.

Внедрение в систему образования тьюторской практики можно рассматривать как образовательную технологию становления активной и самостоятельной личности, способной управлять ресурсами для обеспечения своих проектов разного масштаба и в различных сферах жизнедеятельности.

При этом должны быть реализованы следующие задачи:

- формирование представлений о педагогическом консультировании как особой сфере профессионально-педагогической деятельности;
- освоение техники консультационной деятельности.

Тьютор помогает студентам с ОВЗ выявить возможные пробелы в знаниях и осознать свои возможности и перспективы; он же поможет в работе по составлению индивидуальной образовательной программы.

Некоторые функции тьютора в образовательном процессе инклюзивного обучения:

- помочь обучаемому в получении максимальной отдачи от учебы;
- мониторинг успешности освоения обучаемым программы курса;
- осуществление обратной связи по выполненным учебным заданиям;
- проведение групповых консультаций - тьюториалов;
- индивидуальное организационно-методическое консультирование обучающихся;
- поддержка в обучающихся заинтересованности в обучении на протяжении всего образовательного процесса;
- предоставление обучающимся возможности связываться с тьютором посредством информационно-коммуникационных технологий.

Таким образом, основной целью подготовки педагогов-консультантов (в том числе и в области преподавания иностранного языка) по образовательной программе повышения квалификации является создание системы подготовки профессиональных тьюторов для инклюзивного образования.

Литература

1. Акатов, Л.И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы [Текст]: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – 368 с. – С.5.
2. Алёхина, С.В. Инклюзивное образование: история и современность Учебно-методическое пособие /С.В.Алёхина. Педагогический университет «Первое сентября», -М.: 2013. - 33 с.
3. Методические рекомендации по обучению студентов-инвалидов и студентов с ОВЗ / под ред. О.А.Козыревой : учеб. пособие для преподавателей КГПУ им. В.П.Астафьева, работающих со студентами-инвалидами и студентами с ОВЗ. – КГПУ, 2015. – 93 с.
4. Самарин, Ю.А. Стиль умственной работы старшеклассников//Изв. АПН. Вып. 17. М.; Л., 1948.
5. Семаго, Н.Я. Инклюзия как новая образовательная философия и практика [Текст] /Н.Я.- Семаго// Аутизм и нарушения развития. – 2010. – № 4. – С. 1-9.

Формирование взглядов профессора психологии И.П. Четверикова на понятие «личность» и на понятие «абсолютная Личность»

Сизинцев П.В.

Статья посвящена философскому осмыслению понятия «личность» и понятие «абсолютная Личность» по учению профессора психологии Киевской Духовной Академии И.П. Четверикова, которые включают в себя религиозно-философские представления о личных свойствах, проявляемых в бытии. Автор в обзоре его трудов показывает, что имеет место глубокий анализ понятия «личность» в абсолютных и относительных категориях. Оригинальность исследования максимальна, так как исследований философского наследия И.П. Четверикова в научной среде практически не проводились.

Ключевые слова: самосознание, сознание, восприятие, личность человека, изменения, переживания, самопознание, познание, творчество, любовь.

Sizintsev P.V.

Formation of views of Professor of psychology I. p. Chetverikov on the concept of «personality» and the concept of "absolute Personality". The article is devoted to the philosophical understanding of the concept of «personality» and the concept of "absolute Personality" according to the teaching of Professor of psychology of the Kiev Theological Academy I. p. Chetverikov, which include religious and philosophical ideas about personal properties manifested in existence. The author in the review of his works shows that there is a deep analysis of the concept of «personality» in absolute and relative categories. The originality of the study is maximum, since the research of I. p. Chetverikov philosophical heritage practically not carried out in the scientific community.

Keywords: Consciousness, consciousness, perception, identity of the person, change, experience, self-knowledge, knowledge, creativity, love.

Представления о личности у профессора психологии Киевской Духовной Академии И.П. Четверикова допустимо разделить на термины, постепенно раскрываемые в его научном творчестве:

- «Личность» как религиозно-философское понятие, означающее свойство абсолютного бытия, позволяющее объяснить существование свободы, разума и самосознания, исходя из их внутренней целесообразности,

- Понятие «абсолютная Личность» как свойство бытия абсолютного Бога, позволяющее описать личностные свойства божественных Лиц.

Именно из этих понятий личности в их онтологической соотнесенности, богословско-философском исследовании и психологических элементах состоит структура учения И.П. Четверикова о понятии «личность» и понятии «абсолютная Личность». Анализ показывает, что в богословско-философских трудах начального периода его научного творчества И.П. Четверикову была свойственна направленность мышления на понятие «личность» с тяготением к умозрительной психологии человека в рамках духовно-академического теизма. Примерами этого являются его монография, защищенная как магистерская диссертация «Учение о Боге как личном Существе» [Четвериков, 1903] и его научная статья «Учение о личном Боге с точки зрения этической ценности» [Четвериков, 1905, 5, 157]. В них автором делался вывод о том, что идея абсолютной разумно-свободной Личности, понимаемая как свойство объективного бытия Бога трансцендентно-имманентного характера по отношению к миру, является необходимым принципом нравственного существования человека. Она обуславливает всестороннее развитие личностных свойств, как самопроявления

личного бытия и поэтому понятие абсолютной Личности обладает подлинной эстетической ценностью для человека. Но главное, что «при таком понятии о Боге, как личном существе, возможна и этическая, волевая жизнь», [Четвериков, 1905, 5], основанная на личной свободе. Научными основаниями предлагаемого учения о личности, объединяющего в единую целую систему мысли по сути разрозненные по различным публикациям и статьям, в монографии, научно-богословских сборниках и журналах идеи и рассуждения, размышления и формулировки И.П. Четверикова о личности являются нижеследующие:

· В сфере православной теологии:

- учение о личностных свойствах Божественных Лиц Пресвятой Троицы,
- учение об Иисусе Христе – совершенном Боге и совершенном человеке, и его личных свойствах,

- учение о человеке, его составе – духе, душе, теле, сознании, божественном образе и личных свойствах – свободе, творчестве, единстве, целостности, самосознании, любви, стремлении к идеальным ценностям.

· В сфере православной философии:

- учение о христианском теизме,
- понятие об абсолютной Личности Бога,
- «суждения о соотнесенности личных свойств Бога и человека, о смыслах жизни и формах сознания» [Четвериков, 1905, 9].

· В сфере умозрительной психологии:

- учения о человеке, его душе и природных свойствах,
- учения о духе, самосознании, феномене человеческого «Я»,
- учения о личности и ее метафизических качествах – «свободе, творчестве, общении, вере, святыни» [Четвериков, 1913].

· В сфере православной антропологии:

- представления о цели и ценностях жизни человека,
- учение о целостности и взаимосвязанности состава человека,
- теории единства сознания и души, самосознания «Я» и духа, [Четвериков, 1911].

- идеи связи бытия, мышления и познания человеком самого себя.

Исследования в сферах христианского теизма и метафизической психологии духовных академий России в XIX веке дали свои теорети-

ческие плоды, выразившиеся в понятиях о личности, более подробно разработанных И.П. Четвериковым. Его представление о личности было исследовано в отношении как личного Бога-Абсолюта, так и применительно к телесному человеку, созданному по образу Божию. По отношению к Абсолюту им применялся в основном термин «личное Существо». В отношении человека мыслителем применялся термин «человеческая личность» или просто «личность». Под абсолютной Личностью И.П. Четвериковым рассматривалась совокупность проявления особых личностных свойств у совершенного личного Существа, способного к непосредственно му общению с человеком.

Эти личные свойства представляли собой и уникальные ипостасные свойства каждого из трех Божественных Лиц, и общие свойства, присущие всем трем Божественным Лицам или Личностям. Под ними понимались, в частности, свойства абсолютной свободы и воли, вечности и бессмертия, абсолютного всеведения и всесилия, уникальности и любви. Понятие человеческой личности в системе его взглядов также было многогранным и имело многие смыслы. И.П. Четвериков видел личность как неповторимое проявление в способе жизни человека так называемой «идеальной личности», воспринимаемой в целостности личных черт, аналогичных проявлениям нравственного идеала Иисуса Христа. При этом важно подчеркнуть, что богочеловек в святоотеческом наследии считался совершенным человеком и воплощенным Вторым Божественным Лицом Бога. Поэтому, учение И.П. Четверикова о личности находилось в соответствии с представлениями христианского теизма и православного священного Предания.

В то же время, чисто философски понятие «личность» рассматривается как свойство бытия, которое проявляет личные свойства субъекта посредством личного «Я». Ибо «все действия и проявления своей природы» личность «относит к себе, образуя таким образом «Я» проявлений природы» [Четвериков, 1903, 169]. У И.П. Четверикова под самосознанием «Я» понимался ноумenalный субстанциальный носитель личности как источник сознательной жизни субъекта. Им может быть личное Существо с абсолютными свойствами, как Бог, или с относительными и конечными свойствами, как чело-

век. В любом случае, состояние «Я» выражает свойства, присущие субъектному личностному существованию: самостоятельность в общении и актах, самобытность во внутреннем самоощущении, восприятие себя в рамках социальных проявлений, самооценка и раскрытие себя, потребность в межличностном общении между «Я» - «Ты».

Отсюда, неделимое единое личное Начало, как метафизическая форма бытия Бога, объединяющая в Себе и из Себя посредством самосознания «Я» духовные и сущностные свойства применительно к абсолютному Существу, имеется у И.П. Четверикова понятием «абсолютная Личность». Оно проявляется в бытии абсолютного Существа – Абсолюта как философского синонима Пресвятой Троицы, проявлениями которого выступают самосознание и духовность. Духовность является фундаментом морального закона, раскрытоого в бытии Бога и передаваемого человеку через образ Божий. Ибо в человеке «нравственный закон постулирует бытие абсолютного Существа, способного примирить нравственность и блаженство. Это требование нравственного закона недостижимо естественными силами человека» [Четвериков, 1903, 5], поэтому пример бытия нравственной абсолютной Личности жизненно требуется человеку. Нравственный миропорядок в силу целесообразности, предполагает ее как свою Первородину. Абсолютная Личность отражает личное бытие Бога и онтологическое единство трех Божественных Лиц или Личностей, каждая из которых в полноте обладает единосущной божественной Природой.

Личность как бытие абсолютных личностных свойств, предусматривает у И.П. Четверикова «возможность объективного значения понятия абсолютной Личности» [Четвериков, 1903, 13] и безусловную ответственность за свою деятельность. Условия существования абсолютной Личности означают наличие в бытии Бога Пресвятой Троицы самосознания, как осознания «Я», наличие абсолютных свойств свободы, возможности творческой деятельности, самопознания, единства, целостности, святыни и любви, как принципа существования. Понятие «абсолютная Личность» также рассматривается И.П. Четвериковым в контексте его статей «Критический индивидуализм в русской философии» [Четвериков, 1905, 9] и «Метод Фриза и его

новой школы», [Четвериков, 1908, 2-4], как включающее в себя безусловное самосознание. Личностный способ анализа и рассмотрения бытия отличается отношением к носителю личности как к субъекту живой целостности, осуществляющему функции нераздельного существа. Личность в учении И.П. Четверикова означает философское понятие истока волевых действий, метафизическое начало бытия личных не выводимых не из чего абсолютных свойств – мышления, самосознания «Я», стремления к святыни и любви. По учению И.П. Четверикова о личности она способна существовать лишь в «Я» - конкретности субъекта. Ибо личность всегда соотнесена ее существованию в конкретной природе. Применительно к Богу, как личному Существу, «высшее единство реальной и идеальной природы в Боге, единство сознания и воли, выражается в бесконечной любви. Любовь как основание творения мира, обращаясь к человеку, возбуждает в нем любовь к Богу и стремится к полному общению с Божеством» [Четвериков, 1903, 147]. Становление человеческой личности идет по примеру абсолютной Личности через процесс постепенного самопознания «Я», внутреннего раскрытия творческого и духовного потенциала через присущие Богу личностные свойства свободы, любви, открытости, творчества, самосознания, по аналогии, воспринятые человеком. Необходимость наличия в личности «сознания» вызвана потребностью объяснить тот факт, «что вещи не только существуют, но еще фиксируются и познаются» [Джеймс, 1913, 110]. «Конечные цели и ценность любви - в раскрытии богатства содержания, которое имплицитно находится в личности» [Четвериков, 1997, 2, 335].

В этом процессе внутренней жизни человека понятие абсолютной Личности совпадает с осознанием высшего идеала существования, или выражаясь терминологией И. Канта, регулятивной идеей разума. Таким образом очевидно, что личность есть форма бытия, отражающего раскрытие в человеке уникальных свойств. Диалектика онтологического соотношения личности, управляющей природой и проявляющейся в ее поведении систематически подчеркивается в учении И.П. Четверикова. Ибо личность, представляющая собой нравственную модель бытия живого субъекта, проявляющего личные свойства, с философской точки зрения всегда зак-

лючает в себе присущие ей предикаты субстанции, функции и процесса, существующие в ее составе и проявляющие себя одновременно.

Личное бытие в полноте раскрывается посредством субстанции самосознания «Я», задающей образ жизнедеятельности природы и объективно предполагая «в своей основе центральный пункт, объединяющее начало» [Четвериков, 1903, 155]. Субстанция обозначает начало-исток лежащее в основе бытия, проявляясь как носитель личных свойств, «Я» в абсолютной Личности Божественного Лица, и суммы божественных свойств свободы, творчества, уникальности, единства, целостности, святыни, самосознания. Абсолютная Личность есть функция таинственной связи Лиц между собой, и в то же время выражение в сотворенном мире личностного бытия Абсолюта. И одновременно абсолютная Личность есть таинственный, для понимания человека в своей полноте процесс внутренней жизни Лиц Бога. Основные религиозно-философские понятия умозрительной или метафизической психологии, которые анализируются в ходе исследования системы взглядов И.П. Четверикова нижеследующие:

- Умозрительная психология представляет собой попытки переосмыслить мир души человека с философских позиций, метафизически и без применения для этих рассуждений какой-либо экспериментальной, опытной базы,

- Душа человека понимается как бессмертная субстанция, нематериальная сущность, содержащая дух и обуславливающая духовно-телесную жизнь человека, включающая в себя его самосознание «Я» и способности ощущать, мыслить, чувствовать и желать,

- Психологическая концепция человеческой личности сводится к особым формам выражения индивидуальности и ее проявлениям, не показывая причину изменений природы, что требует дополнения в виде умозрительно - философского подхода,

Высшая цель личностного бытия в учении И.П. Четверикова о личности заключалась в том, что «жизнь должна состоять в непрерывном устремлении» к нравственному идеалу Христа и «все большем единении с остальными людьми через деятельную любовь и непрерывную помощь» [Четвериков, 1949, 1, 11]. Существует ряд переживаний, т.е. сложных элементов сознания в понимании И.П. Четверикова, обусловленных связью человека с физическим, социальным, культурным и духовным мирами. При этом состояние тела, как и окружающий его мир природы, общества, культурная среда и духовно-религиозное влияние вызывают переживания в сознании человека. Иными словами, И.П. Четвериков иногда именует в своих трудах личностью то, что в психологии его современниками именовалось термином «характер», допуская эклектичность термина. Переживания сознания, свидетельствуют именно об индивидуальном сочетании устойчивых психических особенностей человека, обуславливающих типичный способ поведения в определенных жизненных обстоятельствах. Без детального рассмотрения это может означать тип характера, а не личности. Поэтому, анализ показывает терминологическое смешение смыслов понятий «личность» и «характер» в текстах лекций по психологии у профессора Киевской Духовной Академии [Четвериков, 1911].

Переживания могут включать в себя эмоции, и ощущения, восприятия и память, побуждения и желания как часть темперамента, в то же время, влияя и на способности человека и даже отражая волю человека. Это некое синтезированное понятие, посредством которого единство и монолитность любой человеческой личности связывает все вышеуказанные ее элементы в единое действие в реальной психической жизни человека. При этом И.П. Четвериков представлял в гармонии переживаний сознания особую идеальную любовь между людьми в их полном единодушии. Именно такая любовь переходит в любовь к Богу как Абсолюту через духовную жизнь. Единство бытия есть «высшая степень любви друг к другу, где эта любовь слидается с любовью к Богу, в нас живущему» [Четвериков, 1949, 2, 9].

Литература

1. Извлечения из журналов Совета КДА за 1909 – 1910 гг. // Труды Киевской Духовной Академии. 1910. № 9. - С. 329-345.
2. Четвериков И. О Боге, как личном существе. – Киев: Типография Н.А. Гирит, 1903. – 347 с.
3. Четвериков И.П., Учение о личном Боге с точки зрения этической ценности. // Труды Киевской Духовной Академии. № 5. 1905. – С. 147-158.

4. Четвериков И.П., Критический индивидуализм в русской философии. // Труды Киевской Духовной Академии. № 9. 1905. - С. 120-132.
5. Четвериков И.П., Метод философии Фриза и его новой школы. // Труды Киевской академии. – № 2. 1908. - С. 224-236, № 3. 1908. – С. 422-462, № 4. 1908. – С. 553-565.
6. Четвериков И.П., Курс лекций по общей психологии (рукопись) профессора Ивана Пименовича Четверикова, записанных в 1910-1911 гг. в Киевской Духовной Академии его учениками. – Киев. 1911. - 304 с.
7. Четвериков И.П., Конспект лекций по психологии. // Отчет об общеобразовательных курсах Полтавского губернского земства. – Полта-ва: Бюро Полтавского Губернского земства, 1913.- С. 50-83.
8. Четвериков И.П., Церковь. // Вестник (Орган РСХД в Германии). Мюнхен, 1949. № 1. – С. 5-15.
9. Четвериков И.П., Церковь (окончание). // Вестник (Орган РСХД в Германии). Мюнхен, 1949. № 2. – С. 8-17.
10. Четвериков Иван, Из лекций по общей психологии. – Гаврюшин Н.К., (ред.) // Русская религиозная антропология: в 2 т. // т. 2. - М.: Московский духовный фонд, МДА, 1997. – С. 335-343.
11. Джеймс У. Существует ли сознание? // Новые идеи в философии. 1913. № 4. – 102-127.

Авторы

Абзалимов Рамиль Рафикович - кандидат физико-математических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет»

Акулич Евгений Михайлович - доктор социологических наук, доцент, кафедра социально-культурной деятельности, культурологии и социологии, Тюменский государственный институт культуры

Аринушкина Анна Александровна, доктор педагогических наук, главный научный сотрудник отдела образовательного права и контроля ФГБНУ ИЮР РАО

Бажутова Олеся Анатольевна - соискатель, ГАУ города Москвы «Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы»

Борченко Ирина Дмитриевна, кандидат культурологии, заведующий лабораторией мониторинговых исследований Учебно-методического центра профессиональной переподготовки, Государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования «Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования» (ГБУ ДПО ЧИПКРО), skaterova@list.ru

Васягина Татьяна Николаевна - канд. соц. наук, доцент, доцент кафедры истории, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), tatianavas1972@mail.ru

Гадиева Анета Николаевна - кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского отдела социальных исследований Института социально-политических исследований РАН, г. Владикавказ, izmir-alana@rambler.ru

Гизатуллин Артур Айратович - аспирант, Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет Министерства обороны Российской Федерации», gizatullin_90@inbox.ru

Гречева Ольга Евгеньевна - кандидат экономических наук, Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы, 968438@mail.ru

Данельченко Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, заведующий учебно-методическим центром профессиональной переподготовки, Государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования «Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования» (ГБУ ДПО ЧИПКРО), danechenko@yandex.ru

Дзуцев Хасан Владимирович - доктор социологических наук, профессор; Заведующий Северо-Осетинским отделом социальных исследований Института социально-политических исследований РАН; Заведующий кафедрой социологии и социальной ра-

боты процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, e-mail: khasan_dzutsev@mail.ru

Динисламова Светлана Силиверстовна - кандидат филологических наук, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, заведующая научно-исследовательским отделом обско-угорской литературы, dinislamovass@mail.ru

Дроздов Дмитрий Игоревич – аспирант, кафедра социологии организаций и менеджмента, МГУ им. М.В. Ломоносова, c4_vts@mail.ru

Дьяконова Елена Сергеевна - старший преподаватель кафедры английской филологии Института зарубежной филологии и регионоведения ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», es_dyakonova@mail.ru

Дядюн Светлана Даниловна - старший научный сотрудник БУХМАО-Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», emilnova@mail.ru

Елишев Сергей Олегович – кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, elishev@list.ru

Ернихова Ольга Даниловна – соискатель, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, oipiir@mail.ru

Жемерикин Алексей Борисович – соискатель, ГАУ города Москвы «Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы», zhemerikinab@mos.ru

Заморщикова Лена Иннокентьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии Института зарубежной филологии и регионоведения ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», lenazam@mail.ru

Зудаева Вероника Вячеславовна - старший преподаватель кафедры иностранных языков и культуры речи ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России», veronikaZ2007@mail.ru

Иванова Оксана Александровна - соискатель, Современная гуманитарная академия, news@muh.ru

Измайлова Екатерина Владимировна - аспирант, кафедра социальной работы и социальной антропологии, Новосибирский государственный технический университет, lkey@bk.ru

Казюлина Наталия Николаевна – аспирант, Государственный университет управления, inf@guu.ru

Каксина Евдокия Даниловна - старший научный сотрудник Белоярского филиала Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, tarymavi@rambler.ru

Комарова Светлана Анатольевна - аспирант Государственного автономного учреждения «Инсти-

тут дополнительного профессионального образования работников социальной сферы», person01@top-person.ru

Козлов Олег Александрович - доктор педагогических наук, профессор, «Институт управления образованием Российской академии образования»

Коузова Елена Александровна - первый заместитель Министра Министерства образования и науки Челябинской области, e.kouzova@minobr74.ru

Кравченко Альберт Иванович – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. kravchenkoai@mail.ru

Макарова Розалия Петровна - старший преподаватель, кафедра методики преподавания русского языка и литературы филологического факультета ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», makarovarp@mail.ru

Миронова Юлия Германовна - кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии, Астраханского государственного университета, lysjakova@mail.ru

Михайлов Игорь Анатольевич - кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН, ia.mikhaylov@gmail.com

Муратова Ирина Анатольевна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры медиалингвистики факультета журналистики, МГУ имени М.В. Ломоносова, imur@mail.ru

Николаева Екатерина Александровна - доктор культурологии, доцент, ГАОУ ВО Московский государственный педагогический университет, Институт педагогики и психологии образования, департамент методики обучения, k_katrina69@mail.ru

Осипова Наталья Викторовна - канд. соц. наук, доцент, доцент кафедры государственное управление и социальные технологии, Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет), Москва, Россия, nv_osipova@mail.ru

Офицерова Дарья Александровна - аспирантка социологического факультета МГУ им. Ломоносова, daria.ofitserova@gmail.com

Пейганович Станислав Сергеевич – аспирант, МГУ им. Ломоносова, Высшая школа современных социальных наук (факультет), stempted@gmail.com

Поскачина Елена Николаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Института зарубежной филологии и регионаведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, poskachina.26@mail.ru

Пригарина Наталья Константиновна - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкоznания, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», prigarina99@mail.ru

Путиловская Татьяна Сергеевна - кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, Государственный университет управления, tputil@yandex.ru

Сагитов Салават Талгатович - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Уфимский государственный авиационный технический университет, sagitov@bashkortostan.ru

Сакович Светлана Михайловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психолого-социальных технологий ГАОУ ВО МГПУ, nfo@mgpu.ru

Сат Надесса Дарымаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики языкового образования и логопедии Тувинского государственного университета, satnd@mail.ru

Сизинцев Павел Васильевич – аспирант, Московская Духовная Академия, sizinpush@yandex.ru.

Синяговская Мария Борисовна - ведущий научный сотрудник Фонда содействия развитию международных гуманитарных и экономических исследований

Сокол Лариса Николаевна – соискатель, заведующий учебно-методическим кабинетом военной кафедры при ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет», larisa.sokol.1969@mail.ru

Солодкова Марина Ивановна - первый проректор, Государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования «Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования» (ГБУ ДПО ЧИПКРО), solodkovami@rambler.ru

Старикова Евгения Анатольевна – аспирант, кафедра социальной работы и социальной антропологии, Новосибирский государственный технический университет, evgeniastarikova@bk.ru

Судоргин Олег Анатольевич - доктор политических наук, первый проректор Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ)

Сушки Валентина Афанасьевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. valentina.sushko@gmail.com

Тырнова Наталия Александровна - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Астраханского государственного университета

Харченко Николай Леонидович – преподаватель кафедры романо-германских языков, Московский государственный гуманитарно-экономический университет, m-rh@mail.ru

Хугаев Георгий Олегович - студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва. georgiikh@mail.ru

Шалыгина Наталья Валентиновна - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, etgender@mail.ru

